ТЕРСКІЙ

СБОРНИКЪ

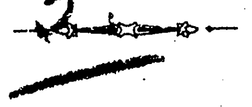
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТЕРСКОМУ КАЛЕНДАРЮ НА 1894 ГОДЪ.

Содержаніе.

Изданіе Терскаго областного статистическаго комитета
подъ радакціей секретаря комитета
Г. А. Вертепова.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. КНИГА ВТОРАЯ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1893.

ТЕРСКІЙ СБОРНИКЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТЕРСКОМУ КАЛЕНДАРЮ НА 1894 ГОДЪ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе Терскаго областного статистическаго комитета
подъ редакціей секретаря комитета
Г. А. Вертепова.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1893.

Печатано по постановленію Терскаго областного статистическаго комитета.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I—статистико-экономическій.

Отдѣлъ II—литературно-научный.

ОТДѢЛЪ I
СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ.

ЧЕЧЕНЦЫ.

Историко-географическій и статистико-экономическій очеркъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ двухъ предыдущихъ выпускахъ «Терскаго Сборника» помѣщены историко-статистическіе и статистико-экономическіе очерки терскаго казачьяго войска, осетинъ, ингушей и кабардинцевъ*), цыфровой матеріалъ о которыхъ сгруппированъ въ первыхъ пяти выпускахъ «Статистическихъ таблицъ населенныхъ мѣстъ Терской области». Шестой и седьмой выпуски этихъ таблицъ содержатъ въ себѣ данныя по Хасавъ-Юртовскому и Грозненскому округамъ, заселеннымъ въ большей своей части кумыками и чеченцами. Поэтому, слѣдуя принятому нами порядку, въ настоящее изданіе мы должны были включить описаніе обѣихъ этихъ народностей, или одной изъ нихъ. Въ виду численнаго перевѣса чеченцевъ надъ кумыками и большаго значенія ихъ среди туземцевъ Сѣвернаго Кавказа, мы начинаемъ съ первыхъ, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣній о чеченцахъ въ нашей литературѣ очень немного.

До самыхъ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія Чечня представляла постоянный очагъ возстаній, мятежей и центръ всѣхъ безпокойныхъ элементовъ Кавказа. Поэтому полныхъ и болѣе или менѣе всестороннихъ изслѣдованій ея, за малыми исключеніями, почти не предпринималось. Начавшіяся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ изученія Чечни чрезвычайно тормозились тѣмъ недовѣріемъ, съ которымъ относилось населеніе ко всѣмъ пришлымъ людямъ и особенно къ русскимъ— исконнымъ врагамъ своимъ. Рядъ новыхъ возстаній и волненій, закончившійся вооруженнымъ мятежомъ 1877 года и броженіемъ 1886 г., только поддерживалъ тѣ неблагопріятныя условія для какихъ либо науч-

*) Очерки эти изданы также отдѣльными книжками.

ныхъ изслѣдованій Чечни, которыя существовали раньше. Поэтому чеченцы, по сравненію съ другими туземцами Сѣвернаго Кавказа, наименѣе изучены, а территорія, занятая ими, очень мало изслѣдована. Кромѣ изданной въ 1859 г. книги «Чечня и Чеченцы», принадлежащей перу бывшаго правителя дѣлъ кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества А. П. Берже,—у насъ не было ни одного самостоятельнаго и всесторонняго изслѣдованія о чеченцахъ и мѣстностяхъ, занятыхъ ими. Но работа Берже, въ свое время очень интересная и важная, содержитъ преимущественно географическій матеріалъ и въ настоящее время устарѣла. Этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя въ ней, пополнились въ нѣкоторой мѣрѣ небольшимъ сборникомъ сказокъ и легендъ чеченцевъ Н. С. Семенова, отчасти статьей Лаудаева—«Чеченское Племя» и нѣкоторыми другими болѣе или менѣе мелкими работами, печатавшимися въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ и трудахъ. Что же касается антропологическихъ, историческихъ и даже археологическихъ изслѣдованій и розысканій, то они производились въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и въ печати свѣдѣній о нихъ или совсѣмъ не было, или они носили слишкомъ отрывочный характеръ, или же не отличались, какъ извѣстный трудъ Дубровина, ни научной точностью, ни достаточной достовѣрностью. Статья г. Россикова —«Поѣздка въ Чечню и Нагорный Дагестанъ» составлялась преимущественно съ орнитологической цѣлью и народную жизнь почти не затрогивала. Работы барона Услара имѣютъ своимъ предметомъ языкъ народа. Экономическихъ изслѣдованій о Чечнѣ совсѣмъ не было. Но вопросы землевладѣнія въ свое время привлекли вниманіе двухъ серьезныхъ изслѣдователей гг. П Гаврилова и Ф. А. Щербину. Статья перваго—«Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа» не доводитъ до конца исторію надѣленія чеченскихъ обществъ землею и нуждается въ пополненіяхъ Прекрасная работа г. Щербины представляетъ краткій сводъ обнародованныхъ данныхъ объ общинномъ бытѣ и землевладѣніи у кавказскихъ горцевъ, но касается чеченцевъ только между прочимъ и поневолѣ ограничивается скудными матеріалами, появившимися въ печати до половины восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ изученіе чеченцевъ едва только намѣчено, въ другихъ же оно еще совсѣмъ не начиналось. Поэтому неудивительно, что

чеченцы принадлежатъ къ числу народностей, извѣстныхъ только по имени, да по той энергіи, съ которой они отстаивали свою независимость. О національныхъ же особенностяхъ чеченцевъ, объ ихъ историческомъ прошломъ, объ экономическомъ бытѣ, религіозныхъ вѣрованіяхъ, многихъ этнографическихъ чертахъ и даже о территоріи, занятой ими, извѣстно въ общемъ довольно мало.

Въ виду такого состоянія свѣдѣній о чеченцахъ, мы вынуждены въ настоящемъ, по преимуществу статистико-экономическомъ очеркѣ остановиться съ большей подробностью на такихъ данныхъ, которыя, для нашихъ прямыхъ цѣлей, имѣютъ лишь второстепенное значеніе. При описаніи, напримѣръ, кабардинцевъ (черкесовъ), принадлежащихъ къ наиболѣе извѣстнымъ и изученнымъ народностямъ, въ такихъ данныхъ могло и не встрѣтиться надобности, такъ какъ недосказанное въ статьѣ или было всѣмъ извѣстно, или само собой подразумѣвалось. О чеченцахъ же большинство нашей образованной публики знаетъ очень немного, а потому говорить о нихъ приходится гораздо подробнѣе. Появленіе въ настоящемъ очеркѣ нѣкоторыхъ историко-географическихъ подробностей объясняется, кромѣ того, и значеніемъ чеченцевъ, не только какъ народности самой многочисленной изъ числа туземныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ, но какъ и такой, которая до послѣдняго времени дѣлала намъ много хлопотъ и стоила относительно огромныхъ средствъ и жертвъ. Съ настоящаго года Чечня получаетъ еще иное значеніе, такъ какъ новый рельсовый путь, соединивъ Владикавказъ съ Петровскомъ и, слѣдовательно внутреннюю Россію съ Закаспійскимъ краемъ, пересѣкъ на всемъ протяженіи и чеченскія земли. Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзная дорога оживитъ промышленную и сельскохозяйственную дѣятельность въ краѣ, подниметъ къ нему интересъ и создастъ новые поводы къ сношеніямъ. Плодоносныя земли чеченской равнины могутъ привлечь сюда и русскаго переселенца и частнаго предпринимателя. Въ виду этого остановиться подробнѣе на географическихъ и историческихъ данныхъ о Чечнѣ, надѣемся, не только полезно, но и необходимо.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ источникахъ, служившихъ для настоящей работы. Помимо печатныхъ трудовъ общаго для края характера, о которыхъ мы упоминали въ предыдущихъ статистико-экономическихъ очеркахъ о туземцахъ Сѣвернаго Кавказа, помимо VI и VII выпусковъ «Статистиче-

скихъ таблицъ населенныхъ мѣстъ Терской области», книги Берже, сочиненій гг. Дубровина, Лаудаева, Семенова, Россикова, Услара, Гаврилова и Щербины, мы пользовались также очеркомъ Г. Вертепова «Ингуши», «Хроникой чеченскаго возстанія 1877 г.» г. Стефановскаго, газетными статьями и замѣтками Г. А. Вертепова, М. С. Волошинова и Г. Ф. Малявкина, изъ которыхъ послѣдній, по порученію редакціи «Терскихъ Вѣдомостей», предпринималъ въ 1892 г. спеціальную поѣздку по Чечнѣ для ознакомленія съ общиннымъ землевладѣніемъ у чеченцевъ. Статьи и сообщенія нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, оффиціальныя данныя о землевладѣніи и, наконецъ, личныя наблюденія служили, по мѣрѣ надобности, для пополненія обнаружившихся пробѣловъ. Но тѣмъ не менѣе недостатокъ матеріаловъ былъ настолько замѣтенъ, что нѣкоторыя, особенно компилятивныя, части настоящаго труда оставляютъ желать, со стороны полноты и точности изложенія, еще очень многаго.

Евг. Максимовъ.

Апрѣль—ноябрь 1893 г.
С.-Петербургъ.

ГЛАВА I.

Краткія географическія свѣдѣнія о Чечнѣ.

Границы Чечни.—Краткія свѣдѣнія о Надтеречномъ черезполосномъ участкѣ.—Почва, рѣки, климатъ и минеральныя богатства плоскостной Чечни.—Орографическія и гидрографическія данныя о горной Чечнѣ.

Чеченцы—самая многочисленная народность Сѣвернаго Кавказа Территорія, занятая ими, захватываетъ значительную часть Сунженскаго отдѣла, почти треть Хасавъ-Юртовскаго округа и весь Грозненскій, составившійся изъ прежнихъ округовъ Веденскаго, Аргунскаго и части прежняго-же Грозненскаго. Въ Сунженскомъ отдѣлѣ поселились совершенно обособившіеся, но соплеменные чеченцамъ ингуши, не составляющіе предмета настоящаго очерка *). Однако и сами по себѣ чеченцы, безъ ингушей, многочисленнѣе всѣхъ своихъ туземныхъ сосѣдей и занимаютъ своими поселеніями довольно значительную площадь Въ прежнее время, до возстанія 1840 года, границы Чечни простирались гораздо дальше теперешнихъ и захватывали значительныя пространства праваго берега р. Терека и лѣваго р. Сунжи Послѣ возстанія жители этихъ мѣстностей переселились во внутрь Чечни. На Терекѣ осталось лишь три аула, къ которымъ однако впослѣдствіи присоединилось еще нѣсколько. Остальныя-же запустовавшія мѣста по Тереку и Сунжѣ заняли казаки. Въ настоящее время поселенія и земли чеченцевъ образуютъ два черезполосныхъ участка, изъ которыхъ небольшой—*Надтеречный*, отдѣляясь отъ остальной Чечни землями казачьихъ станицъ, граничитъ: *съ сѣвера* южной границей Пятигорскаго отдѣла по теченію р. Терека, начиная отъ земель аула Ногай Мирза-Юртъ и до восточной границы аула Брагуны, *съ востока*—Кизлярскимъ отдѣломъ и р Терекомъ до межи станицы Умаханъ-Юртовской, *съ юга*—землями того-же отдѣла до станицы Самашкинской и далѣе Надтеречнымъ хребтомъ по межѣ юртового надѣла станицы Магометъ-Юртовской, *съ запада-же*—Сунженскимъ отдѣломъ по межѣ земли аула Ногай-Мирза-Юртъ до р. Терека. Собственно Чечня граничитъ: *съ сѣвера*—Сунженскимъ отдѣломъ по р. Фортангѣ, а отъ сліянія ея съ Ассой—тѣми землями Кизлярскаго отдѣла, ко-

*) Объ ингушахъ см. историко-статистическій очеркъ Г. Вертепова въ 2-мъ выпускѣ «Терскаго Сборника».

торыя отрѣзалъ отъ Чечни черезполосный Надтеречный участокъ; онѣ тянутся первоначально по р. Ассѣ, затѣмъ р. Сунжѣ и межою юртовыхъ надѣловъ станицъ Ильинской и Умаханъ-Юртовской доходятъ до р. Терека; отсюда сѣверная граница Чечни простирается до межи селенія Азаматъ-Юртъ; *съ востока*—границей Хасавъ Юртовскаго округа до Герзель-Аула, а отсюда по линіи на аулъ Эндерей и слободу Чиръ-Юртъ, т. е. до административной границы Дагестанской области и вверхъ по р. Сулаку, отдѣляющей эту область отъ Терской; *съ юга*—Дагестанской областью, сначала по Салатавскому хребту до вершины Цонтатау, затѣмъ, по линіи черезъ вершины горъ Беной-Хортъ, Керкеты и Зайламъ до горы Диклосъ-Мта, а отсюда Тифлисской губерніей по Передовому хребту до вершины Тебулосъ-Мта (Докцахи) и далѣе на сѣверо-западъ до соединенія съ ингушеской территоріей Сунженскаго отдѣла у горы Куреламъ; *съ запада*—означеннымъ Сунженскимъ отдѣломъ по межамъ отдѣльныхъ селеній и, наконецъ, къ сѣверу отъ Соляныхъ колодцевъ по р. Фортангѣ до впаденія ея въ Ассу. Въ такихъ границахъ собственно Чечня, безъ ингушеской территоріи и безъ Надтеречнаго участка, имѣетъ до 140 верстъ длины по параллели и до 100 верстъ ширины по меридіану. Площадь же ея заключаетъ въ себѣ приблизительно до милліона десятинъ земли.

Въ топографическомъ отношеніи всѣ земли, занятыя чеченцами, могутъ быть раздѣлены на три части: 1) сѣверную—гористую, заключенную между р. Terекомъ, съ одной стороны, и казачьими землями по р. Сунжѣ—съ другой, 2) среднюю—плоскостную и предгорную и 3) южную или горную.

Сѣверная или гористая часть Чечни, называемая Надтеречнымъ черезполоснымъ участкомъ, нѣсколько расширена къ востоку и отдѣляется отъ южной горной части Кабардинскимъ хребтомъ и узкою полосою долины р. Сунжи, образующей здѣсь какъ бы верховье Чеченской равнины. По мѣрѣ того какъ расширяется послѣдняя къ сѣверо-востоку, по теченію той-же рѣки, гористая часть Чечни постепенно суживается. Въ значительной части своей она наполнена хребтомъ невысокихъ горъ, входящихъ въ предѣлы чеченской территоріи съ запада. Хребетъ этотъ, начинаясь у станицы Припшибской Сунженскаго отдѣла, тянется на нѣкоторомъ разстояніи отъ праваго берега р. Терека и извѣстенъ подъ названіемъ Терскаго или Надтеречнаго. Оканчива-

яся у лѣваго берега р. Сунжи, недалеко отъ впаденія ея въ Терекъ, онъ представляетъ собою какъ-бы отрѣзанную оконечность Качкалыковскаго хребта, подходящаго къ противоположному берегу Сунжи съ ю.-ю.-в. Лежащій южнѣе Терскаго хребта, параллельный ему, Кабардинскій хребетъ, равно какъ и раздѣляющая ихъ Алханъ-Чуртская долина, выходятъ уже за предѣлы чеченской территоріи и составляютъ земли казачьяго войска. Терскій хребетъ тоже принадлежитъ Чечнѣ только сѣвернымъ склономъ своимъ, довольно крутымъ и неудобнымъ для проѣзда, но все таки относительно больше пологимъ, чѣмъ южный склонъ. Наибольшая высота хребта не достигаетъ 2500 футовъ надъ уровнемъ моря. Во многихъ мѣстахъ и особенно въ восточной части своей онъ еще недавно сплошь покрывался значительными лѣсными порослями, но въ настоящее время почти вездѣ оголенъ. Благодаря этому, а также множеству овраговъ, крутыхъ спусковъ и склоновъ, Терскій хребетъ имѣетъ пустынный и угрюмый видъ. Неблагопріятное впечатлѣніе отъ него еще болѣе усиливается вслѣдствіе отсутствія прѣсной воды въ окрестностяхъ хребта. Только балка Калаусъ, имѣющая солончаковую почву, скопляетъ незначительное количество непріятной на вкусъ соленой воды. Почти всѣ остальные источники и ручьи этой мѣстности принадлежатъ къ числу минеральныхъ и имѣютъ лѣчебное значеніе. Изъ нихъ отмѣтимъ три болѣе извѣстныхъ: 1) рѣченку Мельчихи, несущую въ Терекъ воды нѣсколькихъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ, 2) горячій-же источникъ Шельчихи, самый горячій изъ извѣстныхъ на Кавказѣ (темпер. + 72, 5° R.) 3) Брагунскій минеральный источникъ. Родники Мельчихи, находятся уже за предѣлами нынѣшней чеченской территоріи и эксплуатируются съ лѣчебной цѣлью въ станицѣ Горячеисточненской. Брагунскіе-же источники до сихъ поръ служатъ только для того, чтобы вращать колеса маленькихъ горскихъ мельницъ. Знаменитые грозненскіе нефтяные источники, служившіе чеченцамъ еще въ отдаленныя времена, оказываются, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ и опытамъ, вполнѣ благонадежными какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи; но они отошли послѣ возстанія 1840 г. къ Терскому казачьему войску. Впрочемъ, нефтеносная площадь не ограничивается южнымъ склономъ Терскаго хребта и, повидимому, захватываетъ нѣкоторую часть Чеченскихъ земель. Кромѣ нефтяныхъ богатствъ, Терскій

хребетъ заключаетъ въ себѣ много довольно цѣннаго точильнаго камня, доброкачественнаго песчаника и другіе строительные матеріалы Подробнаго-же изслѣдованія горныхъ богатствъ этого хребта еще не производилось.

Узкая полоса земли, находящаяся между Терскимъ хребтомъ и правымъ берегомъ р. Терека, составляетъ сѣверо-восточную часть такъ называемой Надтеречной равнины. Чеченскій берегъ Терека относительно возвышенъ и крутъ. Рѣка входитъ въ эти мѣста своимъ среднимъ теченіемъ и имѣетъ въ ширину около 100 саж., при 6-ти футахъ глубины. Постоянныхъ бродовъ нѣтъ, мостовъ недостаточно, а паромы дѣйствуютъ плохо; поэтому сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ довольно затруднительно, особенно въ вѣтренную погоду. Нагорный берегъ Терека мѣшаетъ чеченцамъ воспользоваться водами его для орошенія, а такъ какъ другихъ водъ въ Надтеречной равнинѣ почти нѣтъ, то она представляетъ собой довольно пустынный видъ. Супесчаный черноземъ, составляющій почву равнины, очень плодороденъ и въ дождливые годы, случающіеся здѣсь приблизительно три раза въ десятилѣтіе, даетъ прекрасные урожаи. Но въ обыкновенные годы край страдаетъ отъ засухъ и производитъ очень мало хлѣба Жары бываютъ очень значительны и среди лѣта нерѣдко выгораютъ даже травы Поэтому вся равнина уже съ іюля мѣсяца носитъ характеръ безплодной голой степи. Судя же по продолжительности теплаго періода и по свойствамъ почвы, а главное по опыту лѣвобережныхъ казачьихъ станицъ, здѣсь съ успѣхомъ могли-бы произрастать виноградные сады, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время доказано, что сухія, неорошенныя мѣста вполнѣ пригодны для культуры винограда и даже гарантируютъ его въ нѣкоторой мѣрѣ отъ филоксеры.

Плоскостную Чечню составляетъ такъ называемая Чеченская равнина, протянувшаяся между Черными горами и р. Сунжей, отъ р. Фортанги къ Качкалыковскому хребту, на протяженіи 70-ти верстъ въ длину и 30-ти въ ширину. Недоходя нѣсколько верстъ до г. Грознаго—административнаго центра Чечни,—р. Сунжа принимаетъ въ себя Гойту, протекающую отъ своихъ истоковъ въ горахъ почти въ неизмѣнно сѣверномъ направленіи и служащую обыкновенно для раздѣленія Чечни на двѣ крупныя части. По принятому дѣленію, мѣстность по лѣвую сторону Гойты носитъ названіе Малой Чечни, а по правую—Большой. Вся

плоскость по качественному составу почвы занимаетъ первое мѣсто въ Терской области и, по общепринятому мнѣнію, на всемъ Кавказѣ уступаетъ плодородіемъ развѣ только Кахетіи да Кутаисской губерніи. Близко подходя къ лучшимъ черноземнымъ почвамъ средней Россіи, она имѣетъ передъ послѣдней огромное преимущество въ своей дѣвственности и непочатости. До послѣдняго времени въ Чечнѣ было очень мало пахотныхъ полей, такъ какъ громадная часть пригодныхъ для обработки пространствъ все еще покрыта мелкими лѣсными зарослями. До покоренія Чечни, плоскостная часть ея, какъ и горная, была покрыта огромными, нерѣдко непроходимыми лѣсами, значительную часть которыхъ пришлось истреблять во время военныхъ дѣйствій, а другую по окончаніи ихъ, для цѣлей замиренія края. Въ лѣсахъ Чечни преобладаетъ букъ, но нерѣдко встрѣчается грабъ, карагачъ, липа, кленъ, фруктовыя деревья, а иногда и дубъ. Лѣсныя заросли въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ кустарниковыхъ породъ, среди которыхъ въ изобиліи находятъ орѣшникъ, тернъ, боярышникъ, кизильникъ, шиповникъ и особенно, такъ называемый, чилизникъ. Какъ лѣса, сохранившіеся на плоскости, преимущественно между рр. Мичикомъ, Аргуномъ и Гойтой, такъ и заросли нерѣдко переполнены дикимъ виноградомъ, вьющимися и колючими растеніями, образующими густыя чащи, нелегко проходимыя даже на плоскости и совсѣмъ недоступныя въ горахъ.

Чеченская равнина богато орошена текучими водами многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Сунжу, служащую главнымъ основаніемъ водной системы плоскостной Чечни. Получая начало въ Пестромъ хребтѣ, Сунжа прорѣзываетъ горы, орошаетъ земли ингушей и казачьихъ станицъ Сунженскаго отдѣла и вступаетъ на чеченскую территорію близъ аула Заканъ-Юртъ. Принимая здѣсь же воды Ассы и Фортанги, Сунжа протекаетъ по Чечнѣ относительно значительной рѣкой, достигающей въ срединѣ 25 саженей ширины и, направляясь къ сѣверо-востоку, впадаетъ въ Терекъ за сел. Брагуны. Въ обыкновенное время Сунжа довольно мелководна, но во время дождей въ горахъ уровень ея водъ поднимается иногда на $1^1/_2$ и даже на 2 сажени; въ такое время она не имѣетъ бродовъ и почти недоступна для переправъ. Берега рѣки большей частью глинистые; правый берегъ еще недавно былъ почти сплошь покрытъ лѣсомъ, теперь же большею частью открытъ. Рѣка замерзаетъ почти каждый годъ

Съ лѣвой стороны Сунжа принимаетъ въ себя нѣсколько незначительныхъ ручьевъ, изъ числа которыхъ Нефтянка—самый большой. Съ правой же стороны въ нее впадаютъ очень много относительно-большихъ рѣкъ. Изъ нихъ Асса едва захватываетъ Чеченскую территорію, Фортанга же, впадающая въ Ассу, служитъ въ нижней части своей западной границей Чечни. Далѣе идутъ: знаменитый извѣстнымъ стихотвореніемъ Лермонтова Валерикъ, потомъ Геха, Мартанъ, Гойта, отдѣляющая Малую Чечню отъ Большой, Аргунъ, Басса или Джалка, Гудермесъ съ притоками Хулхулау и Мичикъ и др. рѣки. Самымъ значительнымъ притокомъ Сунжи, превосходящимъ даже ее, считается Аргунъ, называемый въ горахъ Чанти-Аргуномъ. Начинаясь отъ Главнаго хребта, онъ прорѣзываетъ горы и вытекаетъ на плоскость у Аргунскаго укрѣпленія. Каждый хребетъ, прорѣзанный Аргуномъ, замыкаетъ особую котловину, изъ которыхъ образуемая Передовымъ хребтомъ называется верхней, Скалистымъ—средней, Чернымъ—нижней и далѣе—приравнинной. Верхняя котловина принадлежитъ Тифлисской губерніи. Остальныя-же пересѣкаются рѣкой почти пополамъ и наполняются множествомъ потоковъ, принимаемыхъ Аргуномъ съ правой и съ лѣвой сторонъ. При выходѣ на плоскость Чанти-Аргунъ принимаетъ въ себя Шаро-Аргунъ, вытекающій изъ Передового хребта и, разбиваясь въ дальнѣйшемъ теченіи на множество притоковъ, впадаетъ, пройдя отъ истоковъ 114 верстъ, въ Сунжу нѣсколько западнѣе станицы Ильинской. Русло Аргуна съ многими островами, находящимися между притоками, нерѣдко достигаетъ полверсты въ ширину, но глубину имѣетъ въ большинствѣ случаевъ незначительную. Всѣ правые притоки Сунжи получаютъ въ главномъ теченіи своемъ с.-в направленіе и идутъ къ Сунжѣ почти параллельно. Лѣтомъ, во время таянія снѣговъ, Аргунъ, питающійся ими, переполняется водами, другія же рѣки, напротивъ того, мелѣютъ. Но такъ какъ теченіе ихъ очень быстрое, то всѣ онѣ отъ проливныхъ дождей въ горахъ сразу, иногда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, разливаютъ свои воды, дѣлаясь часто недоступными для переправъ, но затѣмъ также быстро входятъ въ берега и понижаются до прежняго уровня. Слѣдствіемъ такихъ разливовъ нерѣдко бываетъ засореніе русла иломъ, карчами и камнями и размывъ новаго русла, дающаго уже новое направленіе потоку. Кромѣ исчисленныхъ рѣкъ, Чечню бороздитъ множество небольшихъ

рѣченокъ, болотистыхъ ручьевъ и оросительныхъ канавъ, образующихъ вмѣстѣ обширную водную сѣть. Изъ канавъ, орошающихъ Чечню, еще Берже въ 1859 году отмѣчалъ слѣдующія: 1) канаву отъ Хулхулау выше бывш Сержанъ-хутора, соединяющуюся съ Джалкой у с. Герменчука, 2) такую-же канаву изъ Джалки у того-же Герменчука, вливающуюся въ нее-же у быв. Барзоя, 3) проведенную изъ Хулхулау выше бывшаго Эрсеноя до хутора Гуной, 4) проведенную изъ Хулхулау-же выше Автура въ Гудермесъ, 5) канаву изъ Хулхулау ниже Автура, 6) Шавданъ съ канавами изъ него въ Хулхулау и нѣкоторыя другія Но съ тѣхъ поръ дѣло орошенія подвинулось впередъ. Въ 1872 г. окончена сооруженіемъ огромная Ново-Атагинская канава. Она беретъ начало на правомъ берегу р. Аргуна, противъ Воздвиженскаго укрѣпленія, и на протяженіи 5—6 верстъ подымается на высшую точку Шалинской поляны, называемую Бокушу, взбираясь туда по двумъ значительнымъ уступамъ, состоящимъ изъ хряща и щебня. На высотѣ Боку-шу канава развѣтвляется на четыре рукава и орошаетъ поля четырехъ ауловъ: Шали, Новые Атаги, Белгатой и Герменчукъ; избытокъ же воды идетъ на землю Мискиръ-юртовскаго аула. Эти четыре рукава захватываютъ пространство болье 15 тыс. дес. земли. Тогда-же закончены были и нѣкоторыя второстепенныя канавы, напримѣръ, изъ р. Аргуна къ Старо Сунженскому аулу на протяженіи 10 верстъ, изъ той-же рѣки по землямъ г. Грознаго Старая Ханкальская канава изъ Аргуна, выше Белгатоя, улучшена и увеличена почти вдвое Аулы Чечень, Гойты и др. тоже проводятъ болѣе или менѣе значительныя канавы на свои поля. На плоскости у Качкалыковскаго хребта находится значительная Баклановская канава, но тѣмъ не менѣе Качкалыковская плоскость и теперь наиболѣе нуждается въ орошеніи

Изъ рѣкъ, непринадлежащихъ къ бассейну Сунжи и протекающихъ по Ичкеріи, необходимо отмѣтить Аксай, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акташъ. Всѣ онѣ главнымъ теченіемъ своимъ принадлежатъ уже Кумыкской плоскости и лишь незначительной частью своего верхняго теченія—Чечнѣ.

Благодаря, съ одной стороны, обилію текущихъ водъ и многимъ оросительнымъ канавамъ, а съ другой —лѣсамъ, задерживающимъ влагу, климатъ Чеченской равнины, въ общемъ, долженъ быть признанъ влажнымъ. Атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ до-

вольно много, но по сравненію съ Владикавказской равниной*), дожди идутъ здѣсь равномѣрнѣе, градобитія не такъ обильны и часты, а зима менѣе сурова и очень рѣдко продолжается болѣе трехъ мѣсяцевъ. Туманы бываютъ преимущественно въ ранніе весенніе и поздніе осенніе мѣсяцы. Но въ срединѣ лѣта жара бываетъ очень велика, а ночи нерѣдко прохладны, хотя, благодаря относительной удаленности отъ снѣговыхъ вершинъ, и не настолько, какъ въ Осетіи. Въ общемъ растительный періодъ на Чеченской равнинѣ довольно великъ, а потому здѣсь могутъ произрастать многія нѣжныя южныя растенія

Минеральныя богатства плоскостной Чечни до сихъ поръ очень мало изслѣдованы. Только въ самое послѣднее время, благодаря обилію и благонадежности грозненскихъ нофтяныхъ источниковъ, на минеральныя богатства края стали обращать болѣе серьезное вниманіе. Въ Чечнѣ открыто нѣсколько нефтяныхъ выходовъ, а именно: три на земляхъ аула Брагуны, три близъ селенія Исти-су и нѣсколько другихъ. Впрочемъ разсчитывать на особое богатство этихъ выходовъ едва-ли возможно, такъ какъ всѣ они отстоятъ отъ грозненскихъ источниковъ, составляющихъ центръ нефтеносной площади, на довольно значительномъ разстояніи. При этомъ необходимо добавить, что на чеченской территоріи нефть выступаетъ преимущественно изъ третичныхъ песчаниковъ, сланцеватыхъ глинъ и мергелей, покрытыхъ иногда наносными глинами и прослоенныхъ известковыми туфами. На Апшеронскомъ же полуостровѣ коренное мѣстонахожденіе нефти принадлежитъ исключительно алигоцену и главнымъ образомъ пескамъ и рыхлымъ песчаникамъ; въ такихъ же породахъ, какъ мергель, глины и глинистые песчаники, нефти немного, и проявленіе ея здѣсь зависитъ отъ близости нефтеносныхъ пластовъ и степени хрящеватости породъ **). Отсюда возможно заключить, что геологическое строеніе нефтяной площади, находящейся на чеченскихъ земляхъ, соотвѣтствуетъ лишь наиболѣе слабымъ нефтью частямъ Апшеронскаго полуострова и, по сравненію съ этимъ послѣднимъ, для значительнаго добыванія нефти едва-ли можетъ считаться благонадежнымъ

Весь югъ чеченской территоріи составляетъ такъ называе-

---

*) См. «Осетины» во 2-мъ выпускѣ «Терскаго Сборника».

**) Матеріалы для геологіи Кавказа, сер. 2. кн. III.

мую горную Чечню. Самая южная граница ея не доходитъ до Главнаго Кавказскаго хребта. Здѣсь Чечня, начиная отъ вершины Тебулосъ-Мта (или Докцахи) и до горы Диклосъ-Мта, замыкается исключительно Передовымъ хребтомъ, который въ этой мѣстности очень возвышенъ и изобилуетъ ледниками и высокими вершинами. Изъ послѣднихъ, кромѣ уже названныхъ, необходимо отмѣтить Хазенти, Качу и Кавтрисъ-Мта, каждая изъ которыхъ превышаетъ 14 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Ущелья р. Аргуна и притока ея Шаро-Аргуна, по общему характеру своему и дикой прелести природы, мало чѣмъ отличаются отъ военно-грузинскаго ущелья Терека и знаменитаго Дарьяла, уступая послѣднему развѣ только въ размѣрахъ и грандіозности скалъ На сѣверо-востокъ отъ Диклосъ-Мта тянется такъ называемый Андійскій хребетъ, служащій Сулако-Терскимъ водораздѣломъ. Обоими склонами своими онъ только однажды входитъ въ чеченскую территорію, а остальными частями наполняетъ Дагестанъ. Живописное горное озеро Эйзенъ-Амъ или Ретло, находящееся на высотѣ свыше 6 тыс фут. надъ уровнемъ моря, принадлежитъ Чечнѣ своей западной частью. Къ юго-западу отъ этого озера, въ мѣстности, гдѣ Андійскій хребетъ обоими своими склонами принадлежитъ чеченцамъ, широкая перемычка, извѣстная подъ названіемъ Кашкеръ-ламъ, соединяетъ Андійскій хребетъ съ Пестрыми горами Эти послѣднія замыкаютъ Аргунскія котловины, которыя раздѣляются отрогомъ Передового хребта, идущаго почти на 30 верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ вершины Хазенти. Здѣсь Пестрый хребетъ очень вытянутъ и съ южной стороны имѣетъ очень крутые склоны съ известковыми обнаженіями, содержащими массу органическихъ остатковъ изъ рода кораловъ. Пестрыя или Скалистыя горы состоятъ изъ дугообразныхъ рядовъ, имѣющихъ направленіе въ общемъ почти параллельное Передовому и Главному хребту. Онѣ входятъ въ Чечню съ запада у истоковъ р. Кей, удаляясь затѣмъ на юго-востокъ въ Дагестанъ. Нѣсколько сѣвернѣе къ Пестрому хребту примыкаютъ многими поперечными перемычками Черныя горы, которыя за Аргуномъ имѣютъ характеръ извилистыхъ кряжей и замыкаютъ котловины рѣкъ Гехи, Мартана, Нижне-Аргунскую и Нижне-Чанти-Аргунскую. Распространяясь сѣвернѣе, хребетъ этотъ заполняетъ и въ высшей степени пересѣкаетъ всю сѣверо-восточную часть горной Чечни по теченію рѣкъ Хулхулау, Ак-

сай, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акташъ. Средняя высота этой части Черныхъ горъ достигаетъ 4500 футовъ надъ уровнемъ моря.

Но кромѣ его, есть еще другой хребетъ Черныхъ горъ, расположенный еще сѣвернѣе и имѣющій среднюю высоту всего лишь около 2400 футовъ Протягиваясь въ восточной половинѣ своей между рр. Терекомъ и Сулакомъ, онъ служитъ южной границей Чеченской и Кумыкской равнинъ. Близъ лѣваго берега р. Аксая онъ отбрасываетъ такъ называемый Качкалыковскій хребетъ. Этотъ послѣдній тянется сначала съ юга на сѣверо-востокъ, затѣмъ подъ острымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ и доходитъ до станицы Умаханъ-Юртъ, невдалекѣ отъ впаденія Сунжи въ Терекъ. Такимъ образомъ, Качкалыковскій хребетъ ограничиваетъ съ востока Чеченскую равнину и отдѣляетъ ее отъ Кумыкской плоскости. Средней высотой своей и лѣснымъ характеромъ Качкалыковскій хребетъ не отличается отъ самаго сѣвернаго хребта Черныхъ горъ. Всѣ указанные главнѣйшіе хребты горной Чечни распространились отъ вершины Диклосъ-Мта къ сѣверу до равнины почти на 60 верстъ въ ширину, занявъ, такимъ образомъ, большую часть чеченской территоріи. Къ востоку и къ западу горные хребты нѣсколько суживаются. Четыре параллельныхъ хребта, наполняющихъ Чечню—Передовой, Пестрый, Черный 1-й и Черный 2-й (сѣверный)—связаны между собою множествомъ поперечныхъ перемычекъ, благодаря которымъ между каждыми изъ двухъ хребтовъ образуется рядъ котловинъ замкнутыхъ съ юга и съ сѣвера хребтами, а съ востока и запада горными перемычками. Понижаясь вмѣстѣ съ хребтами, котловины эти не лежатъ въ одной плоскости, а представляютъ рядъ понижающихся, по направленію къ плоскости, террасъ. Не смотря на отклоненіе параллельныхъ хребтовъ въ сторону отъ главнаго своего направленія съ запада къ востоку, на непараллельное положеніе перемычекъ, въ общемъ расположеніи котловинъ все-таки представляется возможность уловить нѣкоторый, разумѣется, относительный порядокъ расположенія ихъ.

Передовой хребетъ на югѣ Чечни чрезвычайно богатъ ледниками, находящимися, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ періодѣ наступленія. Эти ледники, какъ мы уже видѣли, питаютъ множество горныхъ рѣкъ, которыя, пробиваясь изъ котловины въ котловину, орошаютъ днища ущелій и затѣмъ, пройдя громаду горъ, вступаютъ на плоскость подъ указанными выше названія-

ми. Обиліе рѣкъ оживляетъ въ Передовомъ и Пестромъ хребтѣ только ущелья. Вообще же первый изъ этихъ хребтовъ пустыненъ, мраченъ и въ болѣе высокихъ частяхъ своихъ состоитъ попреимуществу изъ ледниковъ и скалистыхъ обнаженій На относительно низкихъ же склонахъ онъ, какъ и Пестрый хребетъ представляетъ смѣсь голыхъ скалъ, альпійскихъ пастбищъ, выпасовъ и отчасти лѣсовъ. Эти послѣдніе одѣваютъ Черныя горы съ ихъ отрогами и даже въ настоящее время, послѣ безпощаднаго истребленія ихъ, составляютъ главное богатство и украшеніе горной Чечни. Въ будущемъ, съ проведеніемъ удобныхъ горныхъ дорогъ, къ этому богатству возможно будетъ присоединить и минеральныя, но въ настоящемъ большинство ихъ, вслѣдствіе топографическихъ условій, почти недоступно для эксплуатаціи. Изъ этихъ горныхъ богатствъ отмѣтимъ слѣдующія:

1) Нефтяные выходы, наблюдающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на р. Аргунѣ и его притокахъ; таковые-же у м Ведено, аула Беноя и въ др. мѣстахъ; но по богатству эти источники едва-ли отличаются чѣмъ отъ лежащихъ на плоскости;

2) каменный уголь на р. Хулхулау у аула Ца-Ведень и кое гдѣ на лѣвомъ берегу р. Сулака на значительной высотѣ и у малопроѣзжихъ дорогъ; затѣмъ, въ верховьяхъ Басты-хи, притока Чанти-Аргуна, и въ верховьяхъ Шаро-Аргуна;

3) два соляныхъ источника у м. Ведено.

4) сѣрная руда и самородная сѣра на лѣвомъ берегу р. Сулака, близъ Шатоя и въ верховьяхъ Шаро-Аргуна;

5) желѣзная руда: въ 2-хъ верстахъ отъ Ведено, въ 10-ти верстахъ отъ него и на всемъ разстояніи отъ Ведено до Дарго; руда находится неравномѣрно разсѣянными въ толщахъ красной глины гнѣздами и стяженіями, нерѣдко разбросанными на самой поверхности или выходящими на нее въ видѣ огромныхъ «рудныхъ мѣшковъ», поражающихъ своимъ богатствомъ. Руда эта разрабатывалась еще при Шамилѣ и, вѣроятно, въ будущемъ получитъ крупное значеніе для края Серебро-свинцовыя и нѣкоторыя другія руды тоже встрѣчаются въ Чечнѣ, но онѣ или очень мало изслѣдованы, или залегаютъ въ незначительномъ количествѣ, а потому едва-ли могутъ составить какой либо источникъ доходовъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ климатическомъ отношеніи горная Чечня мало чѣмъ отличается отъ горной Осетіи Суровая и продолжительная зима,

туманная и дождливая весна и относительно короткое, нежаркое лѣто, постепенно переходящее въ прохладную тихую осень, являющуюся здѣсь лучшимъ временемъ года, составляютъ почти общую принадлежность горныхъ мѣстностей Сѣвернаго Кавказа. Климатическія условія и отсутствіе удобныхъ для земледѣлія земель не могли способствовать развитію хлѣбопашества, а потому, за исключеніемъ предгорій, преобладающимъ занятіемъ горныхъ чеченцевъ, съ давнихъ поръ, является скотоводство.

Такимъ образомъ, вся чеченская территорія носитъ или чисто горный, или предгорный характеръ Богатство почвы, минеральныя богатства, обильное орошеніе и мягкій климатъ дѣлаютъ этотъ край однимъ изъ наиболѣе привлекательныхъ уголковъ нашего отечества. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени хищническія привычки населенія въ значительной мѣрѣ препятствовали заселенію края и экономическому процвѣтанію его. Только въ послѣдніе годы замиреніе туземнаго населенія пошло довольно быстрыми шагами, а съ проведеніемъ желѣзной дороги оно должно еще болѣе усилиться. Петровская вѣтвь Владикавказской желѣзной дороги, прорѣзавъ Чечню въ самой широкой части ея, захватываетъ въ районъ своего вліянія самыя населенныя и богатыя мѣстности. Уже въ періодъ постройки своей она вызвала усиленіе экономической дѣятельности въ краѣ, а въ будущемъ обѣщаетъ значительныя выгоды и туземцамъ и пришлому населенію.

ГЛАВА II.

Историческія свѣдѣнія о Чечнѣ.

Мѣсто древнѣйшихъ поселеній и слѣды народовъ, обитавшихъ въ нынѣшней Чечнѣ.—Происхожденіе чеченцевъ и время появленія ихъ.—Переселеніе ихъ на плоскость и столкновеніе съ сосѣдями.—Попытка государственнаго устройства чеченцевъ.—Распространеніе магометанства и священная война съ русскими.—Мюридизмъ и Шамиль.—Правленіе Шамиля и покореніе Чечни русскими.

Мѣстомъ древнѣйшихъ поселеній въ нынѣшней Чечнѣ была, по всей вѣроятности, горная часть, какъ наиболѣе пригодная для защиты и обороны. Но какіе именно народы обитали здѣсь, установить это, при младенческомъ состояніи нашей археологіи, пока не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ остатки нѣкоторыхъ построекъ, сохранившіеся до сихъ поръ, указываютъ на относительно высокую культуру народовъ, воздвигнувшихъ

ихъ. Огромныя башни, достигающія 5 этажей, каменныя склепы и др. сооруженія, встрѣчающіяся здѣсь, сложены изъ тесаннаго камня на известковомъ цементѣ, имѣютъ правильно выведенные арки и карнизы, украшенные иногда разнообразными арабесками. Создать ихъ могли только народы несравненно болѣе культурные, чѣмъ чеченцы. По преданію послѣднихъ, строилъ ихъ неизвѣстный народъ «мида». Галгаевскіе же ингуши сохранили сказаніе, что башни были воздвигнуты «джелтами», т. е. греками, а склепы древнѣйшими обитателями края—«тиндами». Но кто эти «тинды»—опять остается загадкой, хотя въ Дагестанѣ подъ этимъ названіемъ сохранилось небольшое племя. Встрѣчаются на чеченской территоріи и слѣды скиѳовъ, могилы коихъ, повидимому, были обнаружены въ Бумутскомъ ущельѣ и на лѣвомъ берегу р. Аргуна. Затѣмъ въ Ичкеріи и др. мѣстахъ находятъ остатки древнѣйшей христіанской культуры, занесенной сюда, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, изъ Грузіи въ IV вѣкѣ при св. Нинѣ, просвѣтительницѣ кавказскихъ народовъ. Возможно также, что христіанство проникло сюда позже, въ VII—X вѣкѣ, во время процвѣтанія Хозарскаго царства, которое, какъ извѣстно, простиралось до нынѣшняго города Петровска на Каспійскомъ морѣ и представляло одинаковыя права разноплеменнымъ народамъ, входившимъ въ составъ его, въ исповѣдываніи трехъ религій—христіанской, магометанской и іудейской. Едва-ли также возможно сомнѣваться въ присутствіи на нынѣшней чеченской территоріи нѣкоторыхъ слѣдовъ арабовъ, перешедшихъ Кавказскій хребетъ въ 722 г., а въ XIII и XIV вѣкахъ ордъ Чингизъ-хана и Мамая. Народныя преданія сохранили нѣкоторыя сказанія объ опустошеніяхъ, произведенныхъ здѣсь Чингизъ-ханомъ, о построенныхъ имъ въ ущельяхъ башняхъ для стратегическихъ цѣлей и т. п. Этого страшнаго народнаго вождя смѣнилъ Мамай, который, тоже по народнымъ преданіямъ, покорилъ орды Чингизъ-хана, занялъ его башни и посадилъ въ нихъ своихъ бековъ, сдѣлавшихся потомъ ханами. Память объ одномъ изъ нихъ, Аксай-ханѣ, жившемъ въ теперешнемъ Герзель-аулѣ, до сихъ поръ сохранилась въ народѣ. Наконецъ, обращаютъ вниманіе на постоянно повторяющееся въ Чечнѣ слово *гунъ* въ цѣлой массѣ названій ауловъ, горъ, рѣкъ, урочищъ и т. п. Гуни, Гуной, Гуенъ, Гунибъ и др. названія побуждаютъ искать здѣсь какихъ-либо остатковъ нѣкогда страшныхъ гунновъ. Въ болѣе позднюю эпоху

въ краѣ имѣли значеніе крымцы или борганы, оставившіе послѣ себя, по преданію, память въ видѣ аула Брагуны.

Такимъ образомъ, нѣтъ возможности установить ту послѣдовательность, съ которой цѣлая масса племенъ и народовъ смѣняла другъ друга на территоріи теперешнихъ чеченцевъ. Несомнѣннымъ является только тотъ фактъ, по которому народовъ этихъ было очень много, и изъ числа ихъ нельзя также совсѣмъ исключать фиренговъ (европейцевъ) и славянъ, въ лицѣ выходцевъ изъ русской земли. «Гора языковъ», какъ звали арабы Кавказъ, уже по Страбону, населялась 70-ю обособленными народами а по указанію римскихъ географовъ, число нарѣчій на Кавказѣ достигало 300. При такой смѣнѣ народностей, оставлявшихъ послѣ себя реальные остатки въ видѣ построекъ, названій и т. п, невозможно допустить, чтобы чеченцы застали, во время своего появленія на нынѣшней территоріи ихъ, одинъ пустырь, никѣмъ незаселенный. Очень возможно, что населеніе было рѣдко, но почти несомнѣнно что оно существовало и пришлые чеченцы должны были считаться съ нимъ.

Теперь является вопросъ о томъ, кто были чеченцы, когда и откуда появились они въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа?,

На основаніи филологическихъ розысканій барона Услара, обнаружившаго сходство чеченскаго языка съ лезгинскимъ, чеченское племя причисляютъ къ восточно-горской группѣ средиземныхъ или собственно кавказскихъ народовъ. Полное отсутствіе антропологическихъ изслѣдованій среди чеченцевъ не позволяетъ опредѣлить чистоты типа ихъ. Но на основаніи народныхъ преданій и наружнаго вида отдѣльныхъ фамилій, необходимо допустить, что въ нихъ сказалось, и притомъ въ значительной степени, вліяніе крови грузинской, еврейской и, вѣроятно, френческой (т. е европейской), русской и др Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ, съ одной стороны, мѣста, съ которыхъ появились чеченцы на теперешней своей территоріи, а съ другой,- сліяніе ихъ съ остатками тѣхъ народностей, которыя застали они здѣсь.

Точныхъ историческихъ указаній о происхожденіи чеченцевъ нѣтъ. Существующія на этотъ предметъ народныя сказанія, во первыхъ, очень не точны, а во вторыхъ, довольно разнообразны, — что снова можетъ служить доказательствомъ потери чечен-

цами ихъ первоначальнаго типа и болѣе или менѣе значительнаго слiянiя съ другими народами.

По одному изъ народныхъ сказанiй, предки чеченцевъ вышли изъ Шама или Шеми (Сирiи) и поселились въ мѣстности Нахчи-Ванъ (нынѣ Нахичеванскiй уѣздъ Эриванской губ.), а оттуда, черезъ Абхазiю, проникли въ кабарду и, тѣснимые габорами (кабардинцами), заняли горную часть своей теперешней территорiи. Другое сказанiе, дополняя первое, называетъ предводителя выходцевъ, образовавшихъ дружину, сына шаминскаго хана Нахчуо, по прозванiю Турпола (богатыря), но не указываетъ пути, которымъ пробрался онъ къ кабардинцамъ и женился здѣсь. Наконецъ, по третьему сказанiю, нѣкiй шаминскiй выходецъ Али былъ въ Константинополѣ и, нечаянно совершивъ здѣсь преступленiе, бѣжалъ на Кавказъ. Здѣсь въ чеченскихъ горахъ онъ засталъ уже три одноплеменныя фамилiи—Галгай, Аки и Шатой и посредствомъ браковъ породнился съ ними Одинъ изъ сыновей его Нахчуо прiобрѣлъ большое влiянiе и далъ свое имя всему родственному народу.

Не касаясь другихъ сказанiй, производящихъ чеченцевъ отъ другихъ народностей, напримѣръ, отъ какихъ-то бацоевъ, необходимо отмѣтить, что три вышеприведенныя преданiя имѣютъ наибольшее распространенiе и наибольшую устойчивость. Заключая при этомъ въ себѣ много общихъ чертъ и основанiй въ реальныхъ остаткахъ прошлаго, сказанiя эти, повидимому, отличаются наибольшей близостью къ истинѣ. Начать съ того, что имя предка Нахчуо сохранилось до сихъ поръ. Чеченцы обозначаютъ свою народность словомъ *нахчи* или *нахчоо*; называть же ихъ чеченцами стали впослѣдствiи и названiе это до сихъ поръ не привилось среди народа. Затѣмъ, сказанiя упоминаютъ о близкомъ соприкосновенiи ихъ съ кабардинцами и другими народами, отмѣчая при этомъ относительную малочисленность пришельцевъ (дружина, или даже называя основателемъ Чечни не группу людей, а всего одного человѣка, породнившагося съ мѣстными обывателями края. Наконецъ, всѣ сказанiя мѣстомъ исхода называютъ Шами.

Но здѣсь является вопросъ о томъ, что такое Шами и откуда взято это названiе? Восточные писатели подъ Шами разумѣютъ Сирiю, Дамаскъ и даже Египетъ. Но строить отсюда предположенiе, что и чеченцы были выходцами изъ этихъ странъ,

было-бы рискованно. Берже находитъ такой выводъ несообразнымъ ни съ географическими, ни съ историческими соображеніями. Усларъ же и проф. В. С. Миллеръ доказали, что Сѣверный Кавказъ служилъ не путемъ передвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу, а мѣстомъ убѣжища, куда удалялись болѣе слабыя народности, проходившія въ Европу между Ураломъ и Каспіемъ. На этомъ основаніи возможно допустить, что Шами, о которомъ говорятъ чеченцы, какъ о мѣстѣ исхода своего, есть ни что иное, какъ шеами-ханство или шамхальство Тарковское заключавшее въ себѣ весь нынѣшній Дагестанъ и долго служившее главнымъ поприщемъ многимъ выходцамъ изъ Аравіи. Такое предположеніе находитъ отчасти подтвержденіе и въ народныхъ преданіяхъ. По одному изъ нихъ, сынъ какого-то шамхала Тарковскаго, женатаго на кабардинкѣ, былъ изгнанъ отцомъ, но затѣмъ, собравъ дружину изъ кабардинцевъ, пошелъ войной на отца и принудилъ его уступить себѣ во владѣніе нынѣшнюю чеченскую территорію. Предположеніе Берже относительно пункта исхода чеченцевъ нашло себѣ впослѣдствіи подтвержденіе и въ лингвистическихъ розысканіяхъ, по которымъ чеченскій языкъ близокъ къ языку дагестанскихъ лезгинъ.

Такимъ образомъ, о болѣе отдаленной исторіи чеченцевъ и ихъ теперешней территоріи вполнѣ достовѣрнаго ничего или почти ничего неизвѣстно. Съ относительной вѣроятностью можно сказать только слѣдующее: *Нынѣшняя чеченская территорія, особенно въ горной своей части, съ давнихъ временъ служила убѣжищемъ для очень многихъ народовъ кавказскаго и монгольскаго племенъ, которые оставляли здѣсь слѣды своего пребыванія и, вѣроятно, незначительную часть населенія. Затѣмъ, какіе-то выходцы изъ шамхальства Тарковскаго, принадлежавшіе къ восточно-горской группѣ кавказскихъ племенъ, завладѣли этимъ краемъ при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи кабардинцевъ и слились съ остатками народностей, осѣвшихъ здѣсь раньше Они принесли съ собой названіе Нахчуо, принадлежавшее, вѣроятно, ихъ предводителю или ихъ потомку и сдѣлавшееся общимъ для всего населенія.*

Только такія предположенія о происхожденіи чеченскаго народа и возможно допустить съ нѣкоторой осторожностью. Для болѣе же точныхъ заключеній по этому вопросу въ настоящее

время совсѣмъ нѣтъ данныхъ. Но пролить на него нѣкоторый свѣтъ могли-бы болѣе подробныя археологическія и антропологическія изслѣдованія.

Время появленія нахчуо на теперешней чеченской территоріи опредѣлить еще труднѣе, такъ какъ какихъ либо историческихъ указаній по этому поводу совсѣмъ нѣтъ. Первыя изслѣдованія о дагестанскихъ лезгинахъ относятся къ VIII вѣку, когда въ край проникло магометанство. Но допустить, что скоро послѣ этого времени дагестанскіе выходцы появились въ горной Чечнѣ, нѣтъ никакихъ основаній ни въ историческихъ фактахъ, ни въ преданіяхъ. Народныя сказанія, восходящія до временъ Чингизъ-хана и Мамая, ни единымъ словомъ не упоминаютъ о нахчуо, а потому поселеніе ихъ въ Чечнѣ, вѣроятно, должно было совершиться послѣ XIV вѣка. А такъ какъ первыя выселенія на плоскость относятся, какъ мы увидимъ ниже, вѣроятно, къ XVI вѣку и произошли, повидимому, отъ земельной тѣсноты, то возможно предположить, что приходъ нахчуо въ горы долженъ былъ по крайней мѣрѣ на столѣтіе предшествовать выселенію на плоскость Въ такомъ случаѣ, время прихода въ горы нахчуо можно отнести, разумѣется очень условно, приблизительно къ XV вѣку. Мѣстомъ первоначальнаго поселенія ихъ, по мнѣнію Берже, основанному на народныхъ преданіяхъ и раздѣляемому большинствомъ изслѣдователей, были урочища Нашихэ и Маэстэ, лежащія между верховьями р. Гехи и верхнимъ-же теченіемъ Чанти-Аргуна. Такимъ образомъ, колыбелью нахчуо считается Малая Чечня Отсюда они распространились на сосѣднія земли и, вѣроятно, въ теперешнюю Ичкерію (по-чеченски Нахчи-Мокхъ, т. е «мѣсто народа»), къ верховьямъ рѣкъ Хулхулау, Гудермесъ и Аксай. Время появленія ихъ въ предгорьи, ближе къ плоскости, тоже опредѣляютъ только приблизительно. Однимъ изъ самыхъ древнихъ поселеній въ Ичкеріи считаютъ аулъ Гуни, жители котораго платили дань гребенскимъ казакамъ Эти же послѣдніе появились по берегамъ Сунжи не раньше 1530 г., а вѣроятнѣе всего нѣсколько позже, именно въ 1582 г *). Такъ какъ при этомъ кумыкскія сказанія утверждаютъ, что сынъ основателя ичкеринскаго нахчуоевскаго общества Молкха, по имени Тина-

*) См. нашу монографію «Терское Казачье Войско» 1890 г. стр. 10 - 12.

винъ-Висъ, тоже платилъ дань крымскому хану Султанъ-Муду, жившему въ исходѣ XVI вѣка, то необходимо допустить, что первое поколѣніе выходцевъ изъ урочищъ Нашихэ и Маэстэ поселилось въ Ичкеріи приблизительно въ одно время съ появленіемъ гребенскихъ казаковъ, т. е. въ половинѣ XVI вѣка или нѣсколькими годами позже. Второе же поколѣніе, во главѣ съ Тинавинъ-Висомъ, жило въ самомъ исходѣ XVI вѣка

Горная мѣстность, занятая первыми нахчуо, не представляла удобствъ для многочисленнаго племени, а потому, по мѣрѣ увеличенія населенія, являлась надобность въ дальнѣйшихъ захватахъ свободныхъ или плохо охраняемыхъ земель. Поэтому у Молкха явились подражатели, благодаря которымъ, внизъ по теченіямъ сосѣднихъ горныхъ рѣкъ. скоро появились нахчуоевскія поселенія, образовавшія кромѣ ичкеринскаго, еще ауховское, собственно чеченское, кабардинское и многія другія общества Отъ прямыхъ потомковъ Нахчуо, по свѣдѣніямъ Головинскаго, образовалось 56 главныхъ фамилій или родовъ (тохумы), изъ которыхъ три, происшедшіе, по преданію, отъ сыновей Нахчуо—Турло, Мударъ и Этагай считаются наиболѣе знатными Берже насчитываетъ этихъ фамилій уже 66-ть. Всѣ они называютъ себя общимъ именемъ *нахчуо* или *нахчи*, отличая себя отъ горцевъ —*таули* Этими послѣдними оставались преимущественно прежніе обитатели горъ, къ которымъ собственно и пришли нахчуо и съ которыми въ значительной мѣрѣ слились и породнились. Не будучи вполнѣ обособленными или изолированными отъ пришельцевъ, прямые потомки древнѣйшихъ обитателей горъ образовали отдѣльныя общества. Преданіе указываетъ на три главныхъ рода этихъ аборигеновъ края - Галгай, Ахо или Ако и Шато, отъ которыхъ произошли уже другія фамиліи. Такъ отъ Галгая производятъ преимущественно ингушескія фамиліи, отъ Ахо—общества: ахой, пешхой, нашхой, цехой и др., отъ Шато—шатоевское, чиэнхой, ченты, хачерой, шаро, пихалой и пр. Переселеніе изъ горъ на плоскость по почину самого населенія началось, какъ мы видѣли, приблизительно въ половинѣ XVI вѣка продолжалось больше двухъ съ половиной столѣтій и закончилось выселеніемъ семи ингушескихъ обществъ, послѣдовавшимъ въ 1810 г.

Такимъ образомъ, пришельцы нахчуо, слившись съ аборигенами края, образовали съ ними одну народность, сдѣлавшуюся извѣстной въ Россіи и Европѣ подъ названіемъ чеченцевъ и жи-

вущую до нѣкоторой степени обособленными родовыми обществами. Такая относительная обособленность, при разницѣ въ происхожденіи по національностямъ, не помѣшала имъ принять общій адатъ (обычное право) и языкъ и составить одно племя, одинъ народъ.

Однимъ изъ самыхъ большихъ ауловъ этого народа считался въ старину Большой Чечень, названный такъ по вершинѣ Сюйри-Корта—Чачани, у подошвы которой расположился онъ. Выдвинувшись за такъ называемое Ханкальское ущелье на плоскость, недалеко отъ теперешняго г. Грознаго, Чачань или Чечень стоялъ, такъ сказать, въ первой линіи поселеній. Съ нимъ, какъ самымъ крупнымъ ауломъ, пришлось больше всего имѣть дѣла и русскимъ, а потому немудрено, что у нихъ слово Чечень и чеченецъ сдѣлалось общимъ названіемъ для всѣхъ соплеменныхъ аулу жителей другихъ поселеній. Таково наиболѣе вѣроятное происхожденіе слова «чеченцы».

По мѣрѣ выселенія чеченцевъ на плоскость, имъ приходилось сталкиваться прежде всего съ ногайцами, превосходившими ихъ и числомъ и подготовкой къ борьбѣ. Скоро ногайцевъ смѣнили калмыки. Къ этому времени чеченцы, вѣроятно, уже окрѣпли и представляли если не грозную силу, то такую, съ которой необходимо было считаться. Право на занятыя ими земли они отстаивали довольно успѣшно, о чемъ возможно догадываться и изъ народныхъ сказаній, по которымъ одинъ калмыцкій ханъ въ поземельномъ вопросѣ вступилъ съ чеченцами въ сдѣлку. Согласно преданію, онъ уступаетъ чеченцамъ земли по правому берегу Терека за жену какого-то чеченскаго героя. Такъ какъ ичкеринцы говорятъ при этомъ о женѣ своего турпола Тинавинъ-Виса, то удаленіе калмыковъ за Терекъ можно пріурочить къ концу XVI или началу XVII вѣка.

Но съ уходомъ калмыковъ жизнь чеченцевъ не сдѣлалась спокойнѣе. Ихъ начинаютъ все больше и больше тревожить какъ русскіе выходцы, такъ и другіе народы. Кабардинцы насѣдаютъ на Малую Чечню вплоть до Аргуна, а Большую Чечню разоряютъ шамхалы Тарковскіе совмѣстно съ кумыками. Наконецъ, съ разселеніемъ на плоскости, между отдѣльными чеченскими фамиліями возникаютъ поземельные споры и кровавыя столкновенія изъ-за нихъ. Изъ такого довольно тяжелаго положенія чеченцамъ предстояло во что-бы то не стало найти выходъ. Сре-

ди нихъ, какъ утверждаетъ преданіе, возникла мысль о необходимости относительно твердой власти. Попытки отдѣльныхъ фамилій захватить власть въ свои руки не удались и чеченцы обратились къ шамхалу съ просьбой дать имъ довѣренное лицо для разбирательства поземельныхъ и другихъ споровъ. Очень вѣроятно, что народное преданіе въ такой, болѣе почетной для себя, формѣ объясняетъ не совсѣмъ добровольное подчиненіе чеченцевъ шамхальскимъ намѣстникамъ или кумыкскимъ князьямъ, такъ какъ, съ одной стороны, покореніе разобщенныхъ и раздираемыхъ усобицами чеченскихъ родовъ относительно сильными и организованными государствами гораздо вѣроятнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ духу времени и народовъ, а съ другой, добровольное обращеніе своевольныхъ чеченцевъ къ власти враждебныхъ имъ правителей, исповѣдующихъ другую религію и привыкшихъ къ другимъ порядкамъ, вообще мало вѣроятно и едва-ли возможно. Но какъ бы тамъ ни было, вѣроятно, въ XVII вѣкѣ какой-то кумыкскій князь (по однимъ сказаніямъ, Султа-Мотта, а по другимъ, Али-Бекъ) водворился въ Чечнѣ, въ аулѣ Старый Аксай, въ качествѣ правителя Большой Чечни. Былъ ли онъ самостоятельнымъ властителемъ, или только представителемъ шамхала, объ этомъ судить трудно. Съ этого времени кумыки проникли ближе къ чеченскимъ землямъ и перешли даже на лѣвый берегъ рѣки Аксая. Въ исходѣ XVII вѣка чеченцы совмѣстно съ кумыками вели борьбу съ русскими и, какъ извѣстно, нанесли бригадиру Апраксину пораженіе около нынѣшняго укрѣпленія Воздвиженскаго. За это пораженіе чеченцы жестоко поплатились. Калмыцкій ханъ Аюкъ, по приглашенію Петра Великаго, вторгнулся въ земли кумыковъ и чеченцевъ и опустошилъ ихъ Долго ли продолжалось господство кумыкскихъ князей въ Чечнѣ — неизвѣстно; но, вѣроятно, оно было непродолжительно, такъ какъ вскорѣ въ качествѣ чеченскихъ правителей мы встрѣчаемъ князей Турловыхъ, призванныхъ, по народному сказанію, изъ Гумбета. Этимъ князьямъ приписываютъ честь объединенія чеченскихъ фамилій, успѣшную борьбу съ кабардинцами, владѣвшими Малой Чечней, съ кумыками и развитіе у чеченцевъ воинственности и рѣдкой храбрости. Однако Турловы тоже были изгнаны своевольнымъ народомъ и удалились въ надсунженскіе и теречные аулы. Во время правленія князей кумыкскихъ и Турловыхъ было положено начало нѣкоторой гражданственности че-

ченцевъ, были организованы общіе сборы воиновъ, сближеніе членовъ разныхъ родовъ, были установлены подати въ видѣ подымной сабы (мѣстной мѣры) хлѣба и т. п. Но съ паденіемъ княжеской власти, скоро исчезаютъ послѣдніе признаки государственнаго устройства и безурядица почти безпрерывно продолжается вплоть до первой половины текущаго столѣтія. Съ этого времени внѣшняя сторона чеченской исторіи сосредоточивается на борьбѣ съ русскимъ владычествомъ Кабардинцы, владѣвшіе Малой Чечней, такъ же какъ и кумыки, замѣтно слабѣли, уступая свое вліяніе русскимъ. Противодѣйствіе послѣднимъ на нѣкоторое время становится общимъ дѣломъ всего чеченскаго народа и опять на короткій срокъ объединяетъ его.

Русское вліяніе развилось не сразу, а постепенно. Въ 1770 г. генералъ де-Меденъ подчинилъ сунженскіе аулы чеченцевъ и отобралъ отъ нихъ аманатовъ (заложниковъ). Но развившееся вскорѣ затѣмъ религіозное движеніе въ Чечнѣ помѣшало быстрому водворенію здѣсь русской власти.

Во время разселенія чеченцевъ на плоскости большинство родовъ еще не знало магометанства. Какая религія господствовала здѣсь, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ христіанское ученіе, если и не преобладало, то было сильно распространено въ Чечнѣ. Занесенное сюда, вѣроятно, изъ Грузіи, оно до сихъ поръ сохраняетъ нѣкоторые слѣды какъ въ строительныхъ памятникахъ, такъ и въ языкѣ и обычаяхъ народа. Но, несомнѣнно, оно затронуло народъ поверхностно, поддерживалось несвѣдующими людьми и не удовлетворяло дикихъ инстинктовъ совсѣмъ некультурнаго племени. Поэтому было бы вѣрнѣе сказать, что Чечня исповѣдывала не христіанскую религію, а только часть христіанской обрядности. Собственно же религіозныя воззрѣнія состояли изъ невообразимой смѣси язычества, христіанства, магометанства и, вѣроятно, іудейства. Магометанство стало распространяться со времени тѣсныхъ сношеній чеченцевъ съ кумыками, т. е. приблизительно со второй половины XVII столѣтія. Къ началу прошлаго XVIII столѣтія магометанство получило должно быть преобладающее значеніе, но тѣмъ не менѣе еще во время покоренія де-Меденомъ сунженскихъ чеченцевъ встрѣчались цѣлые фамильные союзы, исповѣдывавшіе христіанскую обрядность. Утвержденію магометанства, какъ указываетъ преданіе, много способствовалъ нѣкій гуноевскій житель Береславъ, изъ фамиліи

Беретой. Однако привыкшіе къ религіозному индифферентизму чеченцы едва-ли особенно увлекались водворившимся у нихъ магометанствомъ суннитскаго толка (Шафіе). Религіозный фанатизмъ былъ возбужденъ у нихъ лишь въ 1785 г., когда чеченецъ, по имени Ушмара, прозванный за его ученость и святость жизни Шейхъ-Мансуромъ, сумѣлъ соединить національную борьбу съ религіозной. Съ этого времени начинается ожесточенная борьба съ русскими; чеченцы, отстаивая свою независимость, въ простотѣ сердечной вѣрили, что ведутъ *казаватъ*, т е священную войну Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія они то подчинялись русской власти, то возставали противъ нея и, жестоко наказанные, снова покорялись. Намъ нѣтъ надобности послѣдовательно слѣдить за возстаніями чеченцевъ въ прошломъ вѣкѣ, въ началѣ этого, за кровавыми дѣлами 1825, 30, 32 и др годовъ, такъ какъ все это не относится къ нашей прямой цѣли. Для послѣдней достаточно отмѣтить времена Шамиля и тѣ измѣненія въ народной жизни, которыя произошли подъ его вліяніемъ.

Религіозно-политическое ученіе, извѣстное подъ названіемъ *мюридизма*, проникло въ Чечню въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда знаменитый представитель этого ученія Казимулла насадилъ его среди горцевъ при содѣйствіи въ Чечнѣ мюрида Шихъ-Абдула съ десятью помощниками. Успѣхъ ученія ихъ, состоявшаго изъ приглашенія къ возстанію (да'ватъ), войны за вѣру (джигатъ) и пути къ Богу (тарикатъ), превзошелъ всѣ ожиданія. Несмотря на крупныя военныя неудачи въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, возстаніе вновь вспыхнуло въ 1840 г. Распространившійся слухъ о предстоящемъ обращеніи всѣхъ чеченцевъ въ податное сословіе и о введеніи у нихъ отбыванія военной службы были ближайшей причиной новой смуты. Чеченцы разыскали имама Шамиля, скитавшагося безъ всякихъ средствъ къ жизни послѣ взятія нашими войсками Ахульго, и предложили ему стать во главѣ вооруженнаго возстанія. Шамиль согласился только подъ нѣкоторыми условіями. Зная непостоянство чеченцевъ, онъ потребовалъ отъ нихъ не только присяги въ вѣрности и безусловномъ повиновеніи, но и значительное число аманатовъ. Все управленіе Шамиля представляетъ очень интересный въ культурномъ отношеніи рядъ попытокъ насадить нѣкоторую, разумѣется относительную, гражданственность въ дикой и необузданной Чечнѣ. Приблизивъ къ себѣ болѣе выдающихся людей, Ша-

миль приступилъ къ вербованію своихъ ближайшихъ сотрудниковъ—мюридовъ, которые, вступая въ этотъ магометанскій какъ бы монашескій орденъ, приносили на Коранѣ особую присягу въ повиновеніи имаму. Это была въ своемъ родѣ опричина, безпощадно истреблявшая опасныхъ для имама людей и съ каждымъ новымъ убійствомъ все болѣе отдалявшаяся отъ народа и тѣснѣй связывавшая себя съ Шамилемъ. Вся Чечня была раздѣлена сначала на три, а затѣмъ на 8 и даже болѣе наибствъ, во главѣ которыхъ были поставлены преданные Шамилю люди. Для исполнительной власти при каждомъ наибѣ состояло отъ 100 до 300 мюридовъ. Наибства въ свою очередь дѣлились на округа, начальники которыхъ назывались мазунами; при мазунахъ состояли муртазеки или всадники, число коихъ во всей Чечнѣ простиралось до 3000 человѣкъ. Для сбора и снаряженія муртазековъ были установлены особыя правила. Призываемые на службу муртазеки формировались по наибствамъ въ отряды отъ 100 до 500 человѣкъ, съ начальниками во главѣ и особыми значками. Въ войскѣ была установлена строгая дисциплина, съ суровыми наказаніями за проступки, съ наградами за отличія. Для рѣшенія административныхъ дѣлъ при Шамилѣ былъ учрежденъ диванъ-хане, т. е. особый совѣтъ, состоявшій изъ духовныхъ лицъ, преданныхъ мюридизму и имаму.

Шамилю, какъ всякому правителю, было неудобно пользоваться однимъ устнымъ обычаемъ, т. е. адатомъ. Поэтому, принявъ въ свои руки правленіе, Шамиль поспѣшилъ ввести судопроизводство по шаріату. При мазунахъ имъ были учреждены муллы, составлявшіе первую судебную инстанцію. Отъ нихъ дѣла поступали къ мазунамъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ къ наибамъ. Послѣдніе соединяли въ себѣ власть гражданскую и военную. Веденіе же дѣлъ лежало на кадіяхъ. Въ виду того, что шаріатъ значительно отличался отъ адата, имамъ нашелъ возможнымъ нѣсколько смягчить нѣкоторыя наказанія, полагающіяся по шаріату, замѣнивъ, напр., смертную казнь штрафомъ и тѣмъ приблизивъ законы къ требованіямъ адата. Но военные законы Шамиля были неумолимы. Чеченцамъ запрещались всякія, даже торговыя, сношенія не только съ русскими, но и со всѣми подчиненными имъ племенами Самое распространенное наказаніе изъ числа легкихъ заключалось въ нанесеніи палочныхъ ударовъ и въ помѣщеніи виновнаго въ яму. Оно примѣнялось за несвоевре-

менную явку на военную службу, за невинныя сношенія съ сосѣдними племенами, за легкія ослушанія старшихъ и т. п. За болѣе крупныя ослушанія военныхъ начальниковъ, за побѣгъ со службы, измѣну, шпіонство и т. п. преступленія полагалась смертная казнь Затѣмъ, такъ какъ за каждаго воина должно было поручиться десять однообщественниковъ, то измѣна его влекла за собою пени съ поручителей. Такими мѣрами Шамиль пытался связать все населеніе невидимой связью взаимной отвѣтственности и тѣмъ упрочить свое положеніе. Во всѣхъ этихъ попыткахъ нельзя не видѣть крупнаго и энергичнаго ума, сумѣвшаго, при самыхъ невыгодныхъ для себя политическихъ условіяхъ, въ теченіе 20 лѣтъ управлять однимъ изъ самыхъ своенравныхъ, буйныхъ и легковѣрныхъ народовъ въ мірѣ. Однако въ концѣ концовъ внутренняя смута, какъ и нужно было ожидать, начала подтачивать могущество геніальнаго имама. Чеченцы стали тяготиться его деспотизмомъ, все чаще и чаще мстить за наказанія и притѣсненія со стороны мюридовъ, начали издѣваться надъ хвастливыми обѣщаніями Шамиля идти противъ русскихъ, надъ увѣреніями его въ поддержкѣ турецкаго султана и т. д. Наконецъ, съ паденіемъ Веденя, зданіе, созданное усиліями одного человѣка, поколебалось во всѣхъ своихъ основаніяхъ. Чеченскіе аулы, одинъ за другимъ, стали приносить покорность русской власти. Десятки ауловъ добровольно, или по приказанію русскихъ, должны были выселяться изъ горъ на плоскость. Съ 1857 и по 1859 г. шло чуть не массовое переселеніе: въ Малой Чечнѣ выселилось 15 селеній почти съ 5900 дворовъ, въ Большой Чечнѣ 29 съ 8390 дворовъ, несчитая выселившихся сюда ауловъ ичкеринскаго округа. Старыя насиженныя разбойничьи гнѣзда были оставлены. Казалось, что народу остается только одинъ исходъ: предаться мирнымъ занятіямъ подъ защитой своего новаго отечества. Къ тому-же въ 1859 г война закончилась взятіемъ послѣдняго убѣжища Шамиля и плѣненіемъ его Но дикіе инстинкты народа, какъ оказывается, успокаиваются не такъ-то легко. Въ 1878 г., во время послѣдней русско-турецкой войны, Чечня опять заволновалась. Потребовался значительный военный отрядъ, чтобы усмирить буйные элементы. Въ 1886 г. въ Чечнѣ снова сѣялись смуты, а въ самое послѣднее время возрожденіе религіозно-политическаго ученія зикристовъ опять едва не надѣлало намъ хлопотъ. Такимъ образомъ, чеченцы

до сихъ поръ не могутъ считаться вполнѣ умиротворенными Со стороны русскихъ властей потребуются еще новыя, на этотъ разъ, мирныя усилія, чтобы развитіемъ народнаго просвѣщенія, да приливомъ въ край новыхъ производительныхъ работниковъ вызвать болѣе усиленную умственную и экономическую дѣятельность чеченскаго народа и развить въ немъ начала гражданственности и порядка.

ГЛАВА III.

Населеніе Чечни.

Численность чеченцевъ и плотность населенія.—Семейный, половой и рабочій составъ чеченцевъ.—Сословный составъ ихъ.— Естественный приростъ населенія.---Характеристика чеченцевъ.

Населеніе Грозненскаго округа достигло въ 1891 году 181546 душъ обоего пола. Собственно чеченцевъ въ числѣ ихъ къ началу 1890 г насчитывалось 169.435 душъ. Въ Хасавъ-Юртовскомъ же округѣ, изъ 59791 души обоего пола, чеченцевъ было зарегистровано 15282. Такимъ образомъ, общее число чеченцевъ къ 1890 г. простиралось до 184717 душъ. Съ прибавленіемъ же сюда тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ внѣ Чечни, но въ предѣлахъ Россіи, опредѣлить численность всѣхъ чеченцевъ возможно будетъ приблизительно въ 190 тыс. душъ обоего пола. При сужденіи о плотности населенія необходимо принять во вниманіе, что чеченцы Хасавъ-Юртовскаго округа, составляя менѣе 8,3% всѣхъ, поселены не вездѣ сплошной массой, а въ перемежку съ другими народностями и главнымъ образомъ, съ кумыками. Поэтому отношеніе численности чеченскаго населенія къ территоріи Хасавъ-Юртовскаго округа, съ одной стороны, не имѣетъ практическаго значенія, а съ другой, не поддается точному учету Эти соображенія заставляютъ насъ остановиться на плотности населенія только въ Грозненскомъ округѣ. Территорія этого послѣдняго исчисляется въ 7445 кв. верстъ; слѣдовательно, на одну квадратную версту приходится болѣе 24 жителей (около 24,4) и въ томъ числѣ до 22,76 чеченцевъ, составляющихъ собственно сельское населеніе. Такая плотность населенія оказывается выше средней по Европейской Россіи, гдѣ съ городскимъ населеніемъ она не достигаетъ 21 человѣка на одну квад. версту Собственно-же сельскаго населенія въ Россіи приходится на квадратную версту 18,3 душъ, тогда какъ на чеченской тер-

риторіи 22,76. Такимъ образомъ, Чечня заселена сравнительно съ Россіей не такъ мало, какъ можно было бы ожидать по господствующему у насъ взгляду на окраины. Точно также и по сравненію съ другими мѣстностями Терской области, Чечня оказывается населеннѣе: на казачьей территоріи на одну крадратную версту приходится 8,6 душъ, а на осетинской 17. Собственно горная часть Чечни, въ которой живетъ нѣсколько больше третьей части чеченцевъ, имѣетъ болѣе рѣдкое населеніе, плоскостная же, наоборотъ, болѣе густое. Такъ какъ средняя по Европейской Россіи населенность уѣзда не превышаетъ 177 тыс. душъ, то и въ этомъ отношеніи Грозненскій округъ стоитъ нѣсколько выше. Всѣхъ чеченскихъ населенныхъ мѣстъ насчитываютъ въ Грозненскомъ округѣ 386, а въ Хасавъ-Юртовскомъ 52, всего же 438. Изъ нихъ 132 имѣютъ не болѣе десяти дворовъ. На одно населенное мѣсто приходится 422 души обоего пола, тогда какъ въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи на каждое населенное мѣсто приходится 69 душъ, въ черноземной 322 и лишь въ юго-восточной 427. На основаніи этихъ данныхъ возможно было бы допустить, что чеченцы предпочитаютъ селиться крупными общинами, но въ дѣйствительности это едва-ли такъ. Мѣста древнѣйшихъ поселеній ихъ переполнены небольшими селеніями, отселками и хуторами. Крупныхъ ауловъ всегда было немного. Но съ тѣхъ поръ, какъ чеченцы вынуждены были покинуть горы и поселиться на плоскости, русскія власти предлагали имъ селиться только большими поселками, главнымъ образомъ для того, чтобы удобнѣе слѣдить за народной жизнью и предупреждать народныя волненія. Большинство наиболѣе крупныхъ селеній были образованы наканунѣ паденія Шамиля, въ 1857—1859 годахъ.

Все современное населеніе Чечни группируется въ 35006 домохозяйствахъ или дымахъ, изъ числа которыхъ въ Грозненскомъ округѣ насчитывается 31947 дымовъ, а въ Хасавъ-Юртовскомъ 3059. Такимъ образомъ, средній составъ семьи не превышаетъ 5,27. По сравненію съ численностью семействъ въ Россіи, опредѣленною земскими статистическими изслѣдованіями въ 5,96, чеченская семья нѣсколько меньше. Еще болѣе въ количественномъ отношеніи уступаетъ она осетинской, составъ которой опредѣленъ въ 7,8 душъ обоего пола. Сравнивая горскую чеченскую семью и плоскостную, большого различія не находимъ,

но все-таки въ горахъ составъ семьи превышаетъ 5,43 п. слѣдовательно, нѣсколько больше, чѣмъ на плоскости. Сообразно съ общимъ составомъ семьи въ Чечнѣ, отличается въ ней по сравненію съ среднерусской и половой составъ. Мужской полъ въ семьѣ составляетъ около 2,74, а женскій до 2,54. Въ общей же цыфрѣ населенія въ 184,717 душъ, насчитываютъ мужского пола 95883 и женскаго 88834. Слѣдовательно, на сто мужчинъ приходится 93,63 женщины, тогда какъ въ Россіи, по земскимъ переписямъ, на сто мужчинъ насчитывалось 101,6 женщинъ. Меньшее число женщинъ сравнительно съ мужчинами констатировано также у осетинъ, ингушей, кабардинцевъ, а равно и у татаръ Таврической губерніи Это явленіе, очевидно, свойственно всему магометанскому востоку.

Что касается рабочаго состава чеченскаго населенія, то во время статистическаго изслѣдованія Терской области таковой не регистрировался. Придерживаясь же нормъ академика Буняковскаго, по которымъ рабочій составъ мужского населенія въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ равняется 50,21%, а женскаго въ возрастѣ отъ 16 до 55 лѣтъ—49,8%, находимъ, что чеченскій народъ располагаетъ 48143 мужчинами-работниками и 44569 женщинами-работницами, а всего 92712 рабочими. На каждаго человѣка, находящагося въ рабочемъ возрастѣ, приходится почти по одному нерабочему члену семьи.

Населеніе Чечни, при всей разноплеменности своего происхожденія, совсѣмъ не имѣетъ, какъ мы уже видѣли, сословныхъ группъ. Свободолюбивый народъ никогда не мирился съ господствомъ и привилегіями отдѣльныхъ лицъ и фамилій. Попытки на такое господство въ его средѣ мы уже отмѣчали въ исторической части этой работы. Однако, всѣ онѣ оканчивались не въ пользу узурпаторовъ, причемъ даже люди, несомнѣнно принесшіе пользу населенію, равно какъ кумыкскіе и кабардинскіе князья, не могли подолгу удержать власть въ своихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе въ средѣ чеченцевъ есть фамиліи, которыя, преимущественно передъ другими, гордятся своимъ древнимъ происхожденіемъ отъ знаменитыхъ предковъ и, главнымъ образомъ, отъ сыновей Нахчуо. Если изъ такой фамиліи является выдающійся чѣмъ-либо членъ ея, то это еще больше возвышаетъ весь родъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не увеличиваетъ его правъ и преимуществъ. Въ этомъ отношеніи всѣ чеченцы одинаково

равны, одинаково свободны и независимы. «Мы всѣ уздени», говорятъ они, понимая подъ узденями, какъ и кабардинцы, людей вольныхъ и благороднаго происхожденія. Зато ко всѣмъ иноплеменникамъ, кумыкамъ, ногайцамъ и др.,—чеченцы относятся свысока и даже съ презрѣніемъ. Почти всѣ сосѣди чеченцевъ перебывали въ числѣ враговъ ихъ Поэтому къ нимъ выработалось совершенно особое отношеніе, свойственное всѣмъ воинственнымъ народамъ. Щадя врага и даруя ему жизнь, чеченецъ привыкъ считать себя властелиномъ его жизни, которую онъ не отнялъ на полѣ сраженія, но которую никто и ничто не помѣшаетъ ему отнять во всякое другое время. Такимъ образомъ, военноплѣнные дѣлались личными рабами чеченцевъ, пріобрѣвшихъ ихъ во время войнъ и хищническихъ набѣговъ Классъ этихъ рабовъ былъ очень немногочисленъ и съ теченіемъ времени сталъ подраздѣляться на два разряда—*лай и ясиръ*. Различіе между ними, заключающееся въ степени зависимости отъ господина и въ объемѣ правъ его надъ рабомъ, постепенно уменьшалось и во второй половинѣ текущаго столѣтія почти совсѣмъ изгладилось Въ виду этого, при освобожденіи зависимыхъ сословій на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Чечнѣ они были подведены подъ одинъ видъ «безобрядныхъ», т. е. совершенно безправныхъ, и въ числѣ 338 душъ обоего пола были освобождены русскимъ правительствомъ въ теченіе мѣсяца (съ половины апрѣля по 15 мая 1867 года). Учрежденный для этой цѣли чеченскій окружной народный судъ произвелъ освобожденіе на условіяхъ выкупа личной свободы, но безъ земельнаго надѣла. Съ тѣхъ поръ прекратились всѣ поводы для установленія сословнаго дѣленія въ Чечнѣ на исторической почвѣ. Сословные элементы возникаютъ на чеченской территоріи только съ полнымъ подчиненіемъ края русскому владычеству. Главнокомандующій Кавказской арміей генералъ-фельдмаршалъ кн. Барятинскій нашелъ возможнымъ въ шестидесятыхъ годахъ пожаловать нѣсколькимъ лицамъ, оказавшимъ служебныя или другія какія услуги русскому правительству, земельные участки на правахъ частной собственности. Такимъ образомъ, создался классъ людей, поставленныхъ въ земельномъ отношеніи въ привилегированное положеніе. Такъ какъ эти-же люди нерѣдко носятъ при этомъ военные чины, то привилегіи ихъ, въ глазахъ русскихъ людей, близко подходятъ къ сословнымъ. Но чеченскій народъ не признаетъ этихъ привилегій и попрежнему всѣхъ нахчи счи-

таетъ узденями. Число такихъ отличенныхъ русскимъ правительствомъ семей, впрочемъ, очень невелико. Всѣхъ же привилегированныхъ, вмѣстѣ съ кумыкскими и русскими дворянами, имѣющими осѣдлость на чеченской территоріи, едва насчитываютъ 126—150 семействъ съ 475—500 душъ обоего пола.

Численный составъ чеченскаго племени до полнаго покоренія его, т. е. до шестидесятыхъ годовъ, опредѣлялся довольно гадательно, а потому едва-ли можно давать особую вѣру цыфрамъ, приводимымъ различными авторами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ чеченское населеніе, если и не убывало въ своемъ численномъ составѣ, то во всякомъ случаѣ и не прибывало. Пятидесятые годы ознаменовались массою кровавыхъ стычекъ съ русскими, въ которыхъ чеченцы несли большой уронъ, а въ шестидесятыхъ шло массовое выселеніе ихъ въ Турцію. На запросъ нашего правительства, Порта изъявила желаніе принять въ свое подданство выходцевъ изъ Чечни и поселить ихъ вдали отъ нашихъ владѣній. Сначала переселеніе было мало организовано, но и оно привлекло разновременно до 19-ти тысячъ чеченцевъ; затѣмъ еще около 20 тысячъ душъ, составлявшихъ 5000 семействъ, субсидируемые русскимъ правительствомъ на путевыя издержки, покинули родину въ теченіе лѣта 1865 года. Часть ихъ осѣла у Діарбекира и Сиваса въ малой Азіи, но болѣе значительная часть, составлявшая и на родинѣ самую безпокойную и фанатическую массу населенія, до сихъ поръ не можетъ считаться осѣдлою. Бродяжничая по Турціи, эти чеченцы заходятъ и на свои старыя пепелища, гдѣ, разумѣется, встрѣчаютъ вполнѣ радушный пріемъ. До 70-хъ годовъ точной цыфры чеченскаго населенія не было извѣстно. Но

	мужск. пола	женск. пола	всего	
къ 1877 г. ихъ состояло .	75546	74288	149834	души, а
къ 1890 г.	95883	88834	184717	душъ.
Такимъ образомъ, приростъ за 13 лѣтъ равенъ . . .	20337 д.	14546 д.	34883	душамъ,

составляющимъ болѣе 23,2% прироста за все время и почти 1,8% въ годъ. Въ Европейской Россіи естественный приростъ населенія за двадцать лѣтъ (съ 1863 по 1888 гг.) исчислялся въ 1,6%. Слѣдовательно, въ Чечнѣ естественный приростъ населенія превышаетъ средній по Россіи на 0,2%. Это обстоятельство

объясняется, вѣроятно, тѣми благопріятными климатическими условіями, въ которыя поставлена Чечня.

Очень возможно, что относительно значительный естественный прирост чеченскаго населенія объясняется въ нѣкоторой мѣрѣ и отсутствіемъ тяжелаго изнурительнаго труда въ его средѣ. Чеченецъ, какъ уздень, не любитъ труда, избѣгаетъ его и нерѣдко относится къ нему съ презрѣніемъ. За работу онъ принимается только въ крайней необходимости, которая, благодаря богатой природѣ и очень скромнымъ потребностямъ, наступаетъ довольно рѣдко. Главную рабочую силу въ Чечнѣ составляетъ женщина, на обязанности которой лежатъ всѣ болѣе тяжелыя работы. На плоскости женщина отягощена гораздо больше, чѣмъ въ горахъ, такъ какъ мужское населеніе постоянно отвлекалось борьбой съ сосѣдями. Родители смотрятъ на дѣвушку, пока она живетъ у нихъ, какъ на рабочую силу, а затѣмъ какъ на товаръ, который желательно сбыть возможно выгоднѣе. Въ горахъ положеніе женщины лучше. Здѣсь женщины нерѣдко являлись посредницами въ фамильныхъ распряхъ и всегда пользовались среди враждующихъ неприкосновенностью. Но и въ горахъ онѣ составляютъ главную рабочую силу семей. Чеченецъ же всегда и вездѣ предпочитаетъ свободу отъ труда, или легкіе способы наживы. Поэтому воровство и хищничество пустили среди нихъ очень глубокіе корни и до сихъ поръ служатъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ развитію экономической производительности населенія.] Очень возможно, что удальство и ловкость, необходимыя для воровства и хищничества и развившіяся въ теченіе борьбы чеченскаго народа съ сосѣдями, играютъ не послѣднюю роль въ его инстинктахъ и склонностяхъ Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ числѣ побужденій къ воровству далеко не послѣднюю роль играетъ и корысть. Похищенное добро нерѣдко служитъ основаніемъ благосостоянія семьи и принимается ею, какъ нѣчто законное и должное. Предметами воровства никогда не можетъ служить что-либо, принадлежащее однофамильцу, а всегда собственность членовъ другой фамиліи, другого рода, или еще лучше, другого народа. Украсть у однофамильца—позоръ и преступленіе, случающееся какъ одиночное явленіе; украсть-же у инородца или разнофамильца—доблесть, молодечество, не вызывающія осужденія у самыхъ строгихъ носителей народной справедливости. Зорко слѣдя за всѣмъ,

что плохо охраняется, чеченецъ въ то-же время очень бдителенъ по отношенію къ своему добру. Припрятавъ кувшинъ съ серебряными деньгами, онъ даже близкимъ членамъ своей семьи не сообщаетъ о немъ и нерѣдко умираетъ, не открывъ мѣста, гдѣ спрятанъ цѣнный кладъ. Похитивъ же чужое имущество онъ передаетъ его любому члену своей фамиліи въ полной увѣренности, что тотъ не только не выдастъ его, но, напротивъ, употребитъ всѣ усилія для сокрытія преступленія. Въ виду этого взаимное укрывательство служитъ главнымъ тормазомъ къ раскрытію преступленій и успѣху борьбы съ воровствомъ и хищничествомъ.

Въ основѣ укрывательства лежитъ принципъ фамильнаго союза. «Фамилія или родовой союзъ» - говоритъ Н. С. Семеновъ, —«орденъ, въ которомъ каждый членъ, безъ клятвъ и договоровъ, въ силу исторически развившагося инстинкта, беззавѣтно служитъ интересамъ цѣлаго, не задумываясь жертвовать для нихъ, въ случаѣ надобности, всѣми личными интересами. Внѣ фамиліи чеченецъ чувствуетъ себя жалкимъ и безпомощнымъ; внутри ея онъ въ крѣпости, имѣющей сотни часовыхъ, тысячи ружей, многочисленный и единодушный гарнизонъ; сознаніе силы и крѣпости дѣлаетъ его самоувѣреннымъ, гордымъ, своевольнымъ, дерзкимъ, и нахальнымъ Это было прежде, существуетъ и теперь, несмотря на то, что въ настоящее время каждая фамилія разбита между сотнями ауловъ и десяткомъ обществъ. Аулъ въ глазахъ чеченца—случайная ассоціація, соединившаяся для цѣлей экономическихъ, въ которую онъ попалъ по волѣ судьбы и предковъ; общество—собраніе аульныхъ ассоціацій, имѣющее или имѣвшее прежде, кромѣ экономическихъ, пожалуй, и политическія цѣли, въ отношеніи сосѣднихъ народовъ; но общественный организмъ, съ которымъ чеченецъ долженъ сообразовать не только поступки свои, но и побужденія, это фамилія, родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Чтобы читатели могли вполнѣ понять значеніе такого семейнаго союза, достаточно сказать, что имъ однимъ объясняется все своеобразіе личныхъ свойствъ чеченца и что внѣ его необъяснимы такія крупныя явленія въ жизни чеченцевъ и вообще Кавказскихъ горцевъ, какъ обычаи кровомщенія, гостепріимства, похищенія невѣстъ и много другихъ. Всѣ эти обычаи естественно вытекли изъ основныхъ догматовъ семейнаго союза, которые могутъ быть формулированы такъ: всѣ члены одной фа-

миліи за каждаго и каждый за всѣхъ; свои всегда правы, чужіе всегда виноваты; противъ чужихъ ничто не преступно, а если поступокъ противъ чужихъ полезенъ и выгоденъ для фамиліи, то онъ всегда похваленъ; членъ своего рода, гдѣ-бы онъ ни находился и кто-бы онъ ни былъ по своимъ качествамъ, всегда братъ и всегда имѣетъ право на помощь и на жертвы. На практикѣ, въ жизни, приведенныя догмы когда-то проявлялись съ тою-же безпощадною рѣзкостью, съ какою они выражаются теоретически и, вѣроятно, они весьма долго господствовали надъ умомъ и волею чеченца, если успѣли залечь въ его душу, какъ прирожденныя идеи. Ни продолжительная борьба съ этими идеями такъ называемыхъ народныхъ обычаевъ, ни двадцатилѣтнее давленіе на нихъ установленныхъ нами новыхъ и чуждыхъ имъ порядковъ до сихъ поръ не поколебали ихъ существеннымъ образомъ; умалился только кругъ вліянія этихъ идей, измѣнилась форма внѣшняго проявленія ихъ, но сущность осталась та-же до сихъ поръ. И теперь убійство члена Бонойской, положимъ, фамиліи, случившееся на берегахъ Аргуна, заставляетъ Бонойца, живущаго на Ярыкъ-су (50—60 верстъ), хвататься за ружье и бѣжать или скакать къ мѣсту убійства, чтобы отомстить убійцѣ. Явившись поздно, когда дѣло уже окончено, онъ ограничивается появленіемъ въ домѣ потерпѣвшихъ и выраженіемъ имъ своего сожалѣнія; но если онъ попалъ на мѣсто происшествія во-время, то ни на минуту не задумается, какъ дикій звѣрь, броситься на убійцъ своего однофамильца, не справляясь о числѣ ихъ».

Постоянная борьба съ сосѣдними народами, погоня за хищничествомъ и малая склонность къ труду выработали въ чеченцахъ храбрость, жестокость, ловкость и находчивость. Вмѣстѣ съ этими чертами энергичной, дикой натуры чеченецъ соединилъ въ себѣ хитрость, лицемѣріе и коварство. Довѣриться чеченцу трудно, положиться на его обѣщанія и клятвы невозможно. Онъ всегда можетъ предать, всегда способенъ увлечься минутной вспышкой, призрачной выгодой или кажущейся добычей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чеченецъ гостепріименъ, почтителенъ къ старшимъ и очень умѣренъ въ своихъ привычкахъ и потребностяхъ. Онъ лихой наѣздникъ и воинъ, а при благопріятныхъ условіяхъ вырабатывается въ хорошаго и умѣлаго работника. Къ сожалѣнію, научиться работать чеченцу не у кого, а самъ онъ можетъ дойти до

этой науки только очень нескоро. Умъ у него острый и бойкій, быстро и легко воспринимающій, но совсѣмъ не дисциплинированный. Грамота и обученіе, при такихъ условіяхъ, являются почти единственными средствами, могущими дисциплинировать чеченца, пріучить его къ систематическому мышленію и къ устойчивости въ мысляхъ и дѣлахъ. Но для этого въ Чечнѣ сдѣлано еще очень мало, несмотря на необходимость, съ одной стороны, успокоить эту безпокойную народность, а съ другой, на воспріимчивость и несомнѣнную способность ея къ культурѣ До тѣхъ же поръ, пока просвѣщеніе не явится дѣйствительнымъ умиротворителемъ края, мы всегда можемъ ожидать въ немъ новыхъ осложненій и непріятностей Въ населеніи постоянно живетъ мысль о Турціи и о переселеніи въ чее. Остатки семей и фамилій, переселившихся туда, религіозное сродство и подстрекательство безпокойныхъ людей постоянно дѣлаютъ свое дѣло и, подготовляя броженіе на мѣстѣ одновременно усиливаютъ стремленіе къ переселенію въ Турцію, являющуюся для нихъ какой-то идеальной страной Разочарованіе переселившихся туда ранѣе нисколько не охлаждаетъ пыла у современниковъ, такъ какъ всѣ неудачи въ такихъ случаяхъ всегда объясняются несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Между тѣмъ дѣйствительность несомнѣнно подтверждаетъ, что всякое переселеніе въ Турцію влечетъ за собой и полное разореніе, и даже вымираніе. Тѣмъ не менѣе пока въ Чечнѣ появится свѣтъ образованія, переселеніе въ Турцію успѣетъ увлечь немало новыхъ жертвъ чеченскаго легкомыслія.

ГЛАВА IV.

Земледѣленіе и землевладѣніе.

Чеченское преданіе о первой заимкѣ земель на плоскости.—Положеніе поземельнаго вопроса въ Чечнѣ.—Проекты поземельнаго устройства чеченцевъ и обезпеченія ихъ землею: на правахъ собственности (изъ-подъ разработаннаго лѣса), на правахъ общественнаго владѣнія и, наконецъ, для лицъ, имѣющихъ заслуги передъ государствомъ.—Величина надѣловъ и тѣсноземелье въ Чечнѣ.—Нѣкоторыя черты общинно-родового быта.—Современные порядки общиннаго землевладѣнія въ Чечнѣ.—Орошеніе земли и общественныя работы.

До покоренія чеченцевъ русскими, единственнымъ правомъ на землю среди нахчуо считался захватъ, заимка, Сами чеченцы, разсказывая въ сохранившемся преданіи о заселеніи долинъ Ярыкъсу и Акташа, слѣдующимъ образомъ объясняютъ свои права на землю «Первыми переселенцами изъ горъ Аки-ламъ (изъ мѣст-

ности Нашихэ) были», говорятъ они. «части фамилій Парчхой (Пешкой) и Цечой (Цецой). Они не застали въ этихъ долинахъ ни одной человѣческой души; мало того, вся кумыкская плоскость, покрытая тогда сплошь дремучимъ лѣсомъ и камышами, была совершенно пустынна, если не считать наполнявшихъ ее дикихъ звѣрей; съ другой стороны, въ Андіи былъ только одинъ хуторъ, состоявшій изъ одного семейства. Кругомъ былъ просторъ и неначатая богатая земля: на югъ высились горы, вершины которыхъ покрыты были яркою сочною травою; ниже начинались лѣса и спускались по ущельямъ вплоть до плоскости и далѣе до Терека. Лѣса и горы были полны оленей, козъ, кабановъ и др. звѣрей. Все это не имѣло хозяина и принадлежало Богу. Переселенцы съ благоговѣніемъ приняли отъ Бога эти мѣста по праву перваго завладѣнія. Первымъ дѣломъ старики сѣли и, обдумавши все, постановили правила, которыя, какъ завѣтъ, перешли до нашего поколѣнія. Относительно владѣнія землей постановлено было такъ: пастбищныя горы, берега рѣкъ, выгоны объявлены были общими, недѣлимыми (іухкуру медтихкъ); всѣ мѣста, не покрытыя лѣсомъ (въ лѣсной полосѣ), раздѣлить на равныя части и разобрать для пахоты и покосовъ на одинъ годъ, а затѣмъ ежегодно дѣлить ихъ по жребію, по числу дымовъ; эти земли будутъ общественныя—дѣлимыя (купъ). Наконецъ, каждой семьѣ предоставлено было отмѣтить участокъ лѣса, по силамъ своимъ, и постепенно валить его, чтобы очистить мѣсто для пахоты и покосовъ. Эти участки, по праву перваго завладѣнія, поступили въ наслѣдственную собственность отмѣчавшихъ лѣсъ, подъ названіемъ «ляценъ-мохкъ».

Проходили годы, фамиліи Парчхой и Цечой размножались и увеличивали свои поля черезъ очистку лѣсовъ въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, а между тѣмъ слухъ объ этомъ доходилъ на родину и оттуда стали перекочевывать сначала однофамильцы ихъ, а потомъ и лица изъ другихъ фамилій; но все-таки почетъ и главное право оставались за первыми завладѣтелями, а именно за фамиліями Парчхой и Цечой. Но фамиліи эти до того умножились, что для болѣе удобнаго пользованія землями принуждены были раздѣлиться. Фамилія Парчхой осталась на томъже мѣстѣ и основала еще по сосѣдству аулъ, подъ названіемъ Парчхой-аулъ (нынѣ Акташъ-аухъ*), а фамилія Цечой удалилась

*) Первый-же аулъ назывался Ширши, нынѣ Юртъ-аухъ.

на рѣку Ярыкъ-су и основала аулъ подъ названіемъ Цечой-аулъ (нынѣ Кишень аухъ). Позже изъ этихъ трехъ ауловъ составился еще на р. Ярыкъ-су выселокъ Ачалыкъ (нынѣ Ярыксу-аухъ). Въ то время, какъ эти фамиліи размножались и разселялись по долинамъ Акташа и Ярыкъ-су, изъ родовыхъ гнѣздъ, именно изъ Нашихэ, вышла фамилія Беной и приняла горныя земли по обѣ стороны р. Аксая. въ верховьяхъ его, въ общую собственность, по тому же праву перваго завладѣнія; она основала одинъ аулъ Беной съ хуторами. Эти переселенцы поступили такъ: они общимъ трудомъ очистили нѣкоторое пространство земли изъ-подъ лѣса и обратили въ «купъ» и «іухкуру-медтихкъ», а затѣмъ, кому нужно было болѣе земли, тотъ пріобрѣталъ себѣ «ляценъ-мохкъ». Окрестные лѣса объявлены были общими и ихъ очищать могли только члены фамиліи Беной или приселившіеся къ ихъ аулу. Остальныя земли между рр Аксаемъ и Ярыкъ-су заняты были послѣдовательно пришлыми фамиліями Бильтой, Гендыргеной, Датхой, Зандакой и другими, менѣе значительными».

Такой именно порядокъ пользованія землей—говоритъ г. П., записавшій это преданіе въ 1869 г. *)—застало и русское владычество въ Чечнѣ. По его словамъ, «каждое общество распространяетъ свои права на извѣстное пространство лѣсовъ и горъ и, защищая свое право, опирается на правѣ перваго завладѣнія; такъ существуютъ: земли ауховскія, зандаковскія, беноевскія и т. п. Вообще же земли одного общества дѣлятся: 1) на общія —нераздѣльныя, къ которымъ относятся горныя пастбища, берега рѣкъ и выгоны; 2) общія—дѣлимыя, которыя составляютъ пахотныя и покосныя мѣста, издревле признаваемыя общественнымъ «купъ»; 3) собственныя, по праву перваго завладѣнія лицами, или пріобрѣтенныя покупкою и 4) собственныя, пріобрѣтенныя черезъ очистку лѣсовъ, принадлежавшихъ другимъ фамиліямъ (по отмѣткѣ) или общинамъ. Просторнѣе всѣхъ живутъ ауховцы, какъ первые пришельцы и завладѣтели, и между ними особенно большими угодьями пользуются фамиліи Парчхой и Цечой, которыя владѣютъ цѣлыми урочищами. Послѣ ауховцевъ просторнѣе всѣхъ расположены беноевцы; что же касается до остальныхъ: бильтоевцевъ или билитлинцевъ, зандаковцевъ, гендыргеновцевъ и пр., то они, особенно первые, тѣснятся до невѣроятности. Иначе

*) См. «Сборникъ свѣдѣн. о Терской области» вып. 1-й, стр. 268 и 269.

и не могло быть: пришедшіе послѣ другихъ, они могли пользоваться только остатками земли; все же лучшее имѣло уже другихъ владѣльцевъ. Первое завладѣніе считается здѣсь самымъ священнымъ правомъ и никто не осмѣлится оспаривать его; поэтому послѣ каждаго переполоха, возвращаясь изъ лѣсовъ на свои мѣста, жители сразу безъ малѣйшихъ недоразумѣній садятся по своимъ мѣстамъ, какъ будто и не трогались съ нихъ. Что же касается до земель 4-го разряда, то онѣ до сихъ поръ составляютъ источникъ нескончаемыхъ споровъ Какъ видно изъ предыдущаго, право перваго завладѣнія привело къ крайне неравномѣрному распредѣленію земли. Пришедшіе послѣ жалуются на недостатокъ земли и просятъ помочь ихъ горю, но при этомъ ни одинъ изъ нихъ не рѣшится просить прирѣзать ему изъ земель третьяго разряда, владѣльцы которыхъ, зная святость своего права, готовы сказать: «Возьми, если у тебя подымется рука».

Удовлетворить справедливымъ жалобамъ на недостатокъ земли, а также разобраться въ спорахъ было дѣйствительно нелегко. По общему сознанію населенія и властей, плоскостныхъ земель было мало, а между тѣмъ привычная для туземцевъ культура требовала значительныхъ пространствъ. Между тѣмъ еще въ 1860 г. было рѣшено такъ или иначе покончить съ земельнымъ вопросомъ въ Чечнѣ, распредѣливъ большинство земель между аулами на общинномъ правѣ и лишь незначительную часть ихъ выдѣливъ въ частную собственность. Нагорная же полоса, въ предупрежденіе занятія ея притоками хищническихъ партій, была объявлена въ казенномъ владѣніи. Въ видахъ надѣленія чеченцевъ достаточнымъ количествомъ земли, русское правительство охотно согласилось на единовременный уходъ 5 тыс. чеченскихъ семействъ въ Турцію и, какъ мы видѣли, даже снабдило ихъ средствами на путевыя издержки. Оставшіяся послѣ нихъ земли тоже должны были пойти въ надѣлъ аульнымъ обществамъ и хоть немного уменьшить земельную тѣсноту. Кромѣ того, для увеличенія площади земель, подлежащихъ надѣленію, русское правительство прибѣгло къ покупкѣ. На часть земель Качкалыковскаго наибства, въ количествѣ 13400 десятинъ, предъявляли притязанія кумыкскіе князья. Хотя, вообще говоря, притязанія эти были довольно сомнительнаго свойства, но тѣмъ не менѣе за кумыкскими князьями уже было признано право на землю, вслѣдствіе чего половина ея была оставлена въ ихъ владѣніи, а дру-

гая половина долженствовала поступить въ надѣлъ населенію. На этомъ основаніи и въ Качкалыковскомъ наибствѣ кумыкскіе князья имѣли право на 6700 дес. Но такъ какъ уступка ихъ князьямъ повлекла бы за собой даже переселеніе нѣкоторыхъ ауловъ, то Его Высочество Намѣстникъ Кавказскій распорядился въ 1867 г. пріобрѣсти означенныя 6700 дес. по вольной цѣнѣ, каковая и была установлена въ размѣрѣ 3 р. за десятину.

Вообще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, повидимому, рѣшено было возможно скорѣе и во что-бы то ни стало покончить съ земельнымъ вопросомъ, причинявшимъ намъ много хлопотъ и непріятностей. Ради военныхъ цѣлей и замиренія края, аулы переселялись съ мѣста на мѣсто, причемъ точныхъ границъ земельныхъ дачъ не указывалось. Новоселы заводили споры съ сосѣдями и нерѣдко снова были выселяемы на другія земли. Случалось и такъ, что земли прочно осѣвшихъ туземцевъ требовались, ради военныхъ и другихъ цѣлей, для казны или для казачьяго войска, и ихъ отбирали отъ прежнихъ хозяевъ. Масса фактовъ, показывавшихъ всю неустойчивость земельныхъ владѣній туземцевъ, несмотря на наши обѣщанія о сохраненіи за ними прежнихъ земель, убѣждала ихъ въ невозможности возстановить свои права на землю. Въ виду этого десятки ауловъ въ теченіе многихъ годовъ вели свое хозяйство съ такимъ расчетомъ, чтобы при добровольномъ или недобровольномъ переселеніи можно было покинуть насиженныя мѣста безъ особыхъ потерь и жертвъ. Серьезный трудъ, при такихъ условіяхъ, былъ почти невозможенъ, а потому туземцы волей-неволей должны были обращаться къ другимъ способамъ доставленія себѣ средствъ къ жизни—къ грабежамъ и разбоямъ. Эти послѣдніе въ свою очередь порождали безпорядки, новыя неурядицы и, разумѣется, далеко не способствовали упроченію нашего положенія на Сѣверномъ Кавказѣ.

Всѣ невыгоды нашего положенія въ краѣ, при полномъ неустройствѣ земельныхъ дѣлъ у тезёмцевъ, вполнѣ были сознаны только при Намѣстникѣ Кавказскомъ Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Однако и обвиненіе въ медленномъ теченіи поземельныхъ дѣлъ едва-ли справедливо, такъ какъ разобраться въ нихъ было очень нелегко. Русское правительство въ это время уже сознало такія ошибки свои, какъ передача въ вѣчное владѣніе князьямъ Бековичъ-Черкас-

скимъ 98 тыс дес. земли, и должно было дѣйствовать осмотрительно. Между тѣмъ домогательства отдѣльныхъ лицъ изъ туземцевъ и даже цѣлыхъ фамилій не прекратились; споры между аулами продолжались и народно-правовыя воззрѣнія объяснялись различными лицами различно; наконецъ, послѣдовательности въ рѣшеніи ранѣе возникавшихъ поземельныхъ вопросовъ не существовало Такимъ образомъ, дѣло опредѣленія правъ на владѣніе землями до такой степени осложнилось и запуталось, что покончить съ нимъ сдѣлалось возможнымъ только при значительномъ усиліи и твердой рѣшимости высшихъ властей въ краѣ

На чеченской территоріи дѣло поземельнаго устройства началось съ Надтеречнаго наибства (участка). Здѣсь была повторена прежняя ошибка, и около 20 тыс. десятинъ земли, изъ общей площади наибства въ 122400 дес., были розданы въ частную собственность туземнымъ (кабардинскимъ) князьямъ Алхасовымъ, Эльдаровымъ, Таймазовымъ, Турловымъ, Бековичъ-Черкасскимъ и другимъ Аульныя земли Надтеречнаго участка распредѣлялись крайне неравномѣрно: въ восточной части, имѣвшей всего до 2-хъ верстъ въ ширину, населеніе было относительно густое, здѣсь же попреимуществу сосредоточивалось и частное землевладѣніе; въ западной же части, при ширинѣ ея въ 14—16 верстъ, жителей насчитывалось меньше, а земель съ значительнымъ избыткомъ. Въ виду этого въ 1863 году составленъ былъ проектъ размежеванія земель Надтеречнаго наибства, по которому жители села Брагуны, какъ имѣвшіе самую лучшую по качеству почвы землю, получали по 18 дес. на дымъ, а въ остальныхъ аулахъ, среднимъ числомъ, по 33 дес на дворъ Кромѣ того проектомъ предположено было измѣненіе границъ нѣкоторыхъ частновладѣльческихъ помѣстій и образованіе въ каждой аульной дачѣ небольшихъ запасныхъ участковъ для лицъ, вновь переселяющихся въ Надтеречное наибство. Проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ въ 1864 г и тогда же приведенъ въ исполненіе. При этомъ всѣ 13 ауловъ Надтеречнаго участка, въ количествѣ 2331 дыма, получили полный земельный надѣлъ, а для 1012 дымовъ, на случай переселенія ихъ сюда изъ другихъ мѣстъ Чечни, таковой-же надѣлъ былъ оставленъ въ видѣ запасныхъ дачъ

Особый временный отдѣлъ Терской поземельной комиссіи, учрежденной въ Чеченскомъ округѣ, послѣ пріобрѣтенія 6700

десятинъ у кумыкскихъ князей Качкалыковскаго приставства, былъ поставленъ въ затрудненіе разрѣшеніемъ слѣдующихъ «двухъ вопросовъ: 1) возможно-ли включить въ число земель, подлежащихъ въ надѣлъ ауламъ, земли Чеченскаго округа на правомъ берегу р. Сунжи, предоставленныя, частными распоряженіями начальствующихъ лицъ, въ пользованіе сосѣдняго казачьяго населенія, а также и земли, отведенныя близъ укр. Воздвиженскаго войскамъ для покосовъ?—и 2) можно-ли, при проектированіи аульныхъ надѣловъ, брать въ расчетъ часть земель нагорной полосы Чеченскаго округа?» Составленный для разрѣшенія этихъ вопросовъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. М. Т. Лорисъ-Меликова, высказался въ 1868 г. по первому вопросу отрицательно, находя, что отобраніе земель отъ казаковъ или отъ казны «не соотвѣтствуетъ политическимъ видамъ правительства». Что же касается земель нагорной полосы, то комитетъ, признавая недостаточность плоскостныхъ земель, нашелъ возможнымъ включить въ надѣлъ аульныхъ обществъ ту часть нагорной полосы, на которой расчистка лѣса уже закончена. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ Лорисъ-Меликова возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы чеченцамъ, въ видахъ увеличенія ихъ земельныхъ владѣній, было предоставлено право производить въ нагорной полосѣ расчистку тала (полянъ). Его Высочество Намѣстникъ Кавказскій, утверждая постановленіе комитета, изволилъ разрѣшить также и расчистку лѣсныхъ полянъ, но съ тѣмъ, «чтобы во избѣжаніе вреда, который можетъ быть нанесенъ отъ произвольной и нерасчетливой порубки лѣса, были заблаговременно опредѣлены и указаны жителямъ тѣ районы, въ которыхъ предоставляется каждому производить расчистку участковъ». Подобное-же распоряженіе было сдѣлано еще кн. Барятинскимъ въ 1860 г. относительно горцевъ Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ. Имъ было разрѣшено, по ихъ ходатайству, расчищать изъ-подъ лѣса поляны и пользоваться ими на правахъ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія. Распоряженіе это, подтвержденное Его Высочествомъ Великимъ Княземъ, было Высочайше утверждено 23 іюля 1868 года. Такимъ образомъ, на правахъ заимки и расчистки лѣсовъ былъ подтвержденъ въ Чечнѣ институтъ частной собственности. Воспользовавшіеся такимъ правомъ чеченцы обязаны были подчиняться извѣстнымъ правиламъ, а именно: производить расчистки не отдѣльными разбросанными участками, а сплошными группа-

ми ихъ и притомъ преимущественно близъ подлежащихъ открытію новыхъ путей сообщенія; селиться же на вновь расчищенныхъ участкахъ было воспрещено

Дальнѣйшая дѣятельность чеченскаго отдѣла поземельной комиссіи должна была состоять въ окончаніи обмежеванія частновладѣльческихъ земель, въ опредѣленіи границъ Чеченскаго округа съ Ичкерииским и Аргунскимъ и хозяйственномъ описаніи земель, находящихся въ пользованіи чеченскихъ аульныхъ обществъ. Въ теченіе зимы съ 1868 на 1869 г отдѣлъ долженъ былъ составить «подробный проектъ новаго уравнительнаго распредѣленія земель между аулами, соображаясь съ качествами почвы и численностью населенія ауловъ, а также имѣя при этомъ въ виду, чтобы весною или лѣтомъ 1869 г. было уже возможно приступить къ полевымъ работамъ, по указанію ауламъ новыхъ границъ аульныхъ дачъ».

Но составленіе такого проекта опять затянулось, вслѣдствіе пограничныхъ споровъ съ терскими казаками. Однако 30 августа 1870 г. былъ Высочайше утвержденъ журналъ кавказскаго комитета отъ 25 августа, коимъ—1) карта и вѣдомость распредѣленія земель въ Чеченскомъ округѣ Терской области была утверждена съ тѣмъ однако, чтобы въ потребныхъ случаяхъ допускались незначительныя измѣненія при проложеніи въ натурѣ границъ аульныхъ дачъ; 2) порядокъ пользованія лѣсами и оросительными канавами долженъ быть утвержденъ Его Императорскимъ Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ; 3) предоставленное чеченцамъ въ 1860 г. право производить пастьбу скота на отошедшей въ казенное владѣніе нагорной полосѣ, въ западной части Чеченскаго округа, оставить попрежнему, предоставивъ Его Высочеству выработать для сего особыя правила; 4) оставить въ силѣ распоряженіе того-же 1860 г. о воспрещеніи чеченцамъ селиться въ той-же нагорной полосѣ, но, въ видахъ поощренія земледѣлія, дозволить имъ производить тамъ расчистки лѣсныхъ земель, оставляя расчищенныя пространства «въ потомственномъ владѣніи» лицъ, завладѣвшихъ ими и приведшихъ ихъ въ состояніе годное для земледѣлія. При составленіи же проекта о надѣленіи землей чеченскихъ ауловъ, вся земля, по качеству почвы, была раздѣлена на три полосы: горную, среднюю и сѣверную, въ составъ которой вошло безводное пространство по сѣверную сторону Качкалыковскаго хребта. Средняя

полоса была принята за нормальную, причемъ аульный надѣлъ былъ расчитанъ такъ, чтобы на каждый дымъ пришлось 13 десятинъ удобной земли, $1^1/_4$ дес. неудобной и $2^1/_2$ дес. строевого лѣса, а всего по $16^3/_4$ дес. на дымъ. Впрочемъ, отъ такого распредѣленія пришлось сдѣлать отступленіе и назначить одинадцати ауламъ въ надѣлъ отъ 15 до 16 десятинъ на дымъ, десяти—отъ $16^1/_6$ до $16^2/_3$ дес., а аулу Амиръ-Аджи-юртъ по $25\ ^2/_3$ дес и Азаматъ-Юрту по $26^3/_4$. Остальные аулы получили нормальный надѣлъ въ $16^3/_4$ дес Затѣмъ, при размежеваніи по этому проекту въ 1871 г. около 700 десятинъ земли, находящейся въ Большой Чечнѣ, были перечислены во владѣніе качкалыковскимъ ауламъ.

Произведенный на этихъ основаніяхъ раздѣлъ чеченскихъ земель между аулами вызвалъ цѣлую массу споровъ и недоразумѣній. Многіе изъ переселенцевъ, ушедшихъ въ 1865 году въ Турцію, возвратились опять на родину и, примкнувъ къ существующимъ ауламъ, тоже нуждались въ устройствѣ ихъ земельнаго положенія Поэтому во многихъ сельскихъ обществахъ оказался значительный недочетъ земли сообразно съ установленными нормами. Во всѣхъ обществахъ никакой расцѣнки земельныхъ угодій не производилось, но въ нѣкоторыхъ, при опредѣленіи размѣра надѣла, были приняты въ расчетъ относительныя качества плоскостной земли, а потому предгорные аулы, получивши плоскостной земли только въ половинномъ размѣрѣ и часть горной, считали себя обиженными. Въ виду этого межевое управленіе Терской области вынуждено было въ 1873 г. ходатайствовать о производствѣ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, измѣненій въ распредѣленіи надѣловъ по проекту 1871 г. Въ 1874 г этимъ управленіемъ былъ представленъ «проектъ измѣненія границъ и пространства аульныхъ дачъ Большой Чечни и бывшаго Качкалыковскаго наибства», согласно которому и были произведены работы въ натурѣ, закончившіяся въ 1876 г. Самое распредѣленіе земель, т. е. производство пограничной съемки и отводъ надѣловъ всѣмъ аульнымъ обществамъ, было выполнено межевымъ управленіемъ. Но утвержденіе этого новаго распредѣленія до сихъ поръ не послѣдовало, сначала вслѣдствіе возстанія чеченцевъ въ 1877 г., а затѣмъ вслѣдствіе перемѣнъ въ управленіи, повлекшихъ за собой переходъ горцевъ Терской области въ вѣдѣніе военнаго министерства. Такимъ образомъ, хотя чеченскія аульныя общества не утверждены въ правахъ владѣнія землей,

но тѣмъ не менѣе въ фактическое пользованіе ихъ съ 1876 г. предоставленъ слѣдующій надѣлъ:

для ауловъ Урусъ-Мартанъ, Бачинъ-Юртъ и Элисханъ-Юртъ	отъ 13,96 до 19,87 дес. на наличный дымъ;
для ауловъ Автуры, Гехи, Курчалой, Цацанъ-юртъ, Сеаджанъ юртъ, Гельдыгенъ, Устаръ-Гардой и Геленъ-Гойты	отъ 15,25 до 15,16 дес;
для ауловъ Ачхой, Шали съ Серженьюртомъ, Чечень, Алды, Алханъ юртъ, Большія Атаги, Катыръ юртъ, Бердыкель, Энгель-юртъ, Аллерой, Валерикъ, Цонторой и Малыя Атаги	отъ 16,06 до 16,95 дес.;
для ауловъ Ишхой, Кады-юртъ и Мискиръ-юртъ	отъ 17,02 до 17,66 дес.;
для ауловъ Герменчукъ, Ной Берды, Гудермесъ, Иствсу, Ойсунгуръ, Шамаюртъ и Кошкельды . . .	отъ 18,02 до 18,98 дес;
для ауловъ Белгатой, Дуба-юртъ, Маіортупъ съ Джугатой и Хадисъ-юртъ	отъ 19,03 до 19,93 дес.;
для аула Хулары по .	20,2 десят.,
для Герзель-аула по	2,393 дес.,
для аула Амиръ-Аджи-юртъ по .	26,68 дес.,
для аула Азаматъ-юртъ	27,83 дес.,
и для аула Мереджой-Беремъ по .	50,05 десят. на наличный дымъ.

Исчисленные по такому расчету надѣлы помножались на количество наличныхъ въ 1873 году дымовъ и нарѣзывались въ общественное пользованіе ауловъ Внутренняя же ситуація аульныхъ дачъ, для составленія точныхъ межевыхъ плановъ, еще не производилась.

Поземельные вопросы въ горныхъ мѣстностяхъ Чечни еще до сихъ поръ остаются открытыми. Мѣстныя и центральныя правительственныя учрежденія еще не располагаютъ данными о существующихъ, на основаніи адата, порядкахъ пользованія землей въ горахъ, а потому до сихъ поръ не представляется возможнымъ рѣшить вопросъ, насколько серьезно поземельное дѣло въ горахъ и нуждается ли населеніе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи

его. Въ виду этого ближайшей задачей нашей по поземельному дѣлу въ горныхъ мѣстностяхъ является, во первыхъ, собираніе свѣдѣній «о количествѣ и качествѣ земель, принадлежащихъ каждому аулу, съ подраздѣленіемъ, какія земли составляютъ частную и какія общественную аульную собственность», во вторыхъ, въ собираніи-же свѣдѣній о существующемъ въ каждомъ аульномъ обществѣ порядкѣ землевладѣнія и пользованія землей, въ третьихъ, «въ разборѣ правъ поземельнаго владѣнія тѣхъ аульныхъ обществъ, которыя, стѣсняя своихъ сосѣдей, занимаютъ земли даже въ излишнемъ количествѣ противу дѣйствительной потребности, и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ составленіи соображеній о томъ, не представляется ли необходимымъ измѣнить существующій у нѣкоторыхъ аульныхъ обществъ порядокъ землевладѣнія, какъ несоотвѣтствующій условіямъ экономическаго быта жителей аула, или же несправедливо ограничивающій права нѣкоторыхъ членовъ аульнаго общества и жителей сосѣдняго аула»*). Эти работы должны составить ближайшую задачу нашу, такъ какъ стѣсненіе горцевъ землей и неравномѣрность въ распредѣленіи ея составляютъ въ настоящее время общую жалобу горскаго населенія. Пока же она будетъ выполнена, до тѣхъ поръ порядокъ землевладѣнія въ горахъ долженъ остаться безъ измѣненія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что всѣ попытки наши произвести частное упорядоченіе землевладѣнія въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ показываетъ опытъ, всегда только запутывали дѣло. Поэтому до изученія его и общаго принципіальнаго рѣшенія, отъ единичныхъ измѣненій необходимо воздержаться.

На положеніе поземельнаго дѣла въ Чечнѣ оказали большое вліяніе «временныя правила о вырубкѣ общественныхъ лѣсовъ», выработанныя во исполненіе Высочайше утвержденнаго журнальнаго постановленія Кавказскаго комитета отъ 25 августа 1870 г., и затѣмъ—подчиненіе чеченскихъ лѣсовъ надзору Терскаго областного правленія. По закону 14 іюня 1888 года, въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, одновременно съ свободными казенными землями, перешли также и тѣ земельныя пространства Терской области, которыя, не будучи еще укрѣплены за туземнымъ населеніемъ, находились въ законномъ пользованіи послѣдняго. Это обстоятельство вызвало въ Чечнѣ оживлен-

*) См. «Сборн. свѣдѣн. о Кавказскихъ горцахъ», вып. II, стр. 63.

ные толки и опасенія, что земли, находившіяся въ ихъ пользованіи до послѣдняго времени, будутъ отобраны въ казну. Хотя статсъ-секретарь Островскій, въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, и выразилъ увѣренность въ неосновательности такихъ толковъ, но они не прекратились и до сихъ поръ, а главное, не прекратились тѣ земельныя стѣсненія, которыя произошли въ Чечнѣ вслѣдъ за примѣненіемъ закона 14 іюня 1888 года Эти стѣсненія еще болѣе усилились вслѣдствіе состоявшагося въ началѣ 1890 г. отобранія отъ мѣстныхъ жителей лѣсныхъ полянъ, находившихся прежде въ ихъ пользованіи. Въ виду этого, со стороны мѣстнаго начальства послѣдовало ходатайство объ отмѣнѣ этого послѣдняго распоряженія. Ходатайство это было уважено, и лѣсныя поляны снова возвращены населенію. Но законъ 14 іюня 1888 года остается въ силѣ и вызванныя имъ стѣсненія не устраняются; вслѣдствіе этого начальникъ Терской области генералъ-лейтенантъ Кахановъ, для болѣе надежнаго обезпеченія экономическаго положенія туземцевъ, снова ходатайствуетъ передъ высшими властями о предоставленіи горскимъ обществамъ возможности обращать извѣстныя части лѣсной площади въ пахотныя поля, объ отдачѣ въ ихъ пользованіе всѣхъ остальныхъ, находящихся въ горахъ, полянъ и пастбищныхъ мѣстъ и о нѣкоторомъ ослабленіи стѣснительныхъ правилъ относительно пастьбы скота въ лѣсахъ. «Но какъ разработка подъ пахоть извѣстной части лѣсной площади, такъ и пользованіе всѣмъ означеннымъ пространствомъ лѣсныхъ полянъ и пастбищъ»,—говоритъ ген. лейт Кахановъ въ приложеніи къ своему всеподданнѣйшему отчету,—«разумѣется, только лишь въ относительной степени можетъ восполнить недостатокъ земельнаго довольствія горскихъ обществъ. Поэтому я полагаю, что возможно безотлагательное выселеніе на свободныя земли Ставропольской или иной губерніи той части горцевъ, поземельное устройство которой на мѣстѣ осложняется приведенными обстоятельствами, представляло-бы наиболѣе цѣлесообразный исходъ изъ вышеизложенныхъ затрудненій. Такое именно разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ горскихъ обществахъ составляетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, одинъ изъ лучшихъ способовъ борьбы противу развившагося въ области ското-и-конокрадства». Кромѣ того, упорядоченіе земельныхъ дѣлъ, установленіе прочныхъ порядковъ въ нихъ и устойчиваго положенія поземельной собственности важны

также для поддержанія престижа русской власти и правильнаго отношенія къ законнымъ распоряженіямъ. Мы уже видѣли, какъ неустойчивость земельной собственности и поземельныхъ отношеній поддерживала недовольство населенія и питало враждебныя чувства его Устраненіе поводовъ къ этому очень важно для правильнаго выполненія нашей культурной миссіи среди дикихъ народностей Кавказа, а потому рѣшеніе поземельнаго вопроса, въ интересахъ населенія, крайне необходимо и должно быть выполнено по возможности безотлагательно.

Кромѣ частной собственности, явившейся результатомъ заимки и расчистки лѣстныхъ полянъ, въ Чечнѣ, какъ мы видѣли, еще по инипіативѣ кн. Барятинскаго въ 1860 г намѣчена была раздача земли въ частную собственность за заслуги. Это явленіе было совершенно новое въ Чечнѣ и неизвѣстное чеченцамъ, признававшимъ только то право на землю, которое вытекало изъ первоначальной заимки земли и приведенія ея въ состояніе, годное для культуры. Тѣмъ не менѣе раздача земель за заслуги мѣстнымъ военнымъ и гражданскимъ дѣятелямъ состоялась и 57 лицъ получили въ свое владѣніе земельные участки. Межевое управленіе вымежевало для нихъ: 1 участокъ въ 5 десятинъ, 36 участковъ величиной отъ 30 до 50 дес., 2 участка отъ 100 до 182 дес., 8 участковъ отъ 200 до 300 дес, 5 участковъ отъ 300 до 400 дес., 3 участка отъ 556 до 570, одинъ въ 652 и одинъ въ 1017 десятинъ. Всего же въ частную собственность за заслуги было роздано мѣстнымъ дѣятелямъ 8674 дес. Очевидно, что во время раздачи участковъ поземельныя условія края еще не принимались во вниманіе и о возможности недостатка земель для аульныхъ обществъ никто не думалъ. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что земли отводились иногда въ количествѣ большемъ противъ предположеннаго. Поэтому въ 1867 г. Его Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ было сдѣлано распоряженіе, по которому назначенные кн. Барятинскимъ къ раздачѣ въ Чеченскомъ округѣ и уже предоставленные въ пользованіе участки земли, полковникамъ Косуму Курумову и Арцу Чермоеву по 556 дес. каждому и майору Башѣ Шамурзаеву въ 576½ дес., были отмежеваны въ томъ именно количествѣ, въ какомъ опредѣлилъ ихъ кн. Барятинскій. Могущій же оказаться въ занятыхъ ими участкахъ излишекъ было приказано обратить въ число земель, предназначенныхъ аульнымъ обществ-

вамъ. Самый большій изъ намѣченныхъ къ раздачѣ участковъ въ 1017 десятинъ былъ пожалованъ бывшему начальнику Чеченскаго округа полковнику Бѣлику.

Такимъ образомъ, по происхожденію права на владѣніе землей, все чеченское землевладѣніе должно быть раздѣлено на четыре категоріи, а именно:

1) горское землевладѣніе въ горной Чечнѣ, которое по праву на владѣніе можетъ быть названо старозаимочнымъ,

2) нагорно-лѣсное, основанное на заимкѣ и разработкѣ лѣсныхъ пространствъ,

3) надѣльно-аульное, установленное русскимъ правительствомъ въ соотвѣтствіи съ древнѣйшими формами общественной заимки земель,

и 4) собственно частновладѣльческое, впервые введенное русскимъ правительствомъ, вслѣдствіе желанія вознаградить земельными пожалованіями заслуги отдѣльныхъ мѣстныхъ дѣятелей.

Приступая къ разсмотрѣнію современнаго состоянія каждой категоріи землевладѣнія, считаю необходимымъ оговориться, что послѣдняя категорія частновладѣльческихъ земель, по своей малочисленности, совершенно теряется въ общей площади Чечни и не имѣетъ почти никакого вліянія на экономическую жизнь населенія. Затѣмъ, первыя двѣ категоріи—горскаго землевладѣнія и нагорно-лѣсного въ происхожденіи своемъ отличаются одно отъ другого только временемъ заимки земель и разработки лѣсныхъ пространствъ, а потому могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ. Такимъ образомъ, кромѣ этой категоріи—горскаго и нагорно-лѣсного землевладѣнія, намъ предстоитъ разсмотрѣть еще и надѣльно-аульное.

О размѣрахъ землевладѣнія въ горной полосѣ Чечни могутъ дать представленіе слѣдующія данныя:

	Приходится удобной и полуудобной земли: Въ среднемъ		Колебанія на
	на дымъ.	на душу мужс. пола.	душу мужс. пола.
Въ 5-мъ полицейс. участ. Грозненскаго округа . .	4,74 дес.	1,75 дес.	отъ 0,7 до 3,6 дес.
въ 6-мъ участкѣ	3,13 д.	1 д.	» 0,05 » 5,3 д.
въ 8-мъ участкѣ	3,03 д.	1,18 д.	» 0,3 » 2,4 д.

въ 9-мъ участкѣ	3,5 д.	1,25 д.	» 0,8	» 2,3 д.
По всей *) горной Чечнѣ	3.43 д.	1,23 д.	» 0,05	» 5,3 дес.

Въ подсчетъ не включены земли неудобныя, которыя только въ теченіе 3—4-хъ мѣсяцевъ, да и то невсегда, могутъ служить какъ пастбище для мелкаго скота, т. е. для овецъ и козъ. Если принять во вниманіе, что крестьяне Европейской Россіи имѣли въ 1878 году въ среднемъ по 4,1 десятины на наличную душу мужескаго пола что даже на душу обоего пола (на ѣдока) въ 147 уѣздахъ, въ которыхъ производились земскія статистическія изслѣдованія, приходилось около двухъ (1,95) десятинъ надѣла, то тогда станетъ понятнымъ, какъ поразительно велико малоземелье горныхъ чеченцевъ, имѣющихъ въ среднемъ около 1,23 дес. на наличную душу мужескаго пола. Землевладѣнія же въ размѣрѣ 0,05 дес., т. е. 120 кв. саж., совсѣмъ не знаетъ ни русскій мужикъ, ни осетинъ, ни кабардинецъ, между тѣмъ какъ земельная собственность, исчисляемая въ сотыхъ доляхъ, не составляетъ исключительно рѣдкаго явленія въ горной Чечнѣ. Сравнивая затѣмъ подворное землевладѣніе въ Россіи и въ горной Чечнѣ, находимъ, что у государственныхъ крестьянъ на дворъ приходится въ среднемъ 15 дес., у помѣщичьихъ 9, а у чеченцевъ всего 3,43 дес., т. е. почти въ $2^2/_3$ разъ меньше. При такомъ, можно сказать, вопіющемъ малоземельи, качество земельныхъ угодій въ горахъ очень не высоко. Земли многихъ чеченцевъ раскиданы участками, которые, въ свою очередь, расположены черезполосно, на значительное разстояніе другъ отъ друга, нерѣдко лѣпясь по неимовѣрнымъ крутизнамъ и кручамъ и имѣя, въ большинствѣ случаевъ, тонкій слой почвы, нанесенной на участокъ иногда руками самого же владѣльца Бываютъ случаи, что ливень и градъ въ горахъ не только уничтожаютъ жатву, но и смываютъ всю почву участка, старательно накопленную въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Земельными участками изъ-подъ лѣса разработавшіе ихъ владѣютъ на правахъ частной собственности. Такіе участки въ значительномъ количествѣ находятся близъ селенія Мереджой-Беремъ. Въ наихудшихъ случаяхъ здѣсь на душу мужескаго

*) Въ подсчетъ не вошли 7-й уч. Грозненскаго округа, о землевладѣніи котораго нѣтъ свѣдѣній, а также горныя селенія Хасавъ-Юртовскаго округа.

пола приходится около 2 десятинъ (1,9), въ наилучшихъ до 36, въ среднемъ же въ большинствѣ участковъ находимъ около 15 десятинъ на душу. Такой размѣръ землевладѣнія уже даетъ возможность хозяевамъ пользоваться нѣкоторымъ достаткомъ или, во всякомъ случаѣ, не нуждаться въ годовой пропорціи хлѣба для семьи. Горные же чеченцы далеко не могутъ обезпечить себя хлѣбомъ изъ своихъ полей на весь годъ.

Количество надѣльной земли, приходящееся на наличную душу мужескаго пола въ огромномъ большинствѣ плоскостныхъ чеченскихъ ауловъ, показано въ слѣдующей таблицѣ, въ которой надѣлы расположены въ восходящемъ порядкѣ:

Въ аулѣ Катыръ-Юртъ приходится 3,09 дес. на нал. д. муж. пола.

Въ слободѣ		Шатой	3,1	»
»	аулѣ	Ачхой	3,4	»
»	»	Чечень	3,4	»
»	»	Валерикъ	3,5	»
»	»	Ново-Алды	3,7	»
»	»	Большія Атаги	3,8	»
»	»	Гойты	3,8	»
»	»	Дуба-юртъ	3,9	»
»	»	Шама-юртъ	4,07	»
»	»	Гельдигенъ	4,2	»
»	»	Цацанъ-юртъ	4,2	»
»	»	Белгатой	4,3	»
»	»	Бачинъ-юртъ	4,4	»
»	»	Алханъ-юртъ	4,5	»
»	»	Урусъ-юртъ	4,5	»
»	»	Курчалой	4,6	»
»	»	Гудермесъ	4,8	»
»	»	Куллары	4,8	»
»	»	Малыя Атаги	4,8	»
»	»	Гехи	5,1	»
»	»	Бердыкель	5,2	»
»	»	Аллерой	5,4	»
»	»	Хадисъ-юртъ	5,4	»
»	»	Элисханъ-юртъ	5,5	»
»	»	Мискеръ-юртъ	5,6	»
»	»	Устаръ-Гордой	5,6	»

Въ	аулѣ	Ишхой	5,8	»
»	»	Маіортупъ съ Джугатой.	5,8	»
»	»	Герменчукъ	6,5	»
»	»	Кошкелды	6,6	»
»	селен.	Старо-Сунженское . .	6,6	»
»	аулѣ	Османъ-юртъ	6,7	»
»	»	Цонторой	7,2	»
»	»	Истису	7.3	»
»	»	Новый-юртъ	7,5	»
»	»	Энгель-юртъ	8,2	»
»	»	Ной-Берды	8.3	»
»	»	Азаматъ-юртъ	8,4	»
»	»	Чанка-юртъ . . .	8,6	»
»	селен.	Верхне-Наурское . . .	8,9	»
»	аулѣ	Ногай-Мирза-юртъ . .	9,03	»
»	селен.	Нижне-Наурское . .	9,2	»
»	аулѣ	Герзель-аулѣ	9,4	»
»	»	Маджагатъ-юртъ . . .	9,4	»
»	»	Кады-юртъ	9,5	»
»	»	Бильтъ-аулъ	9,8	»
»	»	Кень-юртъ . . , . .	10,3	»
«	»	Амиръ-Аджи-юртъ . .	10,9	»
»	»	Зибиръ-юртъ	11,5	»
»	»	Ойсунгуръ	11,6	»
»	»	Старый-юртъ, Аду-юртъ и Шеды-юртъ . . .	11,6	»
»	»	Али-юртъ	12,02	»
»	»	Бено-юртъ	13,1	»
»	»	Мундаръ-Юртъ . . .	14,9	»

Въ подсчетъ земельныхъ надѣловъ плоскостныхъ чеченцевъ включены какъ удобныя земли, такъ и неудобныя. Несмотря на это, средняя величина надѣла все таки не велика. Въ то время, какъ терскіе казаки имѣютъ на наличную душу мужескаго пола 21.3 дес,, кабардинцы 8,37, плоскостные осетины 5,3, а назрановскіе ингуши 4,3 дес., чеченцы располагаютъ только 4,11 дес. на наличную душу. Такой надѣлъ оказывается ниже всѣхъ извѣстныхъ кавказскихъ плоскостныхъ надѣловъ и почти не отличается отъ средняго надѣла русскихъ крестьянъ. Но колеблясь въ отдѣльныхъ аулахъ отъ 3,09 до 14,9 десятинъ на душу, че-

ченскіе надѣлы, очевидно, распредѣляются неравномѣрно. Хотя эта неравномѣрность отчасти можетъ уменьшаться въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ аулахъ высокимъ качествомъ почвы, но тѣмъ не менѣе разница между надѣлами, напримѣръ, ауловъ Катыръ-юртъ и Мундаръ-юртъ настолько велика, что невольно бросается въ глаза. Изъ общаго числа 55 сельскихъ обществъ, свѣдѣнія о которыхъ приведены нами выше, 10 ауловъ имѣютъ надѣлъ ниже средняго на душу, а потому находятся въ особенно затруднительномъ положеніи. Затѣмъ 12 ауловъ располагаютъ надѣломъ въ 2—2$^1/_2$ раза больше средняго, а 7 имѣютъ надѣлъ, превышающій средній въ 2$^1/_2$—3$^1/_2$ раза. Сравнивая чеченскіе надѣлы съ нормальными, исчисленными по низшей продовольственной нормѣ въ 5 десятинъ на наличную душу*), приходимъ къ еще менѣе утѣшительнымъ результатамъ. Оказывается, что надѣлъ ниже самой низкой нормы имѣютъ цѣлыхъ 20 сельскихъ обществъ. Средній подворный надѣлъ чеченцевъ въ настоящее время не превышаетъ 11,25 десятины, слѣдовательно онъ на 2,25 десятины больше средняго надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Европейской Россіи и на 3,75 ниже таковаго-же у государственныхъ крестьянъ. Несмотря на то, что средній подворный надѣлъ чеченцевъ больше таковаго-же у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Европейской Россіи, положеніе первыхъ по отношенію къ земельному довольствію все-таки едва-ли можно считать многимъ лучше. Къ такому заключенію необходимо притти въ виду мѣстныхъ особенностей края. Прежде всего необходимо помнить, что приведенныя цыфры чеченскихъ надѣловъ заключаютъ въ себѣ какъ удобныя, такъ и неудобныя земли; бывшіе же помѣщичьи крестьяне имѣютъ 9 дес. на дворъ одной удобной земли. Затѣмъ, въ число удобныхъ земель въ Чечнѣ отнесены мѣста, покрытыя сплошными зарослями, расчистить которыя чрезвычайно трудно. Если исключить изъ приведенныхъ цыфръ чеченскихъ надѣловъ неудобныя земли и находящіяся подъ зарослями, то одной удобной земли на чеченскій дворъ придется не больше, чѣмъ и на дворъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Россіи, а очень можетъ быть, что и меньше. Къ сожалѣнію, точнымъ матеріаломъ о земляхъ, покрытыхъ зарослями, мы не

*) Исчисленіе нармальныхъ надѣловъ см. въ нашей работѣ «Терское казачье войско» стр. 77 78 и въ 1-мъ выпускѣ «Терскаго Сборника».

располагаемъ. Затѣмъ необходимо принять въ расчетъ, что очень многія чеченскія земли, несмотря на плодородную почву, могутъ давать хорошіе урожаи только при условіи орошенія ихъ. Но такъ какъ оросительныхъ средствъ въ краѣ все еще недостаточно, то изъ удобныхъ земель необходимо выключить тѣ, которыя не имѣютъ орошенія и потому остаются безплодными. Принимая во вниманіе всѣ эти мѣстныя особенности, нельзя не признать, что не только указанныя выше 20 аульныхъ обществъ недостаточно обезпечены землей, но что и изъ остальныхъ 35-ти очень многія нуждаются въ ней.

Сами чеченцы, сознавая недостаточность своего землевладѣнія, подали въ 1888 г. всеподданнѣйшее прошеніе Государю Императору, въ которомъ жалуются на земельное стѣсненіе, на то, что лучшія земли около самыхъ ауловъ отданы за заслуги военнымъ и гражданскимъ чинамъ, что строительные матеріалы и дрова они вынуждены покупать у частныхъ владѣльцевъ или у казны, тогда какъ прежде пользовались ими безплатно. Терское межевое управленіе, давая объясненіе по поводу этого прошенія, указываетъ на слѣдующіе факты. Вся плоскостная часть Большой и Малой Чечни, съ прилегающимъ малочеченскимъ лѣсомъ, составляетъ площадь въ 271086$^1/_2$ десятинъ. Изъ нея разновременно отошло: казачьимъ станицамъ 650 дес., Терскому казачьему войску 1560 дес. лѣса, пожаловано въ частную собственность за заслуги отдѣльныхъ лицъ 8645 дес., отдано городамъ и слободамъ 8266 дес., 43-мъ чеченскимъ ауламъ надѣлено 234970$^1/_2$ дес. и въ завѣдываніи лѣсного вѣдомства состоитъ 16965 дес. Такимъ образомъ, свободныхъ земель нѣтъ и потому по вопросу о земельномъ стѣсненіи жалоба чеченцевъ совершенно основательна. Но помочь этому очень трудно Если даже предоставить чеченцамъ земли, находящіяся въ завѣдываніи лѣсного вѣдомства, то и тогда на наличный составъ дымовъ придется всего какихъ нибудь $^3/_4$—$^1/_2$ десятины. Въ безусловное владѣніе этихъ земель предоставить невозможно, потому что онѣ составляютъ преимущественно лѣсную площадь которая, съ переходомъ во владѣніе аульныхъ обществъ, несомнѣнно будетъ оголена отъ лѣсовъ. Поэтому если бы такой переходъ лѣсныхъ земель состоялся, то и тогда, по мнѣнію мѣстной администраціи, необходимо, чтобы вѣдало ихъ отъ расхищенія лѣсное управленіе. Подъ вліяніемъ такого затруднительнаго положенія возникла, какъ мы

уже видѣли, мысль о переселеніи части чеченцевъ на свободныя земли Ставропольской губерніи. Съ тою-же цѣлью уменьшенія тѣсноземелья, а равно съ цѣлью избавиться отъ безпокойныхъ элементовъ въ населеніи, испрошено разрѣшеніе на свободное переселеніе желающихъ чеченцевъ въ Турцію

Къ счастью чеченскаго населенія, преобладающее среди него общинное пользованіе землей спасаетъ подрастающее поколѣніе, по крайней мѣрѣ въ плоскостной части, отъ полнаго обезземелія. Мы видѣли, что общинныя формы землевладѣнія существовали въ Чечнѣ, согласно народному преданію, еще въ первые дни поселенія на плоскости. Русское владычество застаетъ чеченскую общину еще въ періодъ ея родового развитія. Родовая связь поддерживалась признаніемъ всѣхъ членовъ рода родственниками между собой и, выражаясь въ такихъ формахъ, какъ родовая месть, въ экономической жизни вылилась въ формѣ родовой земельной общины. Въ виду трудностей борьбы съ горной природой, необходимо допустить, что для первѣйшей заимки земель усилій отдѣльныхъ личностей было недостаточно. Нужно было расчищать земли отъ огромныхъ камней, нужно было бороться съ снѣжными лавинами, обвалами, съ горными потоками и другими стихійными явленіями. Для всего этого нуженъ былъ трудъ всего рода, всѣхъ членовъ его, которые въ древнѣйшія времена необходимо должны были постоянно и систематически примѣнять общинный, коллективный трудъ на общинной землѣ. Такого рода общественныя предпріятія и общественный трудъ, въ виду огромной важности его для родовой общины, обставлялись различными церемоніями и торжествами, которыя и теперь сохраняются въ различныхъ общественныхъ празднествахъ. Поэтому въ древнѣйшую эпоху заимки горныхъ, лѣсныхъ и плоскостныхъ земель непремѣнно производились сообща родовыми общинами, которыя и пріобрѣтали право владѣнія земельными заимками до тѣхъ поръ, пока пользовались ими. Съ уходомъ ихъ, на смѣну могли являться новые народы, новыя родовыя общины и съ такимъ-же правомъ, какъ и первыя, пріобрѣтать право на владѣніе землей. Съ теченіемъ времени этотъ обычай долженъ былъ распространиться и на отдѣльныхъ членовъ рода. Производя заимку лѣсныхъ и другихъ пространствъ и разрабатывая ихъ, безъ помощи коллективнаго труда, члены рода пріобрѣтали только право пользованія заимкой, а не право собствен-

ности надъ нею. Въ виду этого приведенное въ началѣ этой главы народное сказаніе отмѣчаетъ несомнѣнно позднѣйшую форму владѣнія землей, установившуюся въ относительно недавнее время, а потому ярче сохранившуюся въ народной памяти. Вполнѣ возможно, что право личной собственности на разработанные лѣсные участки установилось уже значительно позже прихода чеченскихъ родовъ на плоскость, а въ первое время имѣло лишь характеръ пользованія. Объ этомъ возможно заключить уже потому, что до появленія русскихъ въ Чечнѣ право личной собственности на землю не было извѣстно чеченцамъ, какъ не было извѣстно и кабардинцамъ, осетинамъ и другимъ горцамъ. Съ теченіемъ времени въ архаическомъ быту чеченцевъ замѣчаются уже и новыя черты. Прежде всего начинаютъ встрѣчаться случаи, когда нѣсколько родовъ и фамильныхъ союзовъ соединяются вмѣстѣ въ сложно-составную общину, которая уже имѣетъ и нѣсколько иную организацію, помимо требованій родового быта. Пока фамильный союзъ крѣпокъ, вся фамилія нерѣдко живетъ въ одномъ дворѣ, устраивая сакли для каждаго семейства. Затѣмъ, рядомъ съ существованіемъ рода, начинаетъ обособляться семья, но родовыя начала попрежнему очень крѣпки и всецѣло опираются на общинное землевладѣніе. Такимъ образомъ, родовая община является вмѣстѣ съ тѣмъ и поземельной общиной. Отъ древнѣйшихъ формъ она постепенно переходитъ къ тѣмъ, которыя переданы вышеприведеннымъ народнымъ преданіемъ, и, наконецъ, воплощается въ современныхъ формахъ, къ обзору которыхъ мы и переходимъ.

По господствующему и теперь міровоззрѣнію, земля считается чеченцами общею. Такой взглядъ, установившійся еще въ доисторическія времена, поддерживается, какъ извѣстно, и мусульманскими религіозными воззрѣніями. По ученію Магомета, ясно выраженному въ Коранѣ, земля должна считаться Божьимъ достояніемъ, а потому она не должна присвоиваться людьми, какъ собственность. Люди могутъ только пользоваться и, слѣдовательно, временно владѣть ею. Первымъ проявленіемъ такого взгляда былъ въ древніе времена широкій захватъ земли въ пользованіе. Пока населенія было мало, земли хватало на всѣхъ, но съ увеличеніемъ населенія право захвата пришлось ограничивать. Живущіе по сосѣдству тухумы (т. е. родовыя общины) вынуждены были ограничить земли общины, но, разумѣется, въ

общихъ чертахъ, на глазомѣръ и въ естественныхъ границахъ.

На основаніи права заимки, какъ мы уже говорили, отдѣльныя семьи владѣютъ лѣсными участками, разработанными ихъ предками. Но заимка эта, узаконенная правительствомъ, теперь ограничена, а владѣніе ею выражается въ полномъ правѣ собственности. Эти участки въ настоящее время уже не вызываютъ ни споровъ, ни притязаній со стороны однообщественниковъ, но раньше они постоянно оспаривались, потому что чеченскій народъ, согласно своимъ обычаямъ, признавалъ право пользованія ими, а не право вѣчнаго владѣнія. Пользованіе же община всегда могла ограничивать. Поэтому на надѣльныхъ земляхъ аульныя общества почти вездѣ уже положили извѣстный предѣлъ пользованія. Въ Герзель-аулѣ, напримѣръ, еще есть участокъ земли, который предоставляется въ вольное пользованіе. Онъ сплошь покрытъ густыми, непроходимыми зарослями колючаго древянистаго кустарника, съ очень глубокими корнями, называемаго здѣсь «чилизникъ». Расчистка десятины земли изъ-подъ этихъ зарослей обходится не менѣе, какъ въ 25—30 рублей. Стѣсненные въ размѣрахъ надѣла, жители Герзель-аула и теперь дозволяютъ заимку на тѣхъ частяхъ покрытаго чилизникомъ пространства, которыя не идутъ въ передѣлъ. Но эта заимка уже ограничена мѣстомъ, а сдѣлавшій ее получаетъ только право продолжительнаго пользованія расчищенной изъ-подъ чилизника землей, а не право владѣнія ею, какъ полной собственностью. Впрочемъ, вполнѣ вольное пользованіе существовало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще относительно недавно. Тогда каждый обрабатывалъ землю въ предѣлахъ аульныхъ дачъ, гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Руководствуясь этимъ, пользовались и сѣнокосами, и выпасами, и лѣсами. Но скоро ограниченія въ пользованіи явились и въ самыхъ многоземельныхъ общинахъ. Сначала общины опредѣляли участки подъ усадьбы, т. е. черту усадебной осѣдлости, а затѣмъ выдѣляли земли подъ пахоть, подъ сѣнокосъ и т. п. Каждый общинникъ уже потерялъ право косить и сѣять, гдѣ онъ вздумалъ, и какъ вздумалъ. Затѣмъ наступили ограниченія относительно времени работъ, а въ концѣ концовъ временныя владѣнія каждаго члена общины приурочивались къ вполнѣ опредѣленному мѣсту. Поэтому явилась надобность въ выдѣленіи для каждаго хозяина участка земли, т. е. въ передѣлахъ.

Сроки общихъ или коренныхъ передѣловъ аульной земли

между однообщественниками устанавливаются не всегда. Въ такихъ случаяхъ передѣлъ производится лишь тогда, когда большая часть членовъ общины, сознавъ неудобство прежняго дѣленія, пожелаетъ новаго передѣла. Въ другихъ случаяхъ передѣлъ назначается впередъ черезъ значительные промежутки времени, напримѣръ, лѣтъ черезъ 20. Но въ послѣдніе годы низшія административныя власти стали побуждать аульныя общества сокращать сроки передѣловъ и производить ихъ каждые три года. Такое распоряженіе вызвано жалобами какъ тѣхъ лицъ, которыя были почему-либо обижены качествомъ доставшейся имъ при прежнемъ передѣлѣ земельныхъ паевъ, такъ и тѣхъ, кто не получилъ такихъ паевъ совсѣмъ, сдѣлавшись дымохозяиномъ только послѣ передѣла. Для такихъ лицъ нѣкоторыя общины отдѣляютъ запасные участки, распредѣляя ихъ по мѣрѣ образованія новыхъ дымовъ, а до распредѣленія пользуясь ими для надобностей всего общества. Требованіе же передѣловъ черезъ каждые три года едва-ли имѣетъ свое оправданіе. По мнѣнію г. Малявкина, наблюдавшаго чеченскую общину, это требованіе «можетъ вызвать массу затрудненій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно отстранить общинниковъ отъ обработки надѣльной земли. Такъ, напримѣръ, въ общинѣ селенія Герзель-аулъ масса земли занята густо растущимъ чилизникомъ. По отзывамъ всѣхъ жителей, для очистки земли отъ чилизника нужно года 2—3, а для окончательнаго уничтоженія корней—лѣтъ пять. При трехлѣтнемъ періодѣ передѣла, общинникъ едва-ли можетъ затрачивать свой трудъ на уничтоженіе чилизника, тѣмъ болѣе, что до пониманія общихъ интересовъ чеченецъ далеко еще не развился. Въ другихъ общинахъ введеніе трехлѣтняго періода между передѣлами тяжело для жителей выполненіемъ технической стороны. Такъ, въ одной общинѣ надѣльная земля расположена по скатамъ горъ и не вездѣ представляетъ сплошную площадь; чаще всего участки земли, удобной для обработки, разнообразны по величинѣ и разбросаны неправильно. При распредѣленіи земли бываетъ настолько трудно уровнять паи, что дѣлежка продолжается иногда до поздней осени, и были случаи, какъ говорятъ жители, что годъ посѣва пропадаетъ совсѣмъ».*) При такихъ условіяхъ вмѣшательство постороннихъ людей въ общинные порядки, съ цѣлью уменьшенія сро-

*) «Терскія Вѣд.» 1892 г. № 141.

ковъ между передѣлами. едва-ли можно назвать полезнымъ и желательнымъ.

Первая работа при коренномъ передѣлѣ заключается въ выдѣленіи изъ общей площади надѣла земель подъ различныя угодья, подъ пахоть, сѣнокосъ и т. п. Способъ такого выдѣленія и размѣры выдѣляемыхъ участковъ опредѣляются въ большинствѣ случаевъ естественными условіями почвы и положеніемъ надѣла. Около Терека поверхность земли ровная, очень часто занятая зарослями чилизника, или представляющая степные сѣнокосы и выпасы. Поэтому здѣсь выдѣленію земли подъ пахоть иногда предшествуетъ расчистка зарослей, что ведетъ, въ свою очередь, къ относительному уменьшенію площади посѣвной земли. Въ предгорьи надѣлъ представляетъ рядъ холмообразныхъ возвышенностей, покрытыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсомъ. Здѣсь, слѣдовательно, количество пахоти, кромѣ другихъ условій, зависитъ отъ степени уклона почвы и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣльная земля заключаетъ въ себѣ оба типа поверхности, т. е. и степную и предгорную. Качество почвы въ общемъ однообразно, вслѣдствіе чего выгоны могутъ свободно обращаться въ пахоть, а эта послѣдняя въ сѣнокосы и т. д. Но есть общины, у которыхъ сѣнокосныя и пастбищныя части надѣла отстоятъ довольно далеко отъ усадебной осѣдлости Обращеніе этихъ частей въ пахоть зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ орошенія ихъ водой. Вообще вопросъ объ орошеніи настолько важенъ въ Чечнѣ, что сплошь и рядомъ оказываетъ рѣшающее вліяніе на принятіе того или другого способа пользованія землей. Безъ орошенія земля даетъ урожаи преимущественно въ предгорьи. Поэтому въ такихъ, съ степнымъ характеромъ, мѣстахъ, въ какихъ расположены аулы Азаматъ-юртъ, Амиръ-Аджи-юртъ и др., вслѣдствіе отсутствія оросительныхъ канавъ, жители принуждены были обратить всю землю подъ сѣнокосы и выгоны, а хлѣбъ добываютъ другими промыслами. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, намѣчаются чеченскими обществами, преимущественно въ естественныхъ границахъ, по живымъ урочищамъ, земельныя площади, каждая изъ которыхъ предназначается для однороднаго сельскохозяйственнаго пользованія.

Передъ началомъ передѣла, все селеніе дѣлится на кварталы или группы и отъ каждаго квартала избирается по одному довѣ-

ренному и по три помощника. Всѣ довѣренные общества въ опредѣленный день выходятъ на подлежащій передѣлу участокъ земли и раздѣляютъ его на столько пахотныхъ пайковъ (цх'адак'кха), сколько община заключаетъ въ себѣ платежныхъ дымовъ. Дѣлежъ производится при помощи опредѣленной величины палки (курукъ), имѣющей до 6 арш. длины, или при помощи соотвѣтствующей величины веревки. Если «цх'адак'кха» получаются неравнаго качества по почвѣ и по мѣстоположенію, то худшимъ изъ нихъ дѣлаются прирѣзки. Въ иныхъ случаяхъ, прежде дѣлежа на пахотные паи, вся площадь, предназначенная для пахоты, если того требуютъ почвенныя или топографическія условія, раздѣляется по качеству на нѣсколько полосъ, напримѣръ, на лучшую по качеству, среднюю и худшую. Въ каждой изъ нихъ нарѣзываются пахотные пайки по числу платежныхъ дымовъ въ общинѣ. Работа довѣренныхъ и ихъ помощниковъ не изъ легкихъ, требуетъ много вниманія, аккуратности и терпѣнія и затягивается нерѣдко на нѣсколько мѣсяцевъ. Величина пахотнаго пая въ нагорной мѣстности рѣдко опускается ниже одной десятины и лишь въ немногихъ общинахъ превышаетъ $1^1/_2$ десятины. Земли, расположенныя въ плоскостныхъ и степныхъ мѣстахъ, гораздо чаще раздѣляются на полосы по качеству, а каждая полоса дѣлится, какъ было уже сказано, на паи. Нерѣдко одна изъ такихъ полосъ представляетъ заросли чилизника и общество обязываетъ пайщиковъ освободить въ извѣстный срокъ свой пай отъ этого кустарника. Такъ жители Герзель-аула, по словамъ г. Малявкина, раздѣливъ ту часть своего надѣла, которая расположена по р. Аксаю, на три полосы и затѣмъ каждую изъ нихъ распредѣливъ между платежными дымами, рѣшили полосу, заросшую чилизникомъ, разработать къ концу 10-го года владѣнія ею. «Въ случаѣ явнаго уклоненія пайщика отъ исполненія этого правила, община вправѣ принудить его, а въ крайнемъ случаѣ и передать его пай другому». Величина пахотныхъ паевъ въ плоскостной части въ среднемъ колеблется отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ на дымъ.

По окончаніи раздѣленія земли на цх'адак'кха, общество приступаетъ къ жеребьевкѣ ихъ. Для этого всѣ дымохозяева или замѣняющія ихъ лица собираются вмѣстѣ и въ присутствіи стариковъ мечутъ жребій. Каждый вступаетъ въ пользованіе доставшимся ему цх'адак'кха до новаго коренного передѣла. Право

пользованія въ большинствѣ случаевъ ограничивается общинами. Такъ, въ большинствѣ ихъ пайщики лишены права сдавать свои цх'адак'кха въ аренду постороннимъ, не принадлежащимъ къ общинѣ лицамъ. Вызвано это ограниченіе, какъ говорятъ, тѣмъ соображеніемъ, что, по существующему обычаю, община не вправѣ отбирать пай у чужихъ арендаторовъ, которые, пользуясь этимъ, принимаютъ на себя платежъ подымной подати и отбываніе повинностей за дымохозяевъ, отдавшихъ имъ въ аренду свои паи, но ничего не платятъ и обязательствъ не выполняютъ. У своего же однообщинника, въ случаѣ его неисправности въ платежахъ, пай можно отобрать и передать другому, исправному хозяину.

Какъ и въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ господствуетъ переложное хозяйство, въ Чечнѣ относительно рѣдко встрѣчаются земли, спеціально, на многіе десятки лѣтъ, предназначенныя для пахоти, или для выпаса и т. п. Здѣсь обыкновенно пахоть, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пользованія, оставляется въ перелогъ, на которомъ черезъ 2—3 года появляется степная растительность, и онъ дѣлается пригоднымъ для сѣнокоса. Эти послѣдніе, равно какъ и пахоть, тоже обращаются и въ выпасы. Такимъ образомъ, какъ уже было сказано, общины сами опредѣляютъ тѣ части земли, которыя должны итти подъ пахоть, подъ сѣнокосъ, или подъ пастьбища. Порядокъ дѣлежа сѣнокосныхъ земель совершенно такой же, какъ и пахотныхъ, съ той только разницей, что дѣлежъ сѣнокосовъ происходитъ ежегодно. Сѣнокосъ чаще пахоти дѣлится на полосы, причемъ полосъ бываетъ обыкновенно три: худшая по качеству, средняя и лучшая. Полосы, въ свою очередь, дѣлятся на сѣнокосные паи, и каждый платежный дымъ получаетъ въ пользованіе по одному паю въ каждой полосѣ. Въ общемъ сѣнокосный пай составляетъ $^3/_4$—3 дес., смотря по величинѣ и мѣстоположенію надѣла.

Выгонными участками во многихъ мѣстахъ пользуются безпорядочно: пасутъ скотъ, гдѣ и сколько хотятъ. Но въ послѣднее время общины начинаютъ опредѣлять извѣстныя правила для выпасовъ и устанавливать извѣстную норму для всякаго рода скота, выше которой членъ общины не имѣетъ права пасти на общественныхъ выгонахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ каждый дымохозяинъ можетъ пасти не свыше 6-ти лошадей и не болѣе 10-ти головъ рогатаго скота. Выпасъ же овецъ во многихъ аулахъ или совсѣмъ запрещается, въ виду недостатка пастьбищныхъ мѣстъ

и сильнаго вытаптыванія овцами травянистой растительности, или же разрѣшается только за деньги. По снятіи урожая съ пахотныхъ мѣстъ и травы съ сѣнокосовъ, тѣ и другія земли тоже обращаются въ выпасы, причемъ къ нимъ ограничительныя правила примѣняютъ уже не всѣ общины. Въ горныхъ общинахъ выгоновъ почти нѣтъ и общинники могутъ пасти скотъ на своихъ земляхъ только по снятіи урожая, т. е. въ осенніе мѣсяцы На лѣто же они нанимаютъ пастбищные участки въ многоземельныхъ аулахъ, у частныхъ владѣльцевъ, или изъ казенныхъ дачъ. Арендная плата въ такихъ случаяхъ распредѣляется по количеству скота и, разумѣется, ложится тяжелымъ бременемъ на малоземельныя общины.

Лѣсовъ на плоскости очень мало. Тамъ, гдѣ лѣса есть, они или входятъ составной частью въ общій приаульный надѣлъ, или же составляютъ отдѣльный участокъ, предназначенный обыкновенно жителямъ нѣсколькихъ ауловъ. Такъ, аулы Амиръ-Аджи-юртъ, Азаматъ-юртъ, Энгель-юртъ Кады-юртъ, Гудермесъ, Исти-су, Ойсунгуръ, Ной-Берды Кошкельды и Герзель-аулъ получили въ совмѣстное пользованіе участокъ лѣса, по расчету одной десятины на дымъ, а всего 2033 десятины. Пользованіе лѣсомъ зависитъ отъ качества его и отъ мѣстонахожденія. Кустарниковый лѣсъ, преобладающій на плоскости, эксплуатируется слѣдующимъ образомъ. Общества въ теченіе 5—6 лѣтъ совсѣмъ воспрещаютъ рубку, а затѣмъ, раздѣливъ весь кустарниковый лѣсъ на 5—6 частей, одну часть дѣлятъ на мелкіе участки, предназначая каждый изъ нихъ на группу въ 5—10 дымохозяевъ. Такая группа или вырубаетъ кустарникъ совмѣстно и дѣлитъ уже хворостъ, или же распредѣляетъ участокъ между дымохозяевами на паи, которыми тѣ и пользуются по единоличному своему усмотрѣнію. Въ другихъ случаяхъ общины совсѣмъ не прибѣгаютъ къ дѣлежу лѣса, а ежегодно разрѣшаютъ общинникамъ нарубить каждому столько хворосту, сколько ему нужно исключительно для хозяйственныхъ надобностей, т. е. для огорожи, остова сакли и т. п. Участками, отведенными изъ казенныхъ дачъ нѣсколькимъ общинамъ вмѣстѣ, пользуются на правахъ общиннаго владѣнія. Рубка лѣса въ этихъ участкахъ для продажи безусловно воспрещалась. Разрѣшалось же пользоваться только для хозяйственныхъ цѣлей и нуждъ. Согласно особо выработаннымъ правиламъ, каждый дымохозяинъ, желающій вос-

пользоваться лѣсомъ, долженъ былъ заявить о томъ старшинѣ селенія, который, черезъ довѣренныхъ лицъ, удостовѣрялся въ размѣрѣ нужды дымохозяина въ лѣсѣ и опредѣлялъ эту нужду въ особомъ удостовѣреніи. Такія удостовѣренія предъявлялись охраняющимъ лѣсъ, сторожамъ, которые и наблюдали за тѣмъ, чтобы предъявитель вырубилъ столько именно лѣса, сколько значилось въ удостовѣреніи. Пользованіе же валежникомъ разрѣшалось во всякое время и безъ удостовѣренія. Однако этимъ правомъ могли пользоваться только ближайшіе аулы; отдаленные же, къ которымъ принадлежитъ большинство, считали для себя невыгоднымъ ѣздить въ лѣсъ и предпочитали покупать его гдѣнибудь поближе. Поэтому въ прошеніи, поданномъ чеченцами въ 1888 г. на Высочайшее имя, они нисколько не отступили отъ истины, жалуясь на отсутствіе строительныхъ матеріаловъ и дровъ и на необходимость пріобрѣтать ихъ посредствомъ купли.

Въ послѣднее время мѣстныя областныя власти, озабочиваясь сохраненіемъ лѣсовъ, повсюду сильно истребляемыхъ, издали «временныя правила о сбереженіи станичныхъ лѣсовъ и о порядкѣ пользованія ими». Въ 1891 г. предложено было руководствоваться этими правилами и всѣмъ сельскимъ и аульнымъ обществамъ, а слѣдовательно и чеченцамъ. Сущность этихъ правилъ сводится къ слѣдующему. Во всѣхъ общественныхъ лѣсахъ положено было установить постоянный оборотъ рубки, примѣнительно къ сортамъ лѣса, необходимымъ для потребностей мѣстныхъ жителей. Хозяевамъ, не вырубившимъ еще своихъ лѣсныхъ паевъ, назначенъ годичный срокъ, въ который они могутъ произвести рубку, за исключеніемъ однако фруктовыхъ деревьевъ и притомъ въ предѣлахъ только участка, назначеннаго, согласно принятому обороту рубки, къ эксплуатаціи. Рубку лѣса разрѣшается производить не иначе, какъ въ періодъ съ 1-го сентября по 1-е апрѣля, а пастьба скота въ лѣсахъ должна быть совсѣмъ воспрещена. Участки, заѣденные скотомъ, требуется окопать и привести въ порядокъ. Затѣмъ по правиламъ полагается, чтобы въ обществахъ, небогатыхъ лѣсомъ, были выдѣлены участки въ 40—100 десятинъ, съ цѣлью произвести на нихъ въ теченіе 4—5 лѣтъ лѣсонасажденіе. Посадку указывалось производить соединенными силами сельскихъ обществъ, пропорціонально надѣламъ каждаго двора, а образовавшееся лѣсонасажденіе считать общественной собственностью, эксплуатація которой за-

повѣдывается не менѣе какъ на 10 лѣтъ. Въ 1892 г. общины еще не приступали къ установленію оборота рубки и къ необходимому для этого раздѣленію лѣса. По мнѣнію г. Малявкина, «привести это распоряженіе въ исполненіе сами чеченцы затрудняются, пригласить техника едва-ли додумаются, если, опять таки, не укажетъ начальство. Отсутствіе денежныхъ средствъ тоже можетъ затормозить дѣло».

Усадебныя и огородныя мѣста состоятъ въ потомственномъ владѣніи. Община только тогда можетъ вступить въ распоряженіе усадебнымъ мѣстомъ, когда не найдется въ живыхъ ни одного наслѣдника. Однако такіе случаи не наблюдались. Въ дѣйствительности наслѣдники всегда находятся или по нисходящей, или по восходящей линіи; были случаи перехода наслѣдствъ и по женской линіи. Отводъ усадьбъ вновь образовавшимся дымамъ производится, съ разрѣшенія сходовъ и сельской полиціи, особыми довѣренными отъ общества лицами. Образованіе новыхъ дымовъ идетъ чрезвычайно быстрыми шагами. Въ 1873 г. въ бывшемъ Чеченскомъ округѣ было 13695 дымохозяйствъ, а въ 1889 г. число ихъ возрасло тамъ уже до 19688. Такимъ образомъ, за 16 лѣтъ образовалось около 6 тыс. (5993) новыхъ дымохозяйствъ, составляющихъ около 44% прежнихъ. Такое небывалое и въ своемъ родѣ единственное увеличеніе числа платежныхъ дымовъ, характеризуя быстрое распаденіе родовыхъ союзовъ путемъ семейныхъ раздѣловъ, не ускользнуло отъ вниманія и самихъ чеченцевъ. Индивидуалистическія стремленія чеченской молодежи, побуждающія ее искать выдѣла изъ семьи, зачастую даютъ для новыхъ дымохозяевъ не совсѣмъ удачные, въ экономическомъ отношеніи, результаты. Нерѣдко образовавшіе новый дымъ оказываются, при взносѣ подымной подати и при отбываніи повинностей, несостоятельными и общества, въ такихъ случаяхъ, бываютъ вынуждены отвѣчать за нихъ по круговой порукѣ. Въ виду этого въ послѣднее время общины даютъ разрѣшеніе на образованіе новыхъ дымовъ и отводъ усадьбъ очень неохотно и не иначе, какъ убѣдившись въ хозяйственной благонадежности новаго дымохозяина. Усадьбы старой заимки, когда въ земельномъ отношеніи было попросторнѣе, довольно обширны и достигаютъ $^1/_2$ десятины. Новыя же усадьбы не велики и рѣдко превышаютъ 500 кв. саж. Поэтому чеченскіе аулы построены довольно тѣсно и скученно.

Интересно отмѣтить, что индивидуалистическія теченія въ средѣ чеченскихъ общинъ, выразившіяся въ формѣ семейныхъ раздѣловъ, образуютъ въ нихъ-же новое стремленіе къ дальнѣйшему развитію общинныхъ поземельныхъ порядковъ. Дѣло въ томъ, что, наряду съ новыми платежными дымами, нерѣдко состоящими только изъ двухъ членовъ—мужа и жены, сохраняются дымохозяйства, въ которыхъ вмѣстѣ съ отцомъ живетъ нѣсколько женатыхъ сыновей. Въ такой семьѣ иногда бываетъ 5—6 и болѣе работниковъ мужескаго пола. Между тѣмъ, такъ какъ и первый и второй дымъ платятъ подымную подать въ одномъ и томъ-же размѣрѣ, то и земельные паи ихъ совершенно одинаковы. Но въ виду того, что доходъ отъ пая въ нѣсколько разъ превышаетъ подымную подать, многосемейнымъ очень невыгодно пользоваться такимъ-же паемъ, какъ и малосемейнымъ. Отсюда естественно возникаетъ желаніе многосемейныхъ общинниковъ раздѣлить надѣльную землю не по платежнымъ дымамъ, а по числу наличныхъ работниковъ. Надо полагать, что это стремленіе получитъ поддержку въ переверстаніи подымной подати въ государственный поземельный налогъ. До сихъ же поръ оно еще нигдѣ не проведено въ жизнь, какъ вслѣдствіе незнанія обществами всѣхъ своихъ правъ по отношенію къ внутренней разверсткѣ земли, такъ и по отсутствію среди чеченцевъ необходимаго для этого единодушія.

Очеркъ общиннаго землевладѣнія въ Чечнѣ страдалъ бы существеннымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись вопроса объ общественныхъ работахъ, въ ряду которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ работы по орошенію. Восточная часть чеченской равнины, какъ и прилегающая къ ней Кумыкская плоскость, схожи между собою въ очень многомъ. Имѣя почву, богатую илистымъ черноземомъ, онѣ способны производить огромные урожаи. Но для этого необходима въ достаточномъ количествѣ влага. Между тѣмъ засухи составляютъ здѣсь обычное явленіе, а недостатокъ естественнаго орошенія еще больше уменьшаетъ количество потребной для растительности влаги. Въ виду этого необходимость заставила мѣстнаго жителя обратиться къ искусственному орошенію, т. е. рытью каналовъ и канавъ и къ снабженію ихъ водою. Весь вопросъ при производствѣ такихъ работъ сводится къ тому, чтобы добыть возможно большее количество воды, измѣряемой башемъ. «Башъ—это струя воды, площадь сѣченія которой

равна прямоугольнику, съ основаніемъ въ 1 арш. и высотою—$^1/_4$ ар.». Чеченцы говорятъ также, что башемъ называется такое количество воды, которое нужно для того, чтобы вращать на мельницѣ одинъ поставъ. По расчету г. Волошинова *) относительно Кумыкской плоскости, примѣнимому и къ чеченскимъ землямъ, на каждыя 1000 десятинъ земли, нуждающейся въ орошеніи, въ настоящее время приходится одинъ башъ воды. Однимъ же башемъ, «при благопріятныхъ условіяхъ, въ двое сутокъ можно оросить одну десятину пашни; слѣдовательно, считая въ году 7 мѣсяцевъ, или 210 дней полезнаго дѣйствія орошенія и имѣя въ виду, что кукурузу принято поливать въ лѣто не менѣе четырехъ разъ, озимую пшеницу—три раза въ годъ и яровую—два раза (т. е. для поливки каждой десятины кукурузы потребно 8 дней, озимой пшеницы—6 и яровой—4 дня), прійдемъ къ выводу, что на участкѣ земли въ 1000 десятинъ можно безъ риску сѣять $26^1/_4$ казен. десятинъ кукурузы ($210:8=26^1/_4$), или вмѣсто нихъ 35 десятинъ озимой пшеницы ($210:6=35$) или же одной яровой $52^1/_2$ дес. ($210:4=52^1/_2$), а сѣя поровну каждый хлѣбъ—35 десят., и это при благопріятныхъ условіяхъ; но вѣдь можетъ быть и такъ, что вслѣдствіе сильной засухи и дальности разстоянія отъ главной канавы или рѣки до пашни, до нея дойдетъ не одинъ башъ, а только половина». Въ такомъ случаѣ нужно увеличить число дней, необходимое для орошенія, или уменьшить посѣвъ. А между тѣмъ такія условія, при которыхъ на землю попадаетъ не вся вода, а только часть ея, встрѣчаются очень часто. На правильный притокъ воды вліяютъ паденіе дна канавы, разстояніе, которое протекаетъ вода отъ главной канавы или рѣчки до орошаемой пашни, и давленіе, оказываемое окружающими массами воды рѣки или общей канавы на площадь сѣченія частной. При такихъ условіяхъ, оросительныя воды являются огромной драгоцѣнностью, которою населеніе дорожитъ не меньше, какъ и самой землей, а правильный притокъ воды представляетъ крупную заботу для всѣхъ обществъ, нуждающихся въ ней. Въ виду этого за оросительными канавами существуетъ правильный и тщательный уходъ. По обычаю, установившемуся издавна, каждый дымохозяинъ обязанъ выставить для очистки канавъ и прорытія новыхъ не ме-

*) См. «Терс. Вѣд.» 1893 г. № 28.

нѣе одного работника. Уклоняющіеся отъ этой обязанности лишаются права напускать воду на свой пай изъ общей канавы, хотя при этомъ могутъ сохранять доставшійся имъ земельный пай за собой. Впрочемъ, вопросъ этотъ въ послѣднее время оспаривается и нѣкоторыя общества начинаютъ лишать общинниковъ ихъ земельнаго пая въ томъ случаѣ, если они не выполнили своихъ обязанностей относительно оросительныхъ канавъ. Сельская полиція, побуждаемая властями и своимъ же обществомъ, въ свою очередь, принимаетъ энергичныя мѣры къ исполненію отдѣльными дымохозяевами лежащихъ на нихъ оросительныхъ работъ. Приспособленія, регулирующія струю воды и заключающіяся въ особыхъ шлюзахъ, устраиваемыхъ на отводныхъ канавахъ, тоже требуютъ постояннаго наблюденія и ухода. Такимъ образомъ, съ орошеніемъ довольно много возни и хлопотъ. Завѣдываніе всѣмъ дѣломъ орошенія лежитъ на особыхъ курумъ-башахъ, избираемыхъ изъ самыхъ почетныхъ и пользующихся особымъ довѣріемъ лицъ. Тѣмъ не менѣе курумъ-баши, какъ убѣдился въ числѣ другихъ и г. Вертеповъ *), постоянно злоупотребляютъ своимъ правомъ отпускать воду и нерѣдко торгуютъ имъ. На обязанности ихъ лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы каждый владѣлецъ пая получалъ столько воды, сколько ему положено. Поэтому курумъ-баши замыкаютъ на замокъ шлюзы, и никто не можетъ отворить ихъ безъ позволенія курумъ-баша. Возникающія изъ-за оросительной воды недоразумѣнія и злоупотребленія курумъ-башей нерѣдко ведутъ къ ссорамъ, судебнымъ процессамъ и даже кровавымъ схваткамъ. Курумъ-баши пользуются большими правами и имѣютъ обширныя обязанности. Они указываютъ, гдѣ нужно прочистить и исправить канаву, избираютъ мѣсто новыхъ канавъ, руководятъ и распоряжаются работами. Они могутъ удалить плохого работника и потребовать новаго; они-же составляютъ протоколы во время безпорядковъ на работахъ, ссоръ изъ-за воды и т. п. По окончаніи очистки канавъ и исправленія оросительныхъ сооруженій, право первымъ оросить свой пай принадлежитъ курумъ-башу, который, кромѣ того, можетъ задержать воду на своей землѣ больше установленнаго для всѣхъ срока. Затѣмъ всѣ дымохозяева мечутъ жребій и по жребію открываютъ свой башъ для орошенія того пая, которымъ они пользуются. Вода держит-

*) См. Г. А. Вертеповъ. «Поѣздка на ватаги», стр. 19—20.

ся на каждомъ паѣ день, два или сколько полагается. При недостаткѣ воды и удаленности пая отъ главной канавы, вода достается многимъ только осенью, а потому и не приноситъ тѣхъ результатовъ, для которыхъ добывается съ такимъ трудомъ.

Такимъ образомъ, пользованіе оросительной водой неразрывно связано съ пользованіемъ землей и отражаетъ на себѣ тѣ-же порядки, которые приняты при землевладѣніи. Но доставаясь еще съ большимъ трудомъ, чѣмъ земля, орошеніе вызываетъ не мало попеченій и заботъ. Къ сожалѣнію, чеченецъ въ значительно меньшей степени, чѣмъ другіе туземцы Сѣвернаго Кавказа, склоненъ къ тяжелому труду, а потому дѣло орошенія, какъ и многихъ другихъ общественныхъ работъ, развито еще довольно слабо. «Типъ мирнаго трудолюбиваго земледѣльца»,—говоритъ г. Малявкинъ,—«и до сихъ поръ еще не выработался среди чеченскаго племени: пашетъ, сѣетъ, коситъ и убираетъ чеченецъ безъ любви къ занятіямъ, а лишь въ силу суровой необходимости. Въ своемъ умѣ чеченецъ уже давно пришелъ къ заключенію, что только усиленный трудъ можетъ доставить хорошій заработокъ; но это сознаніе, вслѣдствіе-ли отсутствія воли, или подъ воспоминаніями героическаго прошлаго, мало проявляется на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, гдѣ общинный надѣлъ представляетъ много затрудненій для обработки, чеченецъ и совсѣмъ не станетъ работать, а постарается гдѣ-нибудь или арендовать землю или заняться чѣмъ-либо другимъ. Вопроса о такихъ сооруженіяхъ, какъ проведеніе новыхъ капитальныхъ канавъ, очищеніе зарослей общими силами и т. п., почти совсѣмъ не поднималось. «Силы мало, а работать нужно много, намъ некогда»,—отвѣчаютъ обыкновенно жители. Но для посторонняго наблюдателя очевидно, что дѣло не въ недостаткѣ времени, а просто въ нежеланіи вообще работать и, въ частности, заняться общественными работами» *). Между тѣмъ для выполненія этихъ работъ, благодаря чеченской поземельной общинѣ, есть достаточно силъ и подходящая организація. Чеченцы могли бы изрыть свой край оросительными канавами, расчистить заросли чилизника и выполнить другія работы, если бы не восточная лѣнь и апатія. Все дѣло, значитъ, въ поднятіи ихъ умственнаго развитія, вліяющаго, какъ извѣстно, и на усиленіе трудолюбія. Общинная

*) «Терс. Вѣд.» 1893 г. № 7-й.

же организація ихъ представляетъ достаточно элементовъ, чтобы работать сообща надъ общимъ дѣломъ Доказательствомъ этому служитъ какъ общинное землевладѣніе и связанныя съ нимъ ирригаціонныя работы, такъ и другія явленія народной жизни. Еще и теперь, несмотря на нѣкоторый упадокъ родовыхъ началъ, почти нѣтъ отрасли труда, гдѣ бы не наблюдалось среди чеченцевъ тѣхъ или другихъ формъ взаимопомощи. «Когда наступаетъ время полевыхъ работъ», — говоритъ Дубровинъ — «напримѣръ, запашки полей, уборки сѣнокосовъ или осеннихъ работъ, которыя исполняются мужчинами, то чеченцы устраиваютъ родъ русской помочи. По недостатку быковъ и плуговъ, жители уговариваются запахивать поле сообща, составляя артели изъ нѣсколькихъ хозяевъ, имѣющихъ по двѣ и одной скотинѣ. Кому работаютъ, тотъ долженъ накормить всѣхъ два раза въ день, но съ окончаніемъ дневной работы каждый ужинаетъ у себя дома. Подобныя работы сопровождаются часто пѣснями плясками и общимъ весельемъ».*) Такія помочи производятся иногда съ благотворительною цѣлью. При существованіи ихъ, есть благопріятная почва и для дальнѣйшаго развитія общественныхъ работъ по орошенію, очищенію зарослей и для другихъ, выполненіе которыхъ чрезвычайно важно для народа, страдающаго отъ малоземелья и нуждающагося въ переходѣ къ болѣе интенсивной системѣ сельскаго хозяйства.

Оглядываясь на всѣ упомянутыя нами формы коллективнаго труда и на всѣ порядки землевладѣнія, нельзя не видѣть, что чеченская поземельная община частью прошла, частью проходитъ еще черезъ различныя стадіи развитія. Обычай вольной заимки можно считать уже совершенно оставленнымъ; онъ смѣнился заимкой съ ограниченіемъ; но съ теченіемъ времени и такая заимка стала практиковаться рѣже, пользованіе землей сдѣлалось возможнымъ только при передѣлахъ, и участокъ (пай) для временнаго владѣнія уже не избирается общинникомъ, а указывается ему общиной. Свободное хозяйничанье гдѣ угодно постепенно ограничивается приурочиваніемъ извѣстнаго хозяйства къ данному типу земельныхъ угодій; общинникъ уже не можетъ пасти скотъ въ пахотномъ клину и не можетъ засѣять хлѣбомъ выгонный

*) Дубровинъ. «Истор. войны и владыч. русскихъ на Кавказѣ» т. 1-й стр. 419.

участокъ, не рискуя всѣмъ урожаемъ. Коллективный трудъ всей родовой общины, сохраняясь по отношенію къ нѣкоторымъ общественнымъ работамъ, замѣнился въ обработкѣ земли трудомъ членовъ одного дымохозяйства. Раздѣлъ земли все еще приурочивается къ дымохозяйствамъ, но въ общинахъ уже проявляется стремленіе къ болѣе справедливому дѣлежу по числу работниковъ мужескаго пола. Такимъ образомъ, общинные порядки сохраняя признаки архаическаго общиннаго быта, мало-по-малу развиваются и, примѣняясь къ современнымъ условіямъ жизни, вырабатываются въ болѣе совершенныя и справедливыя формы. Благодаря этимъ послѣднимъ, подростающему поколѣнію не можетъ предстоять обезземеленіе, а сельскохозяйственная культура получаетъ возможность дальнѣйшаго усовершенствованія.

ГЛАВА V.

Сельскохозяйственные и другіе промыслы.

Земледѣліе.—Скотоводство вообще и въ частности данныя о крупномъ рогатомъ скотѣ, объ овцеводствѣ и коневодствѣ.—Пчеловодство и садоводство.—Кустарные промыслы.

Земледѣліе составляетъ главное занятіе плоскостныхъ чеченцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что хлѣбопашество ведется въ Чечнѣ изстари, такъ какъ еще въ первыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ о ней земледѣліе уже упоминается въ числѣ занятій мѣстнаго населенія. Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что до покоренія Чечни русскими, земледѣліе въ ней имѣло гораздо меньшее развитіе. Огромные лѣса въ предгорьи и трудность разработки земли изъ-подъ нихъ, а на плоскости недостатокъ орошенія, въ значительной мѣрѣ препятствовали развитію этой отрасли народнаго труда. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія военныя дѣйствія повлекли за собой уничтоженіе многихъ лѣсовъ и расчистку ихъ какъ русскими солдатами, такъ и туземнымъ населеніемъ. Туземцы стали массами выселяться на плоскость и продолжали уничтоженіе лѣсовъ. Привычные способы наживы, путемъ грабежей и воровства, были стѣснены и чеченцы волей-неволей постепенно должны были изыскивать другія, болѣе мирныя средства къ жизни. Хлѣбопашество въ этомъ случаѣ являлось и наиболѣе привычнымъ и самымъ прочнымъ занятіемъ. Поэтому очень естественно, что населеніе обратилось къ нему въ той мѣрѣ, въ какой было способно къ такого рода мирному промыслу. Для сужденія объ успѣхахъ земледѣлія мо-

гутъ служить, до нѣкоторой степени, данныя о посѣвѣ хлѣбовъ. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ такими данными только за короткій промежутокъ времени, притомъ не по всѣмъ хлѣбамъ; но имѣющихся у насъ цыфръ во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы сдѣлать общія заключенія о земледѣліи въ Чечнѣ. По свѣдѣніямъ 1876 г., чеченцы теперешняго района Грозненскаго округа высѣвали менѣе 8 тыс. четвертей пшеницы; въ 1888 г. они высѣяли уже 14035 четв., а въ 1891 г. – 14815 четв., хотя въ 89—90 гг. посѣвъ ея колебался отъ 12,6 тыс. четвертей до 13,8 т. четвертей. Такимъ образомъ, за 15 лѣтъ площадь посѣва пшеницы увеличилась почти на 46%. Въ послѣдніе же годы это увеличеніе шло уже тише и за три года (88—91) даетъ всего 5, 2 %. Что касается посѣвовъ кукурузы, то расширеніе ихъ въ послѣдніе годы идетъ быстрѣй, чѣмъ пшеницы. Такъ,

въ 1888	году	было посѣяно		10161	четверть	кукурузы,
въ 1890	—	—	— уже	11020	—	—
въ 1891	—	—	—	13667	—	—
а на 1893	—	—	—	14113	—	—

Здѣсь уже за пять лѣтъ площадь посѣва кукурузы увеличилась почти на 39%. Посѣвъ проса съ 1335 четв. въ 1888 году поднялся къ 1891 г. до 3378 четв., яровой пшеницы съ нѣсколькихъ десятковъ четвертей до 823, ржи съ 61 четв. до 171, картофеля съ 28 до 102. Площадь посѣва овса не расширяется, а ячменя стали высѣвать въ 90-хъ годахъ приблизительно на 1000 четвертей меньше, чѣмъ въ 1888 г. Такимъ образомъ, въ общихъ цыфрахъ посѣвъ хлѣбовъ въ Грозненскомъ округѣ съ 30090 четв. въ 1888 г. поднялся къ 1892 г. до 36445 четвертей, т. е. болѣе чѣмъ на 21%. Нѣтъ сомнѣнія, что такой относительно быстрый ростъ хлѣбопашества въ Чечнѣ возможенъ только въ настоящее время, когда представляется возможнымъ разрабатывать изъ-подъ лѣса и зарослей новыя пространства, когда въ плоскостной полосѣ находятся еще десятки тысячъ десятинъ, не видавшихъ плуга. Очень возможно, что такой ростъ земледѣлія еще усилится въ ближайшее время, подъ вліяніемъ новаго желѣзнодорожнаго пути и того экономическаго оживленія, которое вызоветъ онъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо предвидѣть, что, при чеченскомъ малоземельи, въ недалекомъ будущемъ такой ростъ посѣвной площади долженъ будетъ прекратиться и населе-

ніе вынуждено будетъ обратиться къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства

Въ настоящее же время чеченцы придерживаются переложно-залежной системы. Участки земли, разработанные изъ-подъ зарослей чилизника, или изъ-подъ лѣса, или просто вновь распаханная степь эксплуатируются посѣвомъ хлѣбныхъ растеній въ теченіе нѣскольких лѣтъ сряду, затѣмъ запускаются въ залежь и черезъ нѣсколько лѣтъ, если не заростаютъ чилизникомъ, поступаютъ въ пользованіе какъ сѣнокосъ или выгонъ. Черезъ 10—15 лѣтъ такой участокъ снова можетъ быть обращенъ въ пахоть и т. д. Послѣ разработки участка, сѣютъ обыкновенно кукурузу, а иногда просо или бахчу; за кукурузой слѣдуетъ пшеница, затѣмъ опять кукуруза и т. д. Такимъ образомъ, пропашное растеніе (кукуруза) чередуется съ злаковымъ, благодаря чему истощеніе почвы идетъ не съ такой быстротой, какъ, напримѣръ, у казаковъ, высѣвающихъ почти исключительно злаки. Въ предгорьи, гдѣ земли распахиваются всего только 30—40 лѣтъ, признаковъ истощенія почвы еще почти нѣтъ, но на плоскости они уже замѣтны въ нѣкоторой мѣрѣ. Средній за послѣдніе пять лѣтъ посѣвъ и урожай хлѣбовъ въ Грозненскомъ округѣ выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ:

	Четвертей. Высѣвалось.	Собиралось.	Урожай самъ.
Кукурузы	11944	222682	18,6
Пшеницы	13848	49563	3,6
Проса	1726	13061	7,6
Ячменя	2678	12808	4,8
Овса.	1209	5784	4,8
Картофеля	65	410	6,3
Ржи	115	360	3,1
Разныхъ яровыхъ хлѣбовъ	67	320	4,8
Въ среднемъ по всѣмъ хл.	31652	304988	9,6

Исчисленіе силы урожая въ формѣ «самъ» представляетъ значительныя неудобства, но отступить отъ нея мы лишены возможности въ виду того, что всѣ данныя оффиціальной статистики вычислены по этой формѣ, а матеріаловъ для точнаго опредѣленія площади посѣва въ десятинахъ совсѣмъ не собирается. Въ

виду этого приходится довольствоваться свѣдѣніями объ урожаѣ «самъ столько-то разъ». Въ Чечнѣ урожай всѣхъ хлѣбовъ, вмѣстѣ взятыхъ, по даннымъ за пять лѣтъ, достигаетъ самъ 9,6 По свѣдѣніямъ о другимъ мѣстахъ оказывается:

Въ Малороссіи средній урожай даетъ самъ . . .	10
Въ Кабардѣ	6,8
Въ Остзейскихъ губерніяхъ	6,5
Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ	5
На территоріи Терскаго казачьяго войска . . .	4,6
Въ Осетіи	4,2
Въ средней и черноземной полосѣ	4 и т. д

Такимъ образомъ, по среднему урожаю Чечня занимаетъ во всей Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ, непосредственно вслѣдъ за Малороссіей. Это обстоятельство объясняется прежде всего тѣмъ, что въ Чечнѣ преобладаетъ посѣвъ кукурузы, которая, преимущественно передъ другими зерновыми хлѣбами, даетъ большіе урожаи «самъ», т. е. по отношенію къ высѣянному зерну. Сравнивая же урожаи отдѣльныхъ хлѣбовъ въ Чечнѣ съ средними урожаями въ Россіи, получаемъ далеко не столь благопріятныя результаты.

Обращаемся прежде всего къ кукурузѣ. Хотя годовой посѣвъ сѣмянъ ея нѣсколько меньше, чѣмъ пшеницы, но тѣмъ не менѣе кукуруза занимаетъ площадь раза въ 3—4 больше пшеницы и даетъ почти въ $4^1/_2$ раза больше зерна. Поэтому ей принадлежитъ въ Чечнѣ первое мѣсто въ ряду другихъ сельскохозяйственныхъ растеній. Въ Осетіи она даетъ урожаи самъ 22,4, въ Кабардѣ—самъ 14, а въ Чечнѣ—самъ 18,6. Такимъ образомъ, чеченская кукуруза занимаетъ по урожайности среднее мѣсто между осетинской и кабардинской, но ниже средняго по области (самъ 20,3). Считая вѣсъ четверти кукурузы равнымъ 12 пудамъ, а стоимость пуда по средней цѣнѣ за послѣдніе пять лѣтъ, въ 40 коп., находимъ, что Чечня производитъ ежегодно 2672184 пуда кукурузы, на сумму 1068874 рубля.

Второе мѣсто по значенію въ ряду хлѣбовъ, высѣваемыхъ въ Чечнѣ, принадлежитъ пшеницѣ. Посѣвъ яровой пшеницы только что начинаетъ развиваться и не достигъ еще 1000 четвертей, а потому главное значеніе принадлежитъ пшеницѣ озимой. Въ среднемъ за послѣдніе пять лѣтъ ея собирали по 49563 четверти, что, при тяжеловѣсности зерна ея, составляетъ до 495630

пудовъ. Полагая, что на десятину земли въ Чечнѣ пшеницы высѣваютъ, какъ въ Новороссіи и Астраханской губерніи, до 6 мѣръ, находимъ, что площадь посѣва ея составитъ 18464 дес. Урожай же десятины составляетъ въ среднемъ 3,37 четв. Въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи пшеница даетъ до 5 четв. зерна съ десятины. Слѣдовательно, въ Чечнѣ урожайность ея значительно ниже, что прежде всего объясняется разницей въ техническихъ пріемахъ обработки земли. Средній урожай пшеницы по Терской области не превышаетъ самъ 4-хъ, въ Кабардѣ онъ близокъ къ этой же цыфрѣ, въ Осетіи спускается до самъ 3,7, а въ Чечнѣ—до самъ 3,6. Такимъ образомъ, и въ предѣлахъ Терской области Чечня, по урожайности пшеницы, занимаетъ послѣднее мѣсто. Стоимость урожая пшеницы, высѣваемой чеченцами, считая по 80 к. за пудъ, достигаетъ 369504 рублей.

Проса высѣвается въ Чечнѣ нѣсколько меньше ячменя, но такъ какъ урожайность его выше, то ему должно быть отведено третье мѣсто въ ряду другихъ воздѣлываемыхъ чеченцами растеній. Въ Осетіи просо даетъ урожай самъ 11,6, въ Чечнѣ—самъ 7,6, а въ Кабардѣ—самъ 7. Слѣдовательно, по урожайности чеченское просо занимаетъ въ Терской области среднее мѣсто, хотя, вообще говоря, ближе подходитъ къ низшимъ цыфрамъ урожая. Въ питаніи населенія оно не играетъ такой роли, какъ въ Кабардѣ, и воздѣлывается, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ наличности подходящей для него земли. Общая стоимость урожая проса, при средней цѣнѣ на него въ 40 к. пудъ, не превышаетъ 62693 р.

Ячмень, по роли его въ сельскомъ хозяйствѣ чеченцевъ, занимаетъ четвертое мѣсто. Въ Терской области самый высшій урожай даетъ онъ въ Кабардѣ—почти самъ 5,5; слѣдующее мѣсто по урожайности занимаетъ Чечня, гдѣ урожай ячменя въ среднемъ, за послѣдніе 5 лѣтъ, достигалъ почти 4,8; въ Осетіи же онъ опускается до самъ 3,7. При вѣсѣ четверти ячменя въ $7^1/_2$ пудовъ и стоимости пуда около 50 к., цѣнность урожая его въ Чечнѣ простирается до 48030 р.

Посѣвы овса въ Чечнѣ, какъ и вездѣ у туземцевъ Сѣвернаго Кавказа, незначительны. Это объясняется тѣмъ, что для лошадей туземцы больше привыкли давать въ кормъ кукурузу и ячмень, чѣмъ овесъ. Въ Кабардѣ, напримѣръ, его почти сов-

сѣмъ не сѣютъ. Въ Осетіи онъ даетъ урожай самъ 3,7, а въ Чечнѣ значительно выше—самъ 4,8. При среднемъ вѣсѣ четверти овса въ $5^1/_2$ пудовъ и цѣнѣ пуда въ 50 к., стоимость всего урожая его въ Чечнѣ едва простирается до 15906 р.

Сборъ ржи и яровыхъ хлѣбовъ, не поименованныхъ выше, а также и сборъ картофеля въ общемъ чрезвычайно незначительны. Эти растенія не имѣютъ никакого значенія въ сельскомъ хозяйствѣ Чечни. Общая стоимость ежегоднаго урожая ихъ не превышаетъ 3760 р.

Такимъ образомъ, сборъ хлѣба въ пудахъ и стоимость его выражаются въ Грозненскомъ округѣ въ слѣдующихъ цыфрахъ:

За	2672184 п.	кукурузы,	по 40 к. п.,	всего	1068874 р.
»	495630 »	пшеницы,	по 80 к	» »	396504 —
»	156732 »	проса,	по 40 к.	» »	62693 —
»	96060 »	ячменя,	по 50 к.	» »	48030 —
»	31812 »	овса,	по 50 к.	» »	15906 —
»	5840 »	картоф. и разныхъ яров. хлѣбовъ, считая	по 40 к. п,	всего	2336 р. и
«	3186 »	ржи.	по 45 к.	» »	1434 —
Всего за 3.461.444 п.		. . . . , .			1.595.777 р.

На каждаго чеченца Грозненскаго округа приходится немногимъ болѣе 20,4 пуда хлѣба, а на каждую семью 107,5 пуд. Если принять въ расчетъ, что въ 1891 голодный годъ въ Россіи на семью въ 5 душъ оказалось достаточнымъ $67^1/_2$ пудовъ хлѣба и что умѣренность въ пищѣ кавказскихъ горцевъ поистинѣ феноменальна, то для чеченской семьи въ 5,27 душъ годовое потребленіе хлѣба можно опредѣлить въ 71,14 пуда. Но при этомъ необходимо допустить, что чеченскія лошади не имѣютъ зерноваго корма. Въ такомъ случаѣ каждая семья будетъ имѣть остатокъ около 36,4 пуда хлѣба, изъ которыхъ на обсѣмененіе полей пойдетъ около 11,1 пуда и на продажу остаются болѣе 25,2 п., стоимостью до 11 р. 62 коп. Всѣ же чеченцы Грозненскаго округа, въ количествѣ 31945 семей, высѣявъ свыше 370 тыс пудовъ хлѣба и оставивъ себѣ на потребленіе до 2280 тыс., получаютъ возможность продать до 810 тысячъ пудовъ, на сумму по крайней мѣрѣ въ 374 тыс. руб. Хотя въ общемъ сумма эта очень не велика, но по сравненію съ другими народностями Кавказа и Россіи важна уже самая возможность выручить ее,

прокормивъ при этомъ себя. Кабардинцы, при значительно большихъ размѣрахъ землевладѣнія, могутъ продать только 567 тыс. п хлѣба, а ингуши и того менѣе. Въ Россіи же цѣлыя губерніи производятъ менѣе хлѣба, чѣмъ требуется на продовольствіе. Однако, разсматривая результаты земледѣлія въ Чечнѣ, необходимо помнить, что мы взяли минимальную продовольственную норму, достаточную только для чеченца, и не выдѣлили ни одного зерна на кормъ скота. Хотя рабочій скотъ въ Чечнѣ—волы и не требуетъ зерна, а лошадей кормятъ имъ очень мало, тѣмъ не менѣе для улучшенія будущности сельскаго хозяйства въ краѣ необходимо удѣлить часть зерна на кормъ скота. Отсюда очевидно, что продажа чеченцами хлѣбнаго зерна изъ своего хозяйства производится на счетъ развитія собственнаго же хозяйства и что увеличеніе количества производимаго зерна въ ближайшемъ будущемъ очень желательно.

О размѣрахъ *скотоводства* въ Чечнѣ дадутъ представленіе слѣдующія данныя о числѣ скота:

	Крупнаго рогатаго скота.	Лошадей.	Мелкаго скота, овецъ, козъ и т. п
Въ плоскостной Чечнѣ съ Надтеречнымъ участкомъ и мѣстностями Хасавъ-Юртовскаго округа . .	116607 гол	9867 гол.	141084 гол.
Въ горной Чечнѣ (5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й участки Грозненскаго округа) .	75622 »	7227 »	221444 »
Всего въ Чечнѣ .	192229 »	17094 »	362528 »

Уже этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы опровергнуть ходячее мнѣніе, по которому скотоводство въ Чечнѣ слабо развито. Еще больше можно убѣдиться въ этомъ, вычисливъ число скота, приходящееся на 100 душъ населенія, и сравнивъ его съ данными о другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, оказывается:

	Крупнаго рогат. скота.	Лошадей.	Мелкаго скота, овецъ и козъ.
У кабардинцевъ на 100 сельскихъ жителей приходится	166,2 гол.	46,5 гол.	350,1 гол.
У терскихъ казаковъ .	113 »	22 »	213 »
У чеченцевъ	104,1 »	9,2 »	196,2 »

У ингушей	95	»	22	»	183	»
У осетинъ	67	»	17	»	223	»
У крестьянъ Европейской Россіи	33	»	28,3	»	53,6	гол.

Слѣдовательно, только по числу лошадей Чечня уступаетъ другимъ мѣстностямъ Россіи. По числу же крупнаго рогатаго скота, приходящагося на 100 душъ населенія обоего пола, она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, а по числу мелкаго скота среднее. Въ отношеніи же количества скота къ территоріи Чечнѣ принадлежитъ второе мѣсто въ области. Такъ,

въ Нальчикскомъ округѣ (кабард.) на 100 дес. земли приходится всѣхъ вообще домашнихъ животныхъ . . .	84,3	головъ.
— Грозненскомъ (чеченцы) . . . •	77	—
— Владикавказскомъ (осетины)	58	—
— Хасавъ-Юртовскомъ (преимущест. кумыки)	57,4	—
— Сунженскомъ отдѣлѣ (ингуши и казаки) . .	49,3	—
У терскихъ казаковъ вообще	37,5	—

Хотя эта таблица вычислена для всего скота даннаго округа, а не для каждой народности отдѣльно, но тѣмъ не менѣе она вполнѣ характерна для сужденія объ отношеніи площади земли у туземныхъ племенъ Сѣвернаго Кавказа къ числу ихъ скота, такъ какъ въ указанныхъ округахъ и земля и скотъ, принадлежащіе владѣльцамъ другихъ народностей, составляютъ исключеніе. Однако разсмотрѣніе общихъ для всей чеченской территоріи цыфръ еще не даетъ полной картины скотоводства въ краѣ. Для этого необходимо обратиться къ даннымъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Чечни и относительно отдѣльныхъ группъ скота

Крупный рогатый скотъ играетъ важнѣйшую роль въ краѣ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочій скотъ, и доставляющій молочные продукты, идущіе въ пищу населенію. На 100 жителей, какъ мы уже видѣли, крупнаго рогатаго скота приходится 104,1 гол., изъ коихъ, считая около 39% на молоднякъ, до 64-хъ головъ эксплуатируются или какъ рабочій скотъ, или какъ молочный, или какъ производители. Такимъ образомъ, каждый дымъ имѣетъ приблизительно 3,37 гол. взрослаго скота и немногимъ болѣе 2-хъ головъ молодняка. Всего же на чеченскій дымъ приходится 5,46 гол. крупнаго рогатаго скота. Если же исключить изъ подсчета семейства, неимѣющія таковаго, то на каждый изъ остальныхъ дворовъ придется 5,7 гол. рогат. скота.

Въ Кабардѣ же его на каждый дворъ насчитываютъ 11,5 гол., у Терскихъ казаковъ 5,5, у ингушей 4,6, а у русскихъ крестьянъ 1,6 гол. Такое благопріятное положеніе Чечни по отношенію къ крупному рогатому скоту очень мало измѣняется и по отдѣльнымъ мѣстностямъ края. Въ горной части, хотя абсолютная цыфра скота меньше, но на 100 жителей приходится его больше, а именно—114,6 головъ. Здѣшнее населеніе, будучи стѣснено въ земледѣліи недостаткомъ пахотныхъ мѣстъ, стремится увеличить, насколько возможно, количество рогатаго скота. Въ плоскостной Чечнѣ на 100 жителей приходится 99 головъ. Цыфра эта хотя и меньше средней по Чечнѣ, но тѣмъ не менѣе въ три раза больше средней по Европейской Россіи, почти въ $1^1/_2$ раза больше чѣмъ у осетинъ и немногимъ больше средней у ингушей.

Относительно благопріятная картина развитія скотоводства у чеченцевъ мало мѣняется и въ томъ случаѣ, если мы обратимся къ числу домохозяйствъ, неимѣющихъ совсѣмъ крупнаго рогатаго скота. Въ то время, какъ у кабардинцевъ 5,1% домохозяевъ не имѣетъ крупнаго рогатаго скота, у ингушей уже —5,4%, у осетинъ—6,2%, у терскихъ казаковъ—10,4%, у крестьянъ Московской губерніи—21%, среди чеченцевъ совсѣмъ неимѣющихъ крупнаго рогатаго скота насчитываютъ всего 1366 домохозяйствъ, составляющихъ лишь 3,9% общаго числа ихъ. Въ этомъ отношеніи Чечня занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ во всей Россіи. Такое относительно небольшое количество дымовъ, неимѣющихъ скота, при чеченскомъ малоземельи, трудно поддается объясненію. При сравненіи величины надѣла съ количествомъ безскотныхъ домохозяйствъ оказывается, что въ малоземельной горной полосѣ число домохозяйствъ, неимѣющихъ крупнаго рогатаго скота, составляетъ всего 1,44%, тогда какъ въ относительно многоземельной плоскостной части оно возрастаетъ до 5,2%. Отсюда можно было бы заключить о прямомъ отношеніи количества земли къ количеству безскотныхъ хозяйствъ: чѣмъ больше земельный надѣлъ, тѣмъ больше безскотныхъ и наоборотъ. Но такой выводъ былъ бы поспѣшнымъ. Слѣдя на плоскости за количествомъ безскотныхъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ аулахъ, можно, наоборотъ, прослѣдить увеличеніе ихъ съ уменьшеніемъ размѣра надѣловъ. Въ Россіи, въ свою очередь, констатировано обратное отношеніе величины надѣловъ

къ числу безскотныхъ хозяйствъ. Въ виду этого, уменьшеніе послѣднихъ въ малоземельной горной полосѣ Чечни объясняется, по всей вѣроятности, другими общекультурными условіями. Къ числу ихъ необходимо отнести меньшее количество семейныхъ передѣловъ и большее сохраненіе родовыхъ формъ общины, меньшее число въ изолированныхъ горныхъ общинахъ тѣхъ соблазновъ, которые всегда имѣютъ вліяніе при близкомъ сношеніи патріархальныхъ народовъ съ болѣе культурными и, разрушая патріархальный бытъ, вліяютъ на пониженіе уровня народнаго хозяйства и нѣкоторыя другія условія быта горныхъ чеченцевъ.

Въ общей цыфрѣ рогатаго скота по Терской области рабочихъ воловъ состоитъ 27,7%. Примѣняя это же отношеніе и къ Чечнѣ, находимъ, что собственно рабочій скотъ въ ней состоитъ изъ 53247 головъ, распредѣляя который по числу дымовъ, получимъ на каждый 1,52. Такого количества въ общемъ для обработки полей нельзя признать достаточнымъ, а потому необходимо допустить, что съ расширеніемъ земледѣлія въ краѣ будетъ расширяться и скотоводство. О томъ, въ какой мѣрѣ развивается оно въ настоящее время, мы не можемъ судить за неимѣніемъ данныхъ собственно о чеченцахъ. Но что оно все-таки прогрессируетъ, объ этомъ можно заключить изъ общихъ данныхъ по Грозненскому округу. Въ этомъ послѣднемъ въ 1889 году всего рогатаго скота состояло 189380 гол., а въ 1892 г. уже 214021, т. е. прибавилось на 24641 голову. Слѣдовательно, число рогатаго скота увеличивалось ежегодно болѣе чѣмъ на 6½%. Такое увеличеніе, разумѣется, нельзя отнести на счетъ естественнаго прироста, но возможно допустить, что съ замѣтнымъ оживленіемъ края въ послѣдніе годы, увеличилось и число скота. Это тѣмъ возможнѣе, что Грозненскій округъ до послѣдняго года страдалъ отъ чумы рогатаго скота—этого общаго бича Сѣвернаго Кавказа—меньше другихъ мѣстностей.

Немаловажное значеніе въ экономической жизни чеченскаго населенія имѣетъ также и мелкій скотъ. Такъ какъ всѣ чеченцы мусульмане, то свиней они не держатъ, а всѣ 362528 головъ мелкаго скота, числящагося у нихъ, состоятъ изъ овецъ и козъ. Послѣднихъ числится около 25% и, слѣдовательно, три четверти указаннаго числа относится къ овцамъ. На каждые 100 душъ населенія обоего пола приходится, какъ мы уже видѣли, болѣе 196,2 головъ мелкаго скота. Но распредѣляется онъ въ

различныхъ мѣстностяхъ края неодинаково. Въ то время, когда плоскостные чеченцы имѣютъ на 100 жителей всего 119,5 головъ мелкаго скота, горцы располагаютъ 335,5 головъ, т. е. почти втрое больше. При этомъ наблюдается, что и въ горахъ не всѣ мѣстности одинаково богаты мелкимъ скотомъ. Седьмой полицейскій участокъ Грозненскаго округа, въ верховьяхъ Шаро-Аргуна, располагаетъ наибольшимъ количествомъ мелкаго скота. Здѣсь на 12 тыс. жителей насчитываютъ болѣе 77 тыс. овецъ и козъ. Затѣмъ слѣдуетъ 6-й участокъ, въ верхнемъ теченіи Чанти-Аргуна, гдѣ на $15^1/_2$ тыс. жителей значится свыше $65^1/_2$ тыс. головъ мелкаго скота. Восьмой участокъ, по верховьямъ Хулхулау, имѣетъ количество овецъ близкое къ среднему по всей горной Чечнѣ. Пятый же и девятый участки, расположенные въ Черныхъ горахъ, имѣющихъ относительно большее количество пахотныхъ мѣстъ, на каждыхъ 100 жителей располагаютъ почти такимъ же количествомъ овецъ и козъ, какъ и плоскостные жители Такимъ образомъ, количество мелкаго скота по отношенію къ населенію значительно увеличивается по мѣрѣ углубленія въ горы и, слѣдовательно, по мѣрѣ уменьшенія удобныхъ для пахоты мѣстъ Общая цыфра мелкаго скота, приходящагося на каждый дымъ, превышаетъ 10,3 головъ, но она значительно измѣнится, если изъ подсчета исключить всѣхъ домохозяевъ, совсѣмъ неимѣющихъ ни овецъ, ни козъ. Такихъ домохозяевъ на плоскости много больше, именно 12476, составляющихъ 54,7% общаго числа ихъ, а въ горахъ 3507 или 28,8% всѣхъ. Всего же по Чечнѣ не имѣютъ мелкаго скота 45,66% дымовъ, въ количествѣ 15983. Исключая ихъ изъ общаго числа домохозяйствъ, находимъ, что на одно хозяйство въ среднемъ приходится болѣе 19-ти головъ мелкаго скота по всей Чечнѣ, болѣе 12,9 головъ на плоскости и свыше 25,4 въ горахъ. Очевидная отсюда крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи мелкаго скота ведетъ къ тому, что половина населенія имѣетъ его съ избыткомъ, а другая совсѣмъ не имѣетъ. Это явленіе, къ сожалѣнію, свойственно всѣмъ горцамъ Сѣвернаго Кавказа. Такъ, среди осетинъ насчитывается 41,5% домохозяевъ, неимѣющихъ мелкаго скота, среди плоскостныхъ ингушей 44 3%, среди кабардинцевъ 48,4%. По сравненію съ послѣдними, чеченцы поставлены еще нѣсколько благопріятнѣе Но положеніе ихъ все-таки незавидно и представляетъ огромный интересъ. Отсутствіе подворнаго статистико-экономическаго из-

слѣдованія въ Чечнѣ лишаетъ насъ возможности прослѣдить развитіе овцеводства по домохозяйствамъ и рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится количество пахотной земли у отдѣльныхъ домохозяевъ къ количеству мелкаго скота и не ведетъ ли скопленіе его въ рукахъ одной части населенія къ мобилизаціи у нея же земель, находящихся въ родовомъ владѣніи, или наоборотъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ, что рѣшать его на основаніи общихъ соображеній, безъ цыфровыхъ данныхъ, невозможно. Но и теперь можно констатировать, что отсутствіе мелкаго скота почти у половины населенія, при общемъ малоземельи его, не можетъ не отражаться тяжело на экономическомъ положеніи его и, слѣдовательно, такъ или иначе вліять на хозяйственность и возможность самостоятельно вести земледѣльческое хозяйство.

Для сужденія о развитіи овцеводства мы располагаемъ данными о числѣ мелкаго скота за 1888 и 1891 годы въ Грозненскомъ округѣ. Въ первый изъ названныхъ годовъ мелкаго скота насчитывалось 323,039 головъ, въ послѣдній же 344,741. Такимъ образомъ, за три года послѣдовало увеличеніе на 21701 головы, т. е. нѣсколько болѣе чѣмъ на 2,2% въ годъ. Очень возможно, что увеличеніе шло бы быстрѣе, если бы не тяжелыя зимы 1888 и 1889 годовъ, въ которые очень много погибло «баранты» отъ необычайныхъ для Сѣвернаго Кавказа морозовъ

Коневодство, какъ одна изъ отраслей скотоводства, играетъ наименьшую экономическую роль въ Чечнѣ. Лошадь здѣсь для хозяйственныхъ цѣлей употребляется мало; главную, и почти исключительную, роль рабочаго скота играютъ быки, а потому лошадь нужна преимущественно для верховыхъ поѣздокъ, да для джигитства На 100 душъ населенія у чеченцевъ приходится 9,2 лошади, т. е. въ пять разъ меньше, чѣмъ у кабардинцевъ, въ три раза меньше, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, въ 2½ —чѣмъ у терскихъ казаковъ и ингушей и почти въ два раза меньше, чѣмъ у осетинъ. Въ общемъ двѣ чеченскія семьи имѣютъ одну лошадь. Но если исключить изъ подсчета 21136 домохозяевъ, совсѣмъ неимѣющихъ лошадей, то на долю остальныхъ въ среднемъ приходится 1,23 головъ. Такимъ образомъ, число безлошадныхъ по всей Чечнѣ чрезвычайно велико и достигаетъ 60,36%. Это, по всей вѣроятности, единственная народность въ Россіи, имѣющая такой огромный процентъ безло-

шадныхъ. Число ихъ понижается въ горахъ до 48,3% и повышается на плоскости до 66,7%. Слѣдовательно, по отношенію къ лошадямъ, какъ и по отношенію къ крупному рогатому и мелкому скоту, условія горной части Чечни болѣе благопріятны, чѣмъ плоскостной, гдѣ число безлошадныхъ достигаетъ двухъ третей всѣхъ домохозяевъ. Такое незначительное число лошадей, вмѣстѣ съ крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ, разумѣется, составляетъ крупное экономическое зло. Но тѣмъ не менѣе, въ виду указанной незначительной роли лошадей въ хозяйствѣ чеченцевъ, зло это не имѣетъ рѣшающаго значенія. Въ хозяйственныхъ работахъ лошадь чеченцу оказывается почти ненужной. Въ исторической борьбѣ своей съ сосѣдями онъ тоже не воспиталъ въ себѣ потребности въ лошади. Въ то время, когда кабардинецъ былъ страшенъ своими лихими кавалерійскими атаками и набѣгами, чеченецъ пугалъ своими завалами, которые воздвигалъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ которыхъ скрывался пѣшкомъ. Конные горцы играли роль преимущественно въ наступательной войнѣ, чеченцамъ же, въ послѣдніе годы ихъ самостоятельной политической жизни, приходилось вести почти исключительно оборонительную войну. Поэтому въ лошади онъ нуждался сравнительно мало, а въ хозяйственной жизни обходился волами. Эти же черты онъ сохранилъ, очевидно, и до сихъ поръ, вслѣдствіе чего недостатокъ лошадей въ Чечнѣ, понижая общую стоимость народнаго достоянія, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили, не имѣетъ рѣшающаго значенія для его хозяйства и всей экономической жизни.

Что касается развитія коневодства, то въ общемъ оно несомнѣнно совершается довольно быстро, почти такъ же, какъ и развитіе скотоводства вообще. Въ 1888 г. въ Грозненскомъ округѣ насчитывалось 14171 лошадь, а въ 1891 г. число ихъ возрасло до 16879, т. е. нѣсколько больше чѣмъ на 6% въ годъ. Въ виду этого возможно допустить, что коневодство будетъ прогрессировать и въ будущемъ.

Такимъ образомъ, изъ предыдущаго очевидно, что по отношенію къ скотоводству Чечня ничѣмъ особымъ не выдѣляется среди другихъ мѣстностей Сѣвернаго Кавказа, за исключеніемъ развѣ относительно небольшого количества лошадей въ ней. Въ горныхъ мѣстностяхъ Чечни, какъ и въ горахъ Осетіи или Кабарды, скотоводство служитъ или главнымъ занятіемъ жителей,

или играетъ въ экономической жизни ихъ такую же роль, какъ и земледѣліе. На плоскости же земледѣліе, какъ занятіе болѣе доходное, развивается гораздо быстрѣе и уже далеко оставило за собой скотоводство. Но въ виду естественныхъ условій края, послѣднее, вѣроятно, еще долго будетъ имѣть важное значеніе въ горной части его. Въ видахъ предоставленія возможности чеченцамъ мирнымъ трудомъ снискивать себѣ средства къ жизни, было бы весьма желательно, чтобы вопросы скотоводства обратили на себя вниманіе, какое уже выпало на долю тѣсноземелья. Особенно интересно было бы выяснить причины существованія огромнаго количества хозяйствъ, неимѣющихъ мелкаго скота, съ тою цѣлью, чтобы затѣмъ, сообразно съ собраннымъ фактическимъ матеріаломъ, принять мѣры къ устраненію этого зла. Только при посредствѣ такихъ мѣръ и возможно расчитывать на быстрое замиреніе края.

Изъ другихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ приходится отмѣтить *пчеловодство*, которое, принадлежа къ числу занятій, не требующихъ большой затраты силы и усиленной работы, можетъ однако давать болѣе или менѣе значительные доходы, а потому считается излюбленнымъ чеченцами. Развитію этого промысла вполнѣ благопріятствуетъ климатъ Чечни, обиліе лѣсовъ и вообще южная растительность. Поэтому чеченцы занимаются пчеловодствомъ въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ ихъ сосѣди—осетины, кабардинцы, ингуши и кумыки, но все-таки не въ той мѣрѣ, въ какой можно было-бы ожидать, судя по характеру промысла и благопріятнымъ естественнымъ условіямъ для него. Въ 1891 году въ Грозненскомъ округѣ было 640 домохозяевъ, занимавшихся пчеловодствомъ; слѣдовательно, одинъ пчеловодъ приходился почти на 51 домохозяина. Каждый пчельникъ состоялъ въ среднемъ изъ 18,3 ульевъ, а общее число ихъ у всѣхъ пчеловодовъ достигало 11740. Пчеловодство въ краѣ то падаетъ, то развивается. Въ началѣ 80-хъ годовъ оно достигло относительно большого развитія, но затѣмъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ условій, пришло въ упадокъ. Въ 90-хъ годахъ оно снова начинаетъ подниматься. За годъ съ 1890 на 1891 годъ въ Грозненскомъ округѣ прибавилось 97 пчельниковъ и 2203 улья. Въ послѣдній годъ доходность отъ пчеловодства опредѣлялась въ 22760 рублей, что составляло около 23 коп. на душу мужескаго пола. Несмотря на то, что ус-

ловія для пчеловодства, за немногими исключеніями, вездѣ хороши, сосредоточивается оно преимущественно въ предгорной полосѣ и особенно въ 5-мъ (Шатоевскомъ) полицейскомъ участкѣ. Здѣсь пчеловодствомъ занимаются жители Борзоевскаго и Больше-Варандинскаго старшинствъ, а также нѣкоторыхъ другихъ селеній. Процвѣтавшее нѣкогда разведеніе марены теперь встрѣчается въ видѣ исключенія.

Затѣмъ въ числѣ сельскохозяйственныхъ промысловъ чеченскаго населенія, отмѣчаютъ *плодовое садоводство и виноградарство*, значеніе которыхъ въ экономической жизни населенія, впрочемъ, совсѣмъ невелико. Плодовыхъ деревьевъ здѣсь, правда, довольно много, особенно въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ лѣсомъ, но они рѣдко составляютъ сплошныя насажденія, а образуютъ, большею частью, небольшіе садики при усадьбахъ и на лѣсныхъ полянахъ. Фрукты въ значительной части потребляются самими-же хозяевами такихъ садиковъ и только отчасти идутъ въ продажу. Виноградарствомъ извѣстны въ Грозненскомъ округѣ селенія Брагуны, Амиръ-Аджи-Юртъ и другія. Но и здѣсь оно далеко не такъ развито, какъ въ лѣвобережныхъ теречныхъ станицахъ. Въ послѣдніе 1890—1891 годы число садовладѣльцевъ не увеличивается и ограничивается всего 819-ю. Количество получаемаго изъ этихъ садовъ винограда за тѣ-же годы колебалось отъ 49 тыс. пудовъ почти до 88 тысячъ, а выручка за выдѣланное вино отъ $10^1/_2$ тыс. рублей до 22,7 тыс. Кромѣ того, отъ 20 до 40 тыс. пудовъ винограда идетъ въ продажу въ сыромъ видѣ. Считая среднюю стоимость пуда винограда въ 20 к., находимъ, что населеніе зарабатываетъ на немъ еще отъ 4 до 8 тыс. рублей. Общая же выручка отъ винограда, колеблясь отъ 15 до 30 тыс. рублей, въ среднемъ достигаетъ приблизительно 22,5 тыс., что на душу населенія мужескаго пола даетъ около 17 коп.

Стѣсненные въ количествѣ своихъ земель и въ особенности земель пригодныхъ для пахоти, чеченцы, какъ уже было сказано, не всегда охотно обращаются къ разработкѣ пространствъ, поросшихъ чилизникомъ, или къ орошенію безводныхъ мѣстъ. Огромный трудъ, который приходится затратить на эти работы, мало привлекаетъ чеченцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда удобную для посѣвовъ землю возможно получить недорого и безъ большого труда. А случаевъ такихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чеч-

ни и особенно близъ Кумыкскихъ земель, составляющихъ сѣверо-западную границу ея, немало Кумыкскіе князья и помѣщики, получивъ въ свое владѣніе половину всѣхъ земель и потерявъ даровыхъ работниковъ въ видѣ зависимыхъ сословій, остались безъ рабочей силы. Огромныя земли ихъ не эксплуатировались и не приносили дохода; при такомъ положеніи дѣла, всякая аренда земель являлась для нихъ очень желательной, на какихъ бы то ни было условіяхъ. А такъ какъ хозяйство другихъ народностей—русскихъ, тавлинцевъ и кумыковъ, вблизи вороватыхъ чеченцевъ, почти невозможно, то чеченцы, по отношенію къ арендѣ, не имѣютъ конкурентовъ и пользуются землей кумыкскихъ владѣльцевъ на очень выгодныхъ для себя условіяхъ. Такъ, въ 1890 г. въ хуторѣ Туршуной Хасавъ-Юртовскаго округа чеченцы арендовали у княгини Эльдаровой 2 тыс. дес. земли за 240 рублей въ годъ, въ хуторѣ Кобалъ-Отавъ они сняли у князя Алибекова тоже 2 тыс. дес. за 300 рублей въ годъ, въ хуторѣ Патиматъ-юртъ 663 десятины, принадлежавшей княгинѣ Уцміевой и Бабатову, заарендованы чеченцами за 330 р. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, арендная плата повышается. Такъ, въ хуторѣ Симсиръ, того-же Хасавъ-Юртовскаго округа, чеченцы взяли у Даутова 445 десятинъ за 500 руб., а у купца Ярмаркина въ хуторѣ Чома—200 дес. за 300 рублей. Такимъ образомъ, арендная плата за землю, начинаясь отъ 12 к. за десятину, доходитъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до 1 р. 50 к. При такихъ условіяхъ аренда могла бы сдѣлаться довольно выгоднымъ занятіемъ для населенія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ она получитъ болѣе значительное распространеніе, чѣмъ имѣетъ теперь. О числѣ арендныхъ случаевъ и арендаторовъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, но судя по тѣмъ, которыя занесены въ «Статистическія Таблицы», ихъ немного. Несомнѣнно, что проведеніе въ краѣ желѣзной дороги дастъ толчекъ и этому занятію жителей.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, чеченцы, до окончательнаго покоренія ихъ русскими, промышляли разработкой и продажей лѣса. Въ теченіе зимы они заготовляли строевой и дровяной лѣсъ, таркалы *), обручи, клепки и доски. Лѣсъ соби-

*) Таркалами называются колья, служащіе для поддержки виноградныхъ лозъ.

рался въ плоты, которые, во время половодья р. Сунжи, сплавлялись сначала по ней, а затѣмъ по Тереку до самаго Кизляра, гдѣ такихъ плотовъ изъ Чечни набиралось отъ пяти до восьми сотъ и даже болѣе. Таркалы, въ количествѣ 5—6 тысячъ аробъ, также сбывались въ Кизляръ и сосѣднія съ нимъ мѣста. Туда-же везли обручи, клепки и другіе матеріалы для бочекъ. Въ общемъ разработка и продажа лѣса доставляла имъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Но послѣ возстанія 1840 г. и продолжительныхъ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, лѣса ея пали, а вмѣстѣ съ ними палъ въ прежнихъ размѣрахъ и промыселъ. Въ настоящее время онъ даетъ населенію немного и вѣроятно не больше того, что получается отъ пчеловодства. Упадокъ лѣсного промысла вѣроятно повліялъ на расширеніе земледѣлія, но очень мало подвинулъ впередъ такія существовавшія ранѣе кустарныя производства, какъ бурочный, издѣлія изъ шелка, металлическія плетенія и т. п. Продукты этихъ производствъ всегда имѣютъ на Кавказѣ болѣе или менѣе обезпеченный сбытъ, а потому упадокъ ихъ только и можно объяснить указанными выше культурными причинами. Въ виду предпринятаго въ Терской области въ настоящее время изученія кустарныхъ промысловъ, мы остановимся на нихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣмъ болѣе, что наши свѣдѣнія нѣсколько устарѣли.

Наибольшее экономическое значеніе въ ряду кустарныхъ промысловъ чеченцевъ имѣетъ бурочный промыселъ, находящійся, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ овцеводствомъ. Процессъ подготовки матеріаловъ для бурокъ, а равно и изготовленія ихъ были описаны нами въ статистико-экономическомъ очеркѣ о кабардинцахъ *). Въ Чечнѣ этотъ процессъ почти ничѣмъ не отличается отъ практикуемаго въ Кабардѣ, но въ общемъ менѣе тщателенъ, а потому чеченскія бурки уступаютъ по качеству славящимся по всему Кавказу кабардинскимъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что многія чеченскія бурки выщелачиваются въ минеральныхъ источникахъ, онѣ нерѣдко отличаются своею тонкостью и легкостью, очень цѣнными при продажѣ. Центромъ производства бурокъ въ Чечнѣ съ давнихъ временъ считается аулъ Старый-юртъ въ Большой Чечнѣ. Отсюда районъ распространенія бурочнаго промысла тянется къ юго-востоку по направленію къ

*) «Терск. Сборн.», вып. 2-й.

Кумыкской плоскости. Постепенно къ югу онъ переходитъ къ суконному промыслу и къ добыванію сырья, т. е. шерсти, а къ востоку—къ суконному и полостяному производствамъ. Такъ какъ овцеводство въ Большой Чечнѣ распространено относительно мало, то жители ея, занятые бурочнымъ промысломъ, покупаютъ шерсть или въ Малой Чечнѣ, или у ингушей. Скупка происходитъ преимущественно на весеннихъ и осеннихъ ярмаркахъ въ г. Грозномъ, причемъ пріобрѣтается она немытая и не на вѣсъ, а рунами, по 25—35 к. за руно. По свѣдѣніямъ г. Марграфа**), бурочнымъ промысломъ въ Чечнѣ занимается менѣе 500 семействъ съ 1230 работницами. Мужчины въ этомъ производствѣ почти никакого участія не принимаютъ. Производительность, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, достигаетъ 7400 бурокъ въ годъ на сумму въ 73300 р. Чистый заработокъ семьи, за вычетомъ расхода на матеріалъ, опредѣляется г. Маргграфомъ въ 67 руб., слѣдовательно, все производство даетъ чистаго дохода приблизительно 33 тыс. рублей. «Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области» отмѣчаютъ очень небольшое число семей, занятыхъ этимъ промысломъ, вслѣдствіе чего опредѣлить размѣръ и распространенность его въ настоящее время невозможно. Но по свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ и нѣкоторымъ другимъ, проиводство бурокъ ежегодно сокращается.

Климатическія и почвенныя условія Чечни вполнѣ благопріятствуютъ развитію въ ней шелководства. Поэтому еще относительно недавно шелкъ и издѣлія изъ него изготовлялись въ очень многихъ мѣстахъ плоскостной Чечни. Къ сожалѣнію, болѣзнь шелковичныхъ червей, а равно отсутствіе хорошей грены и разсадниковъ ея погубили здѣсь это дѣло. Тѣмъ не менѣе и теперь въ каждомъ аулѣ найдется нѣсколько женщинъ, болѣе или менѣе искусныхъ въ изготовленіи различныхъ шелковыхъ издѣлій, впрочемъ, кромѣ тканей.

Техника этого дѣла въ Чечнѣ заключается, по словамъ г. Маргграфа, въ слѣдующемъ. «Коконы морятъ на солнцѣ или въ печи, вывариваютъ ихъ въ теплой мыльной водѣ и разматываютъ руками на особомъ мотовилѣ въ мотки; затѣмъ шелкъ вторично вывариваютъ въ мыльной водѣ или щелокѣ и прядутъ веретеномъ или сучатъ руками въ нитки; въ ниткахъ красятъ въ

*) Очерки кустарныхъ промысловъ Сѣв. Кавказа, сост. Маргграфъ.

черный, желтый или красный цвѣтъ. Иногда этимъ заканчивается обработка, совершаемая однимъ лицомъ, а иногда изъ нитокъ дѣлаютъ снурки и тесьму болѣе или менѣе широкіе, проплетаютъ ихъ серебряною или золотою канителью, украшаютъ узелками, обмотанными серебромъ, и эти снурки продаютъ на цѣпочки для часовъ, но чаще для прикрѣпленія пистолетовъ, взамѣнъ дорогой серебряной тесьмы» *). Въ продажу чаще поступаетъ шелкъ сырецъ смотанный пасмами, или разварной и смотанный крестообразно въ мотки. Нѣсколько рѣже его продаютъ въ снуркахъ и ниткахъ, которыя служатъ чеченкамъ для вышиванія обуви и платья. Сбытъ ограничивается г. Грознымъ и сосѣдними мѣстностями Сѣвернаго Кавказа. По свѣдѣніямъ г. Марграфа, въ плоскостной Чечнѣ ежегодно производятъ около 830 пудовъ шелку Фунтъ коконовъ продается по 25—40 к. или вымѣнивается на аршинъ ситца; размотанный шелкъ цѣнится гораздо дороже, а именно отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 50 к. за фунтъ Но размотка шелка, въ виду отсутствія шелкомотательныхъ станковъ, и нераціональное замариваніе коконовъ служатъ существеннымъ тормазомъ въ развитіи производства шелка и шелковыхъ издѣлій въ Чечнѣ. А между тѣмъ эта отрасль промышленности имѣетъ много данныхъ на процвѣтаніе и поддержка ея была бы очень желательна какъ для самихъ чеченцевъ, такъ и вообще для нашей промышленности.

Гончарный промыселъ, имѣвшій раньше относительно большое распространеніе, тоже падаетъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Чеченская глиняная поливная посуда предпочиталась русской, такъ какъ чеченцы, нестѣсняемые въ топливѣ, могли хорошо обжигать ее На очень простомъ станкѣ для выдѣлки глиняной посуды чеченскіе мастера изготовляютъ большіе хабары (широкогорлые кувшины), емкостью въ $^3/_4$ ведра, макитры, чашки на подобіе ногайскихъ, узкогорлые кувшины, горшки разной величины, формы и т. п. Все это обжигается въ небольшой печи, имѣющей аршина $2^1/_2$ въ діаметрѣ и 3 въ глубину и подтапливающейся изъ подземной мастерской. Для поливы чеченцы берутъ свинецъ и пережигаютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не превратится въ окись или свинцовый глетъ. Разведенный съ водой и яичнымъ бѣлкомъ, глетъ служитъ для поливы мелкой посуды;

*) Jbidem, стр. 201.

для крупной же онъ приготовляется съ нефтью. Полученной смѣсью вымазываютъ посуду и ставятъ въ гончарную печь, въ которой и выжигаютъ посуду въ теченіе двухъ сутокъ на безпрерывно поддерживаемомъ огнѣ. Промыселъ распространенъ въ Большой Чечнѣ, въ селеніяхъ Шали, Старый-юртъ, Новый-юртъ, Шали-юртъ и др. Чистый годовой заработокъ отъ него простирается до 120 руб. на семью каждаго мастера.

Въ семидесятыхъ годахъ гончарный промыселъ сталъ соединяться вмѣстѣ съ черепичнымъ и кирпичнымъ, пока эти послѣдніе почти совсѣмъ не вытѣснили первый. Въ настоящее время производство черепицы получаетъ преобладаніе, затѣмъ слѣдуетъ уже кирпичное. Черепичныхъ заводовъ въ Грозненскомъ округѣ къ 1892 г. насчитывалось 18, кирпичныхъ 14, а гончарныхъ всего 7. Чистый годовой заработокъ отъ черепично-кирпичнаго производства простирается до 100 руб. на семью каждаго кустаря. Дальнѣйшія затрудненія въ эксплуатаціи лѣсовъ, вѣроятно, еще больше усилять нужду въ черепицѣ и кирпичахъ, а потому возможно ожидать развитія производства ихъ.

Среди другихъ промысловъ необходимо отмѣтить водяныя мельницы, которыхъ къ 1892 г. въ Чечнѣ насчитывалось около тысячи. Но значительная часть ихъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ горскихъ мельницъ, съ производительностью 2—5 мѣръ въ сутки. Поэтому значеніе ихъ чисто хозяйственнаго характера, а никакъ не промышленнаго.

Свѣдѣній же о такихъ занятіяхъ, какъ охота, рыбная ловля, отхожіе и другіе промыслы, мы совсѣмъ не имѣемъ. Впрочемъ, роль ихъ въ экономической жизни населенія едва-ли значительна

Такимъ образомъ, кустарные промыслы въ Чечнѣ, за исключеніемъ развѣ одного черепично-кирпичнаго, находятся въ періодѣ упадка. А между тѣмъ, въ виду тѣсноземелья въ краѣ, они могли бы имѣть значеніе въ экономической жизни населенія. Поэтому было бы очень желательно обратить серьезное вниманіе на поддержку и развитіе ихъ. Первый шагъ для этой цѣли, заключающійся въ подробномъ изученіи промысловъ, уже сдѣланъ. Теперь остается приняться за разработку практическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержкѣ промысловъ, и за осуществленіе этихъ мѣропріятій въ жизни.

ГЛАВА VI.

Платежи чеченцевъ.

Казенные и общественные платежи.—Распредѣленіе ихъ и сравненіе съ платежами другихъ туземцевъ.—Средства населенія для погашенія платежей.

Болѣе или менѣе правильная организація податного дѣла въ Чечнѣ была введена еще при Шамилѣ. На содержаніе муртазековъ, духовенства, мечетей, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, на военныя дѣйствія и пр. имъ были установлены особыя подати, составлявшія такъ называемую шаріатскую казну. Главная подать носила названіе *заката*. Взималась она съ доходовъ отъ имѣній и составляла десятую часть этихъ доходовъ. Немалымъ источникомъ служили для Шамиля штрафы, взыскивавшіеся за разнаго рода преступленія, и конфискованныя, послѣ казни преступниковъ, имущества. Наконецъ, въ пользу шаріатской казны шелъ *хумсъ*, т. е. пятая часть со всей военной добычи. Сюда относились и плѣнные, такъ какъ пятая часть суммы, вырученной отъ продажи ихъ, обращалась въ шаріатскій доходъ. Съ переходомъ Чечни во власть Россіи, податное дѣло было организовано въ ней не сразу. Сначала здѣсь существовало нѣсколько частныхъ сборовъ, но съ 1866 г. Его Высочество Намѣстникъ Кавказскій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, согласно представленію начальника Терской области, постановилъ взимать съ чеченцевъ, а равно и съ другихъ туземцевъ Сѣвернаго Кавказа, особый государственный налогъ, подъ названіемъ государственной подымной подати. Размѣръ ея для чеченскаго округа былъ опредѣленъ въ 3 руб. съ дыма, т. е. съ двора, имѣющаго самостоятельное хозяйство, а для Ичкеринскаго и Аргунскаго округовъ по 1 руб. Такимъ образомъ, русская податная система игнорировала доходъ семьи или отдѣльнаго плательщика и совершенно независимо отъ этого дохода опредѣляла платежъ съ семьи. Подымный сборъ хотя и отличается нѣсколько отъ подушнаго въ Россіи, но имѣетъ одинъ съ нимъ характеръ и справедливо причисляется къ наименѣе совершенной формѣ налоговъ, называемыхъ личными. По сравненію съ нимъ азіатскія формы обложенія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ сборѣ извѣстной части урожая или вообще дохода, въ принципѣ, какъ сборы подоходные, болѣе справедливы. Но при низкомъ культурномъ уровнѣ плательщиковъ и сборщиковъ, при постоянныхъ злоупо-

требленіяхъ послѣднихъ, сборы въ родѣ закята нерѣдко обращались въ прямые грабежи. Поэтому даже подымная система опредѣленныхъ платежей для большинства населенія оказывается, если платежныя ставки не велики, гораздо удобнѣй и проще. Ставки же казеннаго подымнаго налога въ Чечнѣ, опредѣленнаго съ 1866 года, не могутъ быть названы чрезмѣрными. Съ тѣхъ поръ они не измѣнялись до послѣдняго времени; но съ 1887 г. туземцы Сѣвернаго Кавказа, освобожденные отъ отбыванія воинской повинности натурою, привлечены къ платежу новаго казеннаго налога, называемаго «налогомъ взамѣнъ отбыванія воинской повинности натурой». Размѣръ его не превышаетъ 22 коп. съ дыма; слѣдовательно, и онъ настолько незначителенъ, что вмѣстѣ съ казеннымъ подымнымъ налогомъ почти не увеличиваетъ податного бремени чеченцевъ въ пользу казны. Не измѣняясь почти въ теченіе 27 лѣтъ, подымное обложеніе въ настоящее время потеряло всякое соотношеніе съ платежной состоятельностью жителей. Въ 1890 году окладъ его, вмѣстѣ съ воинскимъ налогомъ, по даннымъ мѣстныхъ финансовыхъ органовъ, опредѣлялся въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Съ чеченскаго населенія, проживающаго

въ плоскостной части Чечни:

въ 1-мъ полицейскомъ участкѣ Грозненскаго округа	15190 р.
— 2-мъ — — — —	12000 —
— 3-мъ — — — —	10527 —
— 4-мъ — — — —	10701 —
— Надтеречномъ — — —	10353 —
— въ мѣстностяхъ Хасавъ-Юртовскаго округа .	5396 —
Всего въ плоскостной части	64167 р.

Въ горной Чечнѣ:

въ 5-мъ полицейскомъ участкѣ Грозненскаго округа	1618 р.
» 6-мъ — — — —	2543.
» 7-мъ — — — —	2115.
» 8-мъ — — — —	3514.
» 9-мъ — — — —	2455.
Всего въ горной Чечнѣ	12245 р.
Итого во всей Чечнѣ	76412 р.

Послѣдняя перепись платежныхъ дымовъ производилась въ 1886 г. и, какъ извѣстно, вызвала броженіе въ населеніи, едва не окончившееся открытымъ возстаніемъ. При возбужденномъ состояніи умовъ въ Чечнѣ перепись эта составлялась, вѣроятно, не съ достаточнымъ разслѣдованіемъ показаній относительно числа дымовъ. Были случаи, когда въ большихъ нераздѣльныхъ семьяхъ женатые сыновья, живущіе при отцѣ, показывались отдѣльными дымами и, наоборотъ, отдѣльные записывались вмѣстѣ съ отцомъ. Поэтому въ перепись вкрались неточности, хотя онѣ и не были значительны. Но съ 1886 г. произошли многіе семейные раздѣлы и дѣйствительное число дымовъ увеличилось. Вслѣдствіе небрежности сельскихъ властей, о возникновеніи новыхъ хозяйствъ своевременно не сообщалось по начальству, а потому окладъ казенныхъ подымныхъ платежей исчислялся по старымъ даннымъ о количествѣ дымовъ. Результатомъ этого было то, что при внутренней аульной разверсткѣ исчисленнаго оклада между наличными дымами платежи, приходящіеся на каждый дымъ, были уже нѣсколько ниже тѣхъ ставокъ, которыя указывались распоряженіемъ Его Высочества Намѣстника Кавказскаго въ 1866 г. Такъ въ 1890 г. на платежный дымъ въ плоскостной Чечнѣ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, приходилось подымной подати уже не 3 р., а немногимъ болѣе 2 р. 81 к., но и то вмѣстѣ съ воинскимъ налогомъ. Въ горахъ же, вмѣсто 1 р. 22 к., по обоимъ налогамъ пришлось всего по 1 р. Средній платежъ по всей Чечнѣ едва превышаетъ 2 р. 18 к. съ наличнаго дыма. Отсюда очевидно, что за всѣ 25 лѣтъ (т. е. до 1891 г.) податное бремя отъ подымнаго налога для каждаго плательщика въ отдѣльности скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось. Но оставаясь почти неподвижнымъ по отношенію къ казеннымъ налогамъ, оно не было неизмѣннымъ въ отношеніи другихъ платежей. По мѣрѣ развитія русскаго правленія въ краѣ, возникали и новыя потребности, которыя необходимо было удовлетворять при посредствѣ новыхъ сборовъ. Такъ натуральная подводная повинность была переверстана въ денежную, подъ названіемъ аробной. Размѣръ ея въ 1890 г. опредѣлялся въ 20 к. съ дыма. Затѣмъ на содержаніе земскихъ и обывательскихъ лошадей для служебныхъ разъѣздовъ должностныхъ лицъ и пересылки казенной и частной корреспонденціи былъ установленъ особый сборъ по 66 к. съ дыма. Съ орга-

низаціей аульныхъ и сельскихъ правленій, съ учрежденіемъ сельскихъ писарей и канцелярій, пришлось назначать новыя средства, которыя собирались съ того же населенія. Наконецъ, для огражденія личной и имущественной безопасности жителей приходилось принимать немало мѣръ, вызывавшихъ тоже относительно значительные расходы. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ установились, кромѣ вышепоименованныхъ, еще сборы на жалованье сельскихъ писарей, фельдшеровъ, караульныхъ и разсыльныхъ, на канцелярскіе расходы сельскихъ правленій, на ремонтъ сельскихъ общественныхъ зданій, мостовъ, а частью и дорогъ, на отопленіе милиціонерскихъ постовъ и ремонтъ ихъ, затѣмъ на жалованье мусульманскому духовенству, на содержаніе грозненской горской школы и на нѣкоторые другіе расходы, именуемые обыкновенно «разными». Въ 1891 г. въ этой послѣдней рубрикѣ расходовъ значилось по Грозненскому округу около 4074 р. На жалованье должностнымъ лицамъ сельскихъ правленій въ томъ же году шло 5621 р., на содержаніе духовенства 1618 р., а на школы всего 754 р. Въ общей же суммѣ всѣ негосударственные платежи, по даннымъ «статистическихъ таблицъ», составляли

въ плоскостной части Чечни	38955 р.
въ горной — —	15714 р.
По всей Чечнѣ	54669 р.

Такъ какъ земскія повинности въ Терской области еще не введены, то всѣ означенные сборы относятся къ числу общественныхъ или мірскихъ. Впрочемъ, само населеніе выдѣляетъ нѣкоторые изъ нихъ и придаетъ имъ значеніе земскихъ. Но въ виду предстоящаго введенія земскихъ повинностей въ краѣ и опредѣленнаго, согласно закону, разграниченія платежей земскихъ и мірскихъ, нѣтъ надобности удерживать старое дѣленіе, а потому возможно за всѣми означенными сборами оставить общее имъ названіе общественныхъ сборовъ. При этомъ однако необходимо имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ аробные, на земскихъ лошадей и др., устанавливаются не самими сельскими обществами, а административными властями, другіе же, какъ содержаніе сельскихъ писарей, духовенства и пр., опредѣляются въ своихъ размѣрахъ волею общинъ. Тѣ и другіе сборы, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, не достигаютъ 55

тыс. рублей и въ общей суммѣ своей не достигаютъ размѣра казенныхъ платежей. Въ среднемъ по всей Чечнѣ они не превышаютъ 1 р. 56 к. съ дыма, колеблясь однако отъ 1 р. 28 к. въ горной части почти до 1 р. 71 к. на плоскости. Такимъ образомъ, абсолютныя цыфры общественныхъ сборовъ, какъ и казенныхъ налоговъ, въ горахъ меньше, чѣмъ на плоскости, но во всякомъ случаѣ не въ той мѣрѣ, въ какой возможно было бы ожидать, имѣя въ виду, напримѣръ, земельное обезпеченіе жителей той и другой части края. Въ то время, когда населеніе горной полосы имѣетъ въ среднемъ на дымъ 3,43 десятины, т. е. почти въ 3,28 раза меньше плоскостного, располагающаго 11,25 дес., платитъ первое казенныхъ и общественныхъ повинностей въ 2 раза меньше. Неравномѣрность обложенія всѣми сборами особенно очевидна изъ слѣдующей таблицы, въ которой показаны казенные и общественные платежи, лежащіе на плоскостномъ и горномъ населеніи Чечни, а также на нѣкоторыхъ другихъ народностяхъ.

Всѣхъ платежей приходится:

	На наличн. дымъ.	На налич. душу муж. пола.	На 1 дес. земли.
У плоскостныхъ чеченцевъ	4 р. 52 к.	1 р. 69 к.	21 к.
У горныхъ чеченцевъ	2 » 29 »	82 »	61 »
У всѣхъ чеченцевъ въ среднемъ	3 » 74 »	1 » 37 »	32 »
У кабардинцевъ	8 » 20 »	2 » 41 »	32 »
У терскихъ казаковъ	8 » 30 »	2 » 85 »	14,4к.
У плоскостныхъ ингушей	9 » 12 »	3 » 53 »	80 »
У плоскостныхъ осетинъ	12 » 25 »	3 » 25 »	66 »
У щигровскихъ крестьянъ Курской губ.	27 р. » »	8 » »	3 р. 20 к

Такимъ образомъ, каждый наличный дымъ у плоскостныхъ чеченцевъ, равно какъ и каждая наличная душа мужескаго пола платятъ почти вдвое больше, чѣмъ у горныхъ, но каждая десятина земли, находящейся во владѣніи первыхъ, несетъ чуть не въ три раза меньше платежей, чѣмъ въ горахъ. Обстоятельство это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что основаніемъ для введенія самаго крупнаго мѣстнаго налога—подымной подати служило, между прочимъ, и «право пользованія населеніемъ, безъ изъятія кого бы то ни было, землею». Въ виду этого какъ мѣстными, такъ и центральными властями давно сознана необходимость

преобразованія подымной подати въ государственный поземельный налогъ съ тѣмъ, чтобы размѣръ его исчислялся пропорціонально доходности съ земли.

Сравнивая чеченскіе платежи съ таковыми-же у другихъ народностей Сѣвернаго Кавказа, находимъ, что чеченцы польгочены больше другихъ. Каждый платежный дымъ даже въ плоскостной Чечнѣ несетъ почти въ два раза меньше платежей, чѣмъ у терскихъ казаковъ, кабардинцевъ и ингушей, почти въ три раза меньше, чѣмъ у осетинъ и въ шесть разъ меньше тѣхъ платежей, которые приходятся на долю щигровскихъ крестьянъ Курской губерніи. Налоговое бремя, приходящееся на каждаго плоскостного чеченца мужескаго пола, въ полтора раза меньше, чѣмъ у кабардинцевъ и терскихъ казаковъ, въ два раза меньше осетинскаго и ингушескаго и почти въ пять разъ меньше крестьянскаго Но такія благопріятныя для чеченцевъ данныя, получающіяся при разверстаніи налоговъ по лицамъ и дымамъ, не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ при правильной податной системѣ объектомъ обложенія долженъ служить доходъ плательщиковъ, а при менѣе правильной, но все-таки болѣе совершенной, чѣмъ личное обложеніе,—имущество ихъ. По отношенію къ послѣднему, заключающемуся прежде всего въ землѣ, мы имѣемъ уже менѣе благопріятныя для чеченцевъ данныя. Оказывается, что они платятъ въ среднемъ съ каждой десятины земли, находящейся въ ихъ владѣніи, въ два съ половиной раза больше, чѣмъ терскіе казаки и столько же, сколько кабардинцы. По сравненію же съ осетинами, они платятъ въ два раза меньше и въ $2^1/_2$ раза меньше ингушей. Русскіе же крестьяне щигровскаго уѣзда несутъ съ своей земли въ 10 разъ больше платежей, чѣмъ чеченцы. Слѣдовательно, эти послѣдніе уравнены съ кабардинцами и значительно польгочены сравнительно съ плательщиками другихъ народностей, за исключеніемъ только терскихъ казаковъ. Но при всемъ томъ они, какъ мы уже видѣли, распредѣляются между чеченскимъ населеніемъ крайне неравномѣрно, вслѣдствіе чего земли горскаго населенія обложены почти втрое больше плоскостного. Въ этомъ отношеніи платежи въ Чечнѣ ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ-же у другихъ туземцевъ Сѣвернаго Кавказа.

Что касается натуральныхъ повинностей, то къ сожалѣнію мы не располагаемъ сколько нибудь полными данными о нихъ.

Несомнѣнно лишь, что самая важная изъ нихъ—дорожная вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе тяжела для населенія. Для административныхъ и хозяйственныхъ цѣлей чеченцы вынуждены заботиться объ относительно хорошемъ состояніи своихъ дорогъ. На плоскости эти заботы ограничиваются поддержкой мостиковъ, исправленіемъ спусковъ на оврагахъ и т. п. незначительными работами. Но въ горахъ какъ проведеніе дороги вновь, такъ и поддержка ея стоютъ огромныхъ трудовъ. Здѣсь приходится взрывать скалы, отбрасывать въ сторону камни въ десятки и сотни пудовъ, дѣлать подпорныя стѣнки или медленно, небольшими кусочками разрушать выступы такихъ горныхъ породъ, которыя не всегда поддаются ударамъ тяжелой стали. Разработка горныхъ дорогъ—это поистинѣ египетскій трудъ, требующій много силъ и средствъ. Даже поддержаніе уже существующихъ дорогъ въ исправномъ видѣ настолько тяжело, что не всегда можетъ считаться посильной горнымъ общинамъ Такимъ образомъ, и натуральныя повинности, подобно денежнымъ, гораздо тяжелѣе въ горахъ, чѣмъ на плоскости. Такое распредѣленіе ихъ лишній разъ показываетъ всю крайнюю необходимость, во первыхъ, переложенія натуральныхъ новинностей въ денежныя, а во вторыхъ, равномѣрнаго распредѣленія ихъ между населеніемъ путемъ введенія губернскихъ земскихъ повинностей, разверстка коихъ производилась бы сообразно съ доходностью различныхъ имуществъ, принадлежащихъ населенію. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, такая именно реформа податного дѣла подготовляется къ осуществленію въ недалекомъ будущемъ.

Теперь обращаемся къ подсчету тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ населеніе для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей и для уплаты лежащихъ на немъ денежныхъ сборовъ.

Средній урожай хлѣбовъ можетъ, какъ мы уже видѣли, за вычетомъ потребленія и посѣвныхъ семянъ, дать чеченскому населенію Грозненскаго округа до 374 тыс. рублей дохода отъ продажи зерна. Считая, что каждая чеченская семья Хасавъ-Юртовскаго округа продаетъ столько же, сколько и Грозненская, находимъ, что чеченцы Хасавъ-Юртовскаго округа тоже могутъ выручить до $35^1/_2$ тыс. руб. Затѣмъ допустимъ, что продукты молочнаго хозяйства отъ крупнаго рогатаго скота идутъ на потребленіе, а всѣ вообще доходы отъ этого скота и коневодства—

на удовлетвореніе другихъ потребностей населенія. Въ такомъ случаѣ остаются еще доходы отъ овцеводства. Предполагая, что часть продуктовъ овцеводства поступаетъ для удовлетворенія потребностей овцеводовъ, все-таки необходимо допустить, что при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ оно должно приносить около 20 к. съ головы, а всего не менѣе 72 тыс. рублей. Затѣмъ пчеловодство, какъ видно изъ предыдущей главы, даетъ 22,8 тыс. рублей, винодѣліе—22,5 тыс., лѣсной промыселъ столько же сколько пчеловодство, шелководство—въ среднемъ 1 5 тыс., а гончарное, кирпичное и черепичное производства вмѣстѣ 4 т. р. Въ такомъ случаѣ, не считая доходовъ отъ аренды земель, отъ охоты, рыболовства, кузнечества, отхожихъ и другихъ промысловъ, свѣдѣніями о которыхъ мы не располагали, общая сумма денежныхъ поступленій у чеченцевъ исчисляется приблизительно въ 588 тысячъ рублей. Изъ этой суммы чеченцы должны выплачивать 131 тыс. рублей различныхъ платежей. Слѣдовательно, на долю населенія остается 457 т. рублей, что на семью составитъ болѣе 13 рублей

Доходъ этотъ, разумѣется, очень невеликъ, но уже одна возможность полученія его показываетъ, что чеченцы находятся не въ худшемъ, а нерѣдко и въ лучшемъ положеніи, чѣмъ многіе русскіе крестьянѣ. Съ введеніемъ же здѣсь податной реформы и земскихъ повинностей есть надежда, что распредѣленіе платежей будетъ правильнѣе и равномѣрнѣе, а потому и наименѣе платежеспособное населеніе Чечни получитъ возможность имѣть тѣ остатки отъ хозяйства и промысловъ, которыхъ лишено до сихъ поръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо помнить, что одной податной реформы для замиренія края и для большаго развитія культуры въ немъ еще недостаточно. Для этой цѣли, какъ мы уже видѣли, нужны: школа, достаточное количество земли и поддержка привычныхъ населенію промысловъ. Всѣ эти нужды давно намѣчены, сдѣлались общеизвѣстными и подготовляются къ удовлетворительному разрѣшенію. Будемъ надѣяться, что это послѣднее не заставитъ долго ждать себя.

Евг. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ.

МИХАЙЛОВСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ОТЪ АВТОРА.

Во второмъ выпускѣ «Терскаго Сборника»*) напечатана моя статья подъ заглавіемъ «Горячеводскія Минеральныя Воды». Въ предисловіи къ этой статьѣ я уже имѣлъ случай изложить въ общихъ чертахъ мотивы, которыми я руководствовался, приступая къ описанію мелкихъ группъ цѣлебныхъ источниковъ Терской области.

Переходя въ предлагаемой здѣсь работѣ къ описанію второй группы такихъ источниковъ, я, между прочимъ, имѣлъ въ виду и частнаго предпринимателя. Это обстоятельство побудило меня дать возможно полныя и точныя свѣдѣнія не только о самыхъ источникахъ, но и о топографіи мѣстности, а также о нѣкоторыхъ хозяйственныхъ и техническихъ условіяхъ для предполагаемаго устройства ихъ.

Врачъ Н. Вертеповъ.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ, ЛѢЧЕБНОЕ ЗНАЧЕНІЕ И КЛИМАТЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Ммхайловскія минеральныя воды находятся въ разстояніи 2½ верстъ отъ ст. Михайловской, на южномъ склонѣ горнаго хребта, закрывающаго съ сѣвера долину р. Сунжи и носящаго названіе Сунженскихъ горъ. Минеральные источники расположены двумя группами въ верховьяхъ двухъ смежныхъ ущелій, или, вѣрнѣе сказать, балокъ.

Начинаясь отъ самой хребтовой линіи горъ многочисленными развѣтвленіями, ущелья эти, постепенно углубляясь, прорѣзываютъ южный склонъ хребта въ общемъ направленіи съ сѣвера на югъ. Бока ихъ почти отвѣсны, глубина въ нѣсколько сотъ футовъ, а по дну каждаго ущелья извивается оврагъ, служащій русломъ для ручьевъ, образуемыхъ минеральными источниками.

У подножья горъ овраги поворачиваютъ навстрѣчу другъ другу, минеральные ручьи сливаются и отсюда уже общимъ рус-

---

*) Литературно-научное приложеніе къ «Терскому Календарю» на 1892 годъ, отд II стр. 104—131.

ломъ идутъ по направленію къ юго-востоку, до впаденія въ рѣку Сунжу.

Разграничивающій описанныя ущелья горный хребетъ, въ срединѣ протяженія своего гребневидный, оканчивается двумя большими конусообразными возвышеніями, стоящими рядомъ на одной продольной линіи склона горъ. Благодаря этому, отъ подножья указанныхъ возвышеній паденіе горнаго склона идетъ уже равномѣрно на всемъ протяженіи между ручьями и, такимъ образомъ, образуется покатая, треугольной формы площадка, закрытая съ сѣвера горою.

Здѣсь же у подножья возвышеній, пересѣкая площадку, проходитъ полотно Петровской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги. Пересѣченіе минеральныхъ ручьевъ потребовало сооруженія десяти-саженныхъ насыпей, а для пропуска воды устроены бетонныя трубы. Недостатокъ мѣста на площадкѣ для устройства разъѣзда вынудилъ перенести станцію на правый берегъ западнаго ручья, какъ разъ противъ самой станицы.

Въ этомъ мѣстѣ полотно желѣзной дороги достигаетъ наибольшей высоты надъ Сунженской долиной. Извиваясь зигзагами по пересѣченной мѣстности склона горъ, оно даетъ возможность любоваться довольно красивою перспективой долины съ разбросанными по ней станицами, аулами и угодьями ихъ.

Отъ станицы къ минеральнымъ источникамъ ведетъ грунтовая дорога, окопанная съ двухъ сторонъ канавой. Въ мѣстѣ сліянія минеральныхъ ручьевъ она раздѣляется на двѣ: одна идетъ вдоль русла ручья, по ближайшему ущелью (теперь завалена насыпью), другая, поднявшись на вышеописанную площадку и перейдя полотно желѣзной дороги, врѣзывается въ крутой склонъ ущелья, саженей на 13 выше ручья, и затѣмъ, достигнувъ источниковъ и обогнувъ по краю котловину ихъ, спускается по другой сторонѣ ущелья къ своему началу. Недоходя саженей на 50 до источниковъ, эта послѣдняя дорога даетъ вѣтвь на нижележащую площадку, отъ которой уже въ видѣ широкой пѣшеходной тропы спускается къ самому ручью. Здѣсь были ванныя строенія; теперь это—излюбленное мѣсто для купаній и стирки бѣлья. Остальная же часть дороги служитъ для проѣзда къ самымъ источникамъ.

Что касается мѣста расположенія источниковъ, то главнѣйшіе ключи ихъ находятся въ верховьяхъ ущелій, въ разстояніи

около версты отъ мѣста сліянія ручьевъ. Они же служатъ истокомъ для этихъ послѣднихъ.

Источники ближайшаго къ станицѣ ручья, составляющіе западную группу, носятъ общее названіе Слѣпцовскихъ источниковъ. Имя славнаго командира Сунженскаго казачьяго полка Слѣпцова пріурочено, собственно говоря, лишь къ тѣмъ источникамъ, которыми лѣчился онъ послѣ пораненія и которые для сего были задѣланы въ срубы и вообще обстроены. Впослѣдствіи названіе «Слѣпцовскіе» перенесено было и на всѣ другіе источники этого ручья, хотя въ частности нѣкоторые изъ нихъ у мѣстнаго населенія имѣютъ и свое особое названіе, какъ-то: «желѣзный», «ессентукскій».

Но начнемъ сначала. Двигаясь вверхъ по ручью и миновавъ нѣсколько побочныхъ развѣтвленій ущелья, въ видѣ болѣе или менѣе глубокихъ балокъ съ водомойными оврагами, вы доходите до узкой, глубокой, съ крутыми сторонами балки, которую подъ прямымъ угломъ пересѣкаютъ вышедшіе наружу мощные пласты песчаника. Соотвѣтственно углубленію балки имѣется и углубленіе въ песчаникѣ. Идущій выше сухой водомойный оврагъ прерывается здѣсь двумя большими продолговато-круглыми глыбами песчаника. Ихъ раздѣляетъ продольная трещина; изъ трещины этой и бьютъ два ключа минеральной воды, одинъ выше другого. Образуемый ими ручей сейчасъ же падаетъ небольшимъ каскадомъ въ овальное углубленіе изъ того-же песчаника, имѣющее видъ небольшаго бассейна. Бассейномъ этимъ пользуются для купаній любители, пробирающіеся сюда по узкой и неудобной тропкѣ, извивающейся по склону ущелья на протяженіи $^1/_4$ версты отъ Слѣпцовскаго колодца. Собственно говоря, истокомъ ручья нужно считать источники, лежащіе еще выше по ущелью, выбивающіеся тоже изъ песчаника и имѣющіе одинаковый съ нимъ химическій составъ; но источники эти слабы настолько, что постояннаго ручейка не образуютъ.

Вода этихъ ключей непріятнаго щелочно-соленаго вкуса и отдаетъ сѣроводородомъ, распространяющимся на довольно значительное разстояніе. Температура ея$=30^\circ$ R. Дебитъ этихъ ключей составляетъ около 10,000 ведеръ въ сутки. Слѣдовъ обработки ихъ никакихъ здѣсь не имѣется.

Стѣнки самой водоносной трещины покрыты черноватымъ налетомъ, на берегахъ-же и особенно на вышележащихъ глыбахъ

песчаника, по трещинамъ его, имѣются густые налеты желтоватаго—сѣрнаго и бѣлаго—соляного цвѣтовъ. Послѣдній преобладаетъ количествомъ и на языкѣ даетъ отчетливый вкусъ поваренной соли.

Далѣе внизъ по руслу, на протяженіи отъ истока ручья до ключей нижележащаго Слѣпцовскаго колодца, имѣется еще нѣсколько мелкихъ ключей, замѣтныхъ по струйкамъ воды, а чаще по разжиженію земляного берега ручья и по бѣлому налету на немъ. Этотъ бѣлый налетъ замѣчается положительно по всему руслу ручья вплоть до Слѣпцовскаго колодца. Особенно обиленъ онъ бываетъ въ жаркіе лѣтніе дни.

Недоходя саженей на 10 до Слѣпцовскаго колодца, на правомъ берегу, въ разстояніи 4-хъ саж. отъ ручья, подъ маленькимъ обрывомъ, находятся два едва пробивающихся наружу ключа. Это и есть такъ назыв. въ народѣ «ессентукскіе источники». По разсказамъ стариковъ, ключи эти прежде выбивались у самаго берега, но затѣмъ, вслѣдствіе засоренія, они передвигались все выше и выше по склону ущелья и въ то-же время становились все слабѣе и слабѣе. И дѣйствительно, пространство между ними и ручьемъ занято топкою трясиной, а на указанномъ мѣстѣ мнѣ удалось откопать каменный срубъ.

Вода же существующихъ теперь ключей имѣетъ весьма слабый щелочно-соленый вкусъ и по степени минерализаціи много уступаетъ даже водѣ ручья въ этомъ мѣстѣ, которая имѣетъ здѣсь ясный щелочно-соленый вкусъ, напоминающій, дѣйствительно, ессентукскіе источники и уже безъ примѣси сѣроводорода, а потому вовсе не противна. По температурѣ источники эти, какъ и вода самого минеральнаго ручья въ этомъ мѣстѣ, не отличаются отъ температуры воздуха; зимой и ключи и ручей замерзаютъ.

Наконецъ, самый Слѣпцовскій колодецъ. Онъ помѣщается саж. на 5 отъ ручья и саж. на $1^1/_2$ выше его, при выходѣ небольшой котловины, расположенной выше его на склонѣ ущелья. Колодецъ выложенъ тесанымъ камнемъ, имѣетъ по $1^3/_4$ арш. въ каждой сторонѣ и безъ малаго 2 арш. въ глубину. Надъ нимъ съ сѣверной стороны на пригоркѣ стоитъ каменный крестъ. Со дна его бьютъ 3 ключа, два теплыхъ и одинъ прохладный; выбиваются они въ углахъ сруба изъ трещинъ, находящихся между каменнымъ дномъ и стѣною сруба колодца. Запахъ сѣроводо-

рода слышенъ уже на разстояніи, но онъ относительно слабъ и нисколько не портитъ пріятнаго впечатлѣнія отъ ванны.

Колодецъ этотъ служитъ любимымъ мѣстомъ для купаній. Источники его не обильны водою; будучи вычерпанъ, онъ наполняется въ теченіе 30—32 минутъ, слѣдовательно они даютъ около 9,000 ведеръ въ сутки; *) температура воды въ колодцѣ держится постоянно на 28° R.

Отъ колодца идетъ маленькій ручеекъ, берега котораго покрыты пленой барежина различныхъ оттѣнковъ. Вправо отъ ручейка имѣется небольшая лужайка; на ней стояло зданіе, въ которомъ жилъ и лѣчился Слѣпцовъ. Влѣво, саж. на 10 ниже,—небольшая возвышенность, у подножія которой пролегаетъ колесная дорога, ведущая къ колодцу.

Указанная возвышенность состоитъ сплошь изъ песчаника и круто обрывается надъ ручьемъ, представляя собою каменную стѣну на берегу его. Стѣна эта изгибается полукругомъ, а у основанія ея имѣется углубленіе. Изъ трещинъ стѣны выбиваются три маленькихъ ключа; водою ихъ наполняется углубленіе и, такимъ образомъ, получается закрытый съ 3-хъ сторонъ бассейнъ, пригодный для купаній.

Въ настоящее время бассейнъ этотъ засоренъ и мелководенъ, а потому мало и посѣщается. Но мѣсто здѣсь весьма удобно для устройства бассейна наподобіе Слѣпцовскаго колодца. Закрытое со всѣхъ сторонъ, оно имѣетъ на другомъ берегу ручья ровную небольшую лужайку.

Ключи бассейна слабы; они даютъ воды даже меньше, чѣмъ ключи вышележащаго колодца. По химическому составу они однородны съ ключами колодца; по температурѣ они тоже не уступаютъ ему, имѣя: восточный+27° R, сѣверный+30° R, западный+25°R, а въ бассейнѣ получается вода въ $28^1/_2$°R.

Слѣдуетъ также упомянуть, что между послѣднимъ бассейномъ и Слѣпцовскимъ колодцемъ изъ обоихъ береговъ ручья выбиваются нѣсколько мелкихъ ключей. Два изъ нихъ у мѣста выхода своего имѣютъ краснобурые осадки и потому носятъ названіе «желѣзныхъ источниковъ». Вода ихъ, дѣйствительно, обладаетъ слабымъ вяжущимъ (желѣзнымъ) вкусомъ, но ключи эти

*) Въ прежнее время бассейнъ, говорятъ, наполнялся гораздо быстрѣе.

настолько слабы, что могутъ удовлетворить развѣ лишь весьма скромнымъ требованіямъ.

Всѣ перечисленные источники этой группы, въ совокупности своей, даютъ ручей, который по количеству воды въ немъ мало уступаетъ ручью смежной группы источниковъ. Поэтому думается, что соотвѣтственной разработкой можно-бы увеличить дебитъ главныхъ источниковъ группы на счетъ второстепенныхъ, разбросанныхъ по протяженію всей верхней половины ручья, сконцентрировавъ такимъ путемъ минеральную воду на извѣстныхъ пунктахъ, удобныхъ для эксплуатаціи, и увеличивъ запасъ воды для болѣе широкаго примѣненія ея въ цѣляхъ лѣчебныхъ

Иначе расположены источники другой, восточной группы. Здѣсь все какъ будто принаровлено къ большему удобству и облегченію эксплуатаціи ихъ. Начать съ того, что всѣ ключи сѣрно-щелочной горячей воды скучены здѣсь въ одномъ мѣстѣ. Затѣмъ, имѣющіеся, помимо этихъ главныхъ, второстепенные прохладные источники, сгруппированные точно также на небольшомъ пространствѣ, расположены въ томъ мѣстѣ русла горячаго ручья, гдѣ вода его охлаждается сама собою до 37—34° R, т. е. до температуры, какъ разъ соотвѣтствующей лѣчебнымъ потребностямъ.

Мѣсто выхода горячихъ источниковъ представляетъ собою небольшую, но глубокую (около 4-хъ саж.) котловину. Котловина эта всегда заполнена клубами паровъ, подымающихся отъ источниковъ. Отъ нея вверхъ идутъ 2 глубокихъ балки, расходящіяся въ видѣ развилка. Западная болѣе глубокая балка огибаетъ мѣсто выхода источниковъ, какъ и самую котловину ихъ, и сливается съ русломъ минеральнаго ручья саженей на 6 ниже мѣста выхода ключей. Восточная же балка служитъ прямымъ продолженіемъ вверхъ ущелья, по которому сбѣгаетъ минеральный ручей.

Эта послѣдняя балка, подходя къ источникамъ, разсѣкаетъ гряду песчаника, образуя на днѣ своемъ каменный лотокъ, а на лѣвомъ берегу большой каменный обрывъ, раздѣленный вертикальными трещинами и разцвѣченный различными оттѣнками песчаника, отъ серебристо-бѣлаго до красно-бураго цвѣта окиси желѣза. У подножья этого обрыва и еще болѣе на слѣдующемъ уступѣ, ведущемъ къ самымъ источникамъ, видны пласты, пропитанные нефтью.

Пройдя желобообразное углубленіе въ песчаникѣ (лотокъ), съ краю и въ концѣ котораго на небольшой возвышенности имѣются остатки каменнаго зданія, балка прерывается котловиною источниковъ, представляющей въ этомъ мѣстѣ крутой обрывъ сажени въ 3 высотою. Справа имѣется еще болѣе высокій такой же песчаниковый обрывъ, слѣва—болѣе пологій уступъ, идущій отъ вышележащаго разноцвѣтнаго обрыва и служащій спускомъ къ источникамъ, а спереди котловина открыта. Дно ея представляетъ ровную площадку, образованную, очевидно, наносомъ и по величинѣ равняющуюся около 5 кв. саж. По всему пространству этой площадки выбиваются наружу струйки воды вздымаемой по временамъ въ пузыри выходящимъ изнутри газомъ.

Наиболѣе сильные ключи, числомъ два, бьютъ изъ-подъ отлогаго уступа лѣвой стороны котловины. Выходятъ они изъ пещеристыхъ углубленій, стѣнки которыхъ покрыты густымъ желтоватымъ налетомъ. Такой-же желтоватый налетъ замѣчается и на разбросанныхъ по площадкѣ камняхъ, обыкновенно съ нижней и боковыхъ сторонъ ихъ, тогда какъ сверху они покрыты бѣловатымъ налетомъ.

Вода этихъ источниковъ имѣетъ сѣрно-нефтяной запахъ, но запахъ сѣроводорода преобладаетъ. Вкусъ ея щелочно-солоноватый, непротивный; будучи-же остужена, она принимаетъ запахъ и вкусъ сѣроводорода и становится непріятной. Температура воды въ самомъ источникѣ 56° R.

Меньшей силы ключи выходятъ изъ вертикальной расщелины задняго обрыва и у подножія правой стороны котловины, образованной боковымъ обрывомъ ея. Эти ключи весьма слабы и образуютъ лужицы, замѣтныя для глаза лишь по довольно толстому черному мокрому налету, покрывающему дно ихъ. Температура воды мелкихъ ключей колеблется между 28—30° R. Всѣ вмѣстѣ ключи эти даютъ ручей съ дебитомъ около 100,000 ведеръ въ сутки, съ температурой въ 55, 6° R у начала его *).

Вторая группа источниковъ этого ручья размѣщена саженей на 50 ниже по ручью, какъ разъ на одномъ уровнѣ со Слѣпцовскимъ колодцемъ и соединена съ нимъ старою, теперь едва

*) Весною 1893-го года ключи, бьющіе изъ бокового праваго обрыва котловины, значительно увеличились и даютъ теперь температуру въ 55° R.

замѣтною, грунтовою дорогой, пересѣкающей поперекъ разграничительный горный хребетъ. Она состоитъ изъ двухъ ключей. Одинъ изъ нихъ, по температурѣ прохладный, а по составу «соляной», находится на лѣвомъ берегу ручья, въ разстояніи одной сажени отъ него. Онъ задѣланъ въ каменный срубъ; срубъ наполовину разрушенъ, а источникъ засоренъ иломъ и, что называется, едва дышетъ. Вода его щелочно-солоноватаго вкуса. температура лѣтомъ одинакова съ температурой воздуха (16° R), осенью, когда количество воды его увеличивалось, на 9 и зимою на 16 градусовъ выше температуры воздуха, имѣя въ послѣднемъ случаѣ + 12° при — 4° R въ воздухѣ. Такимъ образомъ, несмотря на незначительность свою, источникъ удерживаетъ почти постоянную температуру.

Второй источникъ находится на томъ-же лѣвомъ берегу ручья, въ разстояніи около 30 саженей ниже по теченію. Онъ расположенъ много выше надъ ручьемъ, задѣланъ въ хорошо сохранившійся деревянный срубъ, имѣетъ въ стѣнѣ I, а въ глубину ½ арш., даетъ прѣсную грунтовую воду, которая въ видѣ маленькаго ручейка стекаетъ изъ колодца къ ручью. Температура его одинакова съ температурой воздуха. Зимой замерзаетъ.

Есть здѣсь и третій источникъ. но онъ бѣденъ водою, открывается прямо въ русло ручья и узнается только по ощущенію холода, когда купающійся погружается въ ручей; расположенъ онъ противъ «соляного» источника.

Такова топографія мѣстности Михайловскихъ источниковъ и выходовъ минеральной воды изъ нѣдръ земли на поверхность.

По геологическимъ-же изслѣдованіямъ горнаго инженера фонъ-Кошкуля*), — Михайловскіе минеральные источники вытекаютъ изъ круто поднятыхъ или почти стоячихъ пластовъ, составляющихъ южный склонъ Сунженскихъ горъ.

Начинаясь нѣсколько на востокъ отъ карабулакскихъ нефтяныхъ источниковъ, обнаженіе кварцеваго песчаника тянется съ небольшими перерывами въ видѣ скалистаго зубчатаго гребня въ одномъ направленіи почти на 50 верстъ, причемъ песчаникъ выходитъ изъ подъ покрова наносовъ все выше и выше, т. е. все болѣе приближаясь къ хребтовой линіи горъ. На всемъ протяже-

*) «Геологическія изслѣдованія въ Терскомъ и Сунженскомъ хребтахъ». Горный журналъ за 1879 г. № 8.

ніи этого скалистаго гребня весьма мощные пласты песчаника сохраняютъ общее направленіе съ запада на востокъ

У ст. Слѣпцовской замѣчается переломъ вышеупомянутыхъ песчаниковыхъ пластовъ. Переломъ этотъ ясно выражается близъ ст. Михайловской, имѣя видъ складчатаго залеганія, одинъ изломъ котораго, ближайшій къ скалистому, обращенъ внутрь хребта, а другой, болѣе южный изломъ, въ видѣ шатровой крыши, обращенъ вверхъ. Этотъ послѣдній изломъ образуетъ рядъ довольно остроконечныхъ высотъ, идущихъ параллельно горному хребту. По этой продольной линіи перелома и разрыва пластовъ расположены выходы минеральной воды и нефти

Поднимаясь вверхъ по ручью, образуемому минеральными источниками, вблизи ихъ обнаруживаются въ порядкѣ по теченію вверхъ слѣдующія напластованія:

1) Довольно слабый песчаникъ, который большею частью бѣлаго цвѣта, мѣстами-же пропитанъ веществомъ чернобураго цвѣта, похожимъ на горную смолу.

2) Рыхлый песчаникъ темно-коричневаго цвѣта; онъ пропитанъ желѣзистыми квасцами и самородною сѣрою въ видѣ мельчайшихъ кристалловъ.

3) Сланцеватый песчаникъ и рухлякъ, содержащіе сѣрный колчеданъ въ мельчайшемъ видѣ.

4) Сланцеватая глина сѣраго цвѣта, тоже содержащая сѣрный колчеданъ.

5) Твердый, разрушающійся песчаникъ, состоящій изъ бѣлыхъ кварцевыхъ округленныхъ зеренъ различной величины, связанныхъ между собою бѣлымъ цементомъ; въ обнаженіяхъ этой породы, поднимающейся въ видѣ довольно высокаго утеса, видны бурокрасныя полосы желѣзной окиси и

6) Сланцеватый песчаникъ.

Направленіе этихъ породъ съ запада на востокъ, съ уклоненіемъ до 5^0 къ сѣверу и югу; паденіе въ южную сторону подъ угломъ 85^0.

Минеральная вода вытекаетъ изъ трещинъ въ толщѣ песчаника № 5, вблизи плоскости наслоенія на него сланцеватой глины, содержащей сѣрный колчеданъ. Вмѣстѣ съ водою періодическими толчками выбрасывается и газъ, всплывающій на поверхность воды въ видѣ пузырей.

Въ отношеніи химическаго состава описанные источники были изслѣдованы въ 1852 году академикомъ Зининымъ. Позднѣй-

шихъ изслѣдованій не имѣется; но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы воды эти съ теченіемъ времени измѣнили свой составъ, по крайней мѣрѣ сколько нибудь существенно.

По анализу же проф. Зинина, плотныхъ частей въ водѣ «Горячихъ» источниковъ содержится:

	Въ 16 унц. воды.	Въ одномъ литрѣ.
Сѣрно-кислаго натра	3,1337	0,408
Двууглекислаго натра . . . . . . ,	3,4815	0,453
Поваренной соли	13,1958	1,718
Двууглекислой извести	0,2135	0,027
Двууглекислой магнезіи	0,0214	0,002
Сѣрнистаго натра	0,4052	0,052
Кремневой кислоты	0,3620	0,047
Глины	0,0721	0,009
Окиси желѣза	0,0120	0,001
Всего твердыхъ частей	20,8972	2.717

Удѣльный вѣсъ при 16°R—1,0024.

Затѣмъ, 100 объемовъ воды при кипяченіи даютъ 2,5 газовой смѣси, въ которой заключается 1,9 объема углекислоты, а остальное количество составляютъ сѣроводородъ и азотъ. Но кромѣ этихъ газовъ, въ самыхъ родникахъ горячей воды, какъ сказано выше, толчками выбрасывается газъ, состоящій, по изслѣдованію академика Абиха, изъ болотнаго газа, къ которому въ незначительномъ количествѣ примѣшивается углекислота, что, по его мнѣнію, находится въ генетической связи съ ближайшими мѣсторожденіями нефти и отложеніями кира.

Вода прохладнаго солянаго источника (23°R) содержитъ:

	Въ 16 унц. воды.	Въ одномъ литрѣ.
Сѣрнокислаго натра . . . . . , .	9,0696	1,180
Двууглекислаго натра	1,4826	0,193
Поваренной соли . . . . ;	33,3350	4,340
Двууглекислой извести	0,5870	0,076
Двууглекиской магнезіи	0,4193	0,054

Сѣрнистаго натра	0,0091	0,001
Кремневой кислоты	0,0188	0,002
Глины	0,0170	0,002
Окиси желѣза	слѣды	
Всего твердыхъ частей	44,9384	5,848

Удѣльный вѣсъ при 16°R—1,0517.

Въ водѣ этого источника газовъ почти не содержится.

Наконецъ, составъ плотныхъ частей воды Слѣпцовскихъ источниковъ (колодца) слѣдующій:

	Въ 16 унц. воды.	Въ одномъ литрѣ.
Сѣрнокислаго натра	9,1962	1,197
Углекислаго натра	6,0581	0,788
Поваренной соли	4,5287	0,589
Углекислой извести	0,2355	0,030
Углекислой магнезіи	0,0900	0,011
Сѣрнокислаго натра	0,8621	0,112
Сѣрноватисто-кислаго натра	0,0213	0,002
Кремневой кислоты	0,2742	0,035
Глины	0,0856	0,011
Итого твердыхъ частей	21,3517	2,775

Удѣльный вѣсъ при 16°R—1,0027.

Вода этихъ источниковъ содержитъ 2,700 свободной углекислоты, а 100 объемовъ ея при кипяченіи выдѣляютъ 2,8 объема газовой смѣси, въ которой находится 1,7 объема углекислоты, а остальное количество составляютъ сѣроводородъ и азотъ.

Что-же касается указанныхъ выше налетовъ, то желтоватый налетъ, столь обыкновенный на «Горячихъ» источникахъ, состоитъ, по изслѣдованію д-ра Кедрова, *) изъ смѣси глины, желѣза, сѣрнистыхъ солей и амьяка, бѣловатый—изъ окислившагося сѣроводорода, а черный—изъ сѣрнистаго желѣза съ примѣсью, вѣроятно, мазута.

Относительно чернаго налета нужно замѣтить, что довольно

*) Слѣпцовскія и Михайловскія минеральныя воды. М. Кедрова. С.-Петербургъ, 1862 г. (Диссертація).

обильныя отложенія его, повидимому, находятся и на сводахъ пещеристыхъ углубленій, изъ которыхъ бьютъ «Горячіе» ключи (въ глубинѣ ихъ, при выходѣ, какъ мы видѣли, они покрыты желтоватымъ налетомъ). Присутствіе его обнаруживается по временамъ довольно обильнымъ засореніемъ ключей чернымъ пылеобразнымъ веществомъ, съ виду похожимъ на сажу дымовой трубы. Это наблюдалось въ мартѣ настоящаго года. Явленіе это однако повторяется рѣдко и продолжается недолго; на этотъ разъ чрезъ нѣсколько минутъ уже снова пошла чистая вода. *) Наконецъ, бѣлый налетъ, покрывающій берега ручья Слѣпцовскихъ источниковъ и особенно обильный у верховій его, состоитъ попреимуществу изъ поваренной соли

Итакъ, Михайловскія воды, по химическому составу ихъ, относятся къ группѣ щелочно-соляныхъ водъ. А примѣсь сѣроводорода и высокая температура «Горячихъ» ключей сближаютъ ихъ съ группой теплосѣрныхъ водъ. Такое совпаденіе свойствъ минеральной воды дѣлаетъ Михайловскія воды одинаково пригодными какъ для внутренняго употребленія, наряду съ Ессентукскими, такъ и для наружнаго, наряду съ Пятигорскими водами, которымъ однако уступаютъ по количеству характерныхъ составныхъ частей. Въ сравненіи же съ сосѣдними Горячеводскими водами (близъ г. Грознаго) Михайловскія воды обладаютъ въ 3 раза большею насыщенностью солями, уступая имъ въ свою очередь почти въ такой-же пропорціи по температурѣ и по количеству воды.

Въ отношеніи лѣчебнаго примѣненія онѣ годны, какъ я уже сказалъ, и для наружнаго и для внутренняго употребленія. Въ послѣднемъ отношеніи представляется даже возможность разнообразить нѣсколько лѣченіе, оттѣняя, такъ сказать, его съ цѣлью болѣе сильнаго воздѣйствія въ томъ или другомъ направленіи; ибо въ указанныхъ 3-хъ анализахъ имѣется количественное различіе какъ разъ въ наиболѣе дѣйствующихъ при лѣченіи началахъ и къ тому-же дѣйствующихъ различно,—таковы: сода, глауберовая и поваренная соли. И это вовсе не скрупулезная расчетливость въ эффектѣ. Ниже мы увидимъ, что различіе въ дѣйствіи этихъ водъ подтверждено опытомъ и имъ съ успѣхомъ пользовались.

*) Весьма возможно, что это засореніе главныхъ ключей и вызвало увеличеніе ключей подъ правымъ обрывомъ котловины; по крайней мѣрѣ, случилось это въ одно приблизительно время.

Область лѣчебнаго примѣненія Михайловскихъ минеральныхъ водъ довольно обширна. Изъ произведенныхъ въ этомъ отношеніи научныхъ наблюденій имѣется работа д-ра М. Кедрова, представившаго въ 1862 году диссертацію о Михайловскихъ водахъ. На основаніи своего четырехъ-лѣтняго опыта, онъ находитъ Михайловскія воды полезными при слѣдующихъ болѣзняхъ:

1) Сифилисъ вторичный и третичный

2) Завалы брюшныхъ внутренностей послѣ перемежныхъ лихорадокъ, водянки, не зависящія отъ органическихъ разстройствъ; для сего рекомендуется особенно внутреннее употребленіе воды

3) Хроническія накожныя болѣзни.

4) Хроническій ревматизмъ, съ патологическими отложеніями въ суставахъ и со сведеніями членовъ.

5) Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ (маточныя); рекомендуются особенно Слѣпцовскіе источники (теплые)

6) Подагра, параличи и различныя хирургическія болѣзни, а также геморрой и другія хроническія страданія кишечника и печени; рекомендуются Михайловскіе источники («Горячіе»).

7) Въ золотухѣ (сыпи накожныя, язвы, затвердѣнія железъ) Михайловскія минеральныя воды приносили пользу, но Слѣпцовскія въ этой болѣзни постоянно оказывали удивительное дѣйствіе. Употреблялась вода внутрь съ молокомъ и одновременно снаружи, въ видѣ ваннъ натуральной температуры.

Выводы свои д-ръ Кедровъ дѣлаетъ на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ на больныхъ бывшаго въ ст. Михайловской лазарета. Изъ данныхъ этихъ усматривается, что количество пользованныхъ за 4 года было 615 чел.; изъ нихъ выздоровѣло 425 чел., т. е., 69,1%, остались безъ перемѣны 74 чел., или 12%, остальные получили большее или меньшее облегченіе. При этомъ въ счетъ не вошли пользовавшіеся водами туземцы, которыхъ среднимъ числомъ бывало по 200 чел. ежегодно.

По роду болѣзни и по % выздоровѣвшихъ вышеуказанные больные раздѣляются на слѣдующія группы:

	Число пользованныхъ	% выздоровѣвшихъ.
Золотуха	67	85%
Сифилисъ	46	80%
Геморрой	19	79%
Послѣдствія травматическихъ поврежденій.	137	73%

Хроническія сыпи.	70	71%
Завалы брюшныхъ внутренностей. . .	118	70%
Женскія болѣзни	21	67%
Параличъ	4	50%
Хроническія страданія кишечнаго канала.	17	47%
Ревматизмъ.	116	45%

Цыфры эти говорятъ сами за себя.

Если позволительно сдѣлать какіе-либо выводы на основаніи наблюденій, добытыхъ, такъ сказать, между дѣломъ, то и я, судя по прошлогоднему сезону, могу подтвердить благодѣтельное дѣйствіе «Горячихъ» источниковъ при слѣдующихъ болѣзняхъ: хроническій ревматизмъ, водянка суставовъ, сифилисъ третичный, хроническія накожныя сыпи и затвердѣнія железъ золотушнаго происхожденія.

Мои наблюденія обнимаютъ всего 89 чел. больныхъ, 49 мужского и 40 женскаго пола, лѣчившихся въ теченіе іюня мѣсяца прошлаго года; изъ нихъ 28 чел. были мѣщане г. Владикавказа, а остальные—туземцы, по большей части осетины*). Изъ всего этого числа только 5 женщинъ жили въ станицѣ и купаться ходили на самый ручей, а прочіе жили тамъ-же, на берегу ручья. Руководствовались они больше традиціями; нѣкоторые заявлялись ко мнѣ на домъ, а больше видѣлъ я ихъ при періодическихъ посѣщеніяхъ импровизированнаго жилья ихъ, пока вѣсть о холерѣ не разогнала всѣхъ ихъ по домамъ. И каждый изъ нихъ унесъ добрую память о «Горячихъ».

Не слѣдуетъ также забывать, что лѣченіе при этомъ производилось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: больные купались прямо въ ручьѣ, подъ открытымъ небомъ, живя въ простыхъ шалашахъ и на нищенской, можно сказать, діетѣ.

Климатъ ст. Михайловской—умѣренный и мягкій, безъ рѣзкихъ барометрическихъ и температурныхъ колебаній. Онъ, какъ и само географическое положеніе мѣстности, представляетъ среднее между климатомъ нагорной и степной частей Кавказа; не имѣя сырости нагорныхъ частей, онъ въ то-же время не такъ сухъ и душенъ, какъ въ сосѣдней песчаной затеречной степи.

*) Рѣчь идетъ только о пріѣзжихъ.

Цыфровыя данныя въ этомъ отношеніи мною собраны лишь за послѣдній 1892—93 годъ. И я долженъ оговориться, что кратковременность наблюденія въ этомъ случаѣ какъ разъ обладаетъ всецѣло присущимъ ей недостаткомъ, такъ какъ этотъ годъ, по свидѣтельству старожиловъ, годъ выдающійся по сухости лѣта и суровости зимы для ст. Михайловской *) Такіе годы повторяются періодически чрезъ каждое пятилѣтіе; въ остальное время климатъ держится болѣе умѣреннымъ. А на этотъ разъ зима была необычайно продолжительна, что сказалось пониженіемъ температуры осени и въ особенности весны. Обстоятельство это должно дѣлать мои данныя условными и въ извѣстномъ отношеніи неточными. Въ виду этого, для большей полноты и общности выводовъ, воспользуюсь также наблюденіями д-ра Кедрова, собранными имъ за четырехлѣтіе съ 1858 по 1862-ой годъ. Въ свою очередь мои наблюденія должны представлять особую цѣнность, какъ характеристика такихъ исключительныхъ, періодически повторяющихся годовъ.

Въ общемъ циклъ климатическихъ измѣненій идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ февралѣ уже сходитъ снѣгъ; въ мартѣ выпадаютъ дожди, появляется зелень и скотъ выходитъ на подножный кормъ. Мартъ своими частыми дождями выражаетъ собою дождливое время года и весеннюю распутицу. Въ апрѣлѣ весна вступаетъ въ свои права, распускается зелень, цвѣтутъ деревья, устанавливается прелестная погода и продолжается она весь май и первую половину іюня. Съ конца іюня начинается лѣтній зной, достигающій въ срединѣ іюля своего апогея. Дожди весьма рѣдки и непродолжительны, зелень блекнетъ, земля оголяется и образуется большая легкая пыль. Въ воздухѣ душно. Жаръ и духота, однако, къ вечеру спадаютъ; при заходѣ солнца по долинѣ происходитъ приливъ свѣжаго горнаго воздуха со стороны Дарьяльскаго и еще болѣе со стороны Ассинскаго ущелій, и ночь значительно изглаживаетъ непріятности дня.

Съ половины августа начинается поворотъ къ осени, чаще перепадаютъ дожди, а сентябрь можетъ быть названъ дождливымъ. За то съ октября открывается вторая весна. Стоитъ теплая сухая погода, ясные дни смѣняются тихими лунными вечерами; зачахшая подъ іюльскимъ зноемъ зелень, оживленная сен-

*) Годъ этотъ и для всей Россіи оказывается также выдающимся.

тябрскими дождями, распускается снова. Въ концѣ октября, при ясной и сухой еще погодѣ, температура постепенно спускается; съ средины ноября начинаются заморозки, а въ срединѣ декабря устанавливается зима. Суровыя зимы съ большимъ снѣгомъ здѣсь вообще—рѣдкость; чаще за зиму не бываетъ даже хорошей санной дороги.

Лучшимъ временемъ года для ст. Михайловской будетъ время съ апрѣля до конца іюня, а затѣмъ осень съ половины сентября по вторую половину ноября. Іюль слишкомъ сухъ. зноенъ и душенъ. Среди населенія, особенно у дѣтей, въ это время появляются поносы. Вызываются они употребленіемъ сырой воды изъ р. Сунжи, которая въ это время значительно пересыхаетъ и занаваживается. Съ другой стороны, ранняя весна и особенно поздняя осень обильны лихорадками. Осенью и зимой въ послѣдніе годы стали появляться эпидеміи кори, коклюша и скарлатины,—эти непремѣнные спутники скученности населенія.

По наблюденіямъ д-ра Кедрова, среднее число дождливыхъ дней въ году равно 62; средняя температура года+10,39°R, средняя температура весны+8,58°R, лѣта+19,42°R, осени+12,54°R и зимы+1,01° R. Измѣренія въ теченіе прошлаго и настоящаго годовъ дали слѣдующія цыфры. Число дней съ атмосферными осадками 52, дождя 32 (весною 10, лѣтомъ 14, осенью 8), снѣга 20 дней; средняя годовая температура:+8,9°R, средня температура весенняя+9,7°R, лѣтняя+20,5°R, осенняя+8,6°R, зимняя—3,2°R; наивысшая температура лѣтомъ была 14-го іюля: у. +24°, п-д. 28°, в. 24°R; наибольшая зимою—8-го января: у. 21°, п-д.—15°, в—8°R.

Зима въ 1892—93 г легла сразу, снѣгъ держался все время глубокій и сошелъ дружно въ первыхъ числахъ марта; первый весенній большой дождь выпалъ 5-го апрѣля и мартъ на этотъ разъ не оправдалъ своего названія «дождливаго»; напротивъ, онъ далъ 5 дней снѣжныхъ. Для каждаго-же мѣсяца въ отдѣльности средняя температура получается слѣдующая (по Реомюру):

	По Кедрову.	За 1892 годъ.	За 1893 г.
Январь. .	—1,04°	— » —	—6,2°.
Февраль . .	+1,49°	— » —	—0,7°.
Мартъ . . .	+3,30°	— » —	+4,6°.
Апрѣль . .	+8,62°	— » —	+8,6°.
Май . . .	+13,84°	+ 16,1°	— » —

Іюнь	+16,53°	+ 20 6°	— » —
Іюль	+21,08°	+ 21,6°	— » —
Августъ	+20,65°	+ 19,3°	— » —
Сентябрь	+15,72°	+ 14,2°	— » —
Октябрь	+14,12°	+ 9,4°	— » —
Ноябрь	+ 7,79°	+ 2,2°	— » —
Декабрь	+ 2,58°	— 2,6°	— » —

Такимъ образомъ, въ общемъ, наши данныя согласуются съ данными д-ра Кедрова, представляя однако замѣтное превышеніе холода въ зимнихъ мѣсяцахъ. По нашимъ измѣреніямъ, зима оказывается холоднѣе, а лѣто, наоборотъ, нѣсколько жарче. Слѣдовательно, измѣненіе климата произошло въ ущербъ умѣренности его.

Но измѣненіе это само по себѣ незначительно. Къ тому-же оно проявилось болѣе или менѣе во всѣхъ 4 временахъ года. Въ силу этого колебанія годовой температуры въ общемъ сохранили прежнюю равномѣрность; увеличилась лишь нѣсколько амплитуда ихъ. Увеличивавшееся по мѣрѣ заселенія края уничтоженіе лѣсовъ на ближайшихъ Черныхъ горахъ и оголеніе отъ нихъ самой Сунженской долины, безъ сомнѣнія, должны были сказаться на климатѣ источниковъ и именно въ указанномъ направленіи.

Если-же принять еще во вниманіе, что 1892—93-ій годъ, какъ я уже сказалъ, есть годъ *исключительный* для ст. Михайловской, то, сдѣлавъ соотвѣтствующую скидку, въ результатѣ мы получимъ почти тѣ-же цыфры, какія находимъ и у д-ра Кедрова. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1891-мъ году лѣто было дѣйствительно менѣе жарко, а зима была настолько безснѣжна, что мы не видѣли саней.

Въ виду сказаннаго категорическій и суровый приговоръ горнаго инженера Коншина о «тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ на Михайловскихъ минеральныхъ водахъ» *) оказывается вовсе ими незаслуженнымъ.

Такое заключеніе г. Коншина представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ самъ опирается на температурныя данныя, тождественныя съ вышеуказанными данными д-ра Кедрова, а этотъ послѣдній приходитъ прямо къ обратному выводу.

Конечно, многаго еще можно пожелать для ст. Михайлов-

*) «Описаніе Минеральныхъ водъ Кавказскаго Края». 1892 г. Тифлисъ.

ской и ея минеральныхъ водъ въ отношеніи полной пригодности ихъ для устройства курорта. но недостатки вездѣ есть и въ данномъ случаѣ вопросъ можетъ итти лишь о томъ, сколь велики и какъ важны имѣющіеся здѣсь недостатки. А при такой постановкѣ вопроса, климатъ ст. Михайловской, а слѣдовательно и минеральныхъ источниковъ, можетъ быть признанъ вполнѣ подходящимъ для организаціи правильной эксплуатаціи ихъ.

Почва ст. Михайловской глинистая; верхній слой составляетъ глина, толщиною въ 6—8 арш.; подъ глиной лежитъ пластъ чернозема, въ которомъ содержатся довольно хорошо сохранившіеся корни и стебли растеній, а подъ черноземомъ—песокъ. Но водоносный слой лежитъ весьма глубоко, поэтому въ станицѣ не имѣется колодцевъ, хотя надобность въ нихъ ощущается настоятельная, особенно лѣтомъ, когда пересыхаетъ и занаваживается р. Сунжа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка устроить колодецъ на площади близъ станичной церкви; пройдена была глубина, какъ говорятъ, около 18 саженей, а все-таки до воды не добрались. Что касается спеціально минеральныхъ источниковъ, то изслѣдованія инженера фонъ-Кошкуля привели его къ убѣжденію, что въ районѣ ихъ можетъ быть устроенъ артезіанскій колодецъ *).

Весною въ мартѣ, а осенью въ сентябрѣ въ станицахъ, расположенныхъ по р. Сунжѣ, образуется большая вязкая грязь, сильно затрудняющая движеніе экипажей. Но ст. Михайловская составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе; благодаря своему расположенію на склонѣ, она не имѣетъ такой грязи и послѣ дождей скоро просыхаетъ. Эти преимущества сдѣлали ст Михайловскую центральной въ ряду всѣхъ станицъ по р. Сунжѣ Въ ней стоитъ 1-я Терская казачья батарея, при которой имѣется врачъ; здѣсь-же расположенъ штабъ сотни Кизляро-Гребенского казачьяго полка, занимающей посты по почтовому тракту; наконецъ, Михайловская сдѣлана центромъ медицинскаго участка и въ ней содержится больничка—пріемный покой, которымъ завѣдуетъ участковый врачъ.

Населеніе станицы состоитъ изъ 2496 душъ обоего пола православнаго вѣроисповѣданія; размѣщено оно въ 446 дворахъ. Общій земельный надѣлъ составляютъ 16536 дес. 920 кв. саж.,

*) Горный Журналъ 1879 г. № 8.

изъ нихъ подъ лѣсомъ 65 дес. 1660 кв. саж., затѣмъ въ дополнительный лѣсной надѣлъ отошло 302 дес. 2150 кв. саж. Экономическая обезпеченность населенія, слѣдовательно, вполнѣ достаточна; матеріальное благосостояніе сравнительно хорошо и имѣетъ полную возможность расти дальше. Въ станицѣ имѣются чистенькія и опрятныя квартиры, правда, небольшія, но въ гигіеническомъ отношеніи обставленныя удовлетворительно. Главное занятіе жителей—земледѣліе и скотоводство, а какъ подспорье къ нимъ—садоводство и огородничество, больше, впрочемъ, для собственной ихъ потребности.

Въ заключеніе приведу здѣсь точныя измѣренія земельнаго участка, отрѣзаннаго подъ минеральныя воды, на основаніи данныхъ межевого управленія Терской области и управленія Владикавказской ж. дороги.

Во вниманіе къ значенію минеральныхъ источниковъ, какъ достоянію обще-казачьему, войсковому, 23-го апрѣля 1870 года состоялось положеніе о выдѣленіи соотвѣтствующаго участка земли подъ минеральныя воды. Положеніе это утверждено 12 декабря 1875 года, а въ 1885 году былъ обмежеванъ и самый участокъ.

Участокъ имѣетъ форму вытянутой съ сѣвера къ юго-востоку полосы, съуживающейся въ общемъ къ южной оконечности своей. Начинаясь угломъ изъ пункта, гдѣ выходятъ «Горячіе» (сѣрные) ключи, западная граница его идетъ по прямой линіи къ истоку западнаго (Слѣпцовскаго, желѣзнаго) ручья, по руслу котораго отсюда она тянется до сліянія минеральныхъ ручьевъ и затѣмъ продолжается по общему руслу ихъ. Восточная граница идетъ въ видѣ изломленной снаружи линіи съ сѣвера на югъ, затѣмъ, недоходя немного до сліянія ручьевъ, поворачиваетъ подъ угломъ почти прямо на востокъ и, сдѣлавъ здѣсь 3-й изломъ поворотомъ на югъ, соединяется съ западной границей въ разстояніи $2^1/_2$ верстъ отъ истока Слѣпцовскаго ручья, по прямой. Въ участкѣ числится 130 дес. земли, $^1/_3$ которой въ общемъ лежитъ у подножья Сунженскаго хребта.

Ближайшая точка южной границы участка отстоитъ отъ края ст. Михайловской на 600 саж. (отъ средины на 850 саж.), мѣсто-же сліянія минеральныхъ ручьевъ—на 744 саж. Протяженіе восточнаго ручья (Горячаго, сѣрнаго) 726 саж. по прямой, а западнаго (Слѣпцовскаго или желѣзнаго) 576 саж.; разстояніе-же между истоками ихъ 360 саж.

Высота ст. Михайловской надъ уровнемъ Чернаго моря 120,13 саж., высота «Горячихъ» источниковъ—151,63 саж., а Слѣпцовскихъ—144,9 саж. Высота полотна желѣзной дороги въ мѣстѣ, гдѣ оно пересѣкаетъ минеральные ручьи и заключенную между ними площадку,—141,27 саж. посрединѣ, длина желѣзнодорожнаго полотна въ этомъ участкѣ—120 саж., высота насыпи его на восточномъ ручьѣ—10,06 саж., а на западномъ—9,69 саж. Разстояніе Михайловскаго полустанка Петровской вѣтви («разъѣздъ») отъ ст. Бесланъ 57 верстъ, слѣдовательно, отъ г. Владикавказа 78, а отъ г. Грознаго 44 версты.

Наконецъ, въ виду хозяйственныхъ соображеній, не лишены интереса и слѣдующія свѣдѣнія. При постройкѣ вѣтви, на лѣвыхъ склонахъ (и только на лѣвыхъ) обоихъ ущелій, по которымъ бѣгутъ минеральные ручьи, найдены сравнительно большіе залежи чистаго мелкаго сѣраго песку, среди котораго попадаются круглые, часто довольно большой величины, камни-голыши. Между прочимъ, песокъ балки Слѣпцовскихъ источниковъ въ водѣ даетъ обильную красную муть, состоящую изъ глины и содержащую окись желѣза; поэтому названіе этой балки «Желѣзная» оказывается вполнѣ заслуженнымъ.

Песокъ-же другой балки «Горячей» настолько чистъ, что служитъ прекраснымъ фильтромъ для очистки воды для питья. А въ 18 верстахъ отъ станицы Михайловской, въ мѣстности Аршты, имѣется довольно прочный камень, раковистый известнякъ, который и шелъ на каменныя постройки желѣзной дороги. Тамъже на горахъ расположены станичныя и войсковыя лѣсныя дачи съ строевымъ лѣсомъ Затѣмъ, прекрасныя качества михайловской и слѣпцовской глины какъ для горшечнаго производства, такъ равно и для выдѣлки кирпича и черепицы, извѣстны уже давно; въ ст. Слѣпцовской и отчасти въ ст. Михайловской имѣются соотвѣтственные заводы.

Для полноты слѣдуетъ также упомянуть, что въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ «Горячихъ» источниковъ находятся естественные выходы нефти. Правда, немудреныя и примитивныя попытки къ разработкѣ ея были сдѣланы, но вопросъ о благонадежности мѣсторожденія нефти все-же остается открытымъ. А въ 2½ верстахъ къ сѣверо-западу отъ Слѣпцовскихъ источниковъ имѣются отложенія кира (асфальтъ). Но здѣсь не было сдѣлано и того, что выпало на долю указанныхъ сосѣднихъ неф-

тяныхъ источниковъ. Найденъ былъ этотъ киръ въ 1864 году инж. Нечогинымъ, состоявшимъ тогда при Терскомъ войскѣ, но кромѣ его поверхностныхъ изслѣдованій, да двухъ—трехъ опытовъ варки и примѣненія этого кира въ частныхъ домахъ, ничего относительно изученія этого кира сдѣлано не было. Находились, говоритъ молва, и охотники взяться за разработку его, но предложенныя условія аренды были непосильны для нихъ и дѣло это такъ и заглохло.

ИСТОЧНИКИ, КАКЪ ВОДОЛѢЧЕБНЫЙ КУРОРТЪ.

Судьба Михайловскихъ минеральныхъ водъ тѣсно связана съ судьбою Горячеводскихъ водъ *). Находясь, какъ и Горячеводскіе источники, въ чертѣ владѣній чеченскаго племени горцевъ, они точно также съ незапамятныхъ временъ служили туземному населенію своими цѣлебными свойствами, причемъ и здѣсь пользовались дарами природы непосредственно, купаясь въ минеральномъ ручьѣ подъ открытымъ небомъ.

Впрочемъ, сохранившіеся и поднесь остатки бывшихъ на источникахъ сооруженій свидѣтельствуютъ, что и въ старину при лѣченіи на нихъ существовала также извѣстная организація. Это въ свою очередь должно указывать, что Михайловскія воды со стороны туземнаго населенія пользовались большимъ вниманіемъ сравнительно съ Горячеводскими, которымъ, однако, впослѣдствіи удалось отвоеватъ себѣ первенство.

По свѣдѣніямъ д-ра Кедрова, собраннымъ отъ стариковъ туземцевъ, дѣйствительно, на Михайловскихъ источникахъ, задолго до знакомства съ ними русскихъ, практиковались полуестественныя—полуискусственныя паровыя ванны. Для этого имѣлись носилки изъ двухъ жердей, связанныхъ между собою въ серединѣ плетнемъ изъ хвороста, а на берегахъ источниковъ укладывались на извѣстную высоту камни; положивъ больного на носилки и покрывъ его буркой, ставили носилки концами на камни и серединой надъ источникомъ, парами котораго, такимъ образомъ, парился больной. Пользовались также и Слѣпцовскими источниками, но какъ болѣе слабые они служили въ видѣ ваннъ для женщинъ и дѣтей.

*) См. «Терскій Сборникъ» 1892 г.

Лѣченіемъ руководилъ прославившійся своей врачебной опытностью Магометъ-мулла. Онъ ежегодно съ ранней весны перекочевывалъ на источники и поселялся въ башнѣ, построенной на скалѣ, изъ-подъ которой бьютъ «Горячіе» ключи.

Знакомство русскихъ съ Михайловскими водами относится ко времени занятія Сунженской линіи.

Въ 1845 году, около укрѣпленія «Преградный Станъ» была построена первая на р. Сунжѣ станица—Сунженская, впослѣдствіи переименованная въ Слѣпцовскую, а въ слѣдующемъ 1846 году была построена ст. Михайловская, именемъ которой и названы Минеральные источники.

5-го апрѣля 1848 г, состоялся приказъ о постройкѣ въ ст. Михайловской госпиталя. Одновременно съ этимъ и на минеральныхъ источникахъ открыто было отдѣленіе, куда каждую весну посылались отъ 50 до 80 чел. больныхъ для пользованія водами подъ руководствомъ врача *).

Первоначальное устройство Михайловскихъ водъ заключалось въ слѣдующемъ. Мѣсто выхода источниковъ было расчищено и обложено тесанымъ камнемъ въ видѣ бассейна. Къ нему проложена по склону котловины каменная лѣстница, устроенная въ видахъ удобства набирать воду изъ бассейна для ваннъ на дому. Отъ бассейна вода по открытымъ жолобамъ проведена была внизъ по ручью на 43 сажени и здѣсь уже, на берегу ручья, построены были ванныя зданія, а нѣсколько выше—помѣщенія для больныхъ и прислуги.

Такое отдаленіе купальныхъ сооруженій отъ источниковъ представляло двѣ выгоды: зданія стояли ближе ко входу въ ущелье и въ то-же время вода, пробѣгая по открытымъ жолобамъ и значительно остывая, приближалась къ потребной температурѣ (44° R). Для дальнѣйшаго же охлажденія ея пользовались водой соляного прохладнаго источника, который былъ для этого задѣланъ въ срубъ и отъ котораго тоже проведены были жолоба къ ваннымъ зданіямъ.

Самыя ванныя зданія состояли изъ 2-хъ флигелей. Одинъ—меньшій, на лѣвомъ берегу ручья, рядомъ съ солянымъ источникомъ; онъ имѣлъ двѣ комнаты съ ваннами, по двѣ ванны въ каждой. Это—«офицерскія ванны». Другой флигель, какъ разъ

*) Первымъ врачемъ былъ д-ръ Верзейнъ, которому мы обязаны первымъ описаніемъ Михайловскихъ водъ. В. М. Ж. 1849 г.

напротивъ перваго, на правомъ берегу ручья, состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, соединенныхъ общею крышею и раздѣленныхъ просвѣтомъ, представлявшимъ собою крытую площадку для отдохновенія.

Верхнюю, большую часть этого послѣдняго флигеля составляли 4 врядъ расположенныхъ комнаты; въ одной помѣщались двѣ ванны для туземцевъ—«азіатскія ванны», а въ остальныхъ трехъ—«солдатскія ванны», по двѣ въ каждой. Нижняя-же часть представляла собою женское отдѣленіе. Она состояла точно также изъ 4-хъ комнатъ, но имѣла всего 4 ванны называвшіяся тогда «дамскими». Каждая изъ ванныхъ комнатъ имѣла особый входъ и переднюю, служившую для раздѣванія. Вдоль передней стѣны у каждаго флигеля была открытая галлерея и деревянный помостъ. Всѣ эти сооруженія, какъ и самыя ванны были построены изъ дерева и крыты тесомъ

Наконецъ, отдѣльно и нѣсколько выше стояли два турлучныхъ барака, обмазанныхъ съ обѣихъ сторонъ глиною Въ одномъ, меньшемъ, помѣщалась кухня, а другой служилъ для больныхъ. Но этотъ послѣдній обыкновенно не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ больныхъ, вслѣдствіе чего часть ихъ размѣщалась здѣсь-же въ палаткахъ. Къ купальнымъ зданіямъ изъ станицы была проложена грунтовая дорога.

Такимъ образомъ, ежегодно съ ранней весны въ ущельѣ разбивался лагерь и закипала жизнь Для прикрытія этого лагеря на случай набѣговъ со стороны неугомонныхъ чеченцевъ устроенъ былъ редутъ. Онъ помѣщался на бугрѣ, расположенномъ въ срединѣ между обоими ручьями и командующемъ всею окружающею мѣстностью; его занимала рота солдатъ при одной пушкѣ. Впрочемъ, редутъ этотъ вскорѣ былъ оставленъ; вмѣсто роты солдатъ поставили казачій пикетъ.

Въ слѣдующемъ-же году были обстроены и другіе теплые минеральные источники. Устройствомъ своимъ они обязаны полковнику Слѣпцову, бывшему тогда командиромъ Сунженскаго казачьяго полка и начальникомъ Верхне-Сунженской линіи, именемъ котораго они съ тѣхъ поръ и стали называться въ отличіе отъ «Горячихъ» источниковъ.

Источники были обдѣланы въ срубы, одинъ въ деревянный, а другой въ каменный, въ видѣ колодца глубиною въ $2^1/_2$ ар.

Рядомъ съ колодцемъ построено было хорошенькое деревян-

ное зданіе, осѣненное акаціями, съ широкимъ балкономъ, идущимъ по всему переднему фасаду. Въ зданіи этомъ жилъ во время лѣченія своей раны полковникъ Слѣпцовъ, а затѣмъ оно было приспособлено и открыто для всѣхъ больныхъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ оно имѣло большой залъ для помѣщенія больныхъ и двѣ комнаты съ «раздѣвальными» отдѣленіями и съ 4 ваннами. Вода въ ванны точно также проведена была по жолобамъ.

Зданіе это было соединено съ ванными зданіями на «Горячемъ» ручьѣ колесной дорогой, пересѣкавшей поперекъ разграничивающій ихъ горный отрогъ. А по лѣвому берегу ручья шла другая тоже колесная дорога, которая у мѣста сліянія ручьевъ соединялась дорогой, идущей отъ «Горячихъ» источниковъ къ станицѣ.

Всѣ эти сооруженія поручены были вѣдѣнію Тенгинскаго пѣхотнаго полка, лазаретъ котораго занималъ госпитальное зданіе въ ст. Михайловской.

Одновременно съ этимъ подвигалось также и устройство Горячеводскихъ минеральныхъ источниковъ, близъ крѣпости Грозной, вода которыхъ по химическому составу однородна съ водою Михайловскихъ источниковъ.

Къ 1857 году на Горячеводскихъ водахъ было закончено устройство поселка, на источникахъ былъ открытъ госпиталь 2-го класса съ водолѣчебницею.

Въ виду этого существованіе госпиталя въ ст. Михайловской признано было излишнимъ и онъ, по Высочайшему повелѣнію (11-го марта 1857 года), былъ упраздненъ, а взамѣнъ госпиталя откі ытъ въ 1858 году лазаретъ 5-й казачьей бригады, по штату на 40 мѣстъ. Саманное зданіе госпиталя и деревянныя постройки на источникахъ съ этого времени перешли въ вѣдѣніе 1-го Сунженскаго казачьяго полка, на средства котораго и должны были содержаться.

Съ этого времени для Михайловскихъ минеральныхъ водъ начинается истинное мытарство Принятые Сунженскимъ полкомъ постройки на источникахъ были въ состояніи почти полнаго разрушенія и требовали капитальнаго и немедленнаго ремонта, а средствъ на это въ полку не имѣлось. Командиръ полка полковникъ Едлинскій вынужденъ былъ тогда-же просить поддержки отъ казны или изъ войсковыхъ суммъ. Но на донесеніе это по-

слѣдовало предписаніе—произвести ремонтъ хозяйственными средствами полка, въ пособіе которымъ было отпущено изъ войсковыхъ суммъ только 45 р. 40 коп. «на предметы, кои хозяйственнымъ способомъ пріобрѣтены быть не могутъ» (№ 3710 отъ 11 апр. 1858 г.).

Такое мизерное пособіе со стороны войскового капитала мотивировалось соображеніемъ, что строенія на Михайловскихъ источникахъ нужно было только поддержать, въ виду поднятаго уже вопроса о коренномъ переустройствѣ ихъ, съ цѣлью болѣе правильной и болѣе широкой постановки дѣла. Но дѣло это тянулось, а оказанной на хозяйственныя средства поддержки хватило ненадолго; въ слѣдующемъ 1859 году потребовалась новая поддержка, безъ которой, какъ говорилось въ донесеніи, и самое открытіе курса лѣченія на источникахъ не можетъ состояться.

Въ виду этого источники переданы были опять въ вѣдѣніе Тенгинскаго пѣхотнаго полка; на него-же возложена была обязанность поддерживать постройки на водахъ своими средствами, впредь до утвержденія проекта окончательнаго устройства ихъ, чтобы до наступленія того времени не лишать больныхъ возможности пользоваться водами, хотя бы и въ ограниченныхъ размѣрахъ Нужно сказать, что пѣхотные полки въ то время, дѣйствительно, располагали большими хозяйственными средствами. И вотъ, къ открытію курса лѣченія на лѣто 1859 года, были сдѣланы исправленія, правда лишь «важнѣйшія изъ необходимыхъ.»

Но уже въ августѣ 1861 года лазаретъ и купальныя постройки на водахъ снова переходятъ въ вѣдѣніе Сунженскаго казачьяго полка, причемъ, въ виду скудости хозяйственныхъ средствъ полка, для ремонта строеній на источникахъ разрѣшено было отпускать въ пособіе ежегодно по 100 рублей изъ войскового капитала

Такимъ путемъ поддерживались Михайловскія воды, открываемыя ежегодно на три лѣтнихъ мѣсяца въ видѣ отдѣленія лазарета 5-й бригады Линейнаго казачьяго войска. И пользовались ими не только больные изъ строевыхъ частей расположенныхъ вблизи войскъ, но также больные вообще изъ жителей станицъ. За больныхъ изъ регулярныхъ войскъ, какъ не принадлежащихъ къ казачьему сословію, казна платила войску по 15 коп. въ сутки, остальные же платили по $7^1/_2$ коп. Слагавшаяся

изъ этихъ копѣекъ сумма шла, въ видѣ лазаретныхъ экономическихъ средствъ, на поддержку и ремонтировку строеній на водахъ. Дрова и вода доставлялись безплатно станичными правленіями по наряду. Завѣдывалъ водами смотритель, назначаемый изъ полковыхъ офицеровъ; въ распоряженіи его находилась команда изъ 12-ти казаковъ при одномъ урядникѣ. Медицинская же часть лежала на обязанности врача и фельдшеровъ, состоявшихъ при лазаретѣ.

Между тѣмъ дано было движеніе вопросу о болѣе широкой постановкѣ водолѣчебнаго дѣла на Михайловскихъ водахъ. Со стороны медицинскаго управленія, для болѣе тщательнаго изслѣдованія водъ, командированъ былъ докторъ Терпуговъ. Къ тому времени, благодаря изслѣдованіямъ профессора Зинина и доктора Кедрова, Михайловскія воды пріобрѣли уже достаточную извѣстность. Доктору Терпугову предстояло только изслѣдовать воды въ отношеніи ихъ устройства и постановки водолѣчебнаго дѣла. И вотъ, по донесенію его, Михайловскія воды въ терапевтическомъ (лѣчебномъ) отношеніи заслуживаютъ полнаго вниманія, но настоящее устройство ихъ далеко не соотвѣтствуетъ ни цѣлебному значенію водъ, ни тѣмъ болѣе требованіямъ медицинской науки какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ медицинскомъ отношеніяхъ: купальныя зданія на источникахъ не содержатся въ достаточной исправности, а врачебный надзоръ за правильностью лѣченія водами даже невозможенъ, вслѣдствіе частыхъ командировокъ завѣдующаго этимъ дѣломъ врача. Обстоятельства эти, по его мнѣнію, вызываютъ необходимость передать воды обратно въ пѣхотный полкъ, гдѣ имѣется больше хозяйственныхъ средствъ, или же въ другое какое вѣдомство (Рапор. и. д. штабъ-доктора в. Т. об. 17 авг. 1862 года № 2884).

Съ другой стороны, по ходатайству наказнаго атамана, на Михайловскія воды командированъ былъ инженеръ-капитанъ Пауллеръ для составленія проектовъ и смѣтъ на постройку госпиталя и водолѣчебнаго заведенія, имѣя въ виду возведеніе построекъ на войсковыя средства. Проектъ былъ составленъ. Госпиталь разсчитанъ на 300 человѣкъ; зданіе его должно было состоять изъ 3-хъ корпусовъ, деревянныхъ, но на каменныхъ фундаментѣ и цоколѣ; мѣстомъ для зданія должна была быть лощина, идущая между горами и станицей, чѣмъ давалась возможность: 1) не удаляться значительно отъ станицы, 2) защититься отъ вѣтровъ, дующихъ по

ущелью «Горячаго» ручья и 3) провести по названной лощинѣ воду изъ рѣки Сунжи, взявъ ее выше станицы. Расходъ на все это исчислялся въ 49800 руб., да соотвѣтствующее переустройство купаленъ на источникахъ требовало приблизительно 20000 рублей.

Но войсковое правленіе признало такой расходъ непосильнымъ для себя. Въ результатѣ всего этого командующій войсками находилъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на постройку госпиталя по проекту Пауллера средствами казны, съ тѣмъ однако-жъ непремѣннымъ условіемъ, что въ такомъ случаѣ войско должно уступить казнѣ и минеральныя воды (3 декабря 1863 г. № 3092)

Вѣсть о предстоящей передачѣ казнѣ Михайловскихъ минеральныхъ водъ встревожила войско. Заговорили объ отмѣнной цѣлебной силѣ Михайловскихъ источниковъ и о тѣхъ богатствахъ, которыя обѣщаютъ они войску въ будущемъ, при надлежащемъ устройствѣ ихъ. Отголоскомъ такого настроенія былъ рапортъ войсковому правленію отъ командира Сунженскаго полка полковника Козлова, въ которомъ онъ ратовалъ за оставленіе водъ въ войскѣ (16 января 1864 г. № 512). Въ дальнѣйшей перепискѣ по этому поводу рѣшено отказаться отъ проекта Пауллера и взамѣнъ этого расширить существующій уже лазаретъ съ 40 на 80 кроватей, каковыми, въ виду предстоящаго перехода кавказской арміи на мирный составъ, войсковыя потребности могутъ быть вполнѣ удовлетворены, о чемъ и вошелъ съ ходатайствомъ наказный атаманъ къ командующему войсками (12-го ноября 1864 г. № 8997).

Тѣмъ временемъ неотложная надобность въ водахъ, съ одной стороны, а съ другой—недостаточно капитальное ежегодное исправленіе строеній, по скудости отпускавшихся на то средствъ, требовали новыхъ и усиленныхъ расходовъ на ремонтировку. Такъ, въ 1864 году, для того чтобы могло состояться открытіе курса лѣченія, ремонтъ требовалъ уже расхода изъ войсковыхъ суммъ на 200 руб. болѣе предыдущихъ лѣтъ, а въ слѣдующемъ 1865-мъ году, по донесенію новаго командира Сунженскаго полка полковника Кехли, требовалось еще болѣе. Это подтверждалось и актомъ комиссіи, осматривавшей названныя постройки.

Но тѣмъ не менѣе Сунженскому полку пришлось опять произвести ремонтъ своими средствами, хотя настолько лишь,

чтобы не задержать открытія курса лѣченія, а для составленія смѣты на капитальный ремонтъ зданій лазарета и построекъ на водахъ командированъ былъ состоящій при Терскомъ войскѣ инженеръ Нечогинъ

Прибывъ на мѣсто и осмотрѣвъ вмѣстѣ съ командиромъ полка и врачемъ постройки лазарета и его отдѣленій на минеральныхъ водахъ, а также мѣстность сихъ послѣднихъ, при совмѣстномъ обсужденіи дѣла, названныя лица пришли къ заключенію, что вмѣсто капитальнаго ремонта старыхъ зданій раціональнѣе было бы построить новое, болѣе подходящее помѣщеніе для водолѣчебнаго заведенія, и на другомъ болѣе удобномъ мѣстѣ, а именно у подножья горы, въ пунктѣ сліянія ручьевъ Слѣпцовскихъ и «Горячихъ» источниковъ; воду провести туда по трубамъ. Постройка этого новаго зданія изъ прочнаго матеріала, съ каменными ваннами и другими болѣе удобными и цѣлесообразными приспособленіями для купаній, вмѣстѣ съ капитальнымъ ремонтомъ старыхъ зданій лазарета, по смѣтѣ Нечогина, должна была обойтись въ 35000 рублей.

Въ то-же время, по распоряженію командующаго войсками, вслѣдствіе донесеній полковника Кехли о плачевномъ состояніи купальныхъ построекъ на водахъ, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ былъ присланъ помощникъ начальника инженеровъ Терской области инженеръ-капитанъ Врублевскій Въ донесеніи своемъ инженеръ Врублевскій подтвердилъ плохое состояніе бараковъ и купаленъ, а также настоятельную и неотложную надобность ремонта ихъ, причемъ расходъ на ремонтъ, при условіи ограничиться только самымъ неотложнымъ, онъ исчислилъ въ 500 рублей. Эти 500 рублей и были отпущены изъ войсковыхъ суммъ въ распоряженіе командира Сунженскаго полка. (Пр. 3-го іюня 1865 г. № 1389).

Проектъ инженера Нечогина въ общемъ былъ одобренъ командующимъ войсками; полковнику Кехли предложено было взять на себя эту постройку и, въ случаѣ согласія, дать свои соображенія по этому поводу.

По мнѣнію полковника Кехли, вопросы о ремонтѣ лазарета и о постройкѣ новыхъ ваннъ слѣдовало-бы соединить въ одинъ вопросъ, т. е. вмѣстѣ съ ваннами устроить на указанномъ мѣстѣ и новое зданіе для лазарета причемъ расходъ на предпріятіе онъ исчислялъ въ 30—35 тыс. руб. Въ виду же

того, что постройка новыхъ зданій затянется года на 3, на это время можно бы поддержать старыя, подвергнувъ ихъ болѣе капитальному, чѣмъ въ прошлые года, ремонту.

Ремонтъ этотъ онъ принималъ на себя и, если для этой надобности будетъ ассигновано не менѣе 3000 руб., то вмѣстѣ съ этимъ онъ бралъ на себя и обязанность потребные въ слѣдующіе годы ремонты производить на свои собственныя средства.

Въ виду этого предписано было инженеру Нечогину войти въ подробное обсужденіе предложеній полковника Кехли и составить согласно ихъ проектъ и смѣту. По составленному вновь проекту, постройки должны были быть воздвигнуты на небольшой возвышенной площадкѣ, омываемой обоими минеральными ручьями, у мѣста слiянiя ихъ. Но и этотъ проектъ потерпѣлъ судьбу предыдущихъ.

Правда, въ то время какъ-разъ обсуждался совѣтомъ кавказскаго военнаго округа вопросъ о постройкѣ госпиталя въ станицѣ Михайловской, вопросъ начатый еще въ 1862-мъ году и въ теченіе 3-хъ лѣтъ, какъ мы видѣли, многоразлично измѣняемый.

Въ докладѣ своемъ (26 октяб. 1865 г.) военно-медицинскій инспекторъ генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ 2-ой предлагалъ устроить на Михайловскихъ водахъ госпиталь 1-го класса, взамѣнъ госпиталя 2-го класса на Горячеводскихъ водахъ (близъ крѣпости Грозный). Мотивировалось это предложеніе, между прочимъ, и такими соображеніями: признанная во многихъ болѣзняхъ польза Михайловскихъ и Слѣпцовскихъ минеральныхъ водъ, черезвычайно выгодное центральное положеніе мѣстности этихъ водъ относительно ближайшихъ госпиталей края (грозненскаго и владикавказскаго) и на дорогѣ между ними и, наконецъ, большая насыщенность минеральной воды Михайловскихъ источниковъ въ сравненіи съ Горячеводскими водами.

Совѣтъ однако же пришелъ къ иному заключенію

Было постановлено: на Горячеводскихъ водахъ госпиталь закрыть, съ тѣмъ однако-же,что въ лѣтніе мѣсяцы на водахъ должно открываться отдѣленіе Грозненскаго госпиталя, а на Михайловскихъ—расширить лазаретъ 5-ой бригады, усиливъ средства и медицинскій персоналъ его. Положеніе это Его Императорское Высочество главнокомандующій кавказской арміей утвердилъ (5-го ноября1865 г.).

Въ силу такого постановленія окружнаго совѣта начальникъ

штаба войскъ Терской области поручилъ командиру Сунженскаго полка, при содѣйствіи завѣдывающаго лазаретомъ врача, представить подробное указаніе о потребныхъ въ этомъ отношеніи измѣненіяхъ. По обсужденіи дѣла въ этомъ направленіи, д-ръ Кедровъ, завѣдывавшій тогда лазаретомъ, нашелъ необходимымъ: 1) впредь до постройки новаго лазарета и ваннъ, построить два турлучныхъ барака, на 75 чел. каждый, на что потребуется 800—900 рублей расходу; 2) увеличить медицинскій персоналъ, добавивъ одного врача и 3 фельдшеровъ; 3) усилить штатъ прислуги на 15—20 человѣкъ; наконецъ 4) для увеличенія хозяйственныхъ средствъ полка, увеличить суточныя на больныхъ изъ регулярныхъ частей войскъ съ 15 на 25 коп. (Рапор. 22 декабря 1865 г. № 560).

На этотъ разъ большая часть нуждъ была полностью и въ скорости удовлетворена. Уже черезъ $1^1/_2$ мѣсяца получилось извѣщеніе объ ассигнованіи изъ остатковъ интендантскихъ суммъ 1000 руб. на постройку 2-хъ госпитальныхъ бараковъ на Михайловскихъ минеральныхъ водахъ, на 76 челов. каждый, и кухни при нихъ, а недѣлю спустя отпущено было изъ пятигорскаго госпиталя мягкихъ и металлическихъ вещей на 300 чел.

Тогда же разрѣшено было увеличить комплектъ прислуги на 10 челов. Но это дѣло затянулось и, въ концѣ концовъ, хотя и разрѣшено было имѣть на время курса лишнихъ 10 челов. казаковъ, но довольствіе ихъ отнесено было на лазаретныя средства. Послѣдовало также разрѣшеніе на отпускъ для исправленія лазарета 3000 р. изъ войскового капитала.

Къ концу октября мѣсяца 1866 года работы всѣ были уже окончены, причемъ достаточно удѣлено было вниманія и минеральнымъ водамъ. Соляной источникъ, служившій для расхолаживанія воды въ ваннахъ, задѣланъ въ каменный срубъ; ниже его найденъ источникъ грунтовой воды и обдѣланъ въ деревянный срубъ; источники соединены съ ваннами жолобомъ; помѣщеніе для больныхъ было расширено постройкой 2-хъ новыхъ бараковъ; старыя зданія подновлены; для спуска къ ваннамъ устроена широкая каменная лѣстница; рядомъ съ дорогой, ведущей отъ станицы къ источникамъ, устроена непрерывная аллея или бульваръ, обсаженный деревьями и снабженный скамейками, а въ срединѣ пути поставлена бесѣдка и т д.

Но наряду съ этимъ, въ виду принятаго на себя полковни-

комъ Кехли обязательства, войсковое правленіе порѣшило прекратить субсидію изъ войскового капитала на ремонтъ зданій.

Между тѣмъ для удовлетворительнаго даже устройства минеральныхъ водъ еще очень многаго не доставало. На указанные выше 1000 рублей было расширено помѣщеніе для больныхъ, купальныя же зданія — это самое больное мѣсто во всемъ устройствѣ водъ, — требовали новыхъ и новыхъ расходовъ на ремонты. Исправленныя къ сезону 1866 года средствами полка, они уже въ октябрѣ мѣсяцѣ обнаружили потребность въ новомъ ремонтѣ.

Воспользовавшись высказанными наказнымъ атаманомъ (22 янв. 1866 г. № 26) и окружнымъ инспекторомъ госпиталей (9 марта 1866 г. № 1553) мнѣніями о цѣлебности и чрезвычайно выгодномъ мѣстоположеніи Михайловскихъ водъ, неутомимый въ хлопотахъ о нихъ полковникъ Кехли снова поднимаетъ вопросъ о надлежащемъ устройствѣ водъ и составляетъ проектъ устройства заново ветхихъ строеній на водахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ видахъ большихъ удобствъ для купающихся Исчисляемый на это расходъ въ 4000—5000 руб. онъ находитъ нужнымъ отнести на счетъ казны, на томъ основаніи, что для лѣченія Михайловскими водами большинство больныхъ поступаетъ изъ регулярныхъ частей.

Но это предложеніе полковника Кехли не нашло себѣ сочувствія. Въ виду же указаній на обремененіе со стороны регулярныхъ войскъ, окружный совѣтъ постановилъ на будущее время освободить Михайловскую водолѣчебницу отъ больныхъ изъ регулярныхъ частей, направляя ихъ на Горячеводскія минеральныя воды (22 янв. 1866 г.).

Тѣмъ не менѣе приближеніе лѣчебнаго сезона потребовало новыхъ донесеній о необходимости ремонта строеній на водахъ, такъ какъ безъ ремонта ихъ немыслимо было самое открытіе курса

Но въ это время состоялся приказъ о назначеніи командиромъ Сунженскаго коннаго полка полковника Сильвестровича. Вмѣстѣ съ симъ ему поручено было высказать свое мнѣніе о средствахъ и способѣ дальнѣйшаго поддержанія минеральныхъ водъ. Представленный по этому поводу Сильвестровичемъ докладъ былъ тождественъ съ послѣднимъ проектомъ его предмѣстника. Расходъ, по смѣтѣ инженера Нечогина, исчисленъ въ 796 руб. 76 коп. Отвѣтомъ на этотъ докладъ была командировка войско-

вого архитектора Грозмани для соображеній на мѣстѣ (31 октября 1867 г.).

Такимъ образомъ, дѣло это опять затянулось. А между тѣмъ вотъ какъ доносилъ новый командиръ полка о принятіи строеній на источникахъ: купальни на «Горячихъ» источникахъ ветхи и требуютъ перестройки, ванны въ нихъ, кромѣ 2—3-хъ, сгнили, большой новый баракъ и кухня повреждены бурею, старые-же бараки и послѣ ремонта могутъ еще прослужить лишь одинъ или два года—не болѣе; купальня и ванны на Слѣпцовскихъ источникахъ точно также нуждаются въ капитальномъ ремонтѣ.

Пришлось опять заявлять о необходимости отпуска денегъ на ремонтъ, «безъ ремонта-же строеній открытіе курса состояться не можетъ», повторяется опять сдѣлавшаяся уже стереотипною фраза. И на этотъ разъ въ рапортѣ своемъ полковникъ Сильвестровичъ проситъ сложить съ него завѣдываніе хозяйственной частью лазарета.

Рапортъ этотъ послужилъ сигналомъ къ отступленію. Михайловскія минеральныя воды изъ драгоцѣннаго достоянія сдѣлались непріятнымъ бременемъ.

Въ октябрѣ 1868 года наказный атаманъ Терскаго казачьяго войска, въ отзывѣ къ начальнику штаба кавказскаго военнаго округа (№ 374), предложилъ закрыть Михайловскій госпиталь; въ мартѣ 1869 г. послѣдовало предписаніе командиру Сунженскаго полка передать лазаретъ въ вѣдѣніе полкового правленія Сунженскаго полка, на основаніи положенія о Линейномъ казачьемъ войскѣ, *) а 11-го мая 1869 г. состоялось постановленіе о продажѣ строеній на источникахъ съ аукціона.

Чувствовалось, что постановленіе это подрубало въ корень дѣло устройства Михайловскихъ водъ, и полковникъ Сильвестровичъ, въ докладной запискѣ къ наказному атаману, ставилъ на видъ, что строенія на источникахъ, будучи разобраны, сколько нибудь видной цѣнности для войска не имѣютъ, тогда какъ въ частныхъ рукахъ, при небольшой даже сравнительно ремонтировкѣ, они могутъ еще служить дѣлу лѣченія въ теченіе нѣсколь-

*) По положенію 14 февраля 1845 г., въ Линейномъ войскѣ открывались лазареты на 40 мѣстъ для нуждъ жителей, а согласно циркулярнаго предписанія отъ 12 января 1857 г., содержаться лазареты эти должны на свои хозяйственныя средства.

кихъ лѣтъ. Но это былъ послѣдній выстрѣлъ съ покинутой позиціи.

13-го ноября 1869 года состоялся аукціонъ. Всѣ постройки были проданы за 187 руб. 81 коп., и источники опустѣли.

Въ настоящее время на источникахъ не имѣется нижнихъ купальныхъ сооруженій, если не считать «катуха», *) построеннаго мѣстнымъ священникомъ два года тому назадъ и теперь приходящаго въ ветхость.

Безмолвными-же свидѣтелями прошлаго служатъ кое-какіе остатки отъ бывшихъ построекъ и на тѣхъ и на другихъ источникахъ Такъ, на «Горячихъ» сохранились остатки башни Магомета-муллы, въ видѣ полуразрушеннаго основанія каменной стѣны надъ обрывомъ, да слабые слѣды бывшей здѣсь каменной лѣстницы. Камни этой лѣстницы, вмѣстѣ съ камнями сруба бассейна, охватывавшаго горячіе родники, растасканы; остальное сдѣлало всеразрушающее время. Ему, впрочемъ, помогли также досужіе ребята. Однажды разнеслась молва, что на «Горячихъ» источникахъ, на мѣстѣ старой башни, найденъ серебряный рубль, а это яко-бы служитъ указаніемъ, что тамъ зарытъ кладъ. Молва, къ несчастью, подтвердилась вторымъ и третьимъ рублемъ, найденными тамъ-же. Охотниковъ на рубли нашлось много—и отъ развалинъ башни остался только слѣдъ; все превращено въ мусоръ и свалено подъ обрывъ, гдѣ бьютъ ключи.

На мѣстѣ, гдѣ стояли купальныя зданія, сохранились два сруба, сдѣланные на холодныхъ источникахъ—соляномъ и прѣсномъ Срубъ послѣдняго, хотя и деревянный, болѣе сохранился; изъ этого колодца и теперь пользуются водою для питья больные, ищущіе исцѣленія на «Горячихъ» по традиціи или подъ гнетомъ бѣдности.

Счастливѣе другихъ оказался Слѣпцовскій колодецъ И срубъ его и крестъ, поставленный надъ нимъ, сохранились довольно хорошо. За то срубъ другого колодца, которымъ, по описанію доктора Кедрова, пользовались главнымъ образомъ для внутренняго употребленія, могъ быть найденъ только при помощи археоло-

*) Помѣщеніе для скота, заплетенное изъ хвороста и крытое соломой.

гической раскопки; пришлось снять слой земли толщиною въ $^{3}/_{4}$ аршина, чтобы обнаружить только вѣнецъ сруба. Ключи его, какъ выше сказано, засорены; существующіе-же бьютъ въ другомъ мѣстѣ. весьма слабо и измѣнили свой химическій составъ По Кедрову, вода этого источника была схожа съ водою Слѣпцовскаго колодца, но содержала больше углекислоты и была холоднѣе. Оба эти условія дѣлали ее болѣе пріятною на вкусъ, почему она и предпочиталась для врутренняго употребленія.

Но и на Слѣпцовскомъ колодцѣ время и рука человѣческая оставили свои слѣды. Два камня съ вѣнца сруба свалены въ колодецъ, металлическій крестъ изъ ниши стоящаго надъ колодцемъ креста похищенъ, окружность колодца и еще больше ручеекъ его занавожены: тутъ валяются кости, тряпки, клочья шерсти и т. п. Каменный крестъ поставленъ признательнымъ страдальцемъ въ память полученнаго имъ здѣсь исцѣленія *) впослѣдствіи, надъ пустыннымъ уже колодцемъ. И лучшей аллегоріи прошлаго трудно подыскать. Угрюмо стоитъ этотъ крестъ надъ заброшеннымъ источникомъ, какъ могильный памятникъ угасшей жизни съ ея радостями и печалями.

Но жива вѣра въ цѣлебную силу этихъ водъ; они попрежнему привлекаютъ къ себѣ больныхъ, не взирая на всю свою безпріютность.

На мѣстѣ бывшихъ купальныхъ зданій на «Горячемъ» ручьѣ теперь ежегодно возникаютъ новыя сооруженія, только лишь на время курса. И мѣняются они сообразно характеру курсующей публики.

Съ мая мѣсяца на берегу «Горячаго» начинаютъ появляться одно за другимъ различныя приспособленія для жилья, отъ простыхъ шалашей до палатокъ включительно. Всѣ эти, большею частью импровизированные, «номера» курсующей публики вытягиваются въ рядъ по правому берегу на площадкѣ, образуя разношерстное, какъ и сами больные, поселеніе—бивуакъ.

Купаются здѣсь теперь прямо въ ручьѣ, вода котораго въ этомъ мѣстѣ имѣетъ отъ 40 до 36°R, и купаются безъ всякаго призору и руководительства. Послѣднее они черпаютъ изъ преданій, а вмѣсто перваго имъ служитъ ихъ твердая увѣренность въ могущественной цѣлебной силѣ источниковъ.

*) Молва называетъ генерала Циммермана.—Крестъ поставленъ въ 1876 году.

Каждый пріѣхавшій «на курсъ» устраиваетъ себѣ особое помѣщеніе для жилья и начинаетъ париться. Большею частью это—бѣдняки. Безпріютность «курорта» и простодушная увѣренность, что чѣмъ больше—тѣмъ лучше, заставляютъ больныхъ париться чуть не съ утра до ночи. Купаются вообще не менѣе 3 разъ въ день, а сплошь и рядомъ—4 и 5 разъ, вѣрнѣе же «сколько влѣзетъ», насколько хватитъ силъ и терпѣнія.

И рѣдко кто покидаетъ источники разочарованнымъ. Изъ курсовиковъ прошлаго года лишь одна горько жаловалась мнѣ, что не видитъ никакого успѣха, котораго дѣйствительно не было: она страдала волчанкой. Напротивъ, даже такая паціентка, какъ особа, искавшая на «Горячихъ» исцѣленія отъ бездѣтности, уѣхала съ облегченнымъ надеждою сердцемъ. Такъ часто и заурядно облегченіе недуговъ у курсовиковъ, но достигается это цѣною сильнаго истощенія.

Случается также, что подъ вліяніемъ новой простуды, къ чему такъ располагаетъ устройство жилья курсующихъ, болѣзнь обостряется или осложняется, и въ результатѣ получается горшая участь. Бывали даже случаи смерти отъ неумѣстнаго паренья.

Болѣе состоятельная публика обыкновенно нанимаетъ себѣ квартиру въ станицѣ и принимаетъ ванны на дому, привозя воду въ бочкахъ. Набранная изъ самыхъ ключей вода надолго сохраняетъ высокую температуру и вполнѣ пригодна для ваннъ; обыкновенно для этого требуется, чтобы она простояла часа 4 въ бочкѣ, да около 2-хъ часовъ уже въ открытой ваннѣ. Въ бочкахъ она доставляется также въ сосѣднія станицы, верстъ за 8—10, сохраняя надлежащую температуру.

Минеральною водою пользуются и для гигіеническихъ купаній. «Горячій» ручей часто замѣняетъ собою бани, хотя въ станицахъ имѣются и эти послѣднія. И попариться на «Горячихъ» любятъ не только михайловцы, но и жители другихъ станицъ, пріѣзжающіе для этого верстъ за 8—12 и даже 20. Вотъ и случается, что, попарившись вдоволь на «Горячихъ», пріѣзжіе на возвратномъ пути получаютъ еще другую ванну,—подъ дождемъ. Такія невольныя купанья не всегда проходятъ безслѣдно.

Но опаснѣе всего—это купанья на «Горячихъ» зимою, а между тѣмъ ни снѣгъ, ни даже большіе морозы не считаются здѣсь помѣхой; даже больныхъ дѣтей купаютъ въ немъ буквально круглый годъ, оправдывая свой рискъ цѣлебностью «Горя-

чихъ» водъ. Такую вѣру не могутъ поколебать даже повторяющіяся ежегодно простуживанія на смерть. И много жертвъ считается за источниками,—дорогую берутъ они дань за недостаточное вниманіе къ нимъ *).

Наконецъ, на «Горячемъ» ручьѣ всегда можно встрѣтить женщинъ съ узлами бѣлья. Въ щелочной водѣ его бѣлье чище вымывается, не требуя лишняго расхода на мыло. Прачки обыкновенно размѣщаются выше купающихся, гдѣ вода горячѣе (40—42° R). Неудобство такихъ порядковъ понятно само собою, но населеніе освоилось съ этимъ до того, что купающіеся ниже по ручью даже не протестуютъ. Все вывозитъ на своихъ плечахъ упрочившаяся вѣра въ цѣлебность минеральной воды.

Изъ Слѣпцовскихъ источниковъ теперь служитъ одинъ только колодецъ. Имъ пользуются, главнымъ образомъ, для гигіеническихъ купаній и лишь изрѣдка въ цѣляхъ лѣчебныхъ, для заключительныхъ купаній послѣ «Горячихъ», или во время перерыва купаній на послѣднихъ, для отдыха. Въ колодцѣ купаются только въ теплое время, но малые размѣры его и необходимость подолгу ждать своей очереди отбиваютъ охоту и заставляютъ предпочитать «Горячіе», гдѣ имѣется больше простору.

При всемъ томъ и здѣсь можно встрѣтить женщинъ съ узлами бѣлья и даже съ тюками грязной овечьей шерсти; то и другое моется въ самомъ колодцѣ, загрязняя и занавоживая какъ самые родники, такъ и окружность его.

Тогда какъ «Горячіе» источники славятся своимъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ, Слѣпцовскій колодецъ въ наше время, главнымъ образомъ, питаетъ удовольствіе. Купанье въ немъ производитъ нѣжащее впечатлѣніе, пріятную истому. Благодаря этому, во дни существовавшей организаціи по эксплуатаціи Михайловскихъ водъ, ванны изъ воды Слѣпцовскаго колодца, какъ и другихъ источниковъ этой группы, назначались больнымъ ослабленнымъ или нервнымъ, преимущественно женщинамъ и дѣтямъ. По словамъ д-ра Переверзева, завѣдывавшаго водами въ 1860-хъ годахъ, Слѣпцовскій колодецъ «особенно пригоденъ для нѣжнаго и деликатнаго сложенія дамъ: онъ порождаетъ свѣжесть тѣла и производитъ краску въ лицѣ»**). Успокоительнымъ дѣйствіемъ его на нервы

*) См. «Тер. Вѣд.» за 1892 г. № 76.

**) Донесеніе его о значеніи Михайловскихъ водъ (1866 г.)

пользовался и знаменитый Слѣпцовъ, оставившій колодцу свое славное имя.

Прошлое Михайловскихъ минеральныхъ водъ приводитъ къ заключенію, что воды эти могутъ, а слѣдовательно и должны имѣть будущность.

Мы видѣли, что вся причина печальнаго конца этой исторіи—безденежье. Оно было камнемъ преткновенія, о который разбивались всѣ благонамѣренныя попытки поставить дѣло водолѣченія на Михайловскихъ водахъ на должную высоту. Это со стороны войсковой администраціи. Частная-же предпріимчивость у насъ всегда была тяжела на подъемъ.

Но времена мѣняются. И теперь именно, по нашему мнѣнію, насталъ благопріятный моментъ для возрожденія Михайловскихъ минеральныхъ водъ

Моментъ этотъ—желѣзная дорога. Паръ служитъ двигателемъ не только въ механикѣ, но и въ культурѣ, а стонами работы его теперь ежедневно оглашаются Михайловскіе источники. Изъ Владикавказа и изъ Грознаго, изъ обоихъ этихъ наиболѣе оживленныхъ пунктовъ Терской области можно теперь ежедневно съѣздить искупаться на минеральныхъ источникахъ. Чрезъ Владикавказъ съ Ростовомъ, а чрезъ Грозный съ Петровскомъ Михайловскія воды соединены удобнымъ, скорымъ и дешевымъ путемъ сообщенія. Такимъ образомъ, теперь устранено самое главное препятствіе для процвѣтанія Михайловскихъ водъ—захолустность.

Бальнеологическая правоспособность Михайловскихъ водъ, какъ мы видѣли, доказана научными изслѣдованіями и подтверждена опытомъ. Мѣстность, климатъ и топографическія условія подходящи, жизненныя—довольно благопріятны, доступность-же водъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги, можетъ удовлетворить самымъ прихотливымъ желаніямъ, а техническія и хозяйственныя требованія даны самой природой. Весь недостатокъ Михайловскихъ водъ—это отсутствіе древесной растительности. Но и въ этомъ отношеніи имѣется уже опытъ прошлаго: дорога отъ станицы къ источникамъ и зданіе Слѣпцова были осѣнены тѣнью деревъ.

Въ отношеніи широты предстоящей дѣятельности, Михай-

ловскій курортъ долженъ ограничиться ролью мѣстнаго дешеваго курорта,—таковъ объемъ его естественныхъ силъ. Что обстоятельство это не должно смущать предпринимателя, доказывать, мнѣ кажется, излишне.

Что-же касается обезпеченности его достаточнымъ контингентомъ больныхъ, то потребность въ лѣченіи горячими водами, такъ сказать, присуща самому климату Кавказа и, затѣмъ, если въ прошлые годы число пользовавшихся Михайловскими водами достигало 400 и болѣе, если даже въ настоящее время, при полномъ отсутствіи какихъ-либо приспособленій, оно доходитъ до 200, то при надлежащемъ устройствѣ водъ и при значительно облегченной, благодаря желѣзной дорогѣ, доступности ихъ, приливъ больныхъ можно считать вполнѣ гарантированнымъ. Правда, въ сосѣдствѣ съ Михайловскими водами и даже по пути протяженія Петровской вѣтви желѣзной дороги имѣется еще нѣсколько группъ минеральныхъ водъ, однородныхъ съ Михайловскими, каковы: Горячеводскіе, Брагунскіе, Міетлинскіе и Петровскіе источники; но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такими преимуществами въ отношеніи жизненныхъ условій и еще больше —въ отношеніи доступности, какія имѣются на Михайловскихъ источникахъ.

Такимъ образомъ, нынѣ на Михайловскихъ минеральныхъ источникахъ имѣются въ наличности всѣ условія для успѣшной эксплуатаціи ихъ. Введенныя въ цѣпь общей желѣзно-дорожной сѣти и тѣмъ поставленныя въ ближайшее отношеніе къ промышленности, Михайловскія воды, безъ сомнѣнія, получатъ извѣстность и найдутъ себѣ заслуженную оцѣнку; найдется и капиталъ, который дастъ надлежащую организацію водолѣченія на источникахъ и съумѣетъ воспользоваться всѣми благами этого дара природы.

Сколько мнѣ извѣстно, управленіе Владикавказской желѣзной дороги проектируетъ устроить на Михайловскихъ источникахъ небольшую водолѣчебницу для пользованія своихъ служащихъ. Но источники въ состояніи удовлетворить несравненно большимъ требованіямъ и, повторяю, *нуждаются* въ болѣе широкой постановкѣ дѣла.

Н. Вертеповъ.

ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГІЯ ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

> Пониманіе первобытныхъ народовъ служитъ ключемъ, съ помощью котораго раскрываются передъ нами сложнѣйшія построенія высшихъ формъ. *Бастіанъ.*

Значеніе кавказовѣдѣнія для сравнительной исторіи права и языкознанія твердо установлено такими свѣтилами русской науки, какъ В. Ѳ. Миллеръ и М. М. Ковалевскій, а интересъ, возбужденный ихъ трудами среди самыхъ крупныхъ представителей науки на Западѣ, еще болѣе закрѣпилъ за кавказовѣдѣніемъ его важную роль въ наукѣ о первобытномъ человѣкѣ и обществѣ.

Если такова важность изученія быта кавказскихъ горцевъ вообще, то знакомство съ ихъ религіозными воззрѣніями пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду общей неудовлетворительности свѣдѣній о первобытной религіи человѣчества, собранныхъ среди дикарей Африки, Азіи, Америки и Австраліи заѣзжими путешественниками и миссіонерами.

Но помимо общаго интереса, который возбуждаетъ изученіе первобытныхъ народовъ, возможно близкое знакомство съ бытомъ и міровоззрѣніемъ кавказскихъ горцевъ составляетъ для русскихъ изслѣдователей задачу, имѣющую государственное значеніе.

Подобно азіатской сосѣдкѣ своей—Англіи, Россія вмѣщаетъ въ себѣ племена, стоящія почти на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, пройденныхъ человѣкомъ до настоящаго времени. Поставивъ себѣ высокую культурную задачу—пріобщить всѣ племена къ европейской цивилизаціи и содѣйствовать ихъ постепенному развитію, Россія по справедливости заслужила со стороны западныхъ ученыхъ и публицистовъ должное уваженіе къ своей политикѣ. Но, выражаясь словами Леббока, политическіе расчеты невозможны безъ знанія народа. Такое незнаніе оставляетъ пустое мѣсто, которое по необходимости занимается предразсудкомъ.

«Зло и бѣдствіе не-арійскихъ племенъ состоитъ не только въ томъ, что ихъ не понимаютъ, но еще въ томъ, что ихъ понимаютъ въ превратномъ видѣ», сказалъ Леббокъ по отноше-

нію къ англійскимъ инородцамъ. Инородцы Россіи въ этомъ отношеніи счастливѣе, но все таки недостаточное знакомство съ этнографическими данными, непониманіе быта, состоянія и потребностей ихъ были и у насъ причиною многихъ административныхъ и законодательныхъ ошибокъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ авторитетный представитель нашей этнографической науки профессоръ Анучинъ *).

Въ виду вышеизложеннаго, кавказскіе горцы давно уже привлекаютъ вниманіе западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ и мѣстныхъ изслѣдователей. Однако до сихъ поръ болѣе или менѣе обстоятельно изучены лишь тѣ черты народной жизни, которыя легче поддаются наблюденіямъ; внутренній же міръ горца, религіозный и нравственный складъ его міровоззрѣнія изслѣдованы лишь отчасти, причемъ имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія, при всей своей скудости и неполнотѣ, разсѣяны по страницамъ самыхъ разнообразныхъ изданій, столичныхъ и мѣстныхъ, общихъ и спеціальныхъ.

Въ предлагаемой работѣ я задался цѣлью дать по возможности систематическій очеркъ развитія религіознаго міровоззрѣнія чеченцевъ, основываясь какъ на существующихъ литературныхъ данныхъ, такъ и на личныхъ изслѣдованіяхъ.

Лѣтомъ 1891 г. я совершилъ поѣздку по территоріи, населенной одною изъ вѣтвей чеченскаго племени, носящей названіе «ингушей», а именно—въ Мецхальское общество. Тогда-же удалось мнѣ побывать на горѣ Матъ-Хохъ, или Столовой, и присутствовать на религіозномъ празднествѣ ингушей, ежегодно происходящемъ на вершинѣ этой горы. Въ слѣдующемъ 1892 г. я еще разъ воспользовался случаемъ пополнить уже собранныя свѣдѣнія. Какъ туземецъ, я пользовался полнымъ довѣріемъ со стороны ингушей, а счастливая случайность дала мнѣ возможность познакомиться съ двумя стариками, оказавшимися чрезвычайно мнѣ полезными. Одному изъ нихъ народная молва считаетъ 110 и даже 130 лѣтъ, другому на видъ – за 60. Слѣдовательно, оба они застали еще эпоху, когда ингуши не были тронуты русской культурой. Но особенную цѣнность моимъ бесѣдамъ съ этими стариками придаетъ то обстоятельство, что младшій изъ нихъ, по имени Ганыжъ Абыевъ Келиговъ-Фалхановъ, въ теченіе мно-

*) Этнограф. обозр. 1889 г., кн. I. «О задачахъ русской этнографіи».

гихъ лѣтъ былъ народнымъ жрецомъ. Другой старикъ, столѣтній Казбыкъ Казіевъ Хабіевъ—Буржаевъ, воинъ въ полномъ смыслѣ этого слова; съ самаго начала нынѣшняго столѣтія онъ служилъ русскимъ въ качествѣ добровольца и участвовалъ почти во всѣхъ походахъ ихъ во время покоренія Чечни и Дагестана. И тотъ и другой представляютъ собою совершенно цѣльный типъ истыхъ ингушей, нетронутыхъ внѣшнимъ вліяніемъ и культурой; даже никакого другого языка, кромѣ своего родного, ни одинъ изъ нихъ не знаетъ.

Изъ литературныхъ источниковъ, которыми я пользовался, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе.

1) «Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа изъ путешествія г-на академика *И. А. Гильденштедта* чрезъ Россію и по Кавказскимъ горамъ, въ 1770, 1771, 1772 и 1773 гг.» Спб. 1809 г.

2) «Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ». Спб. 1776 г. Пер. съ нѣмец. *І. Готл. Георги.*

3) Изъ того-же путешествія заимствованныя свѣдѣнія о кистинахъ, въ словарѣ геогр. Росс. гос. *Аф. Щекотова.* Москва. 1804 г.

4) «Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ» *С. Броневскаго.* Москва. 1823 г.

5) «Картина Кавказскаго края, принадлежащаго Россіи, и сопредѣльныхъ оному земель» *Пл. Зубова.* Спб. 1835 г.

6) *Русскій Инвалидъ.* 1822 г., № 35.

7) «Религіозные обряды осетинъ, ингушъ и ихъ соплеменниковъ» *А. М. Шегрена.* «Кавказъ» 1846 г. №№ 27—30.

8) «Древніе христіанскіе памятники на сѣверномъ Кавказѣ» *П. Хицунова.* «Кавказъ» 1847 г. № 41.

9) «Руководство къ познанію Кавказа» *Селезнева.* Спб. 1847 г.

10) «Чечня и чеченцы» *А. Берже* Тифлисъ. 1859 г.

11) «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ». Вып. I, II, III, V, VI, VIII и IX.

12) «Терскія Вѣдомости» 1868, 1870, 1871 и 1872 г.г.

13) «Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ» *Н. Дубровина.*

14) «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ» *В. Потто.*

15) «Съ Казбека» *Висковатаго.* «Русск. Вѣст.» 1865 г., т. 60.

16) «Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціею Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженной на Высочайше дарованныя средства» *В. Миллера.* Москва 1888 г.

Результатомъ моихъ изслѣдованій былъ мой рефератъ, читанный въ 1891 году въ отдѣленіи этнографіи Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Предлагаемая здѣсь работа является, такимъ образомъ, развитіемъ упомянутаго реферата, значительно расширеннаго и дополненнаго наблюденіями во время вторичной поѣздки къ ингушамъ въ 1892 году.

Б. Далгатъ.

I.

Христіанство и магометанство въ Чечнѣ.

Слѣды христіанства у чеченцевъ по преданіямъ, языку и археологическимъ памятникамъ.—Распространеніе магометанства между частью чеченцевъ, исключая ингушей.—Распространеніе христіанства и магометанства среди ингушей.

Прежде чѣмъ приступить къ систематическому очерку первобытной религіи чеченцевъ, необходимо выдѣлить все то, что относится къ позднѣйшимъ наслоеніямъ подъ вліяніемъ христіанства и магометанства. Въ противномъ случаѣ будутъ непонятны многіе обряды и вѣрованія смѣшаннаго характера Въ виду этого является необходимость прежде всего установить фактъ исповѣдыванія чеченцами христіанской и магометанской религій, къ чему мы и приступимъ.

Всѣ авторы, писавшіе о чеченскомъ народѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что чеченцы въ древности были христіанами. Преданіе, записанное чеченцемъ Лаудаевымъ и другими авторами, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ г. Ахріевъ, какъ природный чеченецъ, гласитъ, что предки современныхъ чеченцевъ были «керестанами». Этимъ именемъ, по словамъ г. Лаудаева, чеченцы называютъ въ настоящее время всѣхъ не-мусульманъ, какъ-то: евреевъ, христіанъ, шіитовъ и ламаитовъ, вѣрующихъ въ Бога, но не признающихъ Магомета Этимъ-же именемъ называютъ чеченцы и язычниковъ, только для отличія ихъ прибавляютъ еще слова «дин-бацу», т. е. «безъ вѣры». Но са-

мое слово «керестанъ» ясно указываетъ на его первоначальное происхожденіе и ближайшее значеніе; оно, очевидно, есть искаженное слово «христіанинъ». Г. Поповъ, хорошій знатокъ Чечни, также сообщаетъ, что всѣ 18 фамилій чеченцевъ, образовавшихъ по выселеніи изъ горъ въ Ичкерію восемнадцать ауловъ, единогласно свидѣтельствуютъ въ своихъ преданіяхъ, что предки ихъ въ мѣстности Нашихэ въ верховьяхъ Аргуна, этой колыбели чеченскаго народа, были христіане. *) Въ одномъ изъ этихъ ауловъ Ичкеріи, а именно Гуни, послѣднимъ принялъ мусульманство одинъ изъ знатнѣйшихъ чеченскихъ тохумовъ (фамилій) не далѣе, какъ въ половинѣ XVIII столѣтія. **) «Тамъ, въ сторонѣ Башъ-лама, разсказываютъ старики—чеченцы, есть горы, изъ которыхъ вытекаютъ рр. Асса, Фортанга, Геха. Это—горы Акиламъ; тамъ живутъ, или по крайней мѣрѣ, жили при нашихъ предкахъ «ламъ-кристы» (горные христіане). Это наша колыбель, какъ и другихъ чеченскихъ родовъ. Смѣнилось четырнадцать поколѣній съ тѣхъ поръ, какъ наша часть «ламъ-кристовъ» вышла изъ своего гнѣзда по причинѣ малоземелья и протянулась на восходъ солнца. Роды нохчи (чеченцевъ ѣли тогда свинину и были «русскіе», т. е. христіане. ***) Судя по этому преданію, чеченцы въ горахъ были христіанами лѣтъ 400-500 тому назадъ; очевидно они оставались ими и долгое время по выселеніи изъ горъ въ Ичкерію (предгорья) и далѣе на плоскость, пока не стали забывать принесенную ими изъ горъ вѣру и ученіе. По другимъ преданіямъ, въ горахъ жили нѣкогда «джелты», т. е. греки, которые настроили множество церквей, замковъ, башенъ, и ушли, оставивъ большіе клады Многія чеченскія фамиліи ведутъ свое происхожденіе отъ европейцевъ (фиренги); другіе отъ хевсуръ, третьи отъ грузинъ, четвертые отъ тушинъ и т. д. По этимъ преданіямъ, въ Галгаевскихъ горахъ жилъ нѣкогда христіанскій царь, который оставилъ въ своемъ аулѣ церковь. ****) Старики, которыхъ я разспрашивалъ, также неоднократно подтверждали все вышесказанное.

Къ преданіямъ, конечно, слѣдуетъ относиться съ величайшею

*) Сб. св. о Кавк. горцахъ, вып. IV.

**) Берже. «Чечня и чеченцы», стр. 137.

***) «Тер. Вѣд.» 1870 г. или Сб. св. о Тер. обл. стр. 267 «Землевладѣніе у чеченцевъ» г. Казбека.

****) Сб. св. о кавк. горц., вып. VIII. Ахріевъ, стр. 18.

осторожностью. Въ нихъ часто событія изъ разныхъ эпохъ бываютъ перемѣшаны и нерѣдко преобладаетъ миѳическій элементъ. Но въ данномъ случаѣ основная мысль чеченскихъ преданій не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ подтверждается въ свою очередь преданіями, записанными въ разныя эпохи, въ различныхъ мѣстностяхъ и различными авторами. Свидѣтельства ихъ пріобрѣтаютъ значеніе несомнѣннаго историческаго факта, когда мы обратимся къ древностямъ, археологическимъ памятникамъ прошлой жизни чеченскаго народа

Еще знаменитый Гильденштедтъ, труды котораго въ изученіи Кавказа составляютъ цѣлую эпоху, указывалъ со словъ самихъ кистинъ (чеченцевъ) на существованіе христіанской церкви въ горахъ Чечни. Съ тѣхъ поръ всѣ авторы упоминали о различныхъ реальныхъ остаткахъ христіанства въ Чечнѣ, но самыя вѣрныя данныя по этому вопросу мы находимъ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Экспедиція этого общества, имѣвшая своею непосредственною цѣлью—изысканіе слѣдовъ христіанства въ горной полосѣ Чечни, встрѣчала въ Аргунскомъ округѣ множество каменныхъ крестовъ. Относительно креста близъ аула Нихалоя существуетъ суевѣріе, что если опрокинуть этотъ крестъ, то перемѣнится погода. На многихъ древнихъ башняхъ въ Галгаѣ (Хамхинскомъ обществѣ) виднѣются высоко, нѣсколько ниже пирамидальныхъ крышъ, фигуры крестовъ, высѣченныхъ въ стѣнахъ. Въ башнѣ аула Хайрахъ замѣчены плиты съ крестами въ двухъ мѣстахъ. В. Миллеръ полагаетъ, что онѣ взяты съ христіанскаго могильника и вдѣланы въ стѣну.

Лучшимъ памятникомъ бывшаго въ Чечнѣ христіанства является церковь «Тхаба-Ерда» (т. е. двѣ тысячи святыхъ или, по другому переводу,—святой двухъ тысячъ), находящаяся въ долинѣ р. Ассы Объ этой церкви знаютъ всѣ почти чеченцы; о ней писали и Гильденштедтъ, и Палласъ и многіе другіе, но окончательное изслѣдованіе ея выпало на долю профессора В А. Миллера, во главѣ археологической экспедиціи. По словамъ Гильденштедта и др. авторовъ, въ этой церкви хранились священныя иконы и рукописи, а стѣны ея были украшены надписями. Миллеръ уже не засталъ никакихъ книгъ, но часть надписей еще сохранилась и сдѣлалась достояніемъ науки. Первая надпись на камнѣ гласитъ, что церковь построена царемъ Давидомъ (патрономъ) въ округѣ епископа Георгія въ 830 году по Р. Хр. Переводъ

сдѣланъ грузинскимъ археологомъ г. Бакрадзе и свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ началѣ IX в. по Р. Хр. *грузины* распространяли христіанство среди горныхъ чеченцевъ. Преданія какъ осетинъ, такъ и балкарцевъ и чеченцевъ приписываютъ постройку многочисленныхъ церквей по всѣмъ горамъ Кавказскаго хребта именно *грузинамъ* и пріурочиваютъ къ царствованію знаменитой царицы Тамары (царствовавшей съ 1184 по 1212 г.). Должно признать въ этомъ большую долю правды. Конечно, какъ свидѣтельствуетъ надпись, начало появленія христіанства въ Чечнѣ слѣдуетъ отнести къ раннему періоду, но, несомнѣнно, распространеніе его на всю горную Чечню вѣрнѣе всего пріурочить къ XI—XII вѣкамъ. Сказанное станетъ для насъ несомнѣннымъ, если обратиться къ исторіи Грузіи. Какъ извѣстно, въ самой Грузіи начало христіанства должно быть отнесено еще къ IV столѣтію, ко временамъ св. Нины. Въ VI в. по Р. Х., во время продолжительныхъ войнъ Юстиніана съ шахомъ Хосроемъ, происходившихъ частью въ предѣлахъ Грузіи, страна эта была уже вполнѣ христіанскою. Историкъ этихъ войнъ Прокопій Кесарійскій говоритъ о предкахъ грузинъ: «иберы—христіане, и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія» Арабское владычество хотя и задержало на время ростъ христіанской культуры въ Грузіи, но съ ослабленіемъ арабовъ и усиленіемъ Византіи въ X вѣкѣ страна эта, подъ мудрымъ правленіемъ царей изъ династіи Багратидовъ, снова усиливается, такъ что X—XII вѣка въ исторіи Грузіи по справедливости могутъ считаться вѣками полнаго политическаго и военнаго могущества, разцвѣта литературы, искусства и общественной жизни. Этому золотому вѣку Грузіи положило конецъ нашествіе монголовъ въ началѣ XIII вѣка.

Паденіе Константинополя въ XV столѣтіи лишило Грузію ея культурной сосѣдки и защитницы Византіи, а во второй половинѣ XV столѣтія Грузія расчленилась на три царства и нѣсколько княжествъ. Вмѣстѣ съ политическимъ ослабленіемъ должно было, конечно, пасть и вліяніе Грузіи на горцевъ. Нечего было и думать о распространеніи христіанства внѣ предѣловъ Грузіи, когда турки съ одной стороны, и персы—съ другой, терзали ее самое. Въ XVI в. турки съ успѣхомъ стали распространять магометанство изъ Ахалцыха не только среди другихъ племенъ, населявшихъ Кавказъ, но и среди самихъ грузинъ. Съ этого вре-

мени взоры Грузіи отъ Византіи обратились къ Москвѣ; но Россія ничего не могла помочь умирающей подъ ударами жестокаго Аббаса I (XVII в.) и турокъ Грузіи.

Изъ вышеизложеннаго краткаго очерка историческихъ судебъ Грузіи въ періодъ отъ VI по XVIII вѣкъ *) ясно, что не ошибаются чеченцы, относя постройку церквей и утвержденіе христіанства среди нихъ именно къ «золотому вѣку» Грузіи, олицетворяемому въ ихъ преданіяхъ въ лицѣ царицы Тамары. Надо полагать, что и позднѣе время отъ времени грузинское духовенство высылало миссіонеровъ къ чеченцамъ для поддержанія среди нихъ христіанства, но это носило случайный характеръ и вскорѣ совершенно прекратилось, уступивъ мѣсто болѣе сильному вліянію магометанства изъ Турціи чрезъ кабардинцевъ и, главнымъ образомъ, изъ Дагестана.

Распространеніе христіанства среди чеченцевъ грузинами подтверждается еще множествомъ словъ у первыхъ, заимствованныхъ у грузинъ. Таковы названія дней недѣли; по-чеченски недѣля называется, какъ и у грузинъ, «квирэ», а воскресенье—«квирендэ», что значитъ—недѣльный день; пятница наз. «пиреске»—отъ грузинскаго и греческаго «параскеви»; лишь недавно это слово стало замѣняться мусульманскимъ словомъ «джумэ». Счетъ дней недѣли у чеченцевъ также ведется по-христіански, съ понедѣльника.

Слѣдуетъ однако прибавить, что на распространеніе христіанства въ Чечнѣ, помимо Грузіи, могла оказать вліяніе и Византія, конечно, до паденія Константинополя въ XV столѣтіи. Если греки просвѣщали и укрѣпляли въ вѣрѣ самихъ грузинъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что греческіе миссіонеры заходили и въ Чечню. Весьма вѣроятно, что генуэзцы и венеціанцы, часто посѣщавшіе Кавказъ въ XIV и XV ст. съ торговыми цѣлями, также распространяли христіанство среди чеченцевъ. Но это были лишь единичные случаи и ихъ проповѣдь носила временный и случайный характеръ. Во всякомъ случаѣ, первенство въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно принадлежало грузинамъ.

Все вышесказанное даетъ достаточныя основанія для предположенія, что чеченцы нѣкогда исповѣдывали христіанство. Начало его распространенія относится къ IX вѣку, а періодъ упад-

*) Свѣдѣнія заимствованы у грузинскаго историка Цагарели.

ка охватываетъ эпоху XVI и XVII в. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ религіозными вѣрованіями и обрядами чеченцевъ, мы увидимъ, что слѣды христіанства у нихъ сохранились до настоящаго времени.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о распространеніи среди чеченцевъ магометанства. XVI, XVII и въ особенности XVIII столѣтія, какъ мы установили выше, являются періодомъ ослабленія проповѣди христіанства среди чеченцевъ. По всѣмъ даннымъ, къ этому же періоду слѣдуетъ отнести и выселеніе чеченцевъ изъ горъ въ Ичкерію (въ XVI в.) и далѣе на Чеченскую плоскость (въ XVII и XVIII в.) *). Такимъ образомъ, весь означенный періодъ чеченцы все болѣе и болѣе удаляются на сѣверъ отъ центра христіанства—Грузіи и приближаются къ мусульманскимъ народамъ—дагестанцамъ, кумыкамъ и кабардинцамъ. Правда, съ самаго начала XVI в. чеченцы сталкиваются съ терскими казаками, роднятся съ ними, иногда платятъ дань имъ **); но казаки никогда не занимались религіозною проповѣдью и всякая мысль о возможности распространенія ими христіанства среди кавказскихъ горцевъ должна быть оставлена. Предоставленные самимъ себѣ, чеченцы, конечно, стали постепенно забывать христіанское ученіе и возвращаться къ языческимъ вѣрованіямъ. Такимъ удобнымъ моментомъ переходнаго состоянія искусно воспользовались сосѣди ихъ —дагестанцы и кумыки и, по преданіямъ чеченцевъ, въ концѣ XVII столѣтія шамхалъ Тарковскій отправилъ къ нимъ особыхъ проповѣдниковъ, которые распространяли между ними мусульманство шафіитскаго толка и вывели у нихъ изъ употребленія послѣдніе остатки смѣшанныхъ съ язычествомъ христіанскихъ обрядовъ. Преданіе называетъ краснорѣчиваго проповѣдника Термаола, который нерѣдко прибѣгалъ къ силѣ и гоненіямъ. Послѣ этого чеченцы даже платили нѣкоторое время «ясакъ» (дань) шамхалу ***). Дѣло, начатое Термаоломъ, было, по преданію, закончено Берсаномъ, шейхомъ, сдѣлавшимся главою чеченцевъ въ XVIII столѣтіи. Онъ обратилъ въ мусульманство жителей ауловъ Ахшпатой и Гуни****); послѣднимъ принялъ мусульманство одинъ

*) Сб. св. о Тер. обл. I, стр. 245.

**) Ibid., 245.

***) М. Ковалевскій. «Законъ и обычай на Кавказѣ». I, 219.

****) Лаудаевъ. 55.

гуноевецъ во второй половинѣ XVIII столѣтія *). Утвержденію ислама среди чеченцевъ. кабардинцевъ, отчасти ингушей и осетинъ, способствовалъ шейхъ Мансуръ, (1785—1791 г.), который былъ взятъ въ плѣнъ ген. Гудовичемъ въ Анапѣ и отправленъ въ Соловецкій монастырь **). По преданію, онъ былъ природный чеченецъ изъ Эльджероевской чеченской фамиліи.

Вслѣдствіе принятія мусульманства, чеченцы, до того времени весьма дружественные русскимъ, становятся ихъ заклятыми врагами. Начинается борьба и уже въ концѣ XVII вѣка, совмѣстно съ кабардинцами, они дѣлаютъ нападенія на русскія поселенія. Какъ извѣстно, въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій посылаетъ войска наказать чеченцевъ за ихъ набѣги. Все восемнадцатое столѣтіе они безпрестанно безпокоятъ русскихъ. События XIX столѣтія, связанныя съ именемъ Шамиля, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы напоминать объ этомъ здѣсь.

Такія же непріязненныя чувства чеченцы начинаютъ питать и по отношенію къ своимъ единоплеменникамъ—ингушамъ, ***) которыхъ историческая судьба и непроходимые лѣса и горы отдѣлили отъ участія въ общемъ теченіи исторической жизни остальныхъ чеченцевъ. Размножаясь постепенно, ингуши также начинаютъ выселяться около половины XVIII столѣтія на плоскость и селиться при входѣ въ Дарьяльское ущелье. Они подпадаютъ подъ владычество кабардинцевъ, а часть ихъ считается подданными аксайскихъ или кумыкскихъ князей и шамхала Тарковскаго. Кабардинцамъ они платятъ дань «по одному барану или желѣза на одну косу» вплоть до начала XIX столѣтія. Если остальные чеченцы порвали всякія связи съ Грузіей, то этого нельзя сказать про ингушей. Вмѣстѣ съ осетинами они занимали единственный удобный путь изъ Грузіи по Дарьяльскому ущелью, который былъ необходимъ грузинамъ для сношеній съ Россіей. Поэтому Грузинскіе цари продолжали заботиться о поддержаніи

*) Берже. 138.

**) Бутковъ. «Нов. матер. для древн. истор. Кавк.» Т. 2, стр. 238. 246. Мансура Бутковъ называетъ *Ушурма*, а Головинскій—*Ушмара*.

***) Эта отрасль чеченскаго племени, оставшись въ сторонѣ отъ общаго движенія чеченцевъ, сохранила больше всѣхъ остальныхъ первобытныя вѣрованія и обычаи. Поэтому, какъ увидитъ читатель ниже, большинство примѣровъ для характеристики первобытной религіи чеченцевъ заимствовано нами изъ обрядовъ и обычаевъ ингушей.

христіанства среди ингушей и осетинъ и ласкали ихъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, съ усиленіемъ русскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ, грузинское духовенство первое беретъ на себя инициіативу организаціи миссіонерской дѣятельности среди кавказскихъ горцевъ и съ этою цѣлью зоветъ къ себѣ на помощь русское духовенство, прося у Св. Синода покровительства и матеріальной помощи. Культурные и политическіе интересы Россіи также требовали распространенія христіанства на Кавказѣ. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго перерыва, христіанская проповѣдь на Кавказѣ возобновляется съ средины прошлаго вѣка и продолжается до нашихъ дней.

Съ половины XVIII в. (1744 г.) руководящая роль въ проповѣди христіанства среди ингушей и осетинъ отъ Грузіи переходитъ къ Россіи, но въ качествѣ миссіонеровъ продолжаетъ выступать грузинское духовенство. Такъ возникла извѣстная осетинская комиссія въ Моздокѣ съ грузинскимъ духовенствомъ во главѣ*). У этой комиссіи было подворье въ Кизлярѣ, гдѣ горцы могли торговать безпошлинно, а за принятіе христіанства они получали деньги (до 20 р.) или по куску холста. Дѣятельность комиссіи была весьма слаба; она ограничивалась посылкой священниковъ и дьяконовъ къ горцамъ для временной проповѣди, и обращеніе въ христіанство было номинальное, внѣшнее. Тѣснимые кабардинцами, ингуши охотно прибѣгали къ помощи Россіи и принимали крещеніе ради утилитарныхъ цѣлей. Къ тому-же духовенство грузинское, а впослѣдствіи и русское, было невѣжественно и больше заботилось о собственныхъ матеріальныхъ интересахъ, чѣмъ о проповѣди. Въ секретной инструкціи, данной отъ Святѣйшаго Синода начальнику осетинской комиссіи въ апрѣлѣ 1771 года **), а также въ Высочайшемъ рескриптѣ астраханскому губернатору Якобію, ***) это подтверждается самимъ правительствомъ.

Въ виду этого цыфровыя свѣдѣнія о числѣ обращенныхъ въ христіанство горцевъ не внушаютъ къ себѣ довѣрія.****) Съ одной стороны, возможно допустить преувеличенія со стороны духовенства, а съ другой, какъ справедливо подозрѣвалъ тифлисскій

*) Бутковъ. «Новые матер. для древ. истор. Кавказа». I, 515.
**) Ibid. 444.
***) Ibid. 439.
****) По свѣдѣніямъ комиссіи, число обращенныхъ въ христіанство горцевъ по 1827 г. доходило до 62249 человѣкъ.

военный губернаторъ Сипягинъ, многіе инородцы изъ корыстныхъ цѣлей подвергали себя обряду крещенія по нѣскольку разъ *)

Къ концу VIII столѣтія проповѣдь христіанства среди ингушей ослабѣваетъ, а еще позже сосредоточивается исключительно на осетинахъ. Въ 1810 году ингуши заключаютъ договоръ**) съ командующимъ Владикавказской крѣпостью полк. Дельпоццо, въ которомъ, присягая на вѣрноподданство Россіи и выговаривая себѣ свободу отъ дани кабардинцамъ, обязуются «къ проповѣдыванію и введенію у насъ магометанскаго закона эфендіевъ, мулловъ и прочихъ особъ духовныхъ магометанскихъ отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить».***) Договоръ подписываютъ 60 человѣкъ (по 10 человѣкъ отъ каждой изъ шести фамилій). Однако полковникъ Дельпоццо въ своемъ рапортѣ генералу Булгакову поясняетъ, что ингуши—народъ кичливый и вѣроломный. И дѣйствительно, войдя въ тѣсный союзъ съ кабардинцами и остальными чеченцами, они переселились изъ окрестностей Владикавказа на мѣсто, именуемое Назрань, приняли муллъ, построили мечети, приступили къ исповѣданію магометанства и обязались какъ кабардинцамъ, такъ и чеченцамъ платить дань. На видъ они остались подданными Россіи, но тайно принимали участіе въ грабежахъ чеченскихъ партій. Когда же сами они стали терпѣть отъ сосѣдей, опять заговорили о русскомъ подданствѣ. Вслѣдствіе такого политическаго непостоянства, и религіозное міровоззрѣніе ингушей складывалось подъ вліяніемъ различныхъ вѣроученій. Къ остаткамъ язычества примѣшались христіанскіе и магометанскіе догматы. Получилась смѣшанная религія, которую г Шегренъ, въ 1846 году въ газетѣ «Кавказъ , охарактеризовалъ слѣдующими словами: «Мулла свободно кричитъ при колокольномъ звонѣ, кистинскій кумиръ Гальердъ покойно стоитъ въ старой, оставленной церкви царицы Тамары».

Изъ этой борьбы различныхъ религій, въ концѣ концовъ, побѣдительницей, однако, вышло мусульманство. Профессоръ Мил-

*) Бутковъ. I, 439.

**) Актъ Кавказской Археографической комиссіи. Т. I, с. 894.

***) Для характеристики религіознаго міровоззрѣнія ингушей того времени интересенъ текстъ клятвы, которая приводится въ упомянутомъ договорѣ. «Въ томъ по обычаю нашему, по особому присяжному листу, предъ всемогущимъ *Богомъ* небеснымъ и почитаемымъ нами за святость *кумиромъ*, находящимся въ горахъ, именуемымъ Гальердъ, утверждаемся клятвою», говорятъ ингуши.

леръ утверждаетъ, что новое поколѣніе чеченцевъ и ингушей— настоящіе мусульмане. Однако такое утвержденіе можно принять лишь съ оговоркой, что въ глубинѣ горъ у ингушей до нашихъ дней сохранились остатки прочихъ религій, а старое поколѣніе скорѣе язычники.

Послѣдними ингушами, принявшими мусульманство, были жители аула Гвелеты на военно-грузинской дорогѣ. Это событіе относится къ 1862 году, т. е. къ эпохѣ, когда покореніе Кавказа было уже закончено *). Къ этому времени ингуши являются уже настолько ревностными мусульманами, что возникшее въ 1860 году въ Тифлисѣ общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, которое продолжаетъ дѣло, начатое осетинскою комиссіею за 100 лѣтъ ранѣе, оставляетъ въ сторонѣ ингушей, какъ совершенно безнадежныхъ въ смыслѣ обращенія въ христіанство.

Въ отчетѣ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ мы находимъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Такъ какъ отъ проповѣднической дѣятельности въ горскихъ приходахъ, при настоящемъ составѣ *духовенства*, нельзя ожидать важныхъ успѣховъ, то слѣдуетъ озаботиться распространеніемъ грамотности и образованія въ горскихъ племенахъ посредствомъ введенія на ихъ языкахъ письменности и учрежденія среди нихъ школъ». «Нужно было», продолжаетъ отчетъ, «устранить только мертвый догматизмъ, навязываніе христіанской обрядности, а вмѣсто всего этого поставить живое слово начальнаго обученія для проведенія въ жизнь горцевъ понятій, выработанныхъ жизнью, подъ вліяніемъ христіанства». Въ этомъ именно положеніи и заключается секретъ успѣха мусульманства, проповѣдники котораго были въ то-же время политическими дѣятелями и догматы своего ученія связывали съ практической дѣятельностью.

Выяснивъ ту роль, какую играли до сихъ поръ въ жизни чеченцевъ религіи христіанская и магометанская, мы можемъ теперь перейти къ описанію первобытныхъ, или языческихъ религіозныхъ вѣрованій этого народа.

---

*) «Русск. Вѣст.» 1865 г., т. 60. См. «Съ Казбека», стр. 419.

II.

Представленія чеченцевъ о загробномъ мірѣ, душѣ и духахъ.

Задачи изслѣдованія религіи вообще.—Характеристика быта чеченцевъ и страны ихъ.—Значеніе природы въ образованіи религіи другіе элементы, вліяющіе на возникновеніе религіи.—Загробное существованіе и состояніе души послѣ смерти.—Ингушескіе склепы.—Похороны и поминки.—Природа души человѣка.—Идея о загробномъ возмездіи.—Оборотни и колдуны.—Духи человѣка и природы.—Заключеніе.

При разсмотрѣніи исторіи всякой религіи, предстоитъ рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ она служила двумъ великимъ назначеніямъ: съ одной стороны, назначенію учить человѣка пониманію самого себя, міра его окружающаго и грозной, безграничной силы, проникающей все сущее,—философская сторона религіи, а съ другой стороны, назначенію практически руководить человѣкомъ и укрѣплять его при выполненіи налагаемыхъ на него жизнью обязанностей—нравственная сторона ея. *)

Этими словами опредѣляется и точка зрѣнія, которой мы будемъ слѣдовать при изложеніи религіозныхъ вѣрованій чеченцевъ въ ихъ историческомъ развитіи. Разсматривать религію чеченцевъ съ теологической точки зрѣнія, при которой главную задачу изслѣдователя составляло-бы опредѣленіе степени ея истинности, отношенія ея къ религіи христіанской и т. п., не входитъ въ нашу задачу. При этомъ, согласно установленному Тайлоромъ, Спенсеромъ и др. учеными принципу этнологическихъ изслѣдованій, мы будемъ смотрѣть на религіозныя вѣрованія чеченцевъ не какъ на безсмысленныя суевѣрія, а какъ на разумное съ ихъ точки зрѣнія объясненіе явленій природы, разумное, при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми они обладали на извѣстной ступени развитія; кромѣ того, теорія вырожденія, отвергнутая Тайлоромъ, должна быть и здѣсь замѣнена теоріей развитія; не должно объяснять религіозныя вѣрованія чеченцевъ, какъ извращеніе истиннаго ученія о единомъ Богѣ, присущаго высшимъ религіямъ, а наоборотъ, слѣдуетъ въ коренныхъ народныхъ воззрѣніяхъ искать и выдѣлять позднѣйшія наслоенія.

Прежде чѣмъ приступить къ главной цѣли нашего очерка, слѣдуетъ теперь-же, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, нарисовать картину той природы, которая окружаетъ чеченцевъ, и охарактеризовать ихъ общественное устройство; иначе не будетъ понятна для насъ и религія чеченцевъ, по скольку она выражаетъ фило-

*) Э. Тайлоръ. Антропологія. Спб. 1882 г., стр. 369.

софію природы и человѣка и по скольку она руководитъ ихъ жизнью. Территоріей, гдѣ господствовала и развивалась народная, естественная религія чеченцевъ, нужно считать не всю Чечню, какъ мы понимаемъ ее теперь, а лишь горную полосу, простирающуюся отъ вершины Казбека (62° 15' вост. долготы) и Дарьяльскаго ущелья до верховьевъ рѣкъ Аксай, Хулхулау и др. (приблизительно до 64° вост. долготы) и отъ снѣжныхъ горъ Кавказскаго хребта (приблизительно 42°40') до предгорій, или Черныхъ горъ (приблизительно 43° сѣверной широты). Это горное пространство состоитъ изъ отроговъ Передового хребта съ вершиною Казбекъ и заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, Скалистыя или Пестрыя горы, тянущіяся въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Передового хребта (высота его 9,000—11,000 ф.), и часть Черныхъ. Черныя горы сплошь покрыты лѣсомъ и зеленью, живописныя ущелья ихъ удобны для поселеній. Пестрыя горы почти лишены растительности; лишь нѣкоторые скаты ихъ одѣты лѣсами, а вершины въ лучшемъ случаѣ представляютъ тощія пастбища, но преобладаютъ скалы и голые камни. Всѣ эти хребты и отроги горъ перерѣзываются многочисленными рѣками и притоками, берущими начало частью въ главномъ хребтѣ (Асса, Аргунъ и др.), частью въ Передовомъ, Пестрыхъ и Черныхъ горахъ (Фортанга, Геха, Мартанъ, Гойта, Хулхулау, Аксай и др.). Котловины, образуемыя этими рѣками, представляютъ единственныя мѣста, годныя для жительства.

Верховья Аргуна и Ассы были мѣстами первыхъ поселеній чеченцевъ. Климатъ этихъ мѣстъ суровъ; сношенія съ равниною и между горными обществами трудны, а зимою и въ періодъ разливовъ рѣкъ (лѣто и часть осени) почти невозможны. Каждое горное общество жило большую часть года совершенно изолированнымъ отъ сосѣдей, чему содѣйствовала и постоянная вражда ихъ между собою. Общества большею частью состояли изъ совершенно чуждыхъ другъ другу фамилій или родовъ. Каждый родъ поселялся въ укрѣпленномъ аулѣ (отъ 2 до 20 дворовъ) въ ущельѣ рѣки и составлялъ какъ-бы особую независимую республику. Родъ увеличивался, къ нему присоединялись новые роды, мелкіе, слабые, ищущіе защиты у него, и возникало цѣлое общество. Доселѣ эти общества или роды ведутъ патріархальный образъ жизни.

Суровая природа горъ не особенно щедро надѣлила чеченца

естественными богатствами, и ему приходится добывать кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ. Ни скотоводство, ни земледѣліе, ни охота не могли прокормить горца даже въ теченіе полугода, приходилось волей-неволей или выселяться въ незанятыя мѣста на плоскости, или добывать пропитаніе грабежомъ у сосѣдей и, надо думать, мѣновой торговлей. Всю исторію чеченцевъ можно разсматривать какъ упорную и безконечную борьбу за существованіе, которая постепенно вытѣснила ихъ изъ горъ и разсыпала по всей Чеченской и частью Владикавказской равнинамъ.

Отсутствіе морей, большихъ рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, преобладаніе горъ, грандіозныхъ и подавляющихъ, отсутствіе изобилія умѣренный, а мѣстами и суровый климатъ, обиліе атмосферныхъ осадковъ и разрушающее ихъ дѣйствіе, чувство зависимости отъ окружающей природы—все это не могло не отразиться на религіозныхъ вѣрованіяхъ чеченцевъ. [1]) «Страна вліяетъ на жителей, жители на страну», писалъ Карлъ Риттеръ. [2]) Конечно, природа сильнѣе вліяетъ на человѣка первобытнаго, потому что онъ болѣе зависитъ отъ нея, чѣмъ человѣкъ цивилизованный, который до извѣстной степени можетъ даже подчинить ее себѣ. «Природа руководитъ первыми шагами человѣка. Первобытный человѣкъ отражаетъ въ себѣ всѣ особенности окружающей его природы» [3]). Онъ живетъ тою жизнью, которую предначертываетъ ему мѣстныя географическія условія. И это-то вліяніе физическаго міра на нравственный, таинственное взаимодѣйствіе между чувственнымъ и сверхчувственнымъ, выражаясь словами знаменитаго А. Гумбольдта, придаетъ изученію природы, въ связи съ духовнымъ міромъ, особую прелесть [4]).

Таково вліяніе могучей природы. Чувство зависимости, пораждаемое ею въ душѣ человѣка, страхъ или опасеніе передъ

[1]) Я далекъ отъ мысли утверждать, что религія чеченцевъ всецѣло возникла въ горахъ Кавказа; несомнѣнно, чеченцы имѣли религію и до поселенія ихъ на Кавказѣ; исторія и антропологія не знаетъ народовъ безъ религіи (Петри. Антропологія, 493). Но Кавказъ далъ извѣстное направленіе религіозной мысли чеченцевъ, развилъ ее, измѣнилъ и внесъ много новаго.

[2]) Цитировано у Петри: «Методы и принцыпы географіи», 22.

[3]) Э. Петри. Антропологія. Стр. 233.

[4]) О. Пешель. Народовѣдѣніе. II, стр. 312.

неизвѣстнымъ, чувство благоговѣнія передъ благодѣтельной стороной ея — все это придаетъ дѣйствительную жизнь анимитической дѣятельности человѣческаго ума. При этомъ, конечно, большую роль играетъ свойственная человѣку пытливость, свойство ставить всюду вопросы: «почему? отчего?». Но самое существенное значеніе въ возникновеніи религіозной мысли остается за свойствомъ человѣка влагать во все душу свою, антропоморфизировать явленія природы и свои анимистическія представленія.

Въ соотвѣтствіи съ принципіальными взглядами на возникновеніе и развитіе религіи вообще намъ слѣдовало бы излагать и религію чеченцевъ; но эта религія не подходитъ ни подъ одну изъ ступеней, установленныхъ наукою въ развитіи религіозной мысли; *) въ ней и поклоненіе предкамъ, и почитаніе природы, и одухотвореніе неодушевленныхъ предметовъ, и культъ предковъ, и сабеизмъ, и фетишизмъ, и шаманизмъ, **) и признаніе Единаго Бога,— все это перемѣшано и существуетъ одновременно, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ одного надъ другимъ. Религіозныя воззрѣнія чеченцевъ, пожалуй, можно назвать анимистическими, какъ это сдѣлалъ Тайлоръ. Съ своей стороны, придавая важное значеніе возникновенію у человѣка идеи о душѣ, я начну изложеніе религіи чеченцевъ съ этой идеи и съ выясненія ихъ представленій о загробномъ мірѣ, а затѣмъ уже перейду къ представленію о духахъ, культу предковъ и поклоненію силамъ пророды

Первый и основной вопросъ въ дѣлѣ разъясненія коренныхъ началъ любой изъ естественныхъ религій человѣчества, это—вопросъ о томъ, есть-ли душа у человѣка, и если есть, то какова ея природа, какими свойствами она обладаетъ? Чеченецъ смотритъ на смерть человѣка, какъ на смерть тѣла, бренныхъ частей человѣка, а не существа его; сущность человѣка не погибаетъ. Но куда-же она дѣвается? На этотъ вопросъ чеченецъ разскажетъ вамъ слѣдующую легенду:

Нѣкогда на землѣ жили нартъ-орштхойцы. Среди нихъ были выдающіеся герои, какъ Урузманъ, Орзми, Солса, Патаразъ ***).

*) Я имѣю въ виду 7 ступеней, устанавливаемыхъ Леббокомъ (Начало цивилизаціи, стр. 150), но отвергаемыхъ наукой.

**) Значеніе всѣхъ этихъ терминовъ выяснится въ своемъ мѣстѣ; нѣкоторые изъ нихъ разными учеными понимаются различно.

***) Тѣ-же герои, какъ извѣстно, встрѣчаются и у другихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа: осетинъ, кабардинцевъ и проч.

Они положили начало всѣмъ порядкамъ среди чеченцевъ; отъ нихъ-же производятъ свою родословную многія фамиліи. Видную роль между ними игралъ Батыга-Шертко; онъ былъ постояннымъ защитникомъ и руководителемъ народа. Этотъ человѣкъ обладалъ сверхъестественнымъ свойствомъ—отправляться, когда ему вздумается, на тотъ свѣтъ и возвращаться обратно. Однажды Батыга-Шертко отправился въ селеніе Яндырское, возлѣ м. Назрани. Одинъ изъ нартовъ, у котораго недавно умерла мать и который не зналъ, что дѣлать съ горя, обратился къ нему съ вопросомъ: «У меня умерла мать. Какъ и гдѣ она живетъ»?—«Если ты такъ сильно любишь свою мать, то утѣшь ее», отвѣтилъ Батыга-Шертко, «зарѣжь что-нибудь изъ своего скота. Зарѣзанное будетъ принадлежать твоей матери».—«Правду-ли ты говоришь, Батыга-Шертко»? спрашиваетъ его недовѣрчивый орштхоецъ. «Если не вѣришь, то пошли со мною вмѣстѣ какое нибудь довѣренное лицо на тотъ свѣтъ, гдѣ живетъ твоя мать, а ты здѣсь зарѣжь что нибудь въ ея утѣшеніе». Орштхоецъ такъ и поступилъ; онъ зарѣзалъ пѣтуха и курицу и вмѣстѣ съ корзиною хлѣба (чурековъ) раздалъ бѣднымъ Раньше этого Батыга-Шертко вмѣстѣ съ довѣреннымъ отправился на тотъ свѣтъ. Идутъ они и видятъ горы, подъ горами сидитъ умершая мать орштхойца, а на вершинѣ горы пѣтухъ и курица; возлѣ нихъ стоитъ корзина съ чуреками. Возвратившись съ того свѣта, Батыга-Шертко и довѣренное лицо говорятъ орштхойцу: «Мы видѣли горы; подъ горою сидѣла твоя мать, на горѣ пѣтухъ и курица, а возлѣ нихъ находилась корзина съ хлѣбомъ».—«Нѣтъ, я ничего не рѣзалъ для матери»,—началъ говорить орштхоецъ, чтобы испытать ихъ. Но послѣ вторичнаго подтвержденія, орштхоецъ повѣрилъ имъ и сталъ дѣлать поминки по своей матери. Съ тѣхъ поръ всѣ убѣдились, что зарѣзанныя животныя въ память покойниковъ доходятъ до нихъ, и обычай устраивать поминки сдѣлался всеобщимъ.

Эта легенда указываетъ на вѣрованіе чеченцевъ въ загробное существованіе Вѣрованіе основано на свидѣтельствѣ очевидцевъ, людей, посѣщавшихъ тотъ свѣтъ,—черта весьма характерная и общая многимъ народамъ земного шара. Тотъ свѣтъ похожъ на этотъ; онъ построенъ воображеніемъ чеченца по аналогіи съ его родиной. Аналогія вообще играетъ выдающуюся роль въ образованіи ихъ религіозныхъ вѣро-

ваній. На мой вопросъ, гдѣ-же находится тотъ свѣтъ и каково его отличіе отъ настоящаго, старикъ Ганыжъ сообщилъ два взгляда, существующіе у ингушей рядомъ; по первому изъ этихъ взглядовъ, тотъ свѣтъ находится подъ землей, а по другому—на небѣ. Остановимся на первомъ вѣрованіи, какъ болѣе раннемъ *) и болѣе устойчивомъ въ народѣ.

Тотъ свѣтъ находится подъ землей. Имъ управляетъ подземный богъ Эштръ или Этеръ. Тотъ свѣтъ называется по-ингушски «Дэли-Аілли». **) а этотъ свѣтъ—«Дэли-Малхли». Ингуши говорятъ: «Въ три года выстроенный Дэли-Малхли, въ семь лѣтъ выстроенный Дэли-Аілли», Солнце днемъ освѣщаетъ этотъ свѣтъ, а ночью—тотъ свѣтъ, а по другому варіанту, солнце—свѣтило этого свѣта, а луна—того свѣта или мертвыхъ; отъ луны покойникамъ также жарко, какъ намъ отъ солнца. Тотъ свѣтъ находится тамъ, гдѣ заходитъ солнце, т. е. на западѣ,—черта, опять таки общая большинству первобытныхъ религій. ***) Тотъ свѣтъ, какъ постоянное мѣстопребываніе людей, является болѣе массивнымъ; его Богъ строитъ не три, а семь лѣтъ. Живутъ также отдѣльными родами; всякій умершій отправляется къ своимъ родственникамъ, умершимъ ранѣе.

Загробный міръ ингуши не считаютъ мѣстомъ отдыха отъ земныхъ трудовъ; на томъ свѣтѣ также точно исполняются всѣ работы, какъ и на этомъ свѣтѣ, и при томъ одновременно съ послѣднимъ; когда кончаютъ покосъ или жатву на этомъ свѣтѣ, одновременно прекращаются работы и на томъ. Разница лишь въ томъ, что покойники работаютъ по ночамъ, когда солнце уходитъ изъ міра живыхъ въ страну умершихъ. По окончаніи жатвы, ингуши устраиваютъ «марсъ-порръ» или жатвенный ужинъ, угощеніе для мертвыхъ родственниковъ, говоря: «Можетъ быть теперь и они окончили работы». Празднество это въ честь умершихъ устраивается каждой семьей отдѣльно. Приготовляется брага, пиво, арака, все это подается на столъ съ лучшими блюдами (молоко, масло, сыръ, мясное и т. д.). Ингуши вѣрятъ, что

*) Тайлоръ. Первоб. культура, II, стр. 146.

**) Первый звукъ слова Аілли по-русски непередаваемъ. Онъ соотвѣтствуетъ открытому *а*, но выражаетъ не гласный, а согласный звукъ.

***) Тайлоръ, II, 133. Собственно ингуши прямо не говорятъ объ этомъ, но на такое представленіе указываетъ ихъ солнечный миѳъ.

пищу эту хозяинъ «передаетъ» умершимъ родственникамъ. Эта передача пищи носитъ названіе «хето» и есть простая пересылка пищи, которую нужно отличать отъ жертвоприношеній—«текамъ». Пересылка пищи на тотъ свѣтъ сопровождается слѣдующей молитвой, которую читаетъ обыкновенно хозяинъ дома:*)

«Дай Богъ, чтобы благочестивые умершіе также хорошо окончили свою работу, какъ окончили свою мы—живые; дай Богъ, чтобы и урожай у нихъ былъ хорошій. Отъ того, что мы передаемъ, пусть будетъ имъ такая польза, какая только желательна имъ. Дай Богъ, чтобы присяжные и молочные братья и родственники, найденные чрезъ скотъ**), дай Богъ, чтобы всѣ эти люди и имъ подобные, которыхъ покойники пожелаютъ имѣть на своемъ пиру, такъ скоро являлись къ нимъ, какъ скоро является караулъ на тревогу. И пусть они пируютъ съ нашими покойниками до тѣхъ поръ, пока головы ихъ не опьянѣютъ отъ питья и животы не насытятся отъ пищи на пиру нашихъ покойниковъ. Кому они (покойники) желаютъ дать, пусть для тѣхъ руки ихъ протянутся дальше, а если у нихъ кто будетъ отнимать, тогда пусть у нихъ хватитъ силъ отстоять свое. Пусть зимой не замерзаетъ пища у нихъ, а лѣтомъ не портится. Чего я самъ не могъ передать и чего не могъ приготовить, то при свидѣтельствѣ луны и солнца мы поручаемъ Богу и божьему Эштру: пусть они дополнятъ имъ это».

Всякій комментарій къ сказанному былъ-бы излишнимъ; картина загробной жизни, какую рисуютъ ингуши въ этой молитвѣ, достаточно ясна. Для полноты ея приведу здѣсь въ сокращенномъ видѣ разсказъ позднѣйшаго происхожденія, когда первонаначальное представленіе о загробномъ мірѣ было уже поколеблено мусульманствомъ. Вотъ этотъ разсказъ, записанный мною со словъ плоскостныхъ ингушей.—Чеченецъ изъ селенія Шали Грозненскаго округа, по имени Сохаипъ, далъ клятву не возвращаться домой до тѣхъ поръ, пока не увидитъ женщины глупѣе его жены, и вышелъ странствовать по землѣ. Въ одномъ селеніи онъ зашелъ въ домъ нѣкоего Адая; дома была одна жена его Тахо. На вопросъ ея: «Кто ты такой»? Сохаипъ отвѣтилъ: «Иду съ того свѣта». Тахо отъ радости чуть не кинулась къ нему на шею и стала разспрашивать его объ отцѣ своемъ.

*) Молитва записана мною со словъ старика Ганыжа.

**) Т. е. калымъ,—брачное родство.

«Отецъ твой благополучно поживаетъ; только онъ долженъ 100 рублей; ему неоткуда достать ихъ, и онъ послалъ меня къ тебѣ за этими деньгами; иначе онъ не освободится отъ отвѣтственности». Тахо поспѣшила исполнить просьбу отца, передала Сохаипу 100 рублей, и тотъ ушелъ домой.

Въ этомъ разсказѣ мы находимъ намекъ на то, что умершіе могутъ возвращаться на этотъ свѣтъ для своихъ надобностей; но о посѣщеніи мертвецами живыхъ мы поговоримъ еще въ другомъ мѣстѣ. Однако въ этомъ-же разсказѣ народъ уже смѣется надъ прежней своей вѣрой, оставившей слѣды въ болѣе цивилизованномъ поколѣніи лишь въ видѣ переживаній, сказокъ, легендъ или суевѣрій.

Кромѣ свидѣтельства немногихъ очевидцевъ, побывавшихъ на томъ свѣтѣ, еще болѣе могущественнымъ средствомъ поддержанія вѣры въ загробное существованіе служитъ у ингушей (и вообще чеченцевъ) практиковавшееся до послѣднихъ дней обыкновеніе спрашивать умирающихъ людей, особенно стариковъ, во время предсмертной агоніи, объ умершихъ ранѣе родственникахъ По народному вѣрованію, въ моментъ смерти, на рубежѣ между здѣшнимъ и загробнымъ міромъ, когда божій Эштръ наполовину уже взялъ душу человѣка къ себѣ, умирающій видитъ тотъ свѣтъ со всѣми обитателями его. Этимъ пользовались окружающіе и задавали ему вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «Какъ живетъ такой-то покойникъ»? «Въ чемъ онъ нуждается»? и т. п. Если покойникъ не былъ похороненъ надлежащимъ образомъ въ усыпальницѣ, то умирающій обыкновенно отвѣчалъ, что покойникъ бѣдствуетъ безъ кровли. Если по покойникѣ не сдѣлали поминокъ, то умирающій говорилъ, что онъ не имѣетъ пищи и живетъ подаяніями. Умирающему передавали также различныя порученія на тотъ свѣтъ. Ганыжъ разсказывалъ мнѣ такой случай. У постели умирающаго сидитъ женщина и говоритъ: «Передай отцу, что сынъ у него плохой, промоталъ свое состояніе, и мы бѣдствуемъ чрезъ это».—«Хорошо, отвѣчалъ умирающій, туда-то я донесу вѣсти отъ тебя, но кто тебѣ принесетъ отвѣтъ»? Однако подобный отвѣтъ, вѣроятно, анекдотическаго характера; въ немъ опять таки слышится иронія позднѣйшаго происхожденія надъ пережитыми вѣрованіями.

Вѣра въ загробное существованіе проявлялась съ особенной

силой въ моментъ смерти. Это отразилось, между прочимъ, и на похоронныхъ обрядахъ, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Авторъ статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1822 годъ, *) на основаніи всѣхъ бывшихъ у него свѣдѣній, говоритъ, что ингуши не имѣютъ «особливыхъ обрядовъ» при рожденіи и похоронахъ. Такой отзывъ противорѣчитъ какъ предшествующимъ, такъ и послѣдующимъ описаніямъ быта ингушей и чеченцевъ. Самаго большаго вниманія заслуживаютъ описанія Ахріева, Грабовскаго и Миллера, изъ которыхъ несомнѣнно слѣдующее. Прежде чеченцы хоронили своихъ мертвецовъ въ разбросанныхъ по всей горной Чечнѣ склепахъ, называемыхъ «кашами» (ед. ч. кашъ); это древнѣйшій способъ погребенія, вполнѣ согласный съ описанными нами вѣрованіями въ загробное существованіе. Покойнику нужно запастись въ этой жизни всѣмъ необходимымъ для будущей. Такъ, ему нужна пища, одежда, кровъ, жена, хозяйственные и иные предметы. Все это дается ему вдоволь частью при похоронахъ, частью во время поминокъ въ теченіе всей остальной жизни его потомства. Склепы содержатъ въ себѣ то, что дается покойнику при похоронахъ. Прежде всего, самый склепъ является необходимымъ жилищемъ для мертвецовъ. Большею частью склепы бываютъ фамильные и потому они довольно вмѣстительны. Оставить безъ склепа покойниковъ значитъ лишить ихъ крова, а этого не допускаетъ родственное чувство и опасеніе, что и всѣ остальные послѣ смерти тоже останутся безъ крова, такъ какъ рано или поздно всякому придется умереть.**) Такимъ образомъ, строя склепъ умершимъ, живущіе обезпечиваютъ и собственные интересы. Усыпальницы или каши мнѣ приходилось видѣть около сел. Фелханъ Мецхальскаго общества въ 1891 году, но еще ранѣе, а именно въ 1886 году, изслѣдованы они во всей почти горной Чечнѣ археологической экскурсіей во главѣ съ проф. Миллеромъ. Между кашами нужно различать надземные и подземные, или катакомбы. Надземные каши каменные; они имѣютъ то коническую форму, то видъ русскихъ избъ; на пирамидальной крышѣ—коническая шишка Эти усыпальницы раздѣлены на два, три и болѣе этажей; въ нижній

*) № 35, стр. 138.

**) Г. Висковатовъ говоритъ, что гвелетцы (ингуши) презираютъ мужа, который не найдетъ пропавшую свою жену, утонувшую или провалившуюся въ пропасть, и не похоронитъ ее.

этажъ ведетъ одно четырехугольное отверстіе такихъ размѣровъ, чтобы въ него свободно можно было пронести покойниковъ; оно задѣлывается неплотно прилегающей каменной плитой, придерживаемой перекладинкой. Во второмъ этажѣ окно съ сѣвера; покойники лежатъ или на шиферныхъ нарахъ по стѣнамъ внутри каша, или нагромождены другъ на друга до самаго потолка. Въ кашахъ встрѣчаются покойники разнаго пола и возраста; старики и дѣти, мужчины и женщины образуютъ одну массу, покрытую разсыпающимися отъ ветхости ситцевыми одѣялами. Всѣ покойники одѣты въ лучшее платье. Тутъ же вы видите дѣтскую колыбельку, посуду, глиняные горшечки, желѣзные дротики, желѣзныя стрѣлы съ оперенными древками, ножи въ деревянныхъ ножнахъ, луки съ тетивами изъ жилъ, кожаные колчаны, деревянныя чашки для питья, серебряныя бляхи, трехъструнныя балалайки (пандыръ)—древнѣйшій музыкальный инструментъ ингушей *), деревянные башмаки, шашечные клинки и всевозможное оружіе, ножницы для стрижки овецъ, простыя ножницы, чевяки, ногавицы, пуговки металлическія и т. д,—словомъ все, что образуетъ въ совокупности хозяйственныя и иныя принадлежности людей въ этой жизни, всѣ предметы роскоши и необходимости—все вмѣстѣ съ ихъ обладателями-хозяевами переносится въ кашъ и вмѣстѣ съ ними переселяется въ подземную обитель. Въ нѣкоторыхъ кашахъ находятся даже котлы и надъочажныя цѣпи,—признакъ переселенія въ каши всей семьи, такъ какъ если хоть одинъ членъ семьи остается живъ, котлы и цѣпи обязательно остаются въ домѣ. Преданіе гласитъ, что нѣкогда, лѣтъ 200 тому назадъ, среди ингушей свирѣпствовала чума, уничтожившая половину населенія ингушей; такъ много людей умирало въ это бѣдственное время, что не успѣвали хоронить, и несчастные ингуши въ отчаяніи, боясь остаться непохороненными, сами шли въ свои фамильные склепы и иногда цѣлою семьею, съ грудными младенцами въ люлькахъ, умирали голодною смертью.

Судя по лукамъ, щитамъ и стрѣламъ, постройку кашовъ необходимо отнести къ тому времени, когда огнестрѣльное оружіе не было еще въ повсемѣстномъ употребленіи

*) Теперь она вытѣснена гармоникой, сохранившей названіе «пандыръ».

въ Чечнѣ. По преданіямъ, надо думать, луки употреблялись ингушами еще въ концѣ XVIII в. наряду съ ружьями. Въ это время они имѣли деревянные щиты, обтянутые кожей и съ наружной стороны скрѣпленные желѣзными обручами.*) Однако постройка кашовъ относится вѣроятно, къ болѣе раннему періоду, не позже начала XVIII в. Ганыжъ, которому 60 лѣтъ, говоритъ, что его прапрадѣдъ не зналъ чтобы при его жизни кто либо выстроилъ кашъ или капище святому.**)

Способъ погребенія въ подземныхъ склепахъ отличается отъ только что описаннаго; надо думать, что эти склепы принадлежатъ либо другому народу, либо другой эпохѣ. Впервые на нихъ указалъ Гильденштедтъ (1770—1773 г.), но самое подробное описаніе ихъ мы находимъ у Головинскаго***). Вотъ описаніе одного изъ такихъ склеповъ, находящагося возлѣ Назрани:

«Въ памятникѣ этомъ, снаружи совершенно обвалившемся, продѣлано небольшое квадратное отверстіе, обращенное на востокъ и служащее для входа. Между этимъ отверстіемъ и другимъ, ведущимъ въ самый склепъ, находится небольшое пустое пространство въ видѣ преддверья. Надъ вторымъ отверстіемъ на камнѣ вырѣзаны три надписи по-арабски: 1) «Имазисъ-Солтанія»; 2) «Бекъ-Султанъ Худдадовъ» и 3) «Здѣсь прахи покойниковъ, и нѣтъ между ними ни свѣта, ни влаги». Внутренность склепа круглая, въ видѣ цилиндра; стѣны и куполъ сложены очень искусно изъ тесанаго камня. Посрединѣ земляного пола находится круглое отверстіе, въ которое можетъ свободно пройти человѣкъ и которое ведетъ въ подземелье съ деревяннымъ по-

*) Броневскій, стр. 160.

**) М. Ковалевскій, видѣвшій надземные каши у ингушей и у хевсуръ, объясняетъ обыкновеніе хоронить покойниковъ не въ землѣ, а въ кашахъ надъ землей, вліяніемъ ученія Авесты, или огнепоклонниковъ; по этому ученію, хоронить трупы въ землѣ возбранялось, т. к. въ нихъ содержится бѣсъ, могущій осквернить «чистую» землю; при этомъ авторитетный изслѣдователь Кавказа допускаетъ, какъ гипотезу, возможность вліянія на ингушей ученія иранцевъ, чрезъ посредство осетинъ, признанныхъ теперь за выходцевъ изъ Ирана. Не имѣя данныхъ ни за, ни противъ этой гипотезы, скажу лишь, что тенденція оскверненія земли трупомъ чужда религіи чеченцевъ, постройка кашовъ удовлетворительно объясняется вѣрованіемъ чеченцевъ въ загробный міръ.

***) Сбор. свѣд о Тер. об. I, 248.

ломъ, имѣющее полукруглую форму. Тутъ лежатъ трупы одной женщины и трехъ мужчинъ, всѣ темнокоричневаго цвѣта и высохшіе, какъ муміи. По бокамъ труповъ разбросаны кости зайцевъ и скелетъ собаки. Подъ деревяннымъ поломъ сложена груда человѣческихъ костей, между которыми виднѣются куски полу-истлѣвшей персидской или индѣйской парчи, съ изображеніями людей и пальмъ. Во время засухи ингуши собираются около этого памятника и молятъ о дождѣ».

Подобные склепы разсѣяны по всей чеченской территоріи. Они встрѣчаются въ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, гдѣ преданіе приписываетъ постройку ихъ неизвѣстному народу *тинды.* При постройкѣ Бумутской крѣпости въ лѣсу, когда стали копать землю, образовался провалъ на глубинѣ около двухъ саженей. Внутрь провала вела полуобрушившаяся, смазанная глиной галлерея, въ которой были найдены обгорѣвшія человѣческія и лошадиныя кости и разбитые, поросшіе мхомъ глиняные кувшины. При постройкѣ Бердыкельскаго укрѣпленія на р. Аргунѣ, также открыли подобную галлерею подъ землей, вымазанную внутри краскою или обожженною глиной. Здѣсь найдено много простыхъ глиняныхъ кувшиновъ; нѣкоторые съ пепломъ, другіе съ обгорѣлыми человѣческими костями, а также разныя мѣдныя вещи, золотая круглая бляха, прикрѣпленная къ золотой виноградной вѣтви грубой работы, сердоликовыя четки, съ изображеніемъ на одной изъ зеренъ ихъ зайца, и крупные камни съ отверстіемъ, изображавшіе мельницы. Въ 1853 г. въ верховьѣ р. Валерика также открыть подземный склепъ; въ склепѣ лежалъ женскій скелетъ; на рукахъ—два золотые браслета, на шеѣ—ожерелье изъ дутаго золота, въ перемежку съ бусами, на пальцахъ были два золотые дутые перстня съ разсыпавшимися камнями. Раскопки Миллера дали слѣдующіе результаты. Въ подземныхъ могилахъ около церкви Тхаба-Ерда, въ ущельѣ р. Ассы, костяки покоились на полу; въ головахъ было найдено 14 глиняныхъ сосудовъ (чашекъ и кувшиновъ). Въ правой стѣнѣ склепа—двѣ ниши, въ лѣвой—одна; въ одной нишѣ былъ найденъ серебряный проволочный браслетъ, обвитый бронзовой спиралью. Костяки лежали головами на востокъ. Найдены еще: деревянная чашка для питья и ручка отъ уполовника. Нѣкоторые кувшины наполнены бараньими и птичьими костями. Древность этихъ могилъ Миллеръ опредѣляетъ равной древности са-

мой церкви (9—10 вѣкъ по Р. Х.).

Подземныя могилы съ признаками сожженія труповъ могли принадлежать и не чеченцамъ, а какому либо другому народу, жившему въ горахъ раньше или пришедшему позже ихъ; по крайней мѣрѣ мѣстныя преданія приписываютъ ихъ народамъ тинды, мида, джай и др., да и способъ погребенія въ нихъ не находитъ себѣ полнаго объясненія въ миѳологіи чеченцевъ, за исключеніемъ могилъ, открытыхъ Миллеромъ, которыя имѣютъ большое сходство по способу погребенія съ кашами. Но здѣсь прекращается область точнаго знанія и дается просторъ догадкамъ и гипотезамъ. Одно несомнѣнно, что люди, строившіе эти склепы, проникнуты были глубокой вѣрой въ загробное существованіе, согласной во всемъ съ извѣстными намъ религіозными представленіями чеченцевъ.

Перехожу къ похороннымъ обрядамъ, совершавшимся на памяти стариковъ. Позднѣйшимъ способомъ погребенія является устройство могилъ; гробовъ нѣтъ, а ямы обкладываютъ каменными плитами и досками, которыя обжигаютъ порохомъ. Умершихъ хоронили прежде не раньше 3—4-хъ дней послѣ смерти, а теперь хоронятъ на другой день. Первый способъ могъ быть введенъ христіанскими миссіонерами, но онъ не чуждъ и отдаленной области язычества. Извѣстно, что многіе дикари соблюдаютъ этотъ обычай, будучи увѣрены, что духъ умершаго три дня остается у тѣла на землѣ и уже послѣ того отходитъ вмѣстѣ съ погребеннымъ тѣломъ или въ могилу (болѣе раннее вѣрованіе), или въ подземный міръ. Погребеніе же на другой день по смерти—несомнѣнное вліяніе ислама.

У могилы при похоронахъ собирались многочисленные, близкіе и дальніе, родственники умершаго, мужчины и женщины; женщины цѣлую недѣлю сидѣли у могилы и рыдали, ударяя въ лицо руками. Покойника одѣвали въ чистое и новое платье и въ полномъ вооруженіи, съ шапкой на головѣ и буркой на плечахъ, опускали въ могилу. Возлѣ него въ яму ставили штофъ араки и три чурека (хлѣба), чтобы покойникъ дорогою на тотъ свѣтъ ни въ чемъ не нуждался и могъ сдѣлать кому слѣдуетъ подарки. Потомъ подводили къ могилѣ коня въ полномъ убранствѣ и конецъ узды давали въ руки покойнику. Если онъ не имѣлъ своей лошади, то его ссужали ею близкіе люди. Такая лошадь, будучи разъ посвящена кому либо, не могла быть

вторично посвящаема другому. Коня три раза обводили вокругъ могилы, причемъ одинъ изъ стариковъ читалъ молитву, посвящая коня покойнику; затѣмъ коню отрѣзывали правое ухо и бросали въ могилу. Лѣтъ 80 тому назадъ, говоритъ г. Шегренъ въ 1846 году, то-же самое дѣлали и съ женою умершаго, но во времена путешествія Шегрена ухо замѣнено было косой. Этотъ обрядъ несомнѣнно является остаткомъ обычая погребать женъ вмѣстѣ съ мужьями, существовавшаго нѣкогда у всѣхъ народовъ, вѣровавшихъ въ загробное существованіе и уподоблявшихъ его земной жизни; они вѣрили, что и конь и жена нужны человѣку какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ.

Картину похоронныхъ обрядовъ болѣе поздней эпохи рисуетъ природный ингушъ Ч. Ахріевъ*). На похороны собираются со всѣхъ концовъ сотни родныхъ и знакомыхъ умершаго; каждый членъ рода обязанъ принять участіе въ похоронахъ родственника. Женщины съ плачемъ ударяютъ себя кулаками въ грудь и кричатъ: «гададай!» (бѣда!). На слѣдующій день послѣ похоронъ устраиваются «похоронныя» поминки. На нихъ стекаются нѣсколько сотъ человѣкъ; всѣхъ нужно кормить и поить въ теченіе трехъ дней. Все съѣденное на поминкахъ идетъ въ пользу покойника и потому, какъ говорили ингуши, не насыщаетъ поминающихъ. Послѣ похоронныхъ поминокъ слѣдовали другія, называвшіяся «постельными». Горецъ вѣруетъ, говоритъ г. Ахріевъ, что покойникъ на томъ свѣтѣ лежитъ на своей постели и не можетъ встать до тѣхъ поръ, пока на этомъ свѣтѣ ему не устроятъ поминокъ. Поэтому послѣ похоронныхъ поминокъ ингуши прилагаютъ всѣ старанія, чтобы поскорѣе устроить торжественныя «постельныя». Къ этимъ поминкамъ родственники умершаго должны приготовить черкеску, бешметъ, башлыкъ и прочія принадлежности горскаго костюма для приза на устраиваемыя въ день поминокъ скачки въ честь умершаго. Желающіе пустить своихъ лошадей заявляютъ объ этомъ наканунѣ поминокъ. Въ этотъ же день родственники выбираютъ изъ числа приведенныхъ четырехъ лучшихъ лошадей и отправляютъ ихъ съ проводникомъ, у котораго въ рукахъ находится бѣлый значекъ, въ дальній аулъ. Всадники держатъ вѣтвистыя палки съ привѣшенными къ нимъ яблоками и орѣхами; одну изъ палокъ они дарятъ хозяину дома, у котораго оста-

*) Сб. св. о кавк, горцахъ. VIII, Ахріевъ.

навливаются на ночлегъ, а другія—старикамъ; на слѣдующій день они скачутъ къ мѣсту поминокъ Затѣмъ устраивается стрѣльба въ цѣль (призъ—козленокъ). По окончаніи скачки и стрѣльбы, народъ разсаживается группами по пяти человѣкъ, и начинается угощеніе; чѣмъ больше пьяныхъ, тѣмъ больше чести роду покойника. Подъ конецъ угощенія хозяевъ скакавшихъ лошадей отзываютъ въ сторону къ старику, который «умѣетъ» посвятить лошадей покойникамъ. Старикъ этотъ держитъ въ одной рукѣ чашку пива, въ другой три чурека (хлѣба) и кусокъ баранины. Когда подводятъ къ нему лошадь, взявшую первый призъ, старикъ объявляетъ, что онъ, съ разрѣшенія хозяина, посвящаетъ ее покойнику, въ честь котораго была устроена скачка, и что хозяинъ разрѣшаетъ покойнику «ѣздить на ней на томъ свѣтѣ куда угодно». При этомъ онъ поитъ лошадь пивомъ, а хозяину отдаетъ кусокъ баранины и три чурека. Затѣмъ такимъ-же точно образомъ посвящаются три остальныя лошади тѣмъ изъ предковъ покойнаго, имена которыхъ укажутъ родственники его. Постельныя поминки заканчиваются общей джигитовкой; ѣздоки держатъ въ рукахъ вѣтвистыя палки съ навѣшенными на нихъ фруктами; осыпающіеся фрукты подбираются народомъ, но, будучи съѣдены, все-же идутъ въ пищу покойнику.

Спустя два года послѣ «постельныхъ» дѣлаются «большія поминки», которыя обходятся еще дороже. Третьи и послѣднія поминки устраиваются вдовою покойнаго черезъ три года послѣ его смерти; только послѣ этого она снимаетъ съ себя трауръ и можетъ выйти замужъ (чаще всего за брата или за другого родственника покойнаго). Но такъ какъ жена принадлежитъ мужу и по смерти его, то если она умирала во второмъ замужествѣ, родственники перваго мужа требовали ея тѣло и хоронили возлѣ его могилы.*)

Женщинамъ поминокъ не устраивали вовсе, такъ какъ онѣ не являются продолжательницами рода. Но, очевидно, это—отступленіе отъ первоначальнаго вѣрованія; въ легендѣ о посѣщеніи Батыга-Шертко того свѣта мы видѣли примѣръ поминокъ матери.

Интересенъ обычай, записанный графомъ Потоцкимъ въ на-

*) Обычай описанныхъ поминокъ дольше всего удержался у горныхъ ингушей, а на плоскости этотъ раззорительный обычай оставленъ уже давно. Съ распространеніемъ среди ингушей ислама, поминки прекратились повсемѣстно.

чалѣ текущаго столѣтія. Когда у ингуша умиралъ сынъ, къ нему являлся кто нибудь изъ единоплеменниковъ, у котораго въ томъ-же году умерла дочь. «Сынъ твой, говорилъ пришедшій, можетъ нуждаться на томъ свѣтѣ въ женѣ. Я отдаю ему руку своей дочери». Обычай не допускалъ отказа отъ подобнаго предложенія и требовалъ уплаты калыма, какъ и за живую невѣсту, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ.

Изъ приведеннаго очевидно, что по вѣрованію ингушей загробное существованіе не отличается отъ земной жизни. Поминки, безъ сомнѣнія, смѣнили собою устройство кашовъ и являются простою уступкой требованіямъ здраваго смысла. Народъ рѣшилъ, что нѣтъ надобности губить непроизводительно вещи, замуровывая ихъ въ склепахъ, а также убивать коня или жену покойника и хоронить ихъ вмѣстѣ съ нимъ; нѣтъ нужды даже отрѣзать имъ уши и бросать въ могилу; при умѣломъ посвященіи все это и безъ того будетъ принадлежать покойнику. Установить точно эпоху такого перехода невозможно; можно лишь съ достовѣрностью утверждать, что обычай непосредственнаго погребенія всего, что нужно покойному, существовалъ въ періодъ устройства кашовъ и прекратился въ періодъ погребенія въ землѣ. Какъ совершился этотъ переворотъ, т. е. подъ вліяніемъ какихъ причинъ человѣкъ перешелъ отъ непосредственнаго соблюденія обычая къ его символизаціи, этотъ вопросъ не поддается точному разрѣшенію и относится скорѣе къ области психологіи. Въ данномъ случаѣ въ жизни ингушей произошло то-же, что и у другихъ народовъ, какъ напр. у китайцевъ, которые отъ дѣйствительнаго сжиганія вещей и погребенія женъ съ мужьями перешли къ сжиганію бумажныхъ моделей ихъ.*)

Характеризуя въ нѣсколькихъ словахъ вѣрованія чеченцевъ въ загробный міръ, мы можемъ смѣло назвать его продолженіемъ земнаго бытія Это то, что Тайлоръ назвалъ «теоріею продолженнаго существованія» и установилъ ее, какъ теорію самой ранней ступени развитія религіозной мысли у человѣчества **). Согласно съ этой теоріей, подземный міръ у чеченцевъ является простою обителью мертвыхъ; ни о наградахъ, ни о наказаніяхъ тутъ нѣтъ рѣчи; все тамъ—по образцу и подобію настоящей жизни. Мертвецы ведутъ вполнѣ матеріальную жизнь и сами имѣютъ

*) Петри. «Антропологія», стр. 502.

**) Тайлоръ. «Первоб. культура», томъ II, стр. 147 и слѣд.

прежній свой земной образъ; и предметы и природа тамъ земная. Отличіемъ является лишь то, что у нихъ солнце свѣтитъ тогда, когда у насъ ночь, и наоборотъ. Непонятно только, почему мертвецы не могутъ имѣть своей пищи и др. предметовъ, а живутъ лишь тѣмъ, что дадутъ имъ живые, хотя мертвецы также и пашутъ и сѣютъ. Этотъ вопросъ не разъясненъ пока и наукою, мнѣ не могли дать на него отвѣта и ингуши.

Вѣра въ такое загробное существованіе, естественно, предполагаетъ, что покойники сохраняютъ къ живымъ земное чувство дружбы и вражды. По вѣрованіямъ всѣхъ народовъ, у которыхъ сохранились подобныя представленія о загробной жизни, покойники считаются существами могущественными. Мало по малу люди имъ начинаютъ приписывать свойства божества; имъ поклоняются, просятъ ихъ милости, умоляютъ не причинять зла. Точно такой-же процессъ произошелъ и въ развитіи религіознаго сознанія чеченцевъ. Отъ простого приношенія пищи умершимъ они вскорѣ перешли къ жертвоприношеніямъ обоготвореннымъ предкамъ, и въ слѣдующемъ поколѣніи ихъ мы застаемъ вполнѣ развитый культъ предковъ, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Дальнѣйшее развитіе общей культуры чеченцевъ, соприкосновеніе ихъ съ христіанствомъ и магометанствомъ, развитіе самаго культа ближайшихъ предковъ въ культъ народныхъ героевъ, все это не мирилось уже съ той простой картиной загробной жизни, которую мы только что нарисовали, и вызвало къ жизни другія представленія о загробномъ существованіи. Въ нихъ мало-по-малу начинаетъ входить идея о судѣ и возмездіи за грѣхи земной жизни, которая затѣмъ пріобрѣтаетъ значеніе основной идеи. Какъ извѣстно изъ исторіи религіи всѣхъ народовъ, эта идея имѣетъ позднѣйшее происхожденіе и знаменуетъ собою эпоху, когда религія начинаетъ руководить нравственной дѣятельностью человѣка. Характеристику этой эпохи у ингушей я сдѣлаю по разсказамъ жреца Ганыжа.

Былъ среди ингушей нѣкій докторъ Кой Точіевъ, который на этомъ свѣтѣ за лѣченіе бралъ отъ людей то, что ему слѣдовало и что не слѣдовало. Этотъ человѣкъ на томъ свѣтѣ сидитъ подъ скалою и варитъ одну воду; ни ѣсть, ни пить, кромѣ воды, у него нѣтъ ничего.

Принявшій ложную присягу сидитъ по поясъ въ грязи; на томъ свѣтѣ ему нѣтъ счастія.

Одинъ человѣкъ вышелъ изъ дому, поклявшись такъ: «Клянусь создавшимъ меня Богомъ, что я не вернусь домой, если не убью своего врага (такого-то) въ теченіе одного дня». Въ поискахъ прошелъ весь день, и когда солнце стало заходить, то онъ сильно перепугался, такъ какъ не нашелъ своего врага. Ангелъ Божій, находившійся недалеко отъ него, увидѣлъ его и спросилъ: «Зачѣмъ ты такъ испугался? Я не видѣлъ еще ни одного человѣка или звѣря, который былъ-бы такъ перепуганъ, какъ ты». Человѣкъ отвѣтилъ: «Какъ-же мнѣ не пугаться. Я поклялся убить человѣка, котораго ненавижу, и не могу найти его». Ангелъ указалъ на молившагося тутъ-же человѣка и сказалъ: «Вотъ онъ! Отчего же ты не убиваешь его»? «Пусть моя клятва не пропадетъ даромъ», воскликнулъ человѣкъ и разрубилъ молившагося шашкою пополамъ. Изъ верхней части тѣла убитаго тотчасъ-же образовался кабанъ, а изъ нижней части (ниже поясницы)—свинья, и они оба побѣжали въ лѣсъ другъ за другомъ. Убійца былъ изумленъ этимъ происшествіемъ и снова испугался «Ты не бойся,—сказалъ ему ангелъ. Теперь мнѣ некогда объяснять тебѣ случившагося; завтра пойди въ (такую-то) пещеру и тамъ скажутъ тебѣ». На слѣдующій день убійца отправился въ указанную пещеру. Въ ней сначала было темно, но потомъ стало свѣтлѣе; въ концѣ ея онъ увидѣлъ мужа и жену; тутъ-же поблизости была привязана за дверями черная сука. Онъ поздоровался съ хозяевами. «Что-же ты сидишь и не угощаешь гостя?» обратился мужъ къ женѣ. Но на блюдѣ у нихъ не было ничего. «Я слушала, что вы говорите», отвѣтила жена и, открывъ двери, достала баранью голову и грудь *) на блюдѣ. Когда мужъ и гость наѣлись досыта, она накормила суку, а послѣ уже суки поѣла сама. Несмотря на все это, блюдо ничуть не истощилось. «О Боже, какое великое чудо!» воскликнулъ гость.—«Чему ты удивляешься? Ты знаешь-ли, гдѣ ты теперь находишься?»—«Не знаю, гдѣ я нахожусь; но мнѣ сказали вчера, чтобы я пришелъ сюда и узналъ здѣсь, какъ изъ человѣка сдѣлались кабанъ и свинья.»—Хозяинъ сказалъ: «Когда мужъ знаетъ, что его жена спитъ съ другимъ человѣкомъ и ничего не говоритъ и не дѣла-

*) Это самыя почетныя и лучшія части баранины.

етъ, то по смерти Богъ обращаетъ его въ кабана и свинью. А это, что ты видишь теперь здѣсь, мнѣ Богъ далъ въ удѣлъ въ загробной жизни».—«Хорошо, если Богъ тебѣ далъ такую часть. Но что это значитъ:—сука стоитъ за дверями?» Хозяинъ отвѣтилъ «Это моя мать, родившая меня».—«Хорошо; а что это за чудо: мы съ тобою поѣли, сука поѣла, жена поѣла, а блюдо не уменьшилось?» Хозяинъ отвѣтилъ: «Когда я былъ еще на Дэли-Малхли*), у насъ была баранта. Разъ я пошелъ стричь баранту и одного барана взялъ домой, чтобы изъ курпея его сдѣлать себѣ папаху. Привелъ я этого барашка домой, зарѣзалъ его; жена стала варить мясо, и когда она начала дѣлать галушки, то пришла незнакомая женщина и попросила одолжить ей котелъ. Жена, ни слова не говоря, сняла съ цѣпи котелъ и отдала ей. И я не спросилъ, кто это была, и жена ничего не сказала. За такой поступокъ Богъ и сдѣлалъ нашего барана неистощимымъ. Мать-же моя была скряга, и ее Богъ превратилъ въ суку; чтобы она не кусалась, мы привязали ее на цѣпь».—Въ старыя времена говорили, прибавляетъ Ганыжъ: «Если кто вретъ, то дай Богъ, чтобы этотъ человѣкъ сталъ на томъ свѣтѣ сукой, которая стояла-бы тамъ привязанной на цѣпи!».

Въ приведенныхъ разсказахъ первоначальныя понятія о загробномъ мірѣ видоизмѣнились подъ вліяніемъ мусульманства. Загробный міръ остается еще на землѣ, мертвецы живутъ земною жизнью, но уже появляются понятія о судѣ божьемъ и возмездіи за дурныя дѣла; необходимость устройства поминокъ для умершихъ устраняется здѣсь тѣмъ, что на томъ свѣтѣ Богъ самъ кормитъ, кого нужно. Однихъ Онъ наказываетъ лишеніемъ пищи, другихъ обращаетъ въ нечестивыхъ, презрѣнныхъ животныхъ и т. д. Замѣчательно здѣсь сходство вѣрованія чеченцевъ въ возможность пройти на тотъ свѣтъ чрезъ отверстіе на землѣ съ вѣрованіями другихъ некультурныхъ народовъ, какъ напр. зулусовъ **).

Дальнѣйшимъ развитіемъ представленія о загробномъ мірѣ у чеченцевъ является перенесеніе мѣстопребыванія душъ на небо, ***) куда ведетъ лѣстница, по которой восходятъ души мертве-

*) Земной міръ.

**) Тайлоръ, Первобытная культура, II, стр. 124.

***) Это явленіе присуще не однимъ чеченцамъ, а почти всѣмъ народамъ низшей культуры.

цовъ. На небѣ есть деревянные скелеты, приготовленные Богомъ заранѣе для каждой души. При приближеніи чьей-либо смерти, его скелетъ на небѣ начинаетъ качаться и на немъ все болѣе и болѣе наростаетъ мясо; какъ только умираетъ человѣкъ, душа его немедленно направляется по лѣстницѣ на небо въ свой готовый скелетъ, покрывшійся мясомъ. Образъ мертвеца не похожъ на земной образъ человѣка, а есть олицетвореніе его дѣяній *). Для хорошаго, добродѣтельнаго человѣка Богъ готовитъ и красивый, хорошій скелетъ, а для дурнаго человѣка и скелетъ дурной: кривой, косой, горбатый, согнувшійся на бокъ и т. д. Когда душа войдетъ въ скелетъ, то она остается такою, какимъ человѣкъ будетъ при воскресеніи мертвыхъ, когда мертвые и живые соединятся и будутъ жить опять на землѣ. По словамъ г. Лаудаева, чеченцы вѣровали, что одушевленные и неодушевленные предметы будутъ одинаково страдать въ будущей жизни за свои грѣхи. Горы, покрытыя снѣгомъ, страдаютъ въ этой жизни чтобы въ будущей блаженствовать **). Позже къ вѣрованію чеченцевъ присоединяется и понятіе о раѣ и адѣ, въ которомъ христіанскій и магометанскій элементы смѣшаны. Рай у нихъ называется *Агеретъ*; добрые въ немъ будутъ наслаждаться, враги будутъ прислуживать имъ. Убитый пользуется завиднымъ правомъ выбирать кого либо изъ родственниковъ въ товарищи себѣ въ рай и потому объ убитомъ родственники не плачутъ, а радуются. Адъ по ингушески—*Джгоджахетъ* (отъ грузинскаго джожахети); съ нимъ связано совершенно чуждое естественной религіи чеченцевъ представленіе объ огненномъ озерѣ, гдѣ подвержены мукамъ грѣшники. У плоскостныхъ чеченцевъ адъ называется также *Елсаманъе* (рядомъ съ мусульманскимъ Джеханнамъ). Для героевъ на томъ свѣтѣ назначено было особое мѣстопребываніе.

Перейдемъ къ описанію представленій чеченцевъ о душѣ. Въ этомъ отношеніи интересно чеченское преданіе о Тамерланѣ, разсказанное мнѣ Ганыжемъ. Однажды хромой Темиръ, у котораго пропалъ сынъ, зашелъ въ кузницу. Кузнецъ въ то время спалъ и Темиръ, не желая нарушать его сна, присѣлъ возлѣ него и сталъ ожидать, пока онъ проснется. Онъ замѣтилъ, что изъ носа кузнеца вышла муха,

*) Любопытно, что подобное вѣрованіе свойственно и индусамъ (Петри. Антропологія, II, стр. 525).

**) Сб. св. о кавк. горц., вып. VI, стр. 32.

поползла на щипцы, лежавшія на мискѣ съ водой, переправилась по щипцамъ черезъ миску на наковальню. За наковальней была большая трещина; муха спустилась въ эту трещину и оставалась тамъ довольно продолжительное время. Затѣмъ она выползла обратно и, миновавъ наковальню, стала переправляться черезъ миску по тѣмъ-же самымъ щипцамъ, но во время переправы упала въ воду. Долго билась она въ водѣ и, съ трудомъ выползши на щипцы, вошла обратно въ носъ кузнеца. Очнувшись отъ сна, кузнецъ разговорился съ Темиромъ. «Развлеки ты меня, сказалъ Темиръ, у меня пропалъ сынъ, и я въ большомъ горѣ. Разскажи что нибудь».—«А что разсказывать. Мы все равно не можемъ добраться до того, что я видѣлъ во снѣ». Темиръ сталъ просить его разсказать свой сонъ. Тотъ началъ: «Во снѣ я переправился черезъ большую рѣку и желѣзную гору, гдѣ былъ кладъ золота и серебра; я долго тамъ стоялъ, не будучи въ силахъ оторвать глазъ отъ блеска и роскоши. Но сознавая, что мнѣ надо вернуться, я выбрался изъ пещеры. Когда я на обратномъ пути переправлялся черезъ рѣку, то упалъ съ моста и чуть было не утонулъ». Темиръ понялъ, что въ видѣ мухи выходила душа кузнеца. Догадавшись, что въ кузницѣ долженъ быть кладъ, онъ уговорилъ кузнеца уступить ему это мѣсто. Вскопавъ затѣмъ мѣсто, куда ползала душа кузнеца, Темиръ открылъ несмѣтныя богатства, на которыя онъ собралъ войско и покорилъ весь міръ.

Это сказаніе имѣетъ для насъ двойной интересъ: во первыхъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ вѣрою ингушей въ реальность сновидѣній которая играетъ вообще въ первобытныхъ религіяхъ существенную роль; во вторыхъ, здѣсь въ представленіяхъ чеченцевъ душа является матеріальною; они никакъ не могутъ себѣ представить абстрактной, нематеріальной, духовной сущности человѣка. Интересно сопоставить такое представленіе о душѣ у чеченцевъ съ подобнымъ-же у сибирскихъ бурятъ Въ одной бурятской сказкѣ вполнѣ отчетливо передается представленіе о вещественности души, которая можетъ слышать, видѣть, причемъ принимаетъ образъ пчелы Одинъ бурятъ увидѣлъ, какъ изъ носа спавшаго товарища выползла пчела, какъ она летала около юрты, залетѣла въ какую-то нору, затѣмъ выползла изъ отверстія и, возвратившись въ юрту, ходила по краю корыта съ водою, потомъ, упавъ въ воду, съ трудомъ изъ нея выбралась и,

наконецъ, опять вернулась въ носъ спящего. Изъ разспросовъ оказалось, что сновидѣнія спавшаго бурята вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствіямъ и приключеніямъ пчелы. Этимъ объясняется, почему буряты никогда не убиваютъ пчелъ, залетающихъ въ юрту. *) Такое изумительное сходство въ вѣрованіяхъ двухъ народовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга десятками тысячъ верстъ, представляетъ любопытный примѣръ для сравненія и служитъ предостереженіемъ изслѣдователю отъ увлеченій «заимствованіями» тѣхъ или другихъ сторонъ религіи у сосѣдей.

Явленіе души въ образѣ мухи встрѣчается и въ другихъ сказаніяхъ чеченцевъ. Для примѣра приведу слѣдующій разсказъ, интересный и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Одинъ зять поѣхалъ къ своей тещѣ. Онъ лежалъ въ постели, но не спалъ и слѣдилъ за тещей, которая въ это время чистила шерсть на чехрѣ (гребень). Въ башняхъ бываетъ дыра, «отверстіе для ласточки». Вдругъ въ это отверстіе кто-то закричалъ тещѣ: «Выходи, мы уже готовы»!—«У меня гость», отвѣтила теща. «Что-жъ такое, и у насъ есть гости, но пиръ у насъ назначенъ и мы идемъ». Теща погасила огонь, сняла съ гвоздя палку, достала какую то краску изъ рога и помазала ею палку. Палка превратилась въ лошадь; теща сѣла на нее и поѣхала. Зять удивился происходившему и не могъ разобраться, во снѣ или на яву это было. Онъ сталъ смотрѣть по стѣнамъ, увидѣлъ другую палку на гвоздѣ, снялъ ее и помазалъ краской. Вышла лошадь. Онъ сѣлъ на нее и поскакалъ за тещей. Доѣхавъ до мѣста пиршества, онъ остановился поблизости, чтобы слышать разговоры.—«Давайте кидать жребій, говорили собравшіеся. Кому выпадетъ жребій, тотъ долженъ убить человѣка». Кинули жребій, и онъ выпалъ на тещу. «Ну, теперь выпалъ твой жребій; ты должна убить человѣка», объявили ей всѣ.—«Но мнѣ некого убивать. Впрочемъ, у меня гоститъ зять. Я пошлю его за дровами въ лѣсъ, онъ разрубитъ себѣ топоромъ ногу; когда выйдетъ кровь, я оближу первую кровинку, и онъ отъ этого умретъ», сказала теща. Услышавъ это, зять поскакалъ обратно, лошадь его сама превратилась въ палку, и онъ по прежнему легъ въ постель. Вскорѣ пріѣхала домой и теща. Утромъ зять говоритъ: «Теперь я поѣду домой». Теща отвѣчала: «Я си-

*) «Изв. В.-С. О. Р. Г. Об., XIV, 58. (Цитир. у В. Михайловскаго. «Шаманство», I, ст. 10).

жу безъ огня; ты бы привезъ мнѣ дровъ».—«Мнѣ некогда, надо домой ѣхать», отказывался онъ, но въ концѣ концовъ уступилъ просьбамъ тещи и поѣхалъ за дровами, надѣясь, что будетъ остороженъ. Однако во время работы онъ позабылъ объ опасности и нечаянно разрубилъ себѣ ногу. Тотчасъ-же прилетѣла муха и сѣла на рану. Но онъ поймалъ муху, положилъ ее въ кисетъ, спряталъ въ карманъ, запрегъ арбу и поѣхалъ домой. Теща лежала въ постели и охала. «А, подумалъ онъ, должно быть это она. Придавлю-ка кисетъ». Сдавивъ кисетъ, онъ увидѣлъ, что теща упала въ обморокъ; онъ немного разжалъ руку, и теща снова пришла въ себя —«Ну, значитъ, это правда», подумалъ онъ. Онъ послалъ за своей женой и разсказалъ ей о случившемся. Жена взяла у него кисетъ, вышла изъ башни и растоптала ногами муху. Вернувшись въ башню, она нашла мать мертвою. Мать похоронили, а мужъ поправился и остался живъ.

Приведенное здѣсь преданіе интересно во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ, оно подтверждаетъ вѣрованіе чеченцевъ, что душа человѣка принимаетъ образъ мухи; во вторыхъ, на примѣрѣ тещи мы видѣли, что когда душа отсутствуетъ, человѣкъ все таки продолжаетъ жить. Отсюда ясно, что или душа у человѣка двойственна, или-же она одна, но можетъ придавать жизнь тѣлу даже находясь внѣ его, или, наконецъ, часть души можетъ остаться въ тѣлѣ, а часть (матеріальная) выйти изъ него. Вообще, понятія чеченцевъ о душѣ смутны и неопредѣленны, абстрактный элементъ смѣшивается съ матеріальнымъ и проч. Ганыжъ говоритъ, что у каждаго человѣка имѣется такъ называемый «тарамъ» (геній человѣка); онъ живетъ тамъ, гдѣ его хозяинъ. Все, что происходитъ съ человѣкомъ, въ томъ же видѣ отражается и на его тарамѣ; умираетъ человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ умираетъ и его тарамъ, женится человѣкъ, и тарамъ женится на тарамѣ жены своего хозяина. Большею частью тарамъ, сопровождая всюду своего хозяина, чтобы лучше оберегать его отъ шайтановъ, находится среди нечистой силы, удерживая ее отъ причиненія зла хозяину. Одному ингушу показалось, что къ нему приближается шайка шайтановъ. Онъ, испугавшись, взялъ ружье и выстрѣлилъ по нимъ; въ это время его тарамъ находился среди шайтановъ, и выстрѣлъ попалъ ему въ ногу. Послѣ этого, безъ всякой иной причины, хозяинъ захромалъ. Отсюда ясно, что тарамъ, будучи геніе-

емъ хранителемъ человѣка, является въ то-же время и его нераздѣльною частью, его alter ego. Нѣкоторые ингуши представляютъ тарама нѣсколько въ иномъ видѣ, какъ духа-покровителя дома. Онъ защищаетъ домъ отъ всякихъ несчастій. Въ каждой семьѣ, состоящей изъ мужа и жены, обязательно есть свой тарамъ. Онъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, подобно русскому домовому или осетинскому *бунатихидсау*, не связанъ неразрывно съ дворомъ, но слѣдуетъ всюду за своимъ хозяиномъ. Тарамъ—духъ добрый, но онъ также наказываетъ своего хозяина за дурные поступки. Наказаніе тарама носитъ исправительный характеръ и совершается изъ доброжелательства къ хозяину въ видѣ напоминанія, предостереженія. Судя по аналогіи съ другими кавказскими племенами, у которыхъ сохранился культъ предковъ, едва-ли можно сомнѣваться, что тарамъ—это ничто иное какъ предокъ, поклоненіе которому оставлено.

Въ этомъ-же разсказѣ о зятѣ и тещѣ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ вѣрованіемъ чеченцевъ въ вѣдьмъ, оборотней и т. п. Колдунья (по-чеченски *«гамъ-сагъ»*) имѣетъ человѣческій образъ. Говорятъ, что при оборачиваніи гамъ-сагъ покидаетъ гдѣ-либо свое тѣло и входитъ въ животное. Если въ отсутствіе ея перевернуть тѣло, то душа ея по возвращеніи изъ странствій не можетъ войти въ него и умираетъ. Оборачиваться можетъ не только человѣкъ, но и животныя и даже неодушевленные предметы.

Переходя къ демонамъ или духамъ, наполняющимъ собою все окружающее человѣка пространство, мы прежде всего встрѣчаемся съ уподобленіемъ ихъ человѣку. «Когда американскіе индѣйцы или африканскіе негры вѣруютъ, что воздухъ вокругъ нихъ кишитъ сонмами невидимыхъ духовъ, это не представляется безсмыслицей», говоритъ Тайлоръ. «Они хотятъ этимъ сказать, что жизнь полна случайностей, которыя не происходятъ сами собой»*) Чеченцы создали духовъ подъ давленіемъ необходимости объяснить явленія природы. Объясненіе сложилось на почвѣ почитанія духовъ предковъ и свойственной уму чеченцевъ антропоморфизаціи окружающей дѣйствительности. Позже на эту готовую почву перешли *джины, шайтаны* или *илбисы* (черти) и т. п. Шайтаны или черти, несомнѣнно, были чужды прежней, естественной

*) Антропологія, ст. 352.

религіи чеченцевъ и могли образоваться лишь при содѣйствіи христіанъ и мусульманъ. Это понятіе не вполнѣ еще установилось у горныхъ чеченцевъ, но довольно хорошо выработано у плоскостныхъ. Шайтаны противополагаются ангеламъ, съ которыми и находятся въ постоянной враждѣ. Для знакомства съ ними обратимся опять къ разсказамъ самихъ чеченцевъ, гдѣ черти являются въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ.

Предокъ харпехойцевъ*) имѣлъ большое ружье въ родѣ пушки, которое впослѣдствіи отобрано у него начальствомъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Однажды онъ былъ на покосѣ. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что за нимъ коситъ деревянною косою чертъ, который ходилъ пятками напередъ. Онъ остановился, и чертъ остановился, онъ сѣлъ, и тотъ сѣлъ, онъ началъ ѣсть, и тотъ за нимъ. Тогда харпехоецъ началъ плести изъ травы веревку; чертъ, конечно, послѣдовалъ его примѣру. Харпехоецъ перевязалъ себѣ веревкой одну ногу, но сдѣлалъ видъ, что связываетъ обѣ; чертъ перевязалъ себѣ обѣ ноги. Харпехоецъ вскочилъ, выхватилъ ножъ и обрилъ черту голову. Если удастся обрить черту голову, онъ не можетъ уйти и покоряется человѣку. Такъ и этотъ чертъ покорился харпехойцу. Чертъ упрямъ и никогда не дѣлаетъ того, о чемъ его просятъ, а наоборотъ, всегда дѣлаетъ то, что ему запрещаютъ. Нашъ чертъ говоритъ своему хозяину: «Хочешь, я пойду возьму своего быка**), поведу его въ Ларсское ущелье и оттуда привезу брусъ дерева *мегискъ-орцъ****)? Или пойду въ балку, добуду воды и построю мельницу? Что изъ двухъ сдѣлать?» Хозяинъ отъ радости позабылъ чертовскую натуру и вмѣсто того, чтобы сказать: «Не дѣлай», говоритъ: «Устрой мельницу, какой еще никто не строилъ». Чертъ, конечно, пошелъ за брусомъ. Онъ и быкъ впряглись оба, чтобы тащить брусъ, но когда они подходили къ селенію Харпи, на подъемѣ чертъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Онъ крикнулъ, чтобы изъ аула ему подали помощь, но ни одинъ человѣкъ не вышелъ. Чертъ закричалъ въ другое ближайшее селеніе Дехуркижди; и тамъ никто не откликнулся. Чертъ закричалъ по направленію къ третьему селенію Гоусты, но и оттуда никто не явился. Быкъ, видя, что чертъ уморился, потянулъ его за собой къ находивше-

*) Харпи—селеніе Мецхальскаго общества.

**) Быкъ чертей зналъ всѣ языки, потому что былъ «святой».

***) Изъ него дѣлаютъ ручки плети.

муся въ сторонѣ небольшому камню. «Что ты хочешь дѣлать?» —спросилъ чертъ. Быкъ отвѣчалъ: «Это хорошій камень. Можетъ быть кто-нибудь будетъ строить башню, такъ онъ пригодится. Я хочу захватить его съ собой.» Тогда чертъ сказалъ: «Пусть между жителями Дехуркижди и Харпи вѣчно существуетъ кровная вражда! Пусть у гоустинцевъ не будетъ блюдъ (для гостей), если они не возьмутъ ихъ изъ Харпи! Пусть ни у одного изъ животныхъ не будетъ больше силы въ плечахъ, чѣмъ у быка, и пусть никогда не растетъ кустарникъ больше этого бруса!» Послѣ этого чертъ вошелъ подъ камень и скрылся. Съ тѣхъ поръ между жителями селенія Харпи и Дехуркижди существуетъ нескончаемая вражда. Если на тотъ камень, подъ который вошелъ чертъ, сядетъ человѣкъ, то съ нимъ непремѣнно приключится несчастіе.

Въ этомъ расказѣ замѣчается нѣкоторое сходство чеченскаго черта съ русскимъ. Разсказы на тему «черта надулъ» знакомы всякому русскому. Чертъ, какъ и другіе духи чеченской миѳологіи, обладаетъ силой заклинанія.

Самымъ распространеннымъ вѣрованіемъ чеченцевъ, какъ въ горахъ, такъ и на плоскости, является вѣрованіе въ *джиновъ* или *джинымъ*. Въ плоскостной Чечнѣ джинами называютъ добрыхъ и злыхъ духовъ; первые суть геніи мусульманъ, а послѣдніе—христіанъ. Тѣ и другіе находятся въ такой-же враждѣ, какъ ангелы съ діаволами. Въ Ичкеріи, по словамъ г-на Ипполитова, подъ джинами разумѣются существа среднія между ангелами и діаволами. Они пользуются свободой доступа на небо и похищаютъ иногда обманомъ, иногда-же подслушиваютъ тайны сокровенной отъ нихъ и человѣка будущности. Падающія звѣзды—это звѣзды, брошенныя ангелами въ джиновъ, подслушивающихъ у престола Божьяго. Эти тайны они сообщаютъ своимъ земнымъ друзьямъ. Вообще связь съ ними человѣка къ добру не приводитъ, а почти всегда оканчивается умопомѣшательствомъ На этомъ основаніи, идіотовъ и вообще душевнобольныхъ чеченцы считаютъ находящимися въ общеніи съ джинами. На всемъ пространствѣ Чечни всегда вамъ укажутъ мѣстности (уединенныя, мрачныя, дѣйствующія на воображеніе), гдѣ обыкновенно путники встрѣчаются съ джинами, укажутъ людей, которымъ джинъ свернулъ челюсти на сторону, искривилъ ротъ и т п. Видѣнія джиновъ у путниковъ бываютъ до того реальны, и вѣра

въ нихъ такъ сильна, что про нихъ вы услышите безчисленное множество разсказовъ. Одинъ довольно интеллигентный ингушъ, человѣкъ грамотный, бывалый и неглупый, при томъ-же благочестивый и вѣрующій мусульманинъ, увѣрялъ меня, что онъ также видѣлъ джиновъ на опушкѣ лѣса, ночью, когда онъ ѣхалъ изъ Владикавказа въ Назрань. Джины были одѣты въ солдатскіе мундиры съ красными фуражками. Они весело плясали вокругъ костра, хлопали въ ладоши и дѣлали ему знаки, приглашая его повеселиться, потанцовать съ ними, вѣроятно намѣреваясь свести его съума. Но онъ не испугался, прочелъ молитву и выстрѣлилъ изъ пистолета—джины изчезли изъ глазъ. Молитва и выстрѣлъ—вѣрное средство избавиться отъ джиновъ. Хотя чеченцы далеки отъ того, чтобы поклоняться джинамъ, но побаиваются ихъ. Для полной характеристики джиновъ по вѣрованію чеченцевъ приведу слѣдующую сказку, записанную со словъ ингуша Бадыла Бокова

Ахмедъ былъ охотникъ, который своею охотой содержалъ и кормилъ цѣлое селеніе въ 300 душъ жителей, за что его называли «Добродѣтелью». Однажды онъ пошелъ на охоту и въ теченіе цѣлаго дня не встрѣтилъ ни одного звѣря. Когда-же, возвращаясь домой, сѣлъ надъ рѣчкой для омовенія къ предвечернему намазу, онъ замѣтилъ двухъ змѣй—одну бѣлую, другую черную. Онѣ дрались между собою и черная поборола бѣлую. Ахмедъ поспѣшно окончилъ намазъ, взялъ ружье и выстрѣлилъ въ черную змѣю, но промахнулся и попалъ въ бѣлую. Она застонала человѣчьимъ голосомъ и скрылась изъ виду. Ахмедъ догадался, что это были джины. Дѣло было въ четвергъ подъ пятницу. Оказалось, что бѣлая змѣя была дочерью *царя мусульманскихъ джиновъ*, а черная—сынъ *царя христіанскихъ джиновъ*, который хотѣлъ изнасиловать первую, но она не поддавалась. Дочь царя джиновъ приходитъ домой хромая. Отецъ спрашиваетъ ее: «Отчего ты хромаешь»? Дочь отвѣчаетъ: «Ахмедъ—Добродѣтель, сидя надъ рѣкой, сказалъ: «Пуля моего ружья на что-нибудь должна выходить, но сегодня ни разу она не вышла. Вотъ змѣя, выпущу-ка я въ нее пулю». Но главное, что ее хотѣлъ изнасиловать сынъ христіанскихъ джиновъ, она скрыла отъ отца. Отецъ сказалъ ей: «Завтра пятница, и Ахмедъ непремѣнно будетъ въ мечети. Когда онъ станетъ, по выходѣ изъ мечети, надѣвать свои чевяки (обувь), то душа его въ это время

очутится на мизинцѣ правой ноги. Ты завтра отправляйся въ мечеть, полѣзай въ правый чевякъ и укуси ему мизинецъ. Отъ этого онъ умретъ и, такимъ образомъ, мы отомстимъ ему». Дочь отправилась туда, гдѣ жилъ Ахмедъ, превратилась въ змѣю и спряталась въ мечети На этотъ разъ Ахмедъ пришелъ позже всѣхъ. На лицѣ его отражалась тоска. Люди удивились и спросили его: «Ты всегда приходилъ раньше насъ, а сегодня пришелъ позже всѣхъ. Какая этому причина у тебя?» «Братья мусульмане! На сердцѣ у меня горе великое, которое не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Когда я вчера, не убивъ ничего, возвращался съ охоты, пошелъ я къ рѣкѣ совершить намазъ. Тамъ увидѣлъ я дерущихся змѣй- черную и бѣлую. Окончивъ намазъ, я выстрѣлилъ въ черную змѣю, но ранилъ бѣлую Она закричала человѣческимъ голосомъ. Тутъ я узналъ, что бѣлая змѣя—магометанскій джинъ, а черная—христіанскій, и теперь все думаю о томъ, какъ я ранилъ джина магометанской вѣры. Его кровь лежитъ на моей душѣ, и я никакъ не могу выпросить у него прощенія». Все это отъ слова до слова слышала змѣя и подумала: «Вотъ какъ Ахмедъ тоскуетъ по моей крови. Нѣтъ, не разсказавъ отцу всего, не лишу его жизни». Она прилетѣла домой, упала передъ отцомъ на колѣни и разсказала ему подробно, какъ сынъ царя христіанскихъ джиновъ хотѣлъ ее изнасиловать, какъ Ахмедъ хотѣлъ убить его, но нечаянно попалъ въ нее и какъ онъ тоскуетъ теперь по ея крови. Тогда отецъ сказалъ ей: «Возьми мою лошадь, одѣнься въ мужской костюмъ, поѣзжай къ нему и приведи его ко мнѣ». Она превратилась въ мужчину, сѣла верхомъ и, взявъ для Ахмеда лошадь своего отца, поѣхала къ нему. Въѣхавъ въ его дворъ, она крикнула: «Ахмедъ дома»?. Ахмедъ выскочилъ изъ сакли и спросилъ: «Что тѣбѣ нужно?» Она сказала: «Поѣдемъ со мной». Ахмедъ ничего не возразилъ и, сѣвъ на приведенную лошадь, поѣхалъ съ нею. Когда они выѣхали за околицу, она говоритъ Ахмеду: «Ты помнишь, какъ ты вчера, желая убить черную змѣю, ранилъ бѣлую? Бѣлая змѣя—это я, дочь царя мусульманскихъ джиновъ, а черная—сынъ царя христіанскихъ джиновъ. За то что ты спасъ меня отъ насилія, отецъ мой хочетъ сдѣлать тебѣ подарокъ. Онъ будетъ тебѣ предлагать лошадей и скотъ, но ты ничего не бери, а только скажи: «Ничего мнѣ не надо, только плюнь три раза подъ мой языкъ». Пріѣхали они къ царю джиновъ. Ахмеда уго-

щали трое сутокъ. Когда онъ собрался ѣхать домой, царь джиновъ указалъ ему свои стада и табунъ лошадей и говоритъ: «Бери сколько хочешь!» Ахмедъ отвѣтилъ, что ему ничего этого не нужно. Царь спросилъ его: «Чего же ты хочешь»?—«Если хочешь отблагодарить меня за то, что я спасъ твою дочь, отвѣчалъ Ахмедъ, плюнь три раза мнѣ подъ языкъ». Царь плюнулъ Ахмеду подъ языкъ. Съ этого момента Ахмедъ сталъ понимать всѣ языки, не только людей, но и животныхъ, звѣрей, птицъ и т. д. Онъ простился и пошелъ домой. По дорогѣ онъ зашелъ ночевать на хуторъ, гдѣ была баранта десяти хозяевъ изъ его селенія. Пастухи обрадовались его приходу, старались ему услужить и зарѣзали по барану. Ночь была темная; поднялась страшная буря. Пришла стая волковъ и завыла волчьими голосами: «Вотъ сегодня ночь темная, съ бурей и непогодой. Пастухи, какъ заснутъ, не проснутся до самаго утра, и мы всѣхъ барановъ и овецъ передушимъ и поѣдимъ». Сѣрая собака, на которую никто не обращалъ никакого вниманія, отвѣтила волкамъ: «Сегодня здѣсь находится Ахмедъ-Добродѣтель; ему зарѣзали барановъ; если отъ этого мяса я съѣмъ кусокъ, достанется вамъ отъ меня!» Все это слышалъ и понялъ Ахмедъ. Когда ему, по обычаю, на блюдѣ принесли цѣлаго свареннаго барана, онъ сказалъ пастухамъ: «А нуте-ка, братцы, позовите сюда собаку, которая валяется у васъ подъ плетнемъ». Пастухи отвѣтили: «Эхъ, Ахмедъ-Добродѣтель, охота-ли говорить тебѣ за столомъ такія вещи. Это дряхлая собака, и мы никогда не даемъ ей ужина».—«А вотъ потому-то я и хочу покормить ее. За то меня и прозвали Добродѣтелью, что я уважаю сильныхъ и защищаю слабыхъ». Послѣ этихъ словъ пастухи привели къ Ахмеду сѣрую собаку. Ахмедъ отрѣзалъ бокъ барана и далъ ей, сказавъ: «На, Сѣрко, кушай на здоровье»! Затѣмъ въ мискѣ подали бульонъ. Поужинавъ, всѣ легли спать, а Сѣрко пошелъ сторожить овецъ. Ночью на баранту напали 14 волковъ, но Сѣрко ихъ всѣхъ передушилъ и, разложивъ ихъ вокругъ себя, улегся спать. Утромъ пастухи, увидѣвъ случившееся, сказали Ахмеду: «Если-бы ты вчера не покормилъ нашу собаку, каждый изъ насъ понесъ-бы убытку по крайней мѣрѣ на десять барановъ; поэтому возьми себѣ съ насъ по два барана»! Ахмедъ отказывался, но кое-какъ уломавъ его, хозяева стали выпускать овецъ, говоря: «Выбирай себѣ любыхъ». Овца, шедшая впереди, закричала сво-

ему барашку, который шелъ сзади: «Мы ходимъ впереди и ѣдимъ первую траву; оттого мы такія гладкія. А ты всегда идешь позади насъ и ѣшь наши остатки; оттого ты и худой». Барашекъ отвѣчалъ: «Счастье идетъ за хозяиномъ, а не впереди его: я —счастье хозяина, потому и остаюсь всегда позади». Когда этотъ барашекъ поровнялся съ Ахмедомъ, онъ схватилъ его и, сказавъ, что онъ возьметъ только его одного, взялъ барашка, простился съ пастухами и пошелъ домой. Отъ этого барашка приплодъ такъ размножился, что Ахмеду не было съ тѣхъ поръ нужды ходить на охоту въ теченіе десяти лѣтъ; всѣ жители также питались приплодомъ отъ этого барашка.

Таковъ этотъ замѣчательный разсказъ о джинахъ, въ которомъ мы видимъ наглядное проявленіе склонности чеченцевъ къ антропоморфизаціи природы и животныхъ Здѣсь-же мы имѣемъ возможность цѣликомъ прослѣдить міровоззрѣніе чеченцевъ. Здѣсь, наконецъ, мы встрѣчаемся съ вполнѣ развитой системой дуализма: джины раздѣляются на добрыхъ и злыхъ, тѣ и другіе подчинены своему отдѣльному царю. Нравственное значеніе духовъ въ жизни чеченца весьма значительно; куда-бы онъ ни повернулся, чтобы онъ ни дѣлалъ, и у себя дома, и въ полѣ, и въ лѣсу, и въ пещерахъ, и ночью, и днемъ онъ видитъ и слышитъ окружающихъ его духовъ, которые и рувoводятъ его поступками, даютъ ему указанія, создаютъ препятствія и помогаютъ, являются врагами и друзьями, опредѣляютъ его отношенія къ другимъ людямъ, и т. д. Но всѣ они не играютъ уже той роли, какая могла-бы принадлежать имъ при другихъ обстоятельствахъ, потому что у чеченцевъ есть другія существа, болѣе высокія и сильныя. Знакомству съ этими существами мы и посвятимъ слѣдующія главы.

III.

Культъ предковъ у чеченцевъ.

Годъ и его дѣленіе на части: мѣсяцы, недѣли, дни.—Семейный культъ и культъ домашняго очага.—Вліяніе этого культа на жизнь чеченцевъ.—Кровная месть, усыновленіе, присяга и проч.—Культъ и обоготвореніе предковъ.—Высшія божества.—Предсказанія и гаданія.

Переходя къ божествамъ чеченцевъ, необходимо познакомиться съ понятіемъ ихъ о временахъ года, о дѣленіи года на дни, недѣли и мѣсяцы, такъ какъ поклоненіе богамъ у нихъ пріурочено къ тому или другому времени года или дню. Сообщаемыя

здѣсь свѣдѣнія добыты мною отъ стариковъ; молодежь о нихъ ничего почти не знаетъ.

Годъ по-ингушски называется *шо* и имѣетъ 365 дней. Новый годъ празднуется тремя днями ранѣе нежели у русскихъ. Шегренъ и Селезневъ утверждаютъ, что ингуши не знаютъ дѣленія на мѣсяцы, но это невѣрно. Мѣсяцъ называется *бутъ* (отъ названія луны), недѣля -*кири* (отъ грузинскаго «кера»), день—*де*, Мѣсяцъ дѣлится на четыре недѣли, недѣля на семь дней, причемъ за первый день считается понедѣльникъ—*оршотъ*, Этотъ день посвященъ вѣтрамъ (дѣнь вѣтровъ) и свободенъ отъ полевыхъ работъ; въ противномъ случаѣ, все разнесетъ вѣтромъ. Вторникъ—*шинери*, день быковъ, въ который нельзя ихъ запрягать. Среда, называемая *керъ-Сели* (т. е день бога Сели), замѣчательна тѣмъ, что въ этотъ день нельзя давать сосѣдямъ ничего изъ дома, а въ особенности огня; посвящена богу грома Сели. Четвергъ называется *огой-еръ* (сокращенно *ера*). Въ этотъ день раньше бывали празднества въ честь *Огоя*. Праздновали преимущественно однѣ дѣвушки. Онѣ ходили по домамъ и собирали отъ хозяекъ всякую провизію Придя въ домъ, онѣ пѣли пѣсню: «Эй, мама, пожалуйста, мама, выходи, мама, отпусти ты насъ, намъ некогда: у тысячи хозяекъ гости мы (т. е. нужно побывать еще у многихъ). Посмотри въ ящикъ, всунь руку въ ушатъ» (т. е. достань и вынеси что нибудь). Получивъ что нибудь, дѣвушки дѣлили собранное и уносили домой. Пятница -*periске* (грузинское Параскева) ничѣмъ не ознаменовывалась; съ принятіемъ мусульманства, этотъ день сталъ священнымъ «джумэ». Суббота—*шотъ* считается «днемъ волковъ»; кто почитаетъ и празднуетъ этотъ день, у того волкъ не будетъ таскать овецъ. Воскресенье—*кириндe*, т. е. «недѣльный день» (слово взято у грузинъ), считается Божьимъ днемъ; прежде онъ праздновался всѣми ингушами.

Ингуши знаютъ зимнее и лѣтнее солнцестоянія; въ это время, говорятъ они, солнце гоститъ дома: зимою три дня и три ночи, а лѣтомъ—три недѣли; въ это время бываетъ равноденствіе. Годъ дѣлится на четыре времени: весна, лѣто, осень и зима. Онъ содержитъ 12 мѣсяцевъ; названія мѣсяцевъ даются по названіямъ празднествъ или пріуроченныхъ къ тому или другому времени сельскохозяйственныхъ занятій. Ганыжъ не могъ перечислить ихъ по порядку. Теперь ингуши считаютъ

свои мѣсяцы по новолунію и старыя названія забываются Однако я попытаюсь установить порядокъ мѣсяцевъ, насколько это возможно по указаніямъ Ганыжа, но, конечно, порядокъ этотъ будетъ въ достаточной мѣрѣ гадательнымъ. Первый мѣсяцъ называется *Наджиганцхой* - самый холодный мѣсяцъ въ году; по всей вѣроятности, онъ соотвѣтствуетъ январю. Второй - *Мархи-бутъ*, т. е «мѣсяцъ поста»; въ это время былъ семидневный «отцовскій постъ», называемый также «христіанскимъ», соотвѣтствующій великому посту. Третій — *Бекрикъ-бутъ* или «кукушкинъ мѣсяцъ», соотвѣтствуетъ марту Въ это время прилетаетъ кукушка, начинается весна. Апрѣль называется *Тушоли-бутъ*, по празднеству въ честь Тушоли. Пятый — *Сели-бутъ*, кажется, соотвѣтствуетъ маю. *Манглъ-бутъ* или «мѣсяцъ покосовъ», повидимому—іюнь. *Мятцели-бутъ* названъ по празднеству Мятцели; это, скорѣе всего, іюль. *Мяцхали-бутъ* названъ тоже по празднеству; кажется, это—августъ, или часть іюля и августа. *Тау-бутъ*, т. е. «мѣсяцъ атавы», или вторичной травы послѣ покоса, повидимому сентябрь. *Ардари-бутъ*— «мѣсяцъ молотьбы», одинъ изъ осеннихъ мѣсяцевъ (октябрь). *Орхи-бутъ*—тоже осенній мѣсяцъ; въ это время барановъ пускаютъ къ овцамъ. Наконецъ *Огой*, кажется, соотвѣтствуетъ декабрю. До этого времени откармливаютъ баранту, а съ этого мѣсяца начинаютъ рѣзать Тогда же бываетъ празднество Огой.

У чеченцевъ мы находимъ вполнѣ развитую систему политеизма или многобожія; но у нихъ нѣтъ единообразной стройной системы міровоззрѣнія, исходящей изъ какой нибудь одной основной идеи, съ раздѣленіемъ боговъ на старшихъ и младшихъ. Напротивъ, у чеченцевъ мы встрѣчаемся съ двумя противоположными системами боговъ: съ одной стороны, культъ предковъ и народныхъ героевъ, а съ другой—поклоненіе обоготвореннымъ силамъ природы. Эта двойственность, какъ и у многихъ другихъ народовъ (между прочимъ осетинъ), остается въ полной силѣ и въ настоящее время; она, надо думать, существовала и съ самаго начала. Раздѣленіе труда не только между отдѣльными божествами, но даже и между упомянутыми двумя главными категоріями, плохо выработано, обязанности и права боговъ не разграничены и часто для одной и той-же группы явленій имѣются у чеченцевъ нѣсколько боговъ. Въ этомъ отношеніи имъ далеко до грековъ и римлянъ, у которыхъ спеціали-

зація труда, какъ извѣстно, была доведена между богами до крайнихъ предѣловъ. Во главѣ всѣхъ боговъ у нихъ сталъ не громовержецъ, какъ у грековъ и римлянъ, и не небо, какъ у многихъ другихъ народовъ, а Дэла, Богъ, постепенно воспринявшій въ себя атрибуты христіанскаго и магометанскаго Бога

Въ предыдущей главѣ, при изложеніи взглядовъ чеченцевъ на загробную жизнь и описаніи похоронъ и поминокъ, мы уже встрѣчались съ нѣкоторыми признаками культа домашняго очага, семейнаго культа. Домашній очагъ, говорятъ чеченцы, есть мѣсто священное, избранное самимъ Богомъ; онъ неприкосновененъ. Огонь, цѣпь, котелъ и очагъ считаются священными и даже такія части очага, какъ зола, сажа на потолкѣ и пр., пользуются почетомъ въ домѣ. Чѣмъ больше котловъ насчитывается въ родѣ или фамиліи, тѣмъ родъ сильнѣе, почетнѣе. Г. Лаудаевъ говоритъ, что до позднихъ временъ среди чеченцевъ существовалъ обычай покрывать головы котлами въ минуты семейныхъ несчастій; по смерти мужей жены выходили изъ дому, накрывали головы котлами въ знакъ того, что имъ уже болѣе не для кого поддерживать священный огонь и воду*), такъ какъ уже некому совершать жертвы и возліянія надъ очагомъ. Такое несчастіе является бѣдствіемъ не только для живыхъ, но и для предковъ, которые теперь голодны, наги, бѣдны и вымаливаютъ себѣ пищу у другихъ, какъ нищіе. Очагъ служитъ, такимъ образомъ, центромъ домашняго культа; существованіе и счастье всего рода и его потомства неразрывно связаны съ очагомъ. Хозяинъ дома, ежедневно передъ трапезой, лучшія части пищи бросаетъ въ священный огонь и проситъ у боговъ всякаго благополучія семьѣ. У народовъ, у которыхъ семейный культъ сохранился во всей силѣ, предки присутствуютъ въ домѣ и принимаютъ участіе въ трапезѣ ея членовъ. Такъ было у древнихъ грековъ и римлянъ,**) такъ остается и теперь еще у кавказскихъ осетинъ и многихъ племенъ Азіи, Австраліи, Африки и Америки. Индусское божество огня *Агни* соотвѣтствуетъ чеченскому *Сели*. Въ извѣстный день, посвященный богу Сели, считается большимъ грѣхомъ дать изъ очага кому либо изъ сосѣдей хоть одинъ уголекъ; этотъ день — среда, называемый *кер—Сели* ***)

*) Сб. св. о Тер. обл., стр. 255, 264 и 267.

**) Фюстель-де-Кюланжъ. «Древнее общество», стр. 26.

***) Въ этотъ день запрещено вовсе выкидывать огонь или

Общественное и нравственное значеніе культа домашняго очага чрезвычайно велико. Домашній очагъ, сосредоточивая вокругъ себя членовъ семьи, имѣетъ организующее значеніе; культъ его освящаетъ власть главы семьи, какъ жреца, приносящаго жертвы богамъ. Вліяніемъ его объясняются многіе институты наслѣдственнаго права, священный характеръ семейной общины, институты усыновленія и узаконенія, святость и неприкосновенность гостя, какъ временнаго члена семьи. Онъ дѣлаетъ невозможною месть за смерть родственника родственнику-же и, наоборотъ, налагаетъ священную обязанность мести чужеродцу за каждую каплю крови члена семьи и рода. На этомъ-же основаніи коренится строгое отношеніе къ прелюбодѣянію; въ немъ чеченцы видятъ вторженіе въ родъ чужой крови.

Не перечисляя всѣхъ сторонъ жизни, на коихъ отразилось вліяніе семейнаго культа, я обращу вниманіе на тѣ жизненные акты, которые связаны съ пріобщеніемъ къ семейному очагу или выходомъ изъ семьи. Выходъ замужъ женщины изъ какой-либо семьи связанъ съ разрывомъ связей съ предками. Прежде, при выходѣ дѣвушки замужъ, разсказываетъ старикъ Казбыкъ, въ домѣ ея родителей собирались подруги и гости, разводили огонь въ очагѣ, и шаферъ *) жениха (позже—подруга невѣсты) за руку водилъ ее съ покрытымъ лицомъ три раза вокругъ очага. Подруги пѣли пѣсни, обращаясь къ святымъ съ молитвою, чтобы молодая была плодотворна, какъ *зола* священнаго очага, которая увеличивается съ каждой минутой, чтобы она была привязана (прилипчива) къ своему мужу и семьѣ, какъ *сажа* и т. д. Затѣмъ шаферъ бралъ одною рукою цѣпь, другою держалъ руку невѣсты и потрясалъ цѣпь въ знакъ разрыва всякой связи невѣсты съ семьей и ея культомъ. Послѣ этого кто-либо изъ приверженцевъ жениха схватывалъ невѣсту и на плечахъ выносилъ изъ комнаты, провожаемый бранью и побоями молодежи.

Но особенно выдающуюся роль огонь и цѣпь играли въ кровныхъ дѣлахъ. Кровь родственника должна быть непремѣнно отмщена, убійца долженъ погибнуть отъ руки родственника убитаго.

золу изъ очага; въ другіе дни золу можно выкидывать по мѣрѣ накопленія излишка, но обязательно щепотку ея возвращать обратно въ очагъ.

*) Въ шаферы выбирается обыкновенно человѣкъ зажиточный, чтобы въ случаѣ нужды онъ помогалъ невѣстѣ, какъ родственникъ ея.

Единственнымъ средствомъ избавиться отъ мести является пріобщеніе убійцы къ семьѣ убитаго. Убійца тайкомъ пробирается къ матери убитаго и, съ ея согласія или при помощи насилія, прикладывается губами къ ея груди (сосетъ молоко). Послѣ этого онъ становится молочнымъ братомъ убитаго, т. е. роднится съ нимъ и, такимъ образомъ, избавляется отъ мести, какъ членъ того-же рода. Такой-же точно результатъ получается, если убійцѣ удается подержаться рукой за надъочажную цѣпь въ домѣ убитаго. Всякій убійца, вбѣжавъ въ чей-либо домъ и схватившись за надъочажную цѣпь, становился подъ защиту и покровительство священнаго очага въ лицѣ хозяина дома, который не можетъ выдать его, такъ какъ съ этого времени онъ становится родственникомъ хозяина; хозяинъ въ свою очередь подвергается преслѣдованіямъ кровниковъ *).

Но съ особенной силой культъ предковъ выражался въ присягѣ ингушей, называемой «ду». Самый ранній изъ писателей, г. Потоцкій, сообщаетъ, что у ингушей обычнымъ способомъ взысканія долга бываетъ обращеніе къ пріятелю съ заявленіемъ: «Такой-то изъ твоего рода долженъ мнѣ столько-то; позаботься о томъ, чтобы долгъ былъ уплоченъ; въ противномъ случаѣ, я убью надъ мертвыми твоего рода собаку, которую привелъ съ собой». Эта угроза приводитъ ингуша въ трепетъ, и онъ немедленно соглашается исполнить поставленное ему требованіе.**) По объясненію Ч. Ахріева ***) и столѣтняго Каз-

*) Есть еще способъ избѣжать мести кровниковъ, который также отражаетъ на себѣ вліяніе семейнаго культа. Убійца, отростивъ волосы на головѣ и бородѣ, безъ оружія, въ изорванномъ платьѣ, отправляется на могилу убитаго и даетъ знать родственникамъ послѣдняго, что онъ, кровникъ, съ повинной головою, въ полномъ отчаяніи, съ разбитымъ сердцемъ и слезами на глазахъ лежитъ на дорогой имъ могилѣ, вымаливая у Бога прощеніе. До прихода родственниковъ убитаго, которые умышленно тянутъ дѣло, кающійся кровникъ съ своими родственниками лежитъ ничкомъ на могилѣ, нанося себѣ побои кулаками, и горько плачетъ. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбѣ. На помощь кающемуся являются старики и убѣждаютъ родственниковъ убитаго простить убійцѣ его проступокъ. Родственники убитаго являются на могилу и совершается примиреніе, выражающееся опять-таки принятіемъ убійцы въ родъ убитаго, подъ защиту семейныхъ боговъ послѣдняго.

**) Voyages dans les steppes d' Astrakan et du Caucase 1797. Цитировано у М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ», т. I. стр. 103.

***) Сб. св. о Тер. об. I, стр. 281.

быка, убитая на могилѣ собака должна была, по вѣрованію ингушей, пойти въ пищу покойнику. Но М. Ковалевскій отрицаетъ такое толкованіе. «Смѣшивая древнеиранскую точку зрѣнія на собаку, какъ на животное чистое, съ тою, какой по отношенію къ собакѣ придерживается коранъ (т. е. собака—нечестивое животное), ингушъ, говоритъ названный ученый, исказилъ истинный смыслъ присяги надъ собакой.» Однако такую точку зрѣнія нельзя признать безспорною. Она основана на предположеніи, что нѣкоторые изъ обрядовъ первобытной религіи, какъ напр. постройка кашовъ, заимствованы ингушами у огнепоклонниковъ, послѣдователей Авесты. На примѣрѣ полной тождественности въ представленіяхъ о душѣ такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга народностей, какъ ингуши и буряты, мы уже видѣли, что ко всякимъ предположеніямъ о какихъ бы то ни было заимствованіяхъ необходимо относиться съ большою осторожностью. Что же касается даннаго случая, то живой свидѣтель ингушеской старины, столѣтній Казбыкъ, разсказывалъ о другой формѣ присяги, которая вполнѣ подтверждаетъ основательность толкованія Ч. Ахріева. Вотъ эта форма, какъ разсказывалъ мнѣ Казбыкъ.

Подозрѣвающій кого-либо въ совершеніи воровства или другого преступленія обращается къ подозрѣваемому съ требованіемъ, чтобы послѣдній очистилъ себя присягою. Для этой цѣли обвиняемый долженъ былъ найти собаку и отправить съ нею къ истцу свою мать или жену. Истецъ выходилъ на встрѣчу и, обращаясь къ посланной, говорилъ: «Если твой мужъ (или сынъ) виновенъ въ томъ, въ чемъ я его подозрѣваю (убилъ или укралъ), а ты, зная это, скрываешь, то пусть эта собака будетъ пищею для вашихъ покойниковъ». Произнося такое заклинаніе, подозрѣвающій при каждомъ словѣ наносилъ остріемъ шашки удары собакѣ, которую держала жена (или мать) обвиняемаго за веревку. Если подозрѣваемый дѣйствительно былъ виновенъ, то его соучастники, чаще всего его родственники, сознавались въ совершенномъ преступленіи.

На той-же религіозной почвѣ основана у ингушей и присяга у могилы предковъ. Казбыкъ говоритъ, что она примѣнялась въ томъ случаѣ, когда первая присяга не достигала цѣли. Хозяинъ похищеннаго имущества, приготовивъ предварительно араку и зарѣзавъ барана, приглашалъ подозрѣваемаго со всѣми родственниками къ себѣ въ домъ и, угостивъ ихъ на славу, от-

правлялся затѣмъ съ ними на свой фамильный кашъ; его сопровождали вооруженные родственники. По прибытіи обѣихъ сторонъ на могилу, подозрѣваемый вѣшалъ на спину свою «дау», т. е. корзину, сплетенную изъ хвороста и служащую собственно для таскания соломы съ гумна. Въ эту корзину складывали различныя земледѣльческія орудія и хозяйственныя принадлежности, каковы: лопата, кирка, вѣникъ, предметы женскаго рукодѣлія и т. п. Затѣмъ на шею подозрѣваемому надѣвали веревку и три раза обводили его кругомъ каша. При этомъ потерпѣвшій произносилъ слѣдующія слова: «Да будете вы, солнце, луна и такой-то (произносится имя почетнѣйшаго человѣка изъ живыхъ) на этомъ свѣтѣ, а на томъ свѣтѣ такой-то (имя наиболѣе уважаемаго изъ мертвыхъ) свидѣтелями, что ты (обращается къ подозрѣваемому) приносишь мнѣ присягу въ незнаніи и невѣдѣніи о случившейся у меня кражѣ. Если же ты совершилъ кражу и принимаешь ложную присягу, то да перенесутся на нашихъ родственниковъ, покоящихся въ этомъ кашѣ, всѣ тѣ поминки, какія ты и твои предки дѣлали для своихъ покойниковъ. Пусть твои предки сдѣлаются подчиненными моихъ предковъ, да будешь ты самъ вѣчнымъ прислужникомъ мнѣ и нашимъ покойникамъ. Но если ты невиновенъ, то пусть тебя Богъ проститъ». Послѣ такихъ страшныхъ словъ, виновный большею частью сознавался.

Приведенные примѣры изъ быта чеченцевъ служатъ довольно полною и яркою иллюстраціей ихъ культа домашняго очага и предковъ (семейнаго культа). Развитіемъ этого культа явился культъ народныхъ героевъ, т. е. предковъ высшаго разряда, общихъ всему племени. Къ изложенію этого культа мы и приступимъ теперь

У чеченцевъ существуютъ патроны или боги, общіе всему племени, затѣмъ патроны отдѣльныхъ обществъ (нѣсколькихъ селеній), и, наконецъ, покровители отдѣльныхъ ауловъ или отдѣльныхъ родовъ. Они носятъ въ Чечнѣ названія *эрдовъ* *) (или *ерда*), а у ингушей *цyу*; но наряду съ «цyу» для нѣкоторыхъ патроновъ у ингушей существуютъ также и другія названія, какъ-то: *ерда* и *дяла* **). Отличіе мѣстнаго отъ высшихъ патроновъ заключается лишь въ меньшемъ раіонѣ дѣйствія, но никакъ не въ могуществѣ и силѣ. Какъ пре-

*) Сб. св. о Тер. об., I, 252, 253.

**) Богъ называется также «Дяла» или «Дэла».

докъ семьи былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы члены ея жили между собою въ ладу и помогали другъ другу, также точно аульный патронъ заботится о цѣломъ родѣ и даже нѣсколькихъ родахъ и наказываетъ всякаго нарушителя родовой солидарности. Поэтому если культъ ближайшихъ предковъ уже игралъ важную роль въ организаціи семьи и общественной жизни, то тѣмъ большая роль принадлежитъ аульному патрону, на котораго мало-по-малу были перенесены всѣ функціи семейныхъ боговъ. При этомъ роль божества расширена сообразно съ расширеніемъ предѣловъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Такое расширеніе шло параллельно развитію общественности, когда на смѣну организаціи первобытнаго общества являлась постепенно совмѣстная жизнь двухъ и болѣе родовъ, а позднѣе образовались цѣлыя общества, состоящія изъ многихъ селеній. Здѣсь и для эгоизма меньше мѣста и религія руководитъ уже общественной жизнью, патроны одинаково милостивы ко всѣмъ родамъ. Въ кровныхъ дѣлахъ убѣжищами являются теперь уже не домашніе очаги, а святилища. Около ихъ медіаторы отправляютъ правосудіе.

Всѣ старшіе боги чеченцевъ обязательно имѣютъ храмы или часовни, называемые *эльгыцъ*, но иногда населеніе совершаетъ имъ жертвоприношенія просто на открытомъ мѣстѣ, а въ Хамхинскомъ обществѣ встрѣчаются на возвышенныхъ мѣстахъ, близъ кладбищъ, четырехугольные каменные столбы. У подножія столба съ восточной стороны сдѣлана маленькая ниша, въ которую молящійся ставитъ зажженную восковую свѣчу и, ставъ на колѣни, кладетъ туда-же свою голову. Молитва совершается по ночамъ и вся заключается въ вкладываніи головы въ нишу. «Эльгыцы» походятъ на каши, имѣютъ видъ небольшой каменной избушки съ проходными дверями—однѣ къ сѣверу, а другія къ востоку (встрѣчается и одна дверь). Въ этихъ капищахъ находятся только рога жертвенныхъ животныхъ, принесенные въ даръ святымъ, и бѣлые значки, называемые «нычъ»; здѣсь-же иногда попадаются рога оленей, дикихъ козъ и туровъ, принесенные въ жертву или въ даръ охотниками въ знакъ благодарности святому, помогшему имъ въ охотѣ. Строились они въ давнюю эпоху по указанію ясновидцевъ; къ нимъ во снѣ являлись духи (тарамы, джины) и указывали мѣста, гдѣ слѣдуетъ поклоняться тому или другому святому. Какъ въ Осетіи, такъ и во всей горной полосѣ

Чечни «эльгыцы» построены, говорятъ Казбыкъ и Ганыжъ, во времена Тамары (1184—1212 г.г. по Р. Хр.).*) Старики не помнятъ, чтобы на памяти прапрадѣдовъ ихъ была выстроена хоть одна часовня. Въ Осетіи «эльгыцы» называются «дзуарами»; это же названіе относится и къ самому святому.

Мѣстные патроны носятъ чаще всего имена покровительствуемыхъ ими ауловъ. По тѣмъ предметамъ, которые находятся въ «эльгыцахъ», можно заключить, что къ аульнымъ «ццу» ингуши обращались съ молитвой по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Разъ въ годъ всѣ жители извѣстнаго аула собирались прежде у святилища или на мѣстѣ, посвященномъ патрону, и совершали религіозныя празднества и жертвоприношенія. Наканунѣ празднества всѣ семьи рѣжутъ по барану, варятъ пиво, араку и приготовляютъ жертвенныя блюда, называемыя «тегумъ» (текымъ). Въ день празднества къ полудню каждое семейство приноситъ къ назначенному мѣсту на круглыхъ деревянныхъ блюдахъ мясо и по четыре хлѣбныхъ лепешки (тегумъ), изъ коихъ одна непремѣнно должна быть треугольная. Четыре молодыхъ человѣка, избранныхъ въ распорядители, сносятъ всю провизію въ одно мѣсто, дѣлятъ народъ на группы по пяти человѣкъ въ каждой и, разсадивъ ихъ по порядку, разносятъ блюда, начиная съ сидящихъ впереди стариковъ. Когда, такимъ образомъ, все приготовлено, одинъ изъ стариковъ, знающій обряды жертвоприношеній и молитву, беретъ въ одну руку лепешку и голову барана, а въ другую стаканъ араки или пива и громко произноситъ молитву, обращенную къ аульному «ццу». Онъ проситъ у патрона дождя въ засуху, всякаго благополучія, избавленія отъ повальныхъ болѣзней людей и скота и т. д. Окончивъ молитву, старикъ даетъ попробовать лепешку, мясо и араку или пиво одному изъ парней, причемъ послѣдній благоговѣйно снимаетъ шапку. Этимъ заканчивается обрядъ жертвоприношенія и начинается всеобщій пиръ, въ которомъ не принимаютъ участія лишь однѣ женщины и который тянется до самаго вечера.

---

*) Казбыкъ говоритъ, что до Тамары чеченцы не знали ни Бога, ни «ццу» и жили какъ животныя въ потемкахъ; но, конечно, для историка религіи такое утвержденіе не заслуживаетъ никакого довѣрія и является у всѣхъ народовъ обычной характеристикой начальнаго періода ихъ исторіи.

Вѣра въ святость и могущество «ццу», говоритъ Казбыкъ, была такъ сильна, что присягающій, если хоть немного не былъ увѣренъ въ своей правотѣ, ни за что не рѣшался на присягу у святилища и весь дрожалъ отъ страха предъ карой божества. На принявшаго передъ «ццу» ложную присягу, по словамъ г. Ахріева, ингуши смотрѣли какъ на проклятаго всѣми святыми, и встрѣчу съ клятвопреступникомъ считали признакомъ большого несчастія; поэтому путники, узнавъ на дорогѣ, что имъ предстоитъ встрѣча съ такимъ человѣкомъ, перемѣняли направленіе и даже возвращались домой. Старецъ Казбыкъ присовокупляетъ къ этому, что отъ святилища, гдѣ происходила присяга, весь народъ бѣжалъ прочь; рабочіе покидали работу, пастухи угоняли стада и сами уходили, страшась того, какъ-бы эта присяга не оказалась ложною и какъ-бы доля грѣха клявшагося не пала и на нихъ и не навлекла гнѣва святого. Неудивительно, если къ такой присягѣ прибѣгали лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ прочія средства къ отысканію виновнаго были исчерпаны.

Самый обрядъ присяги происходилъ такъ. Въ присутствіи судей и пяти соприсяжниковъ, присягавшій, войдя въ ограду святилища, снявъ шапку и поднявъ глаза къ небу, произносилъ: «Если я повиненъ въ томъ, въ чемъ подозрѣваетъ меня такой-то имя истца), то пусть накажетъ меня и моихъ родственниковъ вотъ этотъ святой (называетъ имя святого, которому посвящена часовня) и всѣ святые». Соприсяжники повторяли за нимъ тѣ-же слова Если родственники знали, что подозрѣваемый дѣйствительно виновенъ, то ни за что не присягали за нимъ и всегда умоляли его лучше сознаться въ своей винѣ, чѣмъ подвергать себя и всѣхъ ихъ великому несчастію. Они предпочитали собственное разореніе и обѣщали ему, если онъ сознается, принять на себя уплату искомаго имущества или возмездіе за преступленіе. Такимъ образомъ, говоритъ Казбыкъ, когда народъ велъ болѣе строгій и благочестивый образъ жизни, ни одно преступленіе не оставалось скрытымъ у ингушей; слѣдовательно, дикари—ингуши нѣкогда приблизились къ тому идеалу правосудія, до котораго не смѣютъ мечтать дойти когда-либо цивилизованные народы міра. Теперь присяга на коранѣ, смѣнившая древнюю присягу, не имѣетъ и десятой доли того значенія, какое принадлежало послѣдней.

Таково значеніе культа родовыхъ патроновъ въ дѣлахъ личныхъ, возникающихъ между отдѣльными членами рода; но не меньшее значеніе имѣлъ этотъ культъ и въ дѣлахъ общественныхъ, возникавшихъ между цѣлыми аулами, фамиліями и родами. По разсказамъ Казбыка, границы между землями сосѣднихъ фамилій опредѣлялись камнями, называемыми «ардыржъ», отстоящими другъ отъ друга на разстояніи ½—1 версты. Когда ставятъ эти камни, изъ святилища «цçу» выносятъ «нычъ» (бѣлый значекъ), призываютъ святого въ свидѣтели и проносятъ значекъ по границѣ, говоря: «Кто сдвинетъ эти камни, пусть тотъ будетъ проклятъ; пусть бѣда преслѣдуетъ его и его потомство всегда». Тотъ, кто ставилъ камни, произносилъ клятву: «Божусь высшимъ Богомъ и высокоуважаемымъ «цçу» божусь, что я ставлю эти «ардыржъ» на своей, а не на чужой землѣ». При дѣлежѣ между родами земли, кидали жребій, говоря: «Кто обижаетъ жребій (не поступитъ по жребію), того и Богъ и святые обидятъ».

Такимъ образомъ, почитаніе аульныхъ патроновъ играло громадную роль въ устройствѣ какъ личной, такъ и общественной жизни ингушей. Эти патроны сохраняютъ свое значеніе и при существованіи патроновъ цѣлаго общества, состоявшаго изъ нѣсколькихъ ауловъ, но мало-по-малу уступаютъ имъ свое мѣсто или же сами превращаются въ общественныхъ святыхъ. Изъ аульныхъ патроновъ назову слѣдующихъ, извѣстныхъ мнѣ изъ личныхъ разспросовъ и по литературнымъ источникамъ. Объ однихъ изъ нихъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, а о другихъ, кромѣ ихъ названій, не сохранилось ничего.

Въ Джераховскомъ обществѣ, близъ сел. Пхоматъ*), находится святилище въ честь аульнаго патрона, носящаго имя самого аула, а именно—*Пхоматъ-ерда*. Въ честь его празднуется одинъ день въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Возлѣ селенія Бойни Мецхальскаго общества находится святилище *Баинъ-сели*, которое впослѣдствіи утратило свое значеніе

---

*) Вѣроятно *Памятъ*. Авторъ употребляетъ устарѣвшія или народныя названія селеній, которыя весьма часто отличаются отъ названій, установленныхъ въ послѣднемъ оффиціальномъ спискѣ населенныхъ мѣстъ Терской обл. (изд. 1890—1891 г.); поэтому тѣ изъ селеній, современныя названія которыхъ невозможно было съ точностью установить, редакція отмѣтила знакомъ (?). *Ред.*

и стало играть подчиненную роль обще-ингушскому святому *Мятцели*.

Недалеко отъ аула Ага-Кале (?) въ Хамхинскомъ обществѣ, на берегу р. Ассы, находится христіанскій храмъ *Алби-ерда* (по имени строителя), впослѣдствіи превращенный въ языческое святилище. Недалеко отъ Алби-ерды находится святилище *Ауша-селъ*, по формѣ напоминающее обыкновенный чеченскій могильникъ (кашъ). Это очевидно была приходская церковь, обращенная впослѣдствіи въ мѣсто для совершенія языческихъ празднествъ.

Жители сел. Тумгой, Хамхинскаго общества, праздновали ежегодно три ночи и три дня празднество въ честь мѣстнаго патрона *Тумга-ерда*, имѣющаго также свой «эльгыцъ», съ каменной оградой вокругъ, возлѣ котораго находятся два каменныхъ памятника, поставленныхъ предкамъ тумгинцевъ по имени Гуй и Цикма.

Святилище *Дзорохъ-дэла* находится въ Хамхинскомъ обществѣ; празднество бываетъ разъ въ годъ, зимою.

Мало-по-малу, съ увеличеніемъ населенія аула, изъ него выходили отдѣльныя семьи и, поселившись вблизи, не прекращали связи ни съ роднымъ ауломъ, ни съ его патрономъ. Такимъ образомъ, кругъ почитателей аульнаго святого увеличивался и онъ становился общимъ патрономъ для цѣлаго общества и даже нѣсколькихъ обществъ, а иногда и всего чеченскаго племени. Онъ продолжаетъ исполнять тѣ-же функціи, какъ и аульный «ццу», но значеніе его гораздо больше и шире. Здѣсь уже мы встрѣчаемся съ болѣе сложными обрядами, съ болѣе опредѣлившимися функціями божествъ, съ типичными формами почитанія; зарождается жречество и появляются изображенія боговъ, въ видѣ идоловъ. Многіе изъ этихъ высшихъ боговъ сохраняютъ черты предковъ ингушей, но рядомъ съ ними встрѣчаются имена христіанскихъ святыхъ, а иногда являются боги совершенно новой категоріи.

Изъ общеингушскихъ боговъ—патроновъ большою извѣстностью пользуется *Галь-ерда*, упоминаемый еще въ 1810 году въ договорѣ ингушей съ русскими. Плоскостные ингуши называютъ его «кумиромъ», обитающимъ въ горахъ. Въ честь этого «ерда» посвящены храмы, оставшіеся отъ временъ христіанства и выстроено нѣсколько новыхъ капищъ въ Хамхинскомъ и Мецхаль-

скомъ обществахъ. Главный храмъ, замѣчательный памятникъ грузинской архитектуры, находится около селеній Агенты и Таршъ Мецхальскаго общества Шегренъ говоритъ, что въ его время (1846 г) всѣ ингуши, плоскостные и горные, приносили Галь-ерду жертвы на Троицу и Новый годъ. Онъ не имѣетъ олицетворенія и считается духомъ. На Новый годъ ему приносили въ жертву преимущественно вновь отлитыя пули, зажигали свѣчи. Приношенія эти оставались въ капищѣ, а пиръ и веселье шли своимъ порядкомъ.*) Тогда же происходили и новогодніягаданія ясновидцевъ и предсказанія на будущій годъ. Главное святилище Галь-ерда превосходно описано Миллеромъ**). Зданіе окружено каменной оградой въ два аршина вышины. По всей внутренней сторонѣ ограды устроены небольшія ниши, отдѣленныя одна отъ другой промежуткомъ въ полъ аршина; внизу у стѣны подъ каждой нишей лежитъ удобный для сидѣнья плоскій камень. Лѣтомъ, въ опредѣленный день, каждый отецъ семейства садится на камнѣ близъ своей ниши, въ которую кладетъ жертвоприношенія (каждый имѣетъ свое постоянное мѣсто), слѣды которыхъ находятся тутъже. Ниши для жертвъ составляютъ оригинальную особенность, которой мы не находимъ въ святилищахъ другихъ «цццу».

Извѣстенъ также *Мелеръ-ерда*, покровитель плодородія и напитковъ, выдѣлываемыхъ изъ хлѣба. ***) Шегренъ упоминаетъ еще объ идолѣ *Гушмале*. которому посвящено много церквей и который пользуется уваженіемъ многихъ ауловъ плоскостныхъ ингушей и даже сосѣднихъ племенъ. По словамъ Казбыка, хамхинцы на горѣ Маги въ ноябрѣ мѣсяцѣ молятся и приносятъ жертвы *Маги-ердъ*, громадный «эльгыцъ» котораго построенъ по указанію ясновидцевъ. Онъ-же сообщилъ мнѣ о существованіи у ингушей бога войны, называемаго *Молдзыерда*, что означаетъ—проворный духъ. Онъ, подобно Аресу, шелъ на войну впереди ингушей и несъ имъ побѣду. Его никакъ нельзя было уязвить, потому что онъ подобенъ тараму (духу); покровительствуемые имъ люди также были неуязвимы. Его почитали ингуши всѣхъ обществъ и горные чеченцы. Ему молились, приносили жертвы и просили помощи на войнѣ. Принять прися-

---

*) Кавказъ 1846 г. № 27—30.

**) Матеріалы и пр., I, стр. 3,

***) Сб. св. о Тер обл., I, стр. 254.

гу на его имя никто не рѣшался, иначе и правая и виновная сторона, говорятъ, останутся безъ дѣтей.

Казбыкъ сообщилъ свѣдѣнія и о другомъ «ццу», неизвѣстномъ до сихъ поръ въ печати. Въ древнѣйшемъ изъ селеній Мецхальскаго общества, Арзи, по преданію жили двѣ фамиліи ингушей. Вслѣдствіе ряда неурожаевъ одна фамилія *) рѣшила переселиться къ христіанамъ Бацой (?) за Галгаемъ. Когда эта фамилія начала подыматься въ горы, у одной дѣвушки закружилась голова и она воскликнула: «Дялой, ва Дялой!» (Боже, о Боже!) Вдругъ все покрылось непроницаемымъ туманомъ, а когда онъ разсѣялся, на голой до того времени песчаной почвѣ зеленѣла сочная трава. Послѣ этого чуда половина фамиліи вернулась обратно и поселилась въ Арзи. Въ настоящее время изъ этой фамиліи остались всего три дома Ораковыхъ, прочіе вымерли. Эта-то именно фамилія въ ознаменованіе чуда выстроила часовню *Боламъ-дяла* (богъ Боламъ). Ежегодно во время покоса устраивается въ честь Боламъ-дяла празднество и жертвоприношеніе. Кругомъ святилища располагаются мужчины и отдѣльно отъ нихъ женщины съ дѣвушками При святилищѣ находится жрецъ *цайнъ-сагъ* (человѣкъ святилища, осетинское «дзуаръ-лагъ»), обязанности котораго исполняетъ одинъ изъ фамиліи Ораковыхъ, основателей святилища. Онъ выбираетъ шесть женщинъ и трехъ дѣвушекъ, а остальныхъ отгоняетъ палкой, чтобы не мѣшали совершать молитвы. Избранныя дѣвушки и женщины въ теченіе трехъ дней держатъ строгій постъ, даже не пьютъ воды. Празднество продолжается три дня и три ночи Во время молитвы жрецъ держитъ въ рукахъ деревянный молотъ и доску; около него справа стоитъ старшая изъ трехъ дѣвушекъ, а другія двѣ, помоложе, стоятъ, слѣва; всѣ шесть женщинъ становятся въ рядъ позади двухъ дѣвушекъ, стоящихъ слѣва. Цаинъ-сагъ ударяетъ деревяннымъ молотомъ о доску, дѣвушка справа выходитъ впередъ и дѣлаетъ три круга на мѣстѣ; всѣ женщины и старшая дѣвушка, исключая двухъ младшихъ, въ это время нараспѣвъ кричатъ: «Далай! Гелой»! Жрецъ проситъ Боламъ-дяла о ниспосланіи благодати. Такъ повторяется нѣсколько разъ, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго отдыха, начинаются танцы, рѣжутъ барановъ, причемъ старшей дѣвушкѣ и жрецу дарятъ пшеничные колокольчики и цѣльныя

*) Другая фамилія переселилась въ горную Осетію.

ляжки барановъ. Всякій желающій, чтобы за него помолился жрецъ, подходитъ къ нему съ чашей пива; жрецъ беретъ чашу и молится за просящаго.

Празднества въ честь Боламъ-дяла повторялись затѣмъ нѣсколько разъ въ новыхъ мѣстахъ: близъ сел. Таршъ, Арзи, Кельбижти(?) и, наконецъ, въ мѣстности Махате, гдѣ, между прочимъ, учавствующія въ молитвѣ жреца три дѣвушки и шесть женщинъ гадаютъ, бросая чевякъ (башмакъ) правой ногой на воздухъ; если чевякъ упадетъ на землю подошвой вверхъ, то это предвѣщало несчастіе, а внизъ, наоборотъ, счастіе. Послѣ гаданія всѣ поднимаются на гору, гдѣ у родника выстроенъ «эльгыцъ» безъ крыши. На этой горѣ, говоритъ Казбыкъ, находится «нѣсколько тысячъ» подземныхъ могильниковъ съ входными отверстіями. Въ каждомъ изъ нихъ виднѣется много череповъ. Это мѣсто считается святымъ, и даже въ непогоду оно «бываетъ освѣщено солнцемъ»; кто туда попадетъ по смерти, тотъ будетъ счастливъ на томъ свѣтѣ.

Изъ прочихъ ингушскихъ боговъ-патроновъ я уже упоминалъ о *Мяцхали*; празднество въ честь этого «ццу» бываетъ во время покосовъ въ мѣсяцъ того-же наименованія, спустя три недѣли послѣ празднества Мятцели, котораго не нужно смѣшивать съ первымъ. Празднество происходитъ въ воскресенье около «эльгыца», находящагося между селеніями Мецхалъ и Гаркой на горѣ. Имя этого «ццу» вошло въ языкъ какъ названіе мѣсяца. Кромѣ того, по разсказамъ стариковъ, около селенія Хули*) находится церковь «Зодцохъ-ерда», выстроенная лѣтъ четыреста тому назадъ предкомъ нынѣшней осетинской фамиліи Дударовыхъ, впослѣдствіи выселившагося въ Осетію.

Перехожу теперь къ самому замѣчательному памятнику старины— *Тхаба-ерда* (*тха*—двадцать, *ба*—сто, и *ерда*—духъ, святой) Всѣ писавшіе объ этомъ храмѣ слово Тхаба-ерда переводятъ такъ: «двѣ тысячи святыхъ»**). Когда я сообщилъ объ этомъ старику Казбыку, то онъ улыбнулся и сказалъ, что это невѣрно, а что нужно переводить такъ: «Святой двухъ тысячъ», жившихъ вокругъ церкви, составлявшихъ одинъ приходъ. Это святилище пользуется огромнымъ почетомъ у чеченцевъ. По свидѣтельству писателей, горецъ,

*) Подъ названіемъ Хули существуетъ два селенія: Верхнее Хули и Нижнее Хули. *Ред.*

**) См. гл. I настоящаго очерка.

завидѣвъ издали храмъ, падалъ ницъ и не осмѣливался войти въ него; близъ него мѣстные жители оставляли безъ всякаго присмотра хлѣбъ, сѣно и проч., будучи увѣрены, что никто не осмѣлится похитить предметы, находящіеся подъ покровительствомъ святилища.

По словамъ Миллера, къ церкви собирались жители окружающихъ ауловъ одинъ разъ въ годъ на красную горку Они варили пиво, рѣзали скотъ и просили у «ерда» урожая, держа шапки подъ мышками. Въ настоящее время молодое поколѣніе смотритъ на прежніе обряды, какъ на идолопоклонство, и древняя церковь постепенно разрушается Но раньше Тхаба-ерда играло въ жизни ингушей весьма важную роль. Тамъ они просили покровительства боговъ, нерѣдко оно служило мѣстомъ суда божьяго, его именемъ клялись. Туда-же сходились жители сосѣднихъ обществъ для рѣшенія дѣлъ самыхъ серьезныхъ, общественныхъ, имѣющихъ внутренній или внѣшній интересъ для цѣлаго народа. Вотъ что разсказывали мнѣ старики объ одномъ изъ такихъ собраній. «Давно еще у Тхаба-ерда собрались ингуши всѣхъ горныхъ обществъ и, желая прекратить вражду и безпорядки, рѣшили избрать себѣ князя. Выборъ палъ на Дзига Газдаева, жителя селенія Кекели(?), Хамхинскаго общества. Но онъ долго не являлся на собраніе. Его всѣ ждали, такъ какъ онъ былъ человѣкъ высоко одаренный, почти святой. Наконецъ, онъ является въ лучшемъ одѣяніи, но подпоясанный не серебрянымъ поясомъ, а веревкой изъ ослиной шерсти (по другому варіанту, ремнемъ изъ ослиной кожи съ болтающимися на немъ ослиными ушами). Ему объявили, что весь народъ избралъ его своимъ княземъ. —«Хорошо, я, пожалуй, согласенъ. Дѣло хорошее; для борьбы съ врагами будетъ хорошо соединиться вамъ подъ одною властью». Послѣ этихъ словъ жители, обративъ вниманіе на его поясъ, спросили, зачѣмъ онъ носитъ такой безобразный поясъ.—«Развѣ онъ не идетъ мнѣ»? спросилъ онъ.—«Нѣтъ, онъ не подходитъ къ твоей одеждѣ и къ тебѣ самому», отвѣтили жители.— «Такъ знайте-же, что какъ не идетъ мнѣ этотъ поясъ, такъ не подойдетъ для васъ, народъ ингушскій, какой-бы то ни было глава или старшій. Мы всѣ равны и свободны и едва-ли ваше рѣшеніе примѣнимо къ намъ». Ингуши подумали и, рѣшивъ, что Дзига правъ, разошлись по домамъ.

Въ Акинскомъ обществѣ горной Чечни до сихъ поръ извѣст-

но лишь одно мѣсто поклоненія жителей этого общества. Это—святилище возлѣ селенія Галанчоджъ, посвященное богу *Мизръ.* По преданію, оно построено лѣтъ 400—500 тому назадъ. Ипполитовъ говоритъ, что это зданіе служило церковью и даже монастыремъ для чеченцевъ, ингушей, тушинъ и т. д. Но проф. Миллеръ, посѣтившій его въ 1886 г., высказываетъ сомнѣніе насчетъ пригодности его для этой цѣли и считаетъ обыкновеннымъ языческимъ святилищемъ, куда ингуши ходили прежде молиться и совершать жертвоприношенія стоявшему тамъ идолу. На слѣды культуры, бывшей на этомъ мѣстѣ, указываетъ искусственно разведенная роща у озера. Эта роща и теперь еще считается неприкосновенной и никто не смѣетъ рубить ее.

Профессоръ Миллеръ упоминаетъ еще о каменномъ зданіи *Тушоли,* находящемся въ мѣстности Махде, Мецхальскаго общества Самымъ священнымъ мѣстомъ считается уголъ на восточной сторонѣ; сюда кладутъ пули, ставятъ восковыя свѣчи, сосуды съ пивомъ и т. п. Каждое общество, прибавляетъ Миллеръ, повидимому, имѣло свой особый Тушоли. Конечно, тутъ разумѣются зданія, а богъ Тушоли, которому они посвящены, былъ одинъ. Послѣ поклоненія Тушоли мѣстные жители ходили на гору *Дэли-те* (Дэли—Богъ, те—верхъ), на которой было нѣсколько священныхъ мѣстъ, а самое священное наверху съ желѣзными крестами. Но что такое *Тушоли,* ни проф. Миллеръ, ни другіе писатели не выяснили. Какъ я узналъ отъ стариковъ, Тушоли—это святой или божество, признаваемое всѣми чеченцами безъ исключенія; это одинъ изъ главныхъ «ццу», имя котораго упоминается и въ клятвахъ и во всѣхъ молитвахъ, хотя-бы чеченцы молились у другаго святилища. По его имени называется даже мѣсяцъ *Тушоли-бутъ* (апрѣль). Въ послѣднее воскресенье этого мѣсяца, называемое *Тушоли-кириде,* ежегодно совершается въ описанномъ святилищѣ особое религіозное празднество. Тушоли особенно почитается женщинами. Онѣ называютъ его «*Дэла-ехъ-Тушолъ*», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «Божье лицо Тушолъ». Горные ингуши восточной половины (хамхинцы, цоринцы и акинцы) имѣли одно общее мѣсто для поклоненія Тушоли возлѣ селенія Картъ, Хамхинскаго общества; а жители западныхъ обществъ (Мецхальскаго и Джераховскаго), а также и плоскостные ингуши сходились къ святилищу между селеніями Обинъ и Ляшги Мецхаль-

скаго общества. Казбыкъ говоритъ, что въ святилищѣ Мецхальскаго общества прежде находилось нѣсколько шестовъ съ колокольчиками, посвященныхъ «ццу», а также голубь. У этого «ццу» женщины вымаливали сыновей. Самымъ большимь почетомъ Тушоли пользовался у хамхинцевъ. Для него выстроенъ отличный эльгыцъ, при которомъ имѣется постоянный жрецъ. Приходящіе на поклоненіе жертвуютъ деньги, которыя идутъ на поправленіе дороги къ Тушоли и на угощеніе пришлыхъ гостей, считающихся на попеченіи у жреца. Въ «эльгыцѣ», говорятъ, иногда показывается свѣтъ, который посылаетъ «ццу»; тамъ-же находится отлитый изъ серебра *идолъ* женскаго пола съ опущенными руками, въ стоячемъ положеніи, величиною съ новорожденнаго ребенка; это—изображеніе Тушоли. Подъ глазами у идола слезы. Народъ говоритъ, что ее изнасиловалъ *Хагыръ-ерда* (Скала-ерда), вслѣдствіе чего она заплакала. На поклоненіе идолу ходили больше всего женщины и дѣти; онѣ рѣзали жертвенныхъ животныхъ, готовили пиво, араку, лепешки. Жрецъ получалъ по двѣ печенки отъ барановъ, сердце, треть хлѣба и по одному ковшу араки. Женщины называли святого «золотымъ ццу» и говорили: «Худое мы будемъ откармливать для себя, а откормивши будемъ рѣзать тебѣ (въ жертву). Божье лицо, Тушолъ, дай намъ благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся къ тебѣ; дай намъ благополучіе, чтобы мы могли постоянно приходить къ тебѣ. Сдѣлай такъ, чтобы неродившія родили дѣтей, а родившихся оставь въ живыхъ. Пошли намъ обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лѣкарственное».

Такимъ образомъ, Тушоли является преимущественно богомъ дѣторожденія или всякаго приплода вообще. Въ лицѣ этого бога, у котораго имѣется изображеніе въ видѣ идола, мы встрѣчаемся у ингушей съ высшей формой языческаго божества, такъ какъ идолы, настоящіе идолы, а не фетиши, появляются у разныхъ народовъ лишь на высшей ступени развитія народной миѳологіи*). Здѣсь мы имѣемъ антропоморфизацію божества, проявившуюся сверхъ того въ искусствѣ. Подобные идолы мужского и женскаго пола, но несравненно меньшихъ размѣровъ, были найдены и въ Аргунскомъ округѣ.**)

*) Пешель, Леббокъ, Тайлоръ и др.

**) Сб. св. о кавк. горц., I. Ипполитовъ.

О происхожденіи Тушоли трудно сказать что-либо опредѣленное; но несомнѣнно, что вліяніе христіанства, донельзя искаженное язычниками, до извѣстной степени сказалось и въ обрядахъ, и въ самомъ наименованіи божества «божьимъ ликомъ». Во всякомъ случаѣ, это крайне любопытное божество Позже ингуши утратили представленіе о первоначальномъ значеніи Тушоли, и въ Мецхальскомъ обществѣ, повидимому, не могли сообщить о немъ проф. Миллеру никакихъ свѣдѣній; ему поклоняются теперь безъ разбору и мужчины и женщины.

Намъ остается познакомиться еще съ божествами *Амгали-ерда*, *Тамыжъ-ерда* и *Мятцели*.

По вѣрованію ингушей, они были родными братьями. Амгали-ерда, какъ самый младшій братъ, пользуется меньшею извѣстностью и теперь празднества въ честь его оставлены, но прежде совершались на горѣ Арцхой, Мецхальскаго общества, черезъ двѣ недѣли послѣ празднества Мятцели. Профессоръ Миллеръ видѣлъ на этой горѣ развалины часовни Амгали. Старики говорятъ, что религіозные обряды въ честь Амгали мало отличались отъ обрядовъ въ честь Мятцели, о которыхъ подробно говорится ниже.

Второму брату Тамыжу-ерда ингуши поклоняются вплоть до настоящаго времени. Г. Головинскій и другіе авторы слово Тамыжъ-ерда *) переводятъ христіанскимъ именемъ св. Тимофея. Но это совершенно произвольное толкованіе, неизвѣстное самимъ ингушамъ Казбыкъ говоритъ, что *тамыжъ* значитъ *крылатый*, а Тамыжъ-ерда—«Крылатый Духъ». Какъ передаетъ г. Ахріевъ, **) онъ жилъ сначала на горѣ Арцхой вмѣстѣ съ братомъ своимъ Амгали-ерда, но впослѣдствіи избралъ своимъ мѣстопребываніемъ «Красную гору», по-ингушски Будуръ-ламъ, у аула Хули, Хамхинскаго общества По преданію, поклоненіе Тамыжъ-ердѣ возникло слѣдующимъ образомъ. Житель аула Хули, нѣкто Борцъ, пасъ однажды стадо барановъ у подошвы Красныхъ горъ. На закатѣ солнца къ нему вдругъ подходитъ козелъ съ длинными рогами и повелительно говоритъ: «Иди за мной!» Борцъ отвѣтилъ: «Какъ я могу слѣдовать за тобою, когда мнѣ некому поручить свое стадо»?—«Не бойся, стадо твое будетъ цѣло,» говоритъ козелъ. Борцъ послѣдовалъ за нимъ. Когда они поднялись до средины Красныхъ горъ, козелъ говоритъ Борцу: «На этомъ

*) У Головинскаго неправильно названъ—«Тимичъ-Эрда».
**) Сб. св о Кавк. горц., V. Ахріевъ, I стр. 12 и др.

мѣстѣ вы, хулохойцы, когда будете ходить ко мнѣ на поклоненіе, должны ужинать, а послѣ ужина до утра соблюдать постъ». Не доходя до вершины горы, козелъ опять говоритъ: «Здѣсь вы, возвращаясь изъ моей пещеры, должны остановиться и проговорить на-распѣвъ: «Аръ дацъ, беръ дацъ» (не буду говорить, не буду дѣлать). На вершинѣ горы, у самой пещеры, козелъ сказалъ: «Вотъ здѣсь будетъ мое мѣстопребываніе Сюда вы должны приходить поклоняться мнѣ и уходить отсюда до восхода солнца. Ели лучи его застанутъ васъ въ этой пещерѣ, вы всѣ попадаете безъ памяти на землю.» Послѣ этихъ словъ козелъ превратился въ эфиръ, объявивъ пастуху, что онъ—не козелъ, а Тамыжъ-ерда. Съ тѣхъ поръ жители стали ходить на Красную гору на поклоненіе этому «ерда».

Въ этомъ разсказѣ впервые ясно проявляется идея откровенія, какъ основа почитанія божества: божество само является къ пастуху и предписываетъ обрядъ поклоненія. Остается невыясненнымъ, для какой цѣли «ерда» требуетъ поклоненія себѣ; ни единымъ словомъ онъ не упомянулъ о существенной части поклоненія—жертвоприношеніяхъ. По преданію нельзя также составить яснаго представленія о религіозномъ культѣ этого божества, но ингуши считаютъ его «высокимъ святымъ», который нѣкогда явится къ нимъ и объявитъ судьбу цѣлаго народа; они представляютъ его въ видѣ человѣка маленькаго роста, сидящаго на маленькомъ конѣ, величиною съ козленка. Когда онъ прогнѣвается на кого-нибудь, ростъ его увеличивается въ пятнадцать разъ, а лошадь становится выше башни (около 10—15 саж.) Въ честь этого «чудеснаго и великаго ерда» ежегодно, во время покосовъ, день спустя послѣ празднества Амгали-ерда, *) совершается мѣстными жителями оригинальное торжество, обрядовая сторона котораго проходитъ въ порядкѣ, указанномъ въ приведенномъ преданіи о явленіи козла, причемъ обязанности жреца несетъ кто-либо изъ фамиліи Борца. На полпути до вершины Красной горы стоитъ каменное сооруженіе съ тремя желѣзными крестами внутри. Когда въ день празднества молящіеся достигаютъ этого сооруженія, помощники жреца (кто—либо изъ его родственниковъ) выносятъ кресты и показываютъ ихъ народу; если они вынесутъ всѣ три креста, то это предвѣщаетъ годъ урожайный, два—посредствен-

*) По Головинскому, между 10—14 іюня.

ный, а одинъ—плохой. По завѣту «божественнаго козла», здѣсь молящіеся останавливаются для ужина, а затѣмъ отправляются на вершину горы, причемъ шествіе совершается торжественно, въ благоговѣйномъ молчаніи. Впереди идетъ жрецъ, за нимъ дѣвушка, а затѣмъ мужчины чередуются съ женщинами; всѣ держатся другъ за друга, образуя непрерывную цѣпь. На пути съ кѣмъ нибудь изъ паломниковъ, чаще всего съ женщинами, обыкновенно случается припадокъ, во время котораго больной прорицаетъ волю Тамыжа-ерда. Чѣмъ больше припадочныхъ, тѣмъ, говоритъ народъ, «ерда» милостивѣе. Въ пещерѣ на вершинѣ горы находится каменное ложе божества съ каменнымъ изголовьемъ и такимъ-же жертвенникомъ Кромѣ обычныхъ слѣдовъ жертвоприношеній, въ пещерѣ хранится стаканъ, «вѣчно наполненный жидкостью»: если жидкость убываетъ, это обѣщаетъ плохой урожай, а если прибываетъ,—наоборотъ. Тамъ-же находится крючекъ, на которомъ, по словамъ Ганыжа, «сидитъ духъ» и наблюдаетъ восходъ солнца. Войдя въ пещеру, потомки Борца разводятъ огонь и, осмоливъ баранью голову, начинаютъ пѣть молитвы голосами, напоминающими вой звѣря. Народъ танцуетъ и веселится, но воздерживается отъ пищи. Утромъ совершаются жертвоприношенія, третья часть которыхъ поступаетъ въ пользу жрецовъ. По выходѣ изъ пещеры, потомки Борца поютъ религіозныя пѣсни, а затѣмъ съ криками: «аръ дацъ, беръ дацъ» бросаютъ въ народъ комками моха и разбѣгаются.

Послѣднимъ изъ высшихъ боговъ у чеченцевъ, обоготвореннымъ предкомъ, является старшій изъ трехъ братьевъ—*Мятцели*. Грабовскій, Шегренъ, Дубровинъ, Головинскій и др. говорятъ, что Мятцели значитъ Божья Матерь; Берже думаетъ, что это св. Марина. Но какъ самыя имена, такъ и переводы ихъ у всѣхъ этихъ авторовъ ошибочны. Убѣдившись, что ингуши прежде были христіанами, каждый изъ названныхъ авторовъ невольно тяготѣлъ къ аналогіи съ христіанскими святыми, не сообразуясь съ тѣмъ, какъ смотритъ на дѣло самъ чеченскій народъ. Столовую гору, на которой происходятъ празднества въ честь Мятцели, осетины называютъ Матъ-хохъ (Мать-гора), но на языкѣ ингушей она носитъ названіе *Мятты*. Святой Мятцели носитъ имя этой горы, но нельзя съ увѣренностью сказать, названа-ли гора по его имени, или самъ онъ получилъ названіе горы Ни Ч. Ахріевъ, ни г. Базоркинъ, оба природные чеченцы, не рѣша-

ются переводить слово Мятцели на русскій языкъ. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, я скажу только, что съ образомъ почтеннаго старца съ сѣдой бородой, какимъ себѣ представляютъ ингуши Мятцели, совсѣмъ не вяжется имя Божіей Матери. Можно лишь допустить, что это имя искажено самими ингушами впослѣдствіи; забвеніе именъ христіанскихъ святыхъ и переходъ ихъ въ языческія божества—явленіе обыкновенное у многихъ нецивилизованныхъ народовъ міра; такое явленіе наблюдается и у осетинъ, сосѣдей чеченцевъ, и у черкесовъ, абхазцевъ и др.

Мятцели считается старшимъ не только изъ всѣхъ братьевъ, но онъ стоитъ рядомъ съ высшими «ццу» вообще, каковы Тушоли, Молдзы-ерда и др. Ему посвященъ особый воскресный день «Мятцели-кириде», въ мѣсяцъ *Мятцели-бутъ*; это, какъ намъ уже извѣстно,—конецъ іюня или начало іюля. И самое праздество, и день, и мѣстопребываніе Мятцели—все носитъ названіе Мятцели. О возникновеніи культа этому «ццу» неизвѣстно ничего; за то самый культъ можетъ быть представленъ здѣсь полнѣе, чѣмъ культъ другихъ «ццу». Праздество въ честь Мятцели соблюдается ингушами до настоящаго времени и мнѣ удалось побывать въ 1891 году на Матъ-хохѣ въ день этого праздества. Я буду излагать весь обрядъ поклоненія Мятцели по порядку, какъ онъ происходитъ у ингушей, чтобы, такимъ образомъ, можно было видѣть не только религіозную мысль, но и формы, въ которыя она вылилась; это тѣмъ важнѣе, что за изложеніемъ сохранится достоинство первичнаго матеріала, могущаго послужить основаніемъ для какихъ угодно научныхъ обобщеній.

Наканунѣ дня Мятцели, въ субботу, всѣ приготовляютъ для жертвоприношенія жертвенныя яства (*джару* или *тегумъ*): круглыя и треугольныя лепешки (*боджлъ*), нѣсколько чашекъ каши (*дяттахъ*), 20 штукъ галушекъ (*мойчажъ*) пиво, бузу и араку,—все это въ изобиліи. Обязанность заготовленія лежитъ на хозяйкѣ дома, и все мучное дѣлается непремѣнно изъ чистой пшеничной муки. Въ субботу утромъ изъ всѣхъ ауловъ Мецхальскаго, Джераховскаго и другихъ обществъ жители собираются и выступаютъ въ путь на Мятцели. При выходѣ изъ дома женщины и дѣвушки поютъ священную пѣсню (*гелой*), а мужчины стрѣляютъ изъ пистолетовъ. За ауломъ пѣніе прекращается, дѣвушки присоединяются къ парнямъ, подгоняющимъ ословъ, навьюченныхъ корзинами съ провизіей

и напитками, а также жертвенныхъ животныхъ, состоящихъ непремѣнно изъ одного трехлѣтняго бычка съ бѣлой матеріей на рогахъ*) и нѣсколькихъ барановъ. Чѣмъ больше барановъ приведено на гору, тѣмъ больше шансовъ расчитывать на милость Мятцели. Въ 1873 году г. Базоркинъ насчиталъ 80 барановъ, раньше ихъ бывало въ нѣсколько разъ больше, но при мнѣ было зарѣзано не болѣе 20—30 барановъ. Это хорошій признакъ для опредѣленія постепеннаго упадка народной религіи. На мой вопросъ, что означаютъ жертвы, Ганыжъ отвѣчалъ: «Никто не знаетъ, доходитъ-ли жертва до Мятцели, или нѣтъ и какая ему отъ этого выгода». Всѣ собираются на склонѣ г. Матъ-хохъ, гдѣ начинается крутой подъемъ гдѣ и находится часовня, посвященная также Мятцели и называемая «Маленькимъ Мятцели». Въ ней хранится длинный деревянный шестъ, на концѣ котораго прикрѣплены мѣдные колокольчики съ мѣдными шариками внутри и флагъ изъ бѣлой матеріи. Этотъ шестъ считается святыней; въ день праздника жрецъ торжественно выноситъ его и ставитъ наклонно къ часовнѣ.**). Собравшіеся устраиваютъ религіозный танецъ, а семейства, у которыхъ случилось какое нибудь счастливое событіе (рожденіе мальчика, выздоровленіе безнадежно больного и т. п.), закалываютъ въ знакъ благодарности жертвенныхъ животныхъ (барана). Закусивши и совершивши молитву, всѣ собираются въ дальнѣйшій путь. Въ субботу обыкновенно собираются жители дальнихъ ауловъ, такъ какъ иначе они не успѣютъ подняться на гору къ утру въ день праздника (воскресеніе), жители же ближайшихъ ауловъ выходятъ въ воскресенье.

*) Этого бычка приводитъ ежегодно какой-нибудь почетный состоятельный ингушъ, по повелѣнію жреца или ясновидцевъ, которымъ во снѣ святой открылъ свою волю.

**) Въ прежнее время этотъ шестъ игралъ важную роль при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ и въ гражданскихъ спорахъ. Напр., при поземельныхъ спорахъ, достаточно было обнести его по границѣ владѣнія, чтобы доказать свое право. Предполагается, что никто не осмѣлится злоупотребить этимъ правомъ и посягнуть на чужую собственность, изъ боязни неминуемой кары святого; это оригинальный видъ присяги у ингушей. Во время засухи также выносили шестъ изъ часовни и носили по всему аулу. Въ этомъ случаѣ шестъ является въ роли фетиша, т. е. предмета волшебства; чрезъ его посредство считается возможнымъ воздѣйствовать и на самое божество.

Въ субботу все таки идетъ главное шествіе и самъ жрецъ Мятцели, одѣтый въ бѣлую одежду (знакъ чистоты). Взявъ описанный шестъ, онъ кладетъ его на плечо и идетъ во главѣ процессіи. Если по пути жрецъ, споткнувшись или какъ либо иначе, коснется шестомъ земли, то за такую неосторожность обязанъ искупить свою вину жертвою трехъ барановъ; если-же какъ нибудь онъ потеряетъ колокольчикъ, то жертвуетъ трехлѣтняго бычка. Если у кого либо изъ участниковъ процессіи упадетъ отъ изнеможенія предназначенный въ жертву баранъ, это считается признакомъ гнѣва Мятцели на владѣльца барана и серьезно пугаетъ его. Во время шествія всѣ старики и старухи имѣютъ сосредоточенный видъ, но молодежь веселится и во время остановокъ для отдыха устраиваетъ танцы. Женщины въ этотъ день въ особенномъ почетѣ, и никто не осмѣлится обидѣть ихъ, иначе Мятцели въ наказаніе непремѣнно свалитъ оскорбителя въ пропасть, хотя, по свойственной ему добротѣ, самъ-же его спасетъ, причинивъ только незначительные ушибы. Мятцели вообще считается защитникомъ слабыхъ, не терпитъ несправедливости. Иногда онъ является людямъ въ образѣ почтеннаго старца, уличаетъ воровъ, злодѣевъ. Въ день Мятцели, по вѣрованіямъ ингушей, не долженъ идти дождь; но въ 1891 г. весь день стоялъ туманъ и шелъ дождь. Поднявшись до скалистой вершины горы, путники располагаются на ночлегъ въ пещерахъ; жрецъ старается не заснуть, но если отъ усталости засыпаетъ, то видитъ вѣщіе сны. Въ воскресенье утромъ молящіеся идутъ на самую вершину горы. Къ этому времени къ нимъ присоединяются паломники изъ ближайшихъ селеній. На вершинѣ горы Мятти, на высотѣ 9200 футовъ надъ уровнемъ моря, подъ самыми облаками, находятся три «эльгыца», ничѣмъ не отличающіяся по формѣ и постройкѣ отъ обыкновенныхъ, описанныхъ выше «эльгыцовъ». Это одноэтажныя каменныя постройки, шаговъ 10 длины и 5 ширины, съ двухскатной крышей изъ каменныхъ плитъ, съ дверьми, обращенными на востокъ. Никто не смѣетъ входить въ «эльгыцъ» безъ разрѣшенія жреца; вошедшіе жертвуютъ святому деньги или серебряныя и золотыя вещи, которыя тамъ и хранятся въ мѣстѣ, составляющемъ тайну жреца. Главный «эльгыцъ» Мятцели находится на южной сторонѣ площадки горы; другой, посвященный богу *Мяттыръ-дяла* и называемый *Далтгеръ-эльгыцъ*, находится на восточной сторонѣ горы,

а на сѣверной стоитъ часовня бога *Сусолъ-дяла*, называемая *Сусолъ-те* (мѣсто Сусола). Начиная съ Мятцели, богомольцы по порядку совершаютъ молитвы у всѣхъ этихъ «эльгыцовъ». Самымъ главнымъ богомъ считается Мятцели. Около его часовни каждый аулъ имѣетъ свое особое мѣсто,—всѣхъ 14 мѣстъ. При мнѣ было занято всего 5 мѣстъ, (человѣкъ 50—60). Семьи, желающія принести въ жертву животныхъ, сами этого не могутъ сдѣлать,—молитва ихъ не доходитъ до Мятцели; они непремѣнно должны обратиться къ жрецу, который все остальное время возится въ «эльгыцѣ», поставивши у входа въ него шестъ съ развѣвающимся флагомъ. Онъ выходитъ изъ святилища, снимаетъ шапку и съ чашей пива или араки въ правой рукѣ, обратившись лицомъ къ востоку (теперь, подъ вліяніемъ мусульманства, на юго-востокъ, къ Меккѣ) начинаетъ читать молитву *). Хозя-

*) Какъ самыя слова, такъ и прошенія молитвы не постоянны; въ большинствѣ случаевъ она является импровизаціей жрецовъ и мѣняется, смотря по характеру и настроенію импровизатора. Привожу дословный переводъ молитвы, какъ излагалъ мнѣ ее жрецъ Ганыжъ:

«О, всемогущій Боже, хорошаго дай намъ! Произносящихъ слово «Богъ», Твое имя, Боже, Тебя поминающихъ, Богомъ любимыхъ, людьми уважаемыхъ плоскостныхъ князей и горныхъ хановъ, когда они къ Тебѣ обратились съ мольбою, какъ Ты наградилъ ихъ, такъ награди и насъ. Гостя къ намъ благополучно проведи, хозяину дай счастливо пожить, гостю и хозяину огонь дай чистый разводить. Дай Богъ, чтобы (у человѣка, который приносилъ жертву) было блюдо и чтобы блюдо было (всегда) полно. И впослѣдствіи дай имъ, хозяину и гостю, наслѣдниковъ, которые будутъ имѣть чистый огонь и полное блюдо. Что въ домъ входитъ, а на село садится,—бѣда или несчастіе, или будь-то злой духъ, пуля божія ударь въ него, головешкойСели (молніей) ударь, своей шашкой и своимъ ружьемъ Ты истреби и удали отъ насъ. Неблагодарному гостю, который изъ пищи (нашей) сдѣлаетъ ядъ, а изъ напитка сдѣлаетъ горечь намъ, злому безъ счастія гостю дай Богъ не войти и не выйти изъ нашего дома. Мы, Боже, Твои рабы, Твоей коровы мы телята, Твоихъ овецъ мы ягнята. Слишкомъ нападая, не пугай насъ, далеко уходя, не покидай насъ. Содержи насъ такъ, какъ мать содержитъ обожаемое дитя; какъ отецъ любимаго сына ласкаетъ, такъ приласкай Ты насъ. Что у насъ вышло на прямомъ пути, то поставь на путь истинный (хорошее укрѣпи), а что у насъ стоитъ на пути истинномъ, дай стоять долго, о Боже нашъ! Отъ всего, что мы будемъ держать—скотины, баранты, дай намъ приплодъ; а что мы посѣемъ, дай намъ урожай и дай намъ побольше потоптать это мѣсто (пожить здѣсь). Кто пойдетъ на дорогу, дай то-

ева держатъ на готовѣ жертвенныхъ животныхъ, повернувъ ихъ головами также на востокъ. Жрецъ приглашаетъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ молодежи съ хорошими голосами и разставляетъ ихъ по три или попарно на востокъ, западъ, югъ и юго-востокъ. Жрецъ читаетъ молитву быстро, съ остановками и удареніями на нѣкоторыхъ мѣстахъ, а во время ея молодые люди, обращенные на востокъ, на-распѣвъ выкрикиваютъ: «я-отча-ой», обращенные на югъ подхватываютъ этотъ припѣвъ, а первые, окончивъ его, снова начинаютъ и такъ далѣе, пока жрецъ окончитъ молитву. Женщины, оставаясь на своихъ мѣстахъ, также поютъ короткую молитву слѣдующаго содержанія: «Колючимъ градъ не дѣлай намъ, жгучаго мороза не посылай намъ, о тяжелый (могущественный, уважаемый) Боже». Пѣніе сопровождается припѣвомъ: «гай, гелай, гелай, гелай, гай-гелай». Окончивъ молитву, жрецъ выпиваетъ чашу, или передаетъ ее другому, а хозяева рѣжутъ барановъ. Жертвоприношеніе носитъ торжес-

---

му благополучнаго пути; а кто останется дома, сдѣлай мѣсто его маслянымъ (зажиточнымъ). Что даешь Ты такому счастливому человѣку, который, произнося Твое имя, молится Тебѣ, держа въ одной рукѣ пьяный бокалъ, а другою—за шею барана и *умѣю* проситъ Тебя, то дай и намъ. Какъ даешь Ты счастіе человѣку, выпрашивающему у Тебя, поставивъ впереди (себя) толстаго быка, на рога его обмотавъ бѣлую матерію, такъ дай и намъ. Быковъ и барановъ тысячи держать и рѣзать дай намъ, Боже. Тѣхъ, которые будутъ рѣзать и держать (животныхъ), братьевъ и сыновей, дай намъ густо (много) и чисто (хорошихъ). Сколько умѣемъ, просимъ, сколько желаемъ, (столько) дай намъ. Сказавъ, что не умѣли мы просить, не убавь намъ своей милости, и сказавъ, что прося много, мы надоѣли Тебѣ, не смотри на насъ косо. Какъ хозяинъ желаетъ, дай намъ хлѣба, а какъ хлѣбъ любитъ, дождь и солнце посылай намъ. Прогремѣвъ по небу, дай намъ изъ неба знать (что будетъ дождь), а на землю масляно (обильно) ниспустивъ (дождь) дай намъ благодать. Дай намъ ежегодно проводить это время (день празднества) въ счастьѣ и здоровьѣ. Золотой *Мятцели*, свою благодать дай намъ; сосѣдъ *Байнъ-Сели*, и ты свою благодать дай намъ; божій ликъ *Тушолъ*, и ты свою благодать дай намъ. У всего, что дышетъ на землѣ, плодъ, говорятъ, зависитъ отъ тебя; плодовъ побольше и погуще (обильнѣе) дай намъ. Скорымъ шагомъ иди, умной рѣчью проси, къ Отцу (Богу) иди, у Бога проси, къ братьямъ (ццу) иди, у цпу проси, Божій Ликъ—Тушолъ. Богъ, который говоритъ: «произносящимъ имя Мое и просящимъ у Меня, благодать Я даю, людямъ добро Я даю», и всѣ ццу пусть милостиво примутъ нашу молитву. Милостиво прими и улыбаясь возврати нашу жертву, о всесильный Богъ»!—

твенный характеръ. Всѣ стоятъ вокругъ жреца съ обнаженными головами, благоговѣйно, никто не смѣетъ говорить или смѣяться. Торжественный видъ жреца, его краснорѣчіе и вдохновеніе, восходящее солнце, мѣсто молитвы подъ открытымъ небомъ, подъ самыми облаками, множество народа, ожидающаго благъ или несчастія отъ Мятцели—все это производитъ глубокое впечатлѣніе на молящихся. По окончаніи жертвоприношенія, цайнъ-сагъ приказываетъ вносить «джару» (жертву) въ «эльгыцъ» Мятцели. Каждый членъ семьи входитъ съ корзиной, наполненной провизіей, и съ восковою свѣчей въ рукахъ. Жрецъ принимаетъ свѣчи, зажигаетъ ихъ съ молитвою и ставитъ въ нишу въ стѣнѣ; если свѣча горитъ прямо, то это значитъ, что Мятцели благоволитъ къ поставившему ее и его семейство на цѣлый годъ избавлено отъ несчастій. Если же чья либо свѣча начинаетъ гаснуть, то цайнъ-сагъ проситъ Бога и «ццу», чтобы свѣча горѣла, обѣщая за это двойную жертву на будущій годъ. По сожженіи свѣчей, всѣ выходятъ изъ «эльгыца», причемъ отъ каждой семьи жрецъ получаетъ по двѣ печенки, сердце каждаго барана, кость ноги, по двѣ лепешки, чуреки (хлѣбъ) и третью часть треугольнаго хлѣба (боджлъ). Всѣ обращаются къ Мятцели съ словами: «Золотой Мятцели, дай свою благодать». Этимъ заканчиваются жертвоприношенія у «эльгыца» Мятцели.

Послѣ этого процессія, со жрецомъ во главѣ, переходитъ къ святилищу *Далтіеръ* (или иначе Мяттыръ-дяла), гдѣ происходитъ въ общихъ чертахъ то-же самое что и у святилища Мятцели. Разница заключается лишь въ меньшей торжественности и въ томъ, что здѣсь жрецъ получаетъ отъ молящихся только $^1/_3$ принесеннаго хлѣба и каши (дяттаха). На возвратномъ пути отъ Далтіера процессію встрѣчаютъ оставшіяся у Мятцели дѣвушки, женщины и мальчики. Участники процессіи бросаютъ имъ галушки (мойчажъ); если бездѣтная женщина поймаетъ галушку, то у нея родится сынъ.

Отсюда однѣ женщины, безъ мужчинъ, отправляются къ святилищу *Сусолъ-дяла*. Для него каждое семейство готовитъ особые хлѣбы и особую свѣчу, а также особаго жертвеннаго барашка, называемаго «барашекъ сына». И здѣсь $^1/_3$ часть хлѣба, голову, грудь и два позвонка спинного хребта барана отдаютъ жрецу, но онъ ничего не можетъ оставить себѣ, какъ дѣлалъ въ двухъ предыдущихъ «эльгыцахъ», а долженъ все раздать на-

роду. Женщины поютъ пѣсни и просятъ у Бога и у Сусолъ-дяла дѣтей. По окончаніи жертвоприношенія у Сусолъ-дяла, всѣ собираются къ Мятцели и до самаго вечера пируютъ и танцуютъ. Часовъ въ пять вечера собираются домой; жрецъ ставитъ шестъ Мятцели на свое мѣсто въ «эльгыцъ» Байнъ-Сели, и «день Мятцели» оканчивается.

Въ описанныхъ выше обрядахъ сразу бросаются въ глаза слѣды христіанства: звонъ колокольчиковъ, молитва съ обнаженными головами, восковыя свѣчи и даже нѣкоторыя слова (*«гелай»* напоминаютъ *аллилугя*)—все это несомнѣнные остатки христіанства, получившіе, однако, совершенно новый смыслъ. Бѣлое облаченіе жреца, значекъ изъ бѣлой матеріи, бѣлая матерія на рогахъ быка служатъ признакомъ чистоты, какъ и у многихъ другихъ народовъ. Обращеніе на востокъ во время молитвы, или оріентація, также свойственно многимъ народамъ и объясняется очень просто тѣмъ благоговѣніемъ, которое питаютъ молящіеся къ дневному свѣтилу, благодѣтельному солнцу.

Жрецъ (цайнъ-сагъ) выбирается всѣмъ обществомъ ингушей пожизненно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, эта обязанность переходитъ и по наслѣдству въ предѣлахъ одной и той-же фамиліи, основавшей культъ того или другого бога. Чтобы попасть въ жрецы, кромѣ ума и уваженія со стороны населенія, требуется еще умѣнье толковать сны и гадать, качества, требовавшіяся и отъ римскихъ авгуровъ, и отъ сибирскихъ шамановъ, и отъ индійскихъ жрецовъ. Эти качества дѣлаютъ жреца настоящимъ посредникомъ между Богомъ и людьми.

Въ первый годъ отправленія жреческой обязанности на Мятцели Ганыжъ во снѣ видѣлъ черныхъ людей. Эти люди кинулись къ нему и къ его товарищамъ съ намѣреніемъ подраться, но видя свое безсиліе, бросились бѣжать. Ганыжъ съ товарищами отправились въ погоню. Когда они прибѣжали къ лѣсистому мѣсту «горныхъ ердовъ», находящемуся у подножія горы Мятты, на встрѣчу къ нимъ явился здоровый мужчина въ бѣломъ одѣяніи и промолвилъ: «Я—самъ Мятцели». Въ то-же время появилось несмѣтное число бѣлыхъ людей съ коронами въ правыхъ рукахъ и съ хлѣбными зернами въ лѣвыхъ и стали кружиться. Послѣ этого всѣ черные исчезли съ глазъ. Мятцели обратился къ Ганыжу и сказалъ: «Это (появленіе черныхъ) —оттого, что люди были неблагодарны ко мнѣ и между собою жили плохо, потерявъ

совѣсть; за это въ нынѣшнемъ году будетъ такой урожай, чтобы только людямъ не умереть съ голоду. Побѣда бѣлыхъ означаетъ, что на будущій годъ будетъ хорошій урожай; но въ этомъ году придутъ черные сверчки и будутъ грызть хлѣбъ». Хлѣба на поляхъ въ то время были еще въ цвѣту и очень хорошіе, а потому люди отнеслись къ сновидѣнію Ганыжа съ недовѣріемъ. Но немного времени спустя, явилась такая густая саранча, что уничтожила весь хлѣбъ Другіе сны жреца за восемь лѣтъ его жречества не отличались такою важностью, какъ первый; обыкновенно онъ видѣлъ, что такой-то долженъ принести жертву, что урожаи и покосы будутъ хороши и т. п. «Какъ я предсказывалъ, всегда такъ и случалось», говоритъ Ганыжъ.

Прежде люди, «одаренные даромъ предсказанія», производили гаданія подъ Новый годъ. Они отправлялись на ночь въ ближайшее святилище, ложились животомъ на землю и, приложивъ къ ней ухо, оставались въ такомъ положеніи до утра; утромъ они объявляли волю боговъ, слышанную ими отъ земли. Знахари и знахарки (дзырыкъ), которыхъ было во всей Чечнѣ очень много, пользовались большимъ авторитетомъ, но гаданія жрецовъ считались все таки лучше. Жрецы выработали спеціальный способъ гаданія, который носитъ названіе «*каджъ-бетырыжъ*» (у Ахріева — «*качъ-тохъ*»), или «гаданіе жребіемъ божества» .Оно заключается въ слѣдующемъ. Положимъ, кого либо изъ ингушей постигло какое нибудь несчастіе. Предполагая, что это — наказаніе за грѣхъ, содѣянный противъ какого либо бога, наприм., Сели, ингушъ обращается къ жрецу. Жрецъ беретъ три круглыя маленькія палочки одинаковой величины: одна изъ нихъ бѣлая — жребій какого нибудь уважаемаго «ццу» (напр. Мятцели); другая — черная, жребій безъ имени; третья — жребій Сели, противъ котораго содѣянъ грѣхъ. Всѣ три жребія жрецъ кладетъ въ деревянную ложку и съ благоговѣніемъ начинаетъ ихъ покачивать. Если выпадетъ изъ ложки жребій съ мѣткой, то значитъ, что грѣхъ дѣйствительно совершенъ (если упадетъ какая либо другая палочка, — грѣха нѣтъ) Жрецъ назначаетъ искупительную жертву и проситъ Сели снять съ своего кліента наказаніе. Чтобы убѣдиться, принялъ Сели жертву, или нѣтъ, онъ вторично качаетъ ложку; если на этотъ разъ выпадетъ другой жребій, безъ мѣтки, то, значитъ, жертва принята и богъ умилостивленъ. Но если и во второй разъ выпадетъ жребій Сели, то

это значитъ, что онъ недоволенъ жертвой; жрецъ назначаетъ большую жертву, молитъ его принять и въ третій разъ бросаетъ жребій. Если и на этотъ разъ выпадетъ жребій съ мѣткой, то значитъ, грѣхъ такъ великъ, что богъ не прощаетъ его. Въ такомъ случаѣ чрезъ два—три дня гаданіе повторяется съ болѣе обильными приношеніями.

Всякую мысль о шарлатанствѣ и эксплуатаціи, о чемъ такъ часто говорятъ путешественники, здѣсь приходится оставить. Ганыжъ, самъ жрецъ, разсказывалъ и показывалъ мнѣ способъ гаданія съ такой вѣрой въ него, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ искренности его словъ. Вообще ингуши не доразвились еще до индійскихъ или египетскихъ жреческихъ кастъ, сдѣлавшихъ изъ религіозныхъ обрядовъ предметъ наживы. Напротивъ, ингушскіе цайнъ-саги сохраняютъ всю первобытную чистоту своего призванія и ихъ дѣйствія носятъ характеръ искренности и глубокой вѣры.

Знахарки встрѣчаются во всей Чечнѣ до сихъ поръ. Весьма распространены гаданія посредствомъ измѣренія платка локтемъ, обматыванія ваты около ложки, посредствомъ камней, зеркалъ, кости барана и проч. Способы эти описаны у г. Ипполитова*) и я повторять ихъ не стану. О другихъ распространенныхъ способахъ гаданія также ничего здѣсь не упоминаю, такъ какъ они, не имѣя прямой связи съ народной религіей чеченцевъ, не представляютъ большого интереса въ предѣлахъ поставленной нами задачи. Въ настоящее время наряду съ упадкомъ вѣрованій въ «ццу» ослабѣваетъ и значеніе гаданій. Въ этомъ отношеніи плоскостные ингуши пошли гораздо далѣе горныхъ. Однако послѣдніе сохраняютъ вѣру отцовъ уже, такъ сказать, на всякій случай. Мысль, что «можетъ быть боги существуютъ и могутъ принести пользу, заставляетъ ингушей приносить имъ жертвы и поклоняться имъ; если же ихъ нѣтъ, то бѣда не велика». Такова, по крайней мѣрѣ, логика Ганыжа.

IV.

Боги природы и вселенной.

Ихъ происхожденіе.—Духи природы.—Богиня вьюгъ. Богъ охоты.—Солнце, луна и звѣзды.—Громовержецъ Сели.—Дочь его Сели-Сата.—Богъ времени.—Богъ въ царствѣ мертвыхъ.—Верховный Богъ.—Сказаніе о Богѣ и Елтѣ.—Сотвореніе міра.

Кромѣ боговъ-патроновъ, чеченцы признаютъ еще цѣлый

*) Сб. св. о Кавк., горц. 16—25.

пантеонъ боговъ природы, изъ коихъ каждый управляетъ извѣстнымъ явленіемъ, будучи въ то-же время его олицетвореніемъ.

У всѣхъ народовъ наибольшимъ почетомъ пользуется богъ неба, грома и молніи; культъ солнца и луны менѣе развитъ, а нѣкоторыя явленія природы и вовсе остаются безъ поклоненія. Самый культъ боговъ природы существуетъ почти у всѣхъ народовъ параллельно съ культомъ народныхъ патроновъ. Какой изъ этихъ культовъ возникъ раньше, это вопросъ спорный и различными школами ученыхъ разрѣшается различно. Въ конечномъ своемъ развитіи та и другая категорія сходятся во многихъ функціяхъ, но первоначально онѣ не только различаются между собою, но даже находятся въ антагонизмѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, у чеченцевъ культъ боговъ природы развился весьма слабо и первенствующее мѣсто принадлежитъ культу народныхъ патроновъ. Уже одно это обстоятельство служитъ затрудненіемъ къ описанію культа боговъ природы, потому что онъ позабытъ народомъ раньше культа предковъ. Однако въ чеченской миѳологіи сохранились еще указанія на оботвореніе горъ, озеръ, небесныхъ свѣтилъ и проч.

Отсутствіе морей и большихъ рѣкъ въ землѣ чеченцевъ не могло способствовать возникновенію у нихъ культа богини моря. Но въ горной Чечнѣ, въ Аккинскомъ обществѣ, у сел. *Галанчоджъ*, находится небольшое озеро; и вотъ при этомъ благопріятномъ условіи у чеченцевъ немедленно возникаетъ представленіе о *духѣ озера*, котораго они высоко чтутъ. Поэтическій миѳъ о возникновеніи озера Галанчоджъ и культа духа озера записанъ В. Миллеромъ. Близъ аула Ялхарой, говоритъ преданіе, въ мѣстѣ, называемомъ Амка, было прежде озеро. Однажды мать съ дочерью отправились на берегъ его и по неразумію стали мыть грязныя пеленки въ его хрустальной водѣ. Разгнѣванный духъ озера обратилъ за это обѣихъ женщинъ въ камни, которые и теперь еще виднѣются у Амка. Но и озеро не хотѣло оставаться въ оскверненномъ ложѣ. Оно обратилось въ чуднаго рослаго быка, который перешелъ скалистый кряжъ, оставивъ слѣдъ въ видѣ громадной выемки, и спустился внизъ почти съ отвѣсной высоты. Затѣмъ быкъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь лежитъ озеро и гдѣ прежде были расположены пахатные участки. Мѣстные жители запрягли его въ плугъ. Когда онъ велъ первую борозду,—въ ней выступила грязь; при второй—

стало еще мокрѣе; при третьей—изъ земли выступила вода, при четвертой бороздѣ—вода хлынула стремительно, затопила поле и всѣхъ людей. Быкъ исчезъ въ волнахъ озера. Съ тѣхъ поръ появившееся внезапно озеро внушаетъ суевѣрный страхъ туземцамъ: они считаютъ его бездоннымъ и не пьютъ его воду.

Въ журчащихъ горныхъ ручейкахъ обитаетъ духъ *Хи-нана* (мать воды). Про нее ингуши разсказываютъ, что разъ какъ-то она погналась за нартъ-орштхойцами, когда послѣдніе возвращались съ охоты; но одинъ изъ нихъ въ борьбѣ съ нею успѣлъ ее изнасиловать и она, какъ нечистая, не могла болѣе преслѣдовать ихъ и возвратилась къ себѣ въ воду. Хи-нана сопутствуетъ людямъ и предупреждаетъ ихъ о бѣдствіяхъ. Являясь въ обществѣ, которое должно постигнуть несчастіе, она горько плачетъ и тоскливо поетъ пѣсни, похожія на причитанія надъ умершими. Чеченцы разсказываютъ, что за четыре мѣсяца до взятія русскими одного аула въ 1851 году, Хи-нана явилась въ этотъ аулъ и предсказала его паденіе.

Въ лѣсахъ обитаютъ лѣсные духи—*алмасы*. Алмасы бываютъ мужескаго и женскаго пола. Мужчины покрыты волосами, страшнаго вида, свирѣпы и коварны; на груди у нихъ находится острый топоръ. Лѣсныя женщины отличаются необыкновенной красотой; роскошные волосы ихъ доходятъ до самыхъ пятокъ и имѣютъ золотисто-серебристый цвѣтъ.*) Но по характеру онѣ также злы, коварны и опасны, какъ и лѣсные мужчины. Жители Шатоевскаго общества представляютъ лѣсныхъ женщинъ страшными созданіями огромнаго роста съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи за спину, и съ длинною, до земли, густою рыжею косою. Любимое ихъ занятіе—пляска; закинувъ груди на спину, поднявъ руки вверхъ, онѣ пляшутъ при лунномъ свѣтѣ**) Приведу разсказы чеченцевъ объ алмасахъ, мужчинахъ и женщинахъ, записанные мною со словъ старика Ганыжа.

Одинъ охотникъ пошелъ въ лѣсъ и повстрѣчался съ алмасомъ, у котораго на груди былъ топоръ остріемъ наружу. Онъ присоединился къ охотнику и хотѣлъ ночью убить его. Охотникъ зналъ это и сталъ думать, какъ-бы спасти себя. Наконецъ онъ говоритъ алмасу: «Я хочу пить». Алмасъ

*) Ахріевъ, Сб. св. о К. г., VIII.

**) Сб. св. о Тер. об., 254.

отвѣчаетъ: «Если хочешь пить, тутъ по близости есть вода; иди напейся».—«Охъ, я не знаю, гдѣ вода, и боюсь пойти».—«Хорошо, если такъ, я пойду и принесу тебѣ воды. Но только ты скажи, какъ тебя зовутъ, чтобы я могъ окликнуть тебя, если потеряю». Охотникъ отвѣчаетъ: «Зовутъ меня—*Я самъ себя*». Когда алмасъ пошелъ за водой, охотникъ прикрылъ лежавшій тутъ-же чинаръ своей буркой, подъ бурку положилъ чурбанъ, залѣзъ на дерево и сталъ ожидать, что будетъ дальше. Алмасъ возвращается съ водою и, подойдя къ чинару, говоритъ: «Хорошо ты сдѣлалъ, что самъ приготовился». Отъ радости онъ такъ сильно бросился на чинаръ, что топоръ на его груди весь вонзился въ дерево. Пока онъ старался освободиться, охотникъ прицѣлился и ранилъ его Алмасъ страшно заревѣлъ; на его крикъ сбѣжалось все, что было на свѣтѣ,—и звѣри, и птицы, и грава; всѣ окружили его и стали спрашивать, кто его ранилъ. «*Я самъ себя!*»—«Ну, если ты самъ себя убилъ, то что мы можемъ сдѣлать?» сказали собравшіеся и ушли прочь, а алмасъ умеръ.

Другой разсказъ посвященъ лѣсной женщинѣ.

Съ одной алмасъ былъ знакомъ Чопа Борганъ. Послѣ того какъ онъ имѣлъ съ нею сношеніе, онъ никогда на охотѣ не дѣлалъ промаховъ. Алмасъ какъ-то говоритъ ему: «Если-бы я захотѣла, ты бы не убилъ ни одного звѣря».—«А развѣ до сихъ поръ я убивалъ благодаря тебѣ?» спросилъ Чопа.—«Хорошо, отвѣтила она. Вотъ пойди-ка завтра на охоту; посмотримъ, сколько ты убьешь». Чопа на слѣдующій день пошелъ на охоту, сдѣлалъ двадцать одинъ выстрѣлъ и ни въ одного звѣря не попалъ. Когда онъ, повѣсивъ ружье за плечо, возвращался домой, къ нему навстрѣчу вышла алмасъ и спросила: «Куда ходилъ, что дѣлаешь здѣсь?»—«Ходилъ по своимъ дѣламъ», отвѣтилъ онъ.—«Навѣрное ты ходилъ на охоту. Сегодня раздавались въ лѣсу выстрѣлы». Онъ началъ разувѣрять ее, но она сказала: «Ты меня не разувѣришь. Вотъ всѣ твои двадцать одна пуля»,—и отдала ему его пули.

Однажды Чопа находился въ лѣсу. Вечеромъ онъ развелъ костеръ и легъ отдыхать. Надъ нимъ по воздуху пролетѣло что-то бѣлое и потомъ стало опускаться на костеръ. Чопа отскочилъ на нѣсколько шаговъ и, не говоря ни слова, выстрѣлилъ изъ ружья. Видѣніе ахнуло и скрылось. Это, оказалось, былъ

алмасъ, братъ любовницы Чопы; онъ прилеталъ, чтобы повидаться и познакомиться съ своимъ зятемъ. Братъ убитаго алмаса отомстилъ за его кровь и убилъ Чопу. Въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ Чопы, прилетѣла алмасъ, его любовница, съ двумя дочерьми Онѣ оплакавъ трупъ, вымыли его и надѣли на него такой саванъ, какого еще никто не видѣлъ. Въ заключеніе онѣ сказали: – «Дай Богъ, чтобы въ мѣстности, гдѣ жилъ этотъ человѣкъ, никогда не было урожая»! Съ тѣхъ поръ въ той мѣстности не было урожая.

Кромѣ алмасовъ, чеченцы вѣрятъ еще въ *убура*. Это —злой и кровожадный духъ, вошедшій въ какое нибудь животное (вампиръ).

Вершина Казбека, по вѣрованію чеченцевъ, была мѣстопребываніемъ богини вьюгъ—*Дардза-нянилькъ* (буквально—мать вьюгъ). *) Она имѣла семерыхъ сыновей, которые покинули ее и ушли на небо; это - Большая Медвѣдица, которая называется *Дардза-куангижъ* (вьюгины сыновья). Сама она сидитъ на снѣжной вершинѣ Казбека (по-чеченски *Кешламъ-кортъ)* У нея постоянно горятъ три головни дерева. Она имѣетъ неистощимый хлѣбъ и такую-же вареную ляжку барана; съѣденное богиней снова возобновляется. Г. Висковатовъ, со словъ ингуша-охотника Цоголя, говоритъ, что богиня начертала на снѣжномъ конусѣ Казбека волшебный кругъ, чрезъ который ни одинъ смертный не осмѣливается перешагнуть подъ страхомъ, что богиня сброситъ смѣльчака въ пропасть и завалитъ его ледяной горой. Когда Цоголь поднялся во владѣнія богини и хотѣлъ похитить тура, она сбросила на него груду камней и снѣга, отъ которой однако онъ какимъ то чудомъ спасся. Всѣ казбекскіе завалы ингуши приписываютъ злой богинѣ. Самой ея никто не видѣлъ, но многіе слышали ея пѣтушиный крикъ, которымъ она пугаетъ людей, дерзающихъ приближаться къ волшебному кругу. Въ честь этой багини въ Девдоракскомъ ущельѣ устроенъ особый жертвенникъ (даба). Лѣтомъ здѣсь устраиваются празднества съ жертвоприношеніями, пѣніемъ и пляской. Вообще Казбекъ является центромъ миѳологіи мѣстныхъ жителей, но легенды ихъ не представляютъ особеннаго интереса,

*) Инженеръ Висковатовъ, работавшій на Казбекѣ во время заваловъ 1864 г., называетъ этого бога *Мягкиненъ*, т. е. Горный духъ, но Казбыкъ настаиваетъ на приведенномъ мною названіи.

такъ какъ онѣ заимствованы у другихъ народовъ. Самыя извѣстныя легенды представляютъ собою пересказъ преданія о всемірномъ потопѣ, гдѣ Казбекъ замѣняетъ собою гору Араратъ, о Прометеѣ, похитившемъ съ неба огонь, и т. п., съ незначительными измѣненіями

Большимъ уваженіемъ пользуется у чеченцевъ одноглазый богъ *Елта*, *) покровитель охотниковъ, царящій надъ лѣсами и дикими звѣрями Удача на охотѣ всецѣло зависитъ отъ Елты. Поэтому всякій охотникъ послѣ охоты приноситъ ему въ жертву рога убитаго звѣря. У каждаго звѣря есть тавро Елты. «Я самъ убилъ тринадцать штукъ туровъ, говорилъ мнѣ Ганыжъ, и уши у нихъ были мѣчены Елтою. У насъ былъ одинъ охотникъ, Итыръ Этіевъ; онъ убивалъ безсчетное число звѣрей. Однажды онъ отправился на охоту, убилъ тура, содралъ шкуру, повѣсилъ ее на вѣтку и сѣлъ отдыхать. Въ это время онъ услышалъ голосъ: «Я послалъ къ тебѣ свой скотъ помолотить твой хлѣбъ, а ты одной штуки не прислалъ мнѣ обратно». Другой голосъ съ противоположной скалы отвѣчалъ:—«Ты прислалъ ко мнѣ три штуки, и всѣхъ ихъ я отправилъ обратно къ тебѣ». Первый возразилъ: «Ихъ было три, а я получилъ только двѣ, одной нѣтъ»—«Тамъ былъ Итыръ, замѣтилъ второй голосъ. Навѣрное онъ остановилъ одного тура».—«Пусть его потомки не будутъ такими хорошими, какъ самъ онъ»! воскликнулъ первый. Съ тѣхъ поръ Этіевы были бѣдны и жалки; если у нихъ были ногавицы, то не было чевякъ; а если были чевяки, то не бывало ногавицъ. Внутри рога убитаго тура Итыръ нашелъ три хлѣбныхъ зерна (символъ Елты) и съ тѣхъ поръ до конца жизни не стрѣлялъ туровъ».

Въ старину жилъ нѣкій Начхо. Во время охоты онъ завидѣлъ пасущихся оленей, между которыми былъ одинъ красивый бѣлый олень Пораженный Начхо поспѣшилъ прицѣлиться въ этого оленя; но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ хотѣлъ уже спустить курокъ, онъ ослѣпъ на оба глаза и не могъ выстрѣлить. Это былъ самъ Елта, наблюдавшій за своимъ стадомъ.

---

*) Слово *елта* означаетъ *хлѣбъ, хлѣбное зерно*. Раньше богъ Елта исполнялъ параллельно 2 фукціи—бога урожаевъ и охоты, но затѣмъ, когда главнымъ патрономъ земледѣлія сталъ Мятцели, функціи Елты специализировались на охотѣ. У осетинъ ему соотвѣтствуетъ Авсати.

Мѣсто это и теперь еще называется «*мѣсто, гдѣ ослѣпъ Начхо*».

Изъ этихъ любопытныхъ разсказовъ мы видимъ, что Елта царитъ надъ особымъ міромъ, подобнымъ человѣческому обществу, съ такими-же занятіями и жизнью. Вообще говоря, Елта - божество благодѣтельное и всегда стоитъ на сторонѣ людей хорошихъ, помогая имъ въ охотѣ и покровительствуя нуждающимся.

Сабеизмъ (поклоненіе свѣтиламъ небеснымъ) также извѣстенъ чеченцамъ. Правда, культъ ихъ мало развился, но это объясняется весьма просто тѣмъ, что свѣтила небесныя всегда къ человѣку одинаково милостивы, добры и не нуждаются въ жертвоприношеніяхъ. Почти у всѣхъ народовъ *) наибольшимъ почитаніемъ пользуется всеоживляющее солнце, этотъ источникъ тепла, свѣта и жизни всей природы. Человѣкъ рано чувствуетъ свою зависимость отъ него, радуется, когда оно сіяетъ, и печалится, когда оно прячется. Чеченцы также высоко чтутъ солнце. Оно играетъ большую роль почти во всѣхъ празднествахъ въ честь другихъ боговъ; всѣ молельни обращены у нихъ къ солнцу, на востокъ, молящіеся смотрятъ также на востокъ; съ высоты г. Будуръ-лама они съ благоговѣніемъ наблюдаютъ, какъ вдали выходитъ божественное солнце, величиною въ цѣлый городъ. Даже всѣ сакли чеченцы стараются строить фасадомъ на востокъ, такъ какъ, по словамъ Ганыжа, больше всего пользы человѣку приноситъ солнце. Когда оно восходитъ, всѣ возносятъ хвалы ему и молятъ: «Божье солнце (*Дэла-молхъ*), принеси намъ благодать свою». Оно, какъ источникъ жизни, является свѣтиломъ живыхъ, тогда какъ луна—свѣтило мертвыхъ.

Луна пользуется меньшимъ уваженіемъ, тѣмъ не менѣе и она, какъ братъ солнца, считается божествомъ. Солнце и луна антропоморфизируются чеченцами. У солнца и луны есть матери; мать солнца зовутъ Азой, а мать луны—Кинчъ. Солнце, говорятъ чеченцы, утромъ выходитъ изъ моря и вечеромъ вновь въ него погружается; когда оно поднимается на горизонтѣ, то отъ него отдѣляется что-то черное; это, говоритъ народъ, морская вода стекаетъ съ солнца. Въ это время на него можно смотрѣть, потому что, выкупавшись въ холодномъ морѣ, оно не успѣваетъ накалиться. Два раза въ году бываетъ равноденствіе: лѣтомъ и зимою. Въ это время солнце гоститъ дома у своей ма-

*) У немногихъ народовъ солнце считается божествомъ злымъ, обыкновенно въ жаркихъ странахъ.

тери; зимою оно гоститъ трое сутокъ, а лѣтомъ три недѣли. Выйдя изъ дому, солнце шесть мѣсяцевъ путешествуетъ, затѣмъ возвращается домой и снова пускается въ шестимѣсячное путешествіе. Хотя солнце и луна отъ разныхъ матерей, но они считаются братьями. У нихъ есть злая сестра *Можъ*, которая сожрала всѣхъ своихъ родственниковъ на небѣ и теперь постоянно гоняется за солнцемъ и луною. Когда она догоняетъ ихъ и заслоняетъ собою, происходитъ затменіе. Можь отпускаетъ луну и солнце только въ томъ случаѣ, если ее будетъ просить перворожденная невинная дѣвушка. Во время затменія, на лунѣ виднѣется что-то въ родѣ черной нитки: это, говорятъ, ружье караульщика, который оберегаетъ луну отъ нападенія сестры Черное пятно посрединѣ луны — это лошадь, которую носитъ на себѣ луна. Когда пасть у этой лошади расширится, то лѣто будетъ короткое, а зима продолжительная; когда же пасть уменьш тся и сама лошадь потемнѣетъ, то лѣто будетъ долгое и дождливое, а зима короткая

Звѣзды и другія планеты не пользуются особымъ почитаніемъ, но всѣ онѣ также одухотворяются чеченцами. Мы уже упоминали о вѣрованіи, по которому Большую Медвѣдицу составляютъ семь сыновей богини вьюгъ. На небѣ, по словамъ Ганыжа, есть пять звѣздъ, называемыхъ *Астхи-сагъ*, т. е хромой человѣкъ; двѣ изъ нихъ расположены по краямъ, одна посрединѣ немного выше ихъ, а другія двѣ подъ ними, одна ниже другой Извѣстны также созвѣздія: *Джи-карта*, или базъ (хлѣвъ) баранты, образ ющее правильную окружность, и *Кьу-когъ*, или треугольникъ. Полярная звѣзда называется *Кулбисъ-етха*, т. е. «указывающая на югъ»; если стать къ ней спиною, то впереди будетъ югъ Утренняя звѣзда называется *Окри-сетха*. Три звѣзды—одна красная, другая темная и третья средняго свѣта, называются *Солса-гебаге*, т. е. копье Солсы. *) Двѣ близко-соприкасающіяся звѣзды называются *Дурди оражъ*, т. е. яйца Дурди.

Когда падала звѣзда, то въ старину говорили, что звѣзда вышла замужъ. Въ горахъ находятъ особые камни, называемые

*) Сеско-Солса—главный нартъ чеченцевъ, котораго Богъ надѣлилъ неземными качествами. Онъ, по преданію, былъ сыномъ Божіимъ и непосредственно отъ него произошелъ. Г. Ахріевъ полагаетъ, что это—Іисусъ Христосъ.

упавшими звѣздами, и осколки ихъ, называемые осколками звѣзды. Это хрусталь. Комета, (*Цог-до-сетга*, или звѣзда съ хвостомъ) предвѣщаетъ болѣзнь, или войну, или рожденіе знаменитаго человѣка; другіе говорять, что это—лошадь Али (иначе Муртазали-Пайхмаръ), который долженъ нѣкогда явиться на землю и избить всѣхъ не-мусульманъ; но это представленіе о кометѣ позднѣйшаго происхожденія

Изъ другихъ боговъ природы можно указать еще на *Мать вѣтровъ* По повелѣнію Бога, она поднимаетъ страшную бурю и разноситъ добро согрѣшившихъ смертыхъ. Вѣтры въ горахъ имѣютъ большое значеніе. Ингуши обоготворяютъ ихъ, и въ рабочую пору еженедѣльно, въ понедѣльникъ, день посвященный вѣтрамъ, прекращаютъ всякую работу; въ противномъ случаѣ, весь хлѣбъ или скошенное сѣно разнесетъ вѣтромъ.

Культъ боговъ природы со всею силою и полнотою развился у чеченцевъ въ почитаніи бога неба, или грома и молніи Громовержецъ *Сели* *) и до настоящаго времени остается могущественнѣйшимъ и наиболѣе почитаемымъ богомъ изъ всѣхъ боговъ чеченцевъ Въ горахъ Кавказа, странѣ грозъ, этотъ богъ нашелъ для себя подходящую почву Онъ представляется человѣкоподобнымъ богомъ, отдѣленнымъ отъ самаго явленія природы. Это самый страшный богъ, но въ то-же время онъ справедливъ и караетъ лишь тѣхъ, кто заслуживаетъ этого. Отсюда та громадная роль, какая принадлежить Сели въ дѣлѣ руководительства народной нравственностью. Онъ является карателемъ всякаго, кто совершилъ или намѣренъ совершить преступное, недоброе дѣло, по мнѣнію народа; это—самый справедливый судья, называемый чеченцами «золотою силою». Его одинаково почитаютъ всѣ чеченцы, даже всѣ жители Кавказскихъ горъ (конечно подъ различными наименованіями). Этимъ самымъ онъ стоить цѣлою головою выше прочихъ боговъ—патроновъ, культъ которыхъ рѣдко переходить за предѣлы одного племени и часто ограничивается однимъ ауломъ Какъ богъ огня, онъ передалъ свое имя радугѣ (*Сели-атъ*, т. е. лукъ Сели) и молніи (*Сели-хашкъ*, т. е. головешка Сели). Убитаго молніей считаютъ блаженнымъ По вѣрованію ингушей, если оплакивать такого покойника, то цвѣтъ трупа его измѣнится: изъ бѣлаго

*) Ему у осетинъ соотвѣтствуетъ Уацилла, и, по всей вѣроятности, оба эти слова произошли отъ слова Илія..

онъ сдѣлается чернымъ *). Мѣсто, гдѣ убитъ молніей человѣкъ и даже животное, считается священнымъ, и туда ежегодно отправляются совершать жертвоприношенія могущественному Сели. Похороны убитаго молніей отличаются отъ обыкновенныхъ похоронъ. Вотъ что объ этомъ разсказывалъ мнѣ Ганыжъ: «Нѣкто Аушъ убилъ по незнанію переодѣтую въ мужской костюмъ дѣвушку. Убить дѣвушку считается большимъ позоромъ для мужчины и Сели никогда не оставитъ безнаказаннымъ такого поступка. Аушъ вскорѣ послѣ того былъ убитъ молніей. Родные привезли его тѣло домой, построили ему «эльгыцъ», поставили скамейку и посадили на нее покойника въ полномъ вооруженіи, въ панцырѣ и латахъ. Передъ нимъ на столикѣ поставили блюдо съ цѣльнымъ свареннымъ бараномъ и бутылку араки, а у лѣвой руки положили для него балалайку Этотъ «эльгыцъ» находится въ Хамхинскомъ обществѣ и теперь еще въ немъ сидитъ Аушъ».—О древности культа этого бога можно судить и потому, что сказанія о немъ восходятъ до временъ аборигеновъ нынѣшней Чечни, могущественныхъ нартъ-орштхойцевъ. Эти люди обладали божескими качествами и вели борьбу со всѣми богами Особено между ними выдѣлялся по своей силѣ и могуществу Сеска-Солса, глава орштхойцевъ, причисляемый ингушами къ числу святыхъ.

По преданію, разсказанному мнѣ Ганыжемъ, у орштхойцевъ была она дѣвушка, которую Богъ создалъ такою красавицей, какою только могъ Никто изъ орштхойцевъ не могъ жениться на ней, потому что ни одинъ не хотѣлъ уступить ее другому. Сели небесный тоже хотѣлъ добраться до нея, но боялся Сеска-Солсу. Приходитъ, наконецъ, смертный часъ этой дѣвушки. Умирая, она сказала окружающимъ: «Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Сели до меня не доберется, а послѣ трехъ ночей трупъ мой будетъ распространять запахъ мертвеца, и Сели не подойдетъ къ нему. Если-же вы не будете караулить, то Сели придетъ ко-мнѣ и осквернитъ мою могилу» Послѣ этихъ словъ она скончалась. Ее похоронили и Сеска-Солса три ночи подъ рядъ самъ караулилъ могилу ея. Но на третью ночь подъ самое утро онъ задремалъ. Сели воспользовался этой минутой, пришелъ, открылъ могилу и осквернилъ трупъ дѣвушки. Она

*) Сб. св. о кавк. горц., V, Ахріевъ, стр. 15 и слѣд.

тотчасъ-же родила отъ него дочь. Когда Сели собирался уже уходить, Сеска-Солса проснулся, схватилъ свой лукъ и ранилъ убѣгавшаго Сели. Въ эту рану у Сели, говорятъ ингуши, выползаютъ кишки и урчаніе ихъ производитъ громъ. Сеска-Солса взялъ дочь Сели и принесъ ее домой. Орштхойцы назвали ее Сели-Сатой (Сата—дочь Сели). Она вышла вдвое красивѣе своей матери. «Не помню, говоритъ Ганыжъ, за кого она вышла замужъ, но это былъ человѣкъ, жившій на небѣ вмѣстѣ съ Сели». Млечный путь, называемый *чатикаде-мотъ*, или «мѣстомъ, по которому пронесена солома», образовался оттого, что Сели-Сата по этому пути несла солому для брачной постели Когда она уходила изъ дому за соломой, она приготовила изъ тѣста треугольный хлѣбъ и положила его въ горячую золу съ угольками, чтобы онъ спекся; пока она успѣла возвратиться, два угла этого хлѣба сгорѣли, а одинъ остался цѣлъ. На небѣ теперь находятся три звѣзды, образующія треугольникъ: одна звѣзда свѣтлая, а двѣ другія—темныя; онѣ называются *Сати-боджлъ* (или треугольный хлѣбъ Саты); плоскостные ингуши называютъ ихъ просто «ко-когъ», или треугольникомъ. Сата считается покровительницей дѣвушекъ. Ингушескія невѣсты говорятъ: «Если въ день моего замужества провозгласитъ мое здоровье и пожелаетъ мнѣ благополучія Сата, то у меня ножницы будутъ золотыя, а игла серебряная; если-же провозгласитъ здоровье джинъ, то я погибла».

Ч. Ахріевъ упоминаетъ еще о богѣ времени—*Периска* (воскресенье), но я не нашелъ слѣдовъ этого вѣрованія. Гораздо важнѣе для насъ кое-какія свѣдѣнія, имѣющіяся о богѣ подземнаго царства *Эштръ* (Этерѣ). Ингуши называютъ его *Дэла-Эштръ*, поклоняются ему и приносятъ жертвы, такъ какъ для всякаго важно заручиться его расположеніемъ; отъ него зависитъ и земное, и загробное существованіе человѣка, который умираетъ лишь тогда, когда захочетъ этого Эштръ. Грѣшнаго человѣка онъ долго заставляетъ мучиться въ предсмертной агоніи: только молитвы и жертвоприношенія могутъ умилостивить этого бога.

Послѣднею ступенью въ развитіи чеченскаго пантеона, вѣнцомъ ихъ народной миѳологіи, является *Верховный* или *Высшій Богъ*, царь всего творенія и отецъ всѣхъ прочихъ боговъ. Че-

ченцы называютъ его *Дэла*, *Дяла* или *Дэйла**). Слово это ни отъ кого не заимствовано и, какъ мы видѣли, употребляется и для наименованія другихъ божествъ, въ видѣ приставки къ имени ихъ; оно встрѣчается у чеченцевъ съ незапамятныхъ временъ. Придерживаясь идеи постепеннаго развитія религіозной мысли вообще, слѣдуетъ, конечно, думать, что Дяла, какъ Высшій Богъ, явился въ религіи чеченцевъ позже другихъ боговъ; несомнѣнно, сначала они должны были почитать низшія божества, которыя впослѣдствіи подчинены Высшему Богу, какъ дѣти его или подчиненные. Точно установить, какъ изъ боговъ предковъ и боговъ природы чеченецъ вознесся до признанія Высшаго Бога, нѣтъ никакой возможности; можно лишь указать на то, что въ культѣ этихъ многочисленныхъ боговъ мы встрѣчаемъ уже многіе изъ аттрибутовъ Высшаго Бога: всемогущество, руководительство жизнью людей, судъ надъ ними, управленіе жизнью животнаго и растительнаго міра и природой вообще, способность творить чудеса и т. д.; имъ народъ поклоняется и проситъ у нихъ благодати, страшится ихъ гнѣва. Многіе изъ нихъ являются уже не богами отдѣльныхъ обществъ, а цѣлаго племени и даже всѣхъ людей (Сели, Тушолъ, Эштръ и др.). Конечно, христіанство и исламъ тоже имѣли громадное вліяніе на выработку и развитіе идеи Высшаго Бога, но, все-таки, ихъ вліянію никакъ нельзя приписать самое происхожденіе у чеченцевъ идеи Бога. Не говоря уже о томъ, что Высшій Богъ чеченцевъ не есть Богъ христіанскій и по своей природѣ мало чѣмъ отличается отъ прочихъ боговъ, трудно допустить, чтобы жалкіе грузинскіе проповѣдники могли во всѣхъ концахъ Чечни внушить народу чуждую для него идею Бога въ такой мѣрѣ, чтобы чеченцы могли подчинить ей своихъ могущественныхъ народныхъ боговъ; наконецъ, въ такомъ случаѣ непремѣнно и самое названіе Бога должно было-бы быть грузинское (Гмерти). Подобное затрудненіе встрѣчали изслѣдователи первобытной религіи у многихъ народовъ тамъ, гдѣ бывали слѣды христіанской религіи. Тайлоръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ самобытнаго происхожденія Высшаго Бога у разныхъ народовъ, а не заимствованія у сосѣдей или со словъ проповѣдниковъ**), и не одинъ Тайлоръ, конечно, придерживается такого

---

*) У плоскостныхъ чеченцевъ чаще Аллахъ; народное названіе удержалось лишь въ клятвахъ и поговоркахъ.

**) Тайлоръ, Первобытная культура, II, стр. 376, 378, 379, 380, 381 и слѣд.

взгляда Христіанство и мусульманство проповѣдуютъ монотеизмъ, а у чеченцевъ мы видимъ политеизмъ, какъ у большинства некультурныхъ или малокультурныхъ народовъ а въ древности и у грековъ, римлянъ, египтянъ и проч. По большей части, эти народы возводили въ верховное божество всеоживляющее солнце или всеобъемлющее небо; этому способствовала мысль о первичной причинѣ. Мы окончательно убѣждаемся въ справедливости сказаннаго, когда примемъ во вниманіе, что Богъ, по вѣрованіямъ чеченцевъ, -человѣкоподобенъ, живетъ на небесахъ, смотритъ оттуда на землю, нуждается, какъ и всѣ прочіе подчиненные боги, въ жертвоприношеніяхъ. Онъ всемогущъ, но въ то же время обладаетъ свойственными людямъ слабостями. Идея справедливости и милосердія въ понятіяхъ чеченцевъ о богѣ выражена весьма слабо. Вѣдь всѣ жертвоприношенія во время различныхъ празднествъ одновременно направляются и къ «ццу» и къ Высшему Богу; во всѣхъ молитвахъ обращаются сперва къ Дяла, а затѣмъ къ«ццу», просятъ у него благодати, урожая, богатствъ, здоровья и т. д. Отношеніе Дяла къ прочимъ богамъ такое, какъ отца къ дѣтямъ; все, конечно зависитъ отъ Дяла, что онъ захочетъ, то и должно быть; но прочіе боги дѣйствуютъ и самостоятельно каждый въ своей сферѣ; чѣмъ дальше, тѣмъ, конечно, Богъ все больше и больше забираетъ въ свои руки правленіе міромъ; но въ старинныхъ сказаніяхъ чеченцевъ прочіе боги принимаютъ ближайшее участіе въ жизни людей и, повидимому, безъ вѣдома ихъ главы; просящій прямо обращается за помощью къ Елтѣ, Сели, Мятцели и къ прочимъ богамъ; позже лишь проглядываетъ та идея, что Высшій Богъ поручилъ этимъ богамъ отдѣльныя отрасли правленія, какъ царь своимъ министрамъ, но и самъ онъ неустанно слѣдитъ за жизнью людей, можно и прямо у него просить обо всемъ безъ посредства подчиненныхъ боговъ. Послѣдняя тенденція, подъ вліяніемъ мусульманства, теперь уже беретъ верхъ, и политеизмъ чеченцевъ мало-по малу превращается въ монотеизмъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ природу Высшаго Бога, его отношеніе къ людямъ и его творческую силу.

Однажды орштхойцы угнали стадо барановъ у нарта Колай-Канта Нартъ погнался за грабителями, завязалась битва, но когда орштхойцы стали одолѣвать, Богъ послалъ р. Терекъ и раздѣлилъ сражающихся.

Однажды Сеска-Солса встрѣтилъ на дорогѣ тазовую кость такой величины, что верхомъ на конѣ онъ свободно проѣхалъ въ ея отверстіе. Изумленный Сеска-Солса началъ умолять Бога, чтобы онъ воскресилъ этого человѣка. Богъ исполнилъ просьбу Сеска-Солсы, и передъ нимъ выросъ великанъ величиною съ гору, но безъ глазъ. Великанъ сталъ просить, чтобы Богъ далъ ему зрѣніе, но Сеска-Солса испугался и попросилъ Бога превратить великана снова въ кость. Богъ исполнилъ его желаніе, такъ какъ ни въ какой просьбѣ ему не отказывалъ.

Богъ нерѣдко творитъ чудеса на землѣ и посылаетъ наказаніе людямъ за ихъ грѣхи. Когда основывали Назрань, цѣлую ночь шелъ красный дождь. Съ тѣхъ поръ никто не можетъ силою взять это укрѣпленіе (такъ ингуши объясняютъ неудачныя нападенія на Назрань чеченцевъ).

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, разсказываютъ старики, Богъ послалъ до того сильный градъ, что селеніе Ордыкъ,(?) Хамхинскаго общества, со всѣми жителями и скотомъ снесло водою; остались въ живыхъ лишь два—три человѣка. Изъ мѣстности Герахи бурный потокъ захватилъ цѣлый табунъ лошадей и стада скота рогатаго и мелкаго; около ущелья Гичочъ(?) унесло четыреста барановъ и четырехъ пастуховъ. Самое селеніе Ордыкъ прикрыло пескомъ; только спустя два дня выкопали живого мужчину и одну женщину (ребенокъ при ней былъ мертвъ). Когда нашли этихъ людей живыми, то всѣ стали вѣрить, что если человѣку Богомъ не суждено умереть, то онъ не умретъ ни отъ чего.

У г. Ахріева мы находимъ слѣдующее интересное сказаніе*), въ которомъ наглядно выступаетъ антропоморфизація Бога чеченцами, а также отношеніе его къ другимъ богамъ и къ людямъ. Давнымъ давно люди жили гораздо ближе къ Богу. Въ случаѣ нужды, каждый человѣкъ могъ лично явиться къ Богу и просить у него все, что ему было нужно. У одной вдовы былъ маленькій сынъ. Однажды онъ говоритъ матери: «Мама! я пойду къ Богу и попрошу у него чего-нибудь; мы бѣдны, и у насъ многаго недостаетъ».—«Сынъ мой, говоритъ мать, ты такой оборванный; приближенные бога не допустятъ тебя до него». Сынъ снова говоритъ: «Нѣтъ, мама, я надѣюсь добраться до Бога—пойду,

*) Сб. св. о кав. гор. VIII.

попытаю счастія». Но ангелы и приближенные, увидѣвъ оборванную одежду мальчика, не допустили его къ Богу. Мальчикъ печальный возвращался домой. На дорогѣ встрѣтился онъ съ сыномъ Бога—Елтою.—«Куда ты идешь?»—спрашиваетъ Елта мальчика,—«и отчего такъ печаленъ»?—Мальчикъ разсказалъ Елтѣ о своей неудачной попыткѣ проникнуть въ жилище Бога.—«Отецъ мой управляетъ цѣлымъ міромъ!»—воскликнулъ Елта, выслушавъ слова мальчика,—«неужели я не могу управлять однимъ мальчикомъ? Я беру тебя подъ свое покровительство: проси у меня, чего ты хочешь»,—сказалъ онъ мальчику. Мальчикъ отвѣчалъ: «Я хочу посѣять пшеницу и прошу урожая».—«Пусть будетъ урожай на твоей пашнѣ. Иди и сѣй»,—сказалъ Елта и пошелъ дальше. Мальчикъ съ матерью посѣяли пшеницу. Къ великой радости, у нихъ былъ такой хорошій урожай, какого не было ни у кого изъ сосѣдей: на одномъ стеблѣ выросло по два колоса. Когда хлѣба стали созрѣвать, Богъ послалъ своихъ ангеловъ посмотрѣть урожаи. Ангелы, осмотрѣвъ всѣ пашни, *донесли Богу*, что на пашнѣ мальчика, котораго они не допустили къ Нему, урожай лучше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей. Услышавъ отвѣтъ ангеловъ, Богъ воскликнулъ: «Какъ могъ явиться у мальчика урожай безъ моего повелѣнія! Наведите на его пашню громъ и грозу, пусть они погубятъ хлѣбъ его!» Ангелы *передали приказаніе Бога* матери Грома и Грозы (Дердзы-нана), чтобы она послала своихъ дѣтей для истребленія пашни мальчика.—Когда Елта узналъ о приказаніи Отца, то послалъ сказать мальчику, чтобы онъ съ матерью поспѣшили убрать хлѣбъ свой. Они дружно принялись за работу и, когда убирали уже послѣдній снопъ, пошелъ сильный дождь съ грозой и градомъ и истребилъ всѣ хлѣба на сосѣднихъ поляхъ. Богъ посылаетъ своихъ ангеловъ осмотрѣть хлѣба. Когда возвратившіеся ангелы донесли Ему, что у всѣхъ жителей хлѣба истреблены, а у мальчика цѣлы, Богъ сильно разгнѣвался за невыполненіе Его воли и приказалъ позвать Мать Вѣтровъ. Когда она явилась, Богъ сказалъ ей: «Подними бурю и разнеси хлѣбъ мальчика». Елта, узнавши объ этомъ приказаніи, послалъ сказать мальчику, чтобы тотъ перенесъ весь свой хлѣбъ на гумно и прикрылъ его хорошенько. Лишь только мальчикъ съ матерью окончили укладку хлѣба, поднялась страшная буря и стала разносить клочками по воздуху весь хлѣбъ сосѣдей, а хлѣбъ мальчика, прикрытый каменьями, остался цѣлъ. Ангелы, послан-

ные Богомъ, чтобы узнать о дѣйствіи бури, въ третій разъ донесли Ему, что буря разнесла и погубила всѣ хлѣба у жителей, а хлѣбъ мальчика остался невредимъ. Тогда Богъ велѣлъ, чтобы у всѣхъ жителей съ каждаго тока получалось только по одной мѣркѣ хлѣба. Елта, узнавъ объ этомъ, предупредилъ мальчика, чтобы онъ обмолачивалъ свой хлѣбъ не сразу, а по одному снопу. Мальчикъ поступилъ по указанію Елты и отъ каждаго снопа получилъ по одной мѣркѣ пшеницы, между тѣмъ какъ у сосѣдей почти ничего не было. У мальчика уродилось столько хлѣба, что онъ роздалъ очень много своимъ сосѣдямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая. Когда Богъ узналъ, что и четвертое Его приказаніе не достигло своей цѣли, то страшно разсердился и приказалъ позвать къ себѣ Елту и мальчика. Когда они явились, Богъ грозно обратился къ мальчику: «Почему у тебя вышелъ хорошій хлѣбъ, въ то время какъ у остальныхъ жителей плохой, и кто помогалъ тебѣ въ этомъ»?—Мальчикъ подробно разсказалъ обо всемъ.—«Какъ ты смѣлъ итти противъ моихъ желаній»?—грозно обратился Богъ къ Елтѣ.—«Тебѣ слѣдовало-бы за твое ослушаніе выколоть глазъ»!—При этихъ словахъ Богъ такъ сильно ткнулъ пальцемъ въ глазъ Елты, что онъ у него выскочилъ вонъ, и съ тѣхъ поръ Елта остался одноглазымъ.

Богъ есть творецъ міра черта, кажется, чуждая прочимъ чеченскимъ богамъ. Когда Богъ создалъ небо и землю, то сказалъ «По небу-то я буду ходить; а кто же будетъ ходить по землѣ»? Послѣ этихъ словъ Богъ сжалъ землю въ одной рукѣ, и образовалась женщина, сжалъ въ другой—и образовался мужчина. Мужчина образовался на востокѣ, а женщина—на западѣ. Еще до сотворенія людей богъ создалъ птицъ. Создавъ людей, Богъ сказалъ: «Должно-быть, этотъ мужчина и эта женщина будутъ мужемъ и женою». А филинъ въ отвѣтъ Богу говоритъ: «Нѣтъ, я такъ сдѣлаю, что этого не будетъ». Онъ схватилъ дѣвушку и унесъ на высокую отвѣсную скалу. Однажды мужчина отправился на охоту и увидѣлъ на скалѣ дѣвушку. Она сказала ему: «Зарѣжь свою лошадь, вынь внутренности и сядь на ихъ мѣсто» Тотъ такъ и сдѣлалъ. Прилетаетъ филинъ. Дѣвушка говоритъ ему: «Я соскучилась по кoнинѣ; достань, откуда хочешь». Филинъ принесъ ей на скалу лошадь вмѣстѣ съ хозяиномъ и улетѣлъ дальше. Дѣвушка выпустила юношу и они повѣнчались. Богъ сказалъ, обратившись къ филину: «Какъ ты

думаешь, филинъ, сошлись они или нѣтъ?»—«По моему китабу (книгѣ), они не сошлисъ», отвѣтилъ филинъ. «А по Моему китабу, они сошлись, и ты увидишь ихъ вмѣстѣ, когда пойдешь домой,» сказалъ Богъ. На слѣдующій день, когда филинъ прилетѣлъ къ Богу и сообщилъ, что они дѣйствительно сошлись, то Богъ сказалъ: «А какъ ты хочешь, чтобы я тебя наказалъ: на томъ свѣтѣ или на этомъ? Филинъ отвѣтилъ: «Накажи меня на этомъ свѣтѣ». Тогда Богъ промолвилъ: «Да лишишься ты зрѣнія днемъ и да потеряешь почетъ между птицами». Такъ и случилосъ, какъ сказалъ Богъ.

Когда Богъ создалъ небо и землю, то земля оказалась въ три раза больше неба; тогда Богъ сжалъ землю, и отъ этого образовались земляныя горы. Чтобы укрѣпить шатавшуюся туда и сюда землю, Богъ образовалъ еще каменныя горы. Эти горы съ землей держатся на рогахъ быка, а быкъ привязанъ къ столбу. Это произошло такъ. Когда богъ создалъ землю, то спросилъ: «Кто же будетъ держать землю?» Явились быки и сказали: «Мы будемъ держать землю, если люди не будутъ насъ запрягать по вторникамъ на работы и если во время ѣзды будутъ давать намъ мочиться стоя». На такихъ условіяхъ они держатъ на рогахъ землю, и никто не смѣетъ нарушить эти условія,—въ «день быковъ» (вторникъ) никто изъ чеченцевъ не работаетъ.

Баранту Богъ создалъ для волковъ, но человѣкъ попросилъ у волка барановъ, говоря: «Я буду держать для тебя и для себя вмѣстѣ.» Волкъ согласился на такое предложеніе и далъ человѣку баранту. Въ назначенный срокъ волкъ обратился къ человѣку съ требованіемъ возвратить половину баранты, но человѣкъ отказалъ. Тогда волкъ обратился съ жалобой къ Богу. Богъ ему отвѣтилъ: «Что я могу сдѣлать для тебя? Что ты своими зубами достанешь, то и будетъ твое». Съ тѣхъ поръ волкъ сталъ таскать овецъ у человѣка. Суббота считается «днемъ волковъ», и кто будетъ почитать ее, у того волкъ не будетъ таскать овецъ. Аналогичное съ вторникомъ и субботою происхожденіе имѣетъ понедѣльникъ («день вѣтровъ»).

Таковы представленія чеченцевъ о сотвореніи міра, какъ передалъ ихъ мнѣ Ганыжъ. Въ преданіяхъ, записанныхъ г. Ахріевымъ,*) рисуется нѣсколько иная картина, но эти преданія, не-

*) Сб. св. о кавк. г., VIII.

сомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія, а потому приведенные разсказы Ганыжа заслуживаютъ большаго вниманія, какъ отраженіе исконнаго народнаго міровоззрѣнія чеченцевъ.

Матеріалъ, которымъ я пользовался для характеристики первобытной религіи чеченцевъ, исчерпанъ. Конечно, самый вопросъ, подлежавшій нашему разрѣшенію, нуждается еще во многихъ изслѣдованіяхъ и дополненіяхъ. Но я считалъ-бы выполненной задачу, если мнѣ удалось «понять естественную религію чеченцевъ въ ея постепенномъ развитіи и указать ея мѣсто въ наукѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія, мнѣ кажется, доступны грамотнымъ чеченцамъ, знающимъ свой языкъ: записывая преданія со словъ стариковъ, они-бы оказали крупную услугу наукѣ и своему народу.

Нарисованная картина ихъ духовнаго міра должна внести множество существенныхъ поправокъ въ установившіеся взгляды на этотъ, во многихъ отношеніяхъ интересный, народъ. Прежде всего, она приводитъ къ убѣжденію, что онъ обладаетъ богатою и самобытною творческою фантазіей, которую отрицали въ этомъ народѣ большинство писателей, легкомысленно строившихъ характеристики цѣлаго племени по личнымъ, большею частью случайнымъ и ошибочнымъ, впечатлѣніямъ. Теперь, заглянувъ въ глубь духовной жизни чеченцевъ, мы уже не можемъ считать его народомъ неподвижнымъ, неспособнымъ къ культурѣ, неимѣющимъ народной словесности, поэтическихъ произведеній, сказаній и т. п., непризнающимъ какихъ-бы то ни было нравственныхъ правилъ и руководящимся одними грубыми чувствами хищничества и вражды къ ближнимъ. Идея постепеннаго развитія религіознаго міровоззрѣнія, ихъ строгая мораль, построенная на религіи, и многое другое говорятъ въ пользу способности этого народа къ культурной жизни. Въ свое время высшія націи міра проходили черезъ ту-же ступень развитія, въ которой находились не такъ давно и чеченцы: ихъ религіозныя вѣрованія во многомъ сходны съ религіями грековъ, римлянъ, иранцевъ, индусовъ и др. культурныхъ народовъ, въ періодъ зачатковъ этой культуры. Въ настоящее время чеченскій народъ переживаетъ тяжелую переходную эпо-

ху. Такой моментъ является чрезвычайно благопріятнымъ для проведенія въ его жизнь принциповъ высшей культуры, путемъ внимательнаго и разумнаго отношенія къ нему, основаннаго на глубокомъ знаніи его духовныхъ и матеріальныхъ потребностей: потребность въ образованіи, въ хорошихъ руководителяхъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ чувствуется каждымъ изъ чеченцевъ. Но если теперь легко направить чеченцевъ на культурный путь, то, конечно, еще легче погубить ихъ, предоставивъ ихъ времени и тѣмъ пассивнымъ воздѣйствіямъ внѣшйей цивилизаціи, которая погубила уже и развратила многихъ инородцевъ Сибири.

Что-же касается собственно религіозныхъ вѣрованій чеченцевъ, то мы видимъ, что они вообще не представляютъ стройной и цѣльной системы міровоззрѣнія, исходящей изъ одной основной идеи. Наряду съ культомъ предковъ и связаннымъ съ нимъ культомъ домашняго очага, мы видимъ у этого народа совершенно самостоятельное ученіе о богахъ, олицетворяющихъ силы и явленія природы. Попытка примирить эти двѣ системы религіи выразилась у чеченцевъ въ подчиненіи всѣхъ боговъ одному Высшему Богу. Но эта идея не успѣла еще выработаться самостоятельно и вылиться въ самобытную форму, когда наступила эпоха вліянія христіанства и магометанства, оказавшихъ сильное давленіе на судьбу народной чеченской религіи.

Народная религія имѣла огромное нравственное значеніе въ личной и общественной жизни чеченцевъ; она руководила ихъ поступками и удовлетворяла умственнымъ запросамъ.

Для посредничества между богами и людьми выработался особый типъ жреца, или шамана (цайнъ-сагъ), при чемъ въ нѣкоторыхъ обществахъ появилось наслѣдственное жреческое сословіе.

Чеченцы легче разстаются съ своими языческими вѣрованіями, чѣмъ ихъ сосѣди осетины, хотя у послѣднихъ имѣются правильно устроенные приходы, священники и школы, поддерживаемыя Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ. Въ то время какъ чеченцы начинаютъ относиться скептически къ поклоненію языческимъ святымъ, осетины аккуратно являются на всѣ празднества въ честь своихъ дзуаровъ. Плоскостные чеченцы и ингуши давно уже покинули свои прадѣдовскіе религіозные обычаи. Посѣтивъ празднество Мятцели, бывшее въ воскресенье 11-го іюля 1893 года, я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости сказаннаго: присутствовало всего

какихъ-нибудь 5—6 семействъ ингушей на этомъ прадѣдовскомъ празднествѣ, пережившемъ всѣ празднества въ честь другихъ боговъ. Народъ добровольно разстается со стариной, такъ какъ прежняя религія перестала уже удовлетворять его духовнымъ запросамъ.

Баширъ Далгатъ.

КАРАНОГАЙЦЫ.

Этнографическій очеркъ.

Въ одномъ изъ невеселыхъ уголковъ Кавказа, въ Кизлярской степи, пріютились караногайцы, кочевое племя, вѣтвь ногайскаго народа. Это племя доживаетъ послѣдніе дни: съ каждымъ годомъ приростъ населенія уменьшается, усиливающееся вліяніе русской культуры стираетъ мало-по-малу самобытность, національныя особенности племени. Многіе старожилы указываютъ на быстро измѣняющіеся обычаи, нравы, перемѣну въ одеждѣ и т. п. Во всѣхъ этихъ сторонахъ жизни караногайцы замѣтно тяготѣютъ ко всему русскому Но многое осталось у нихъ еще изъ того періода, когда процвѣталъ кочевой образъ жизни; въ ихъ бытѣ до сихъ поръ сохранились обломки глубокой старины.

Предлагаемый очеркъ охватываетъ, насколько возможно, настоящую жизнь племени, съ его вѣрованіями, воззрѣніями на природу и взаимныя отношенія и отчасти его творчествомъ

Матеріалами для составленія очерка послужили: «Матеріалы для составленія новой исторіи Кавказа» Буткова (часть I), «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» Дубровина (томъ I), «Жизнь ногайскаго юрта» Семенова и нѣкоторыя другія изданія, а главнымъ образомъ свѣдѣнія, собранныя нами лично во время пребыванія въ центрѣ караногайскихъ кочевокъ.

Г. Малявкинъ.

I.

Общая характеристика караногайской степи.

На сѣверъ отъ Терека, за землями Терскаго казачьяго войска, между 43°50' и 44°35' сѣверной широты и 14°10' и 16°20' восточной долготы, раскинулась обширная, безводная и безлѣсная равнина. Южная часть ея покрыта холмами зыбучаго песку, между которыми тянутся съ юго-востока на сѣверо-западъ долины, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезающія отъ передвиженія песковъ. Съ вершины высокаго холма вся степь кажется какъ-бы огромнымъ, на далекія пространства растянувшимся моремъ, на которомъ волны всколыхнулись до наиболь-

шей высоты и замерли. Тамъ и сямъ виднѣются дымки—это кочевья ногаевъ. Вонъ вдали двѣ—три кибитки; прислонились онѣ къ огромному валу зыбучаго песку, какъ безпріютные странники, ища защиты и убѣжища отъ невзгодъ природы. Кое-гдѣ равнина прерывается гнилыми болотами; въ жаркое южное лѣто вода въ нихъ высыхаетъ и на днѣ остается илистый осадокъ. Въ другихъ мѣстахъ тянутся солончаки, блестя какъ серебро на солнцѣ. Кругомъ на цѣлыя сотни верстъ нѣтъ ни лѣса, ни горъ и равнина совершенно открыта. Кое-гдѣ встрѣчаются лишь заросли камышей.

Съ сѣвера и съ востока степь подвергается всевозможнымъ вліяніямъ стіхій. Лѣтомъ юго-восточный вѣтеръ поднимаетъ цѣлыя кучи песку и ураганомъ проносится надъ кочевьями бѣдныхъ ногаевъ, зачастую опрокидывая ихъ утлыя жилища—кибитки. Воздухъ наполняется мелкими раскаленными песчинками, солнце принимаетъ красноватый оттѣнокъ. Знойное южное солнце печетъ невыносимо, дуновеніе вѣтерка не освѣжаетъ, а жжетъ и палитъ. Температура въ тѣни достигаетъ 30—35° R, а на солнцѣ 40° и болѣе. Въ такіе дни дышать нечѣмъ, становится тяжко, и безконечная лѣнь охватываетъ человѣка... Въ іюнѣ налетаетъ масса комаровъ и мелкихъ мошекъ изъ недалекихъ кизлярскихъ болотъ, и только постоянный дымъ, и то не всегда, спасаетъ отъ этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ. Въ августѣ все высыхаетъ; рѣдкая травинка зеленѣетъ Все пожелтѣло и безводная степь на далекое пространство представляетъ картину смерти Ни звука, ни шелеста, ни движенія.

Осенью выпадаютъ дожди и степь немного оживляется; появляется трава, но въ то-же время вступаетъ въ права сѣверный борей Не встрѣчая на пути никакихъ препятствій, онъ свободно завываетъ по безпредѣльной степи. Велики бываютъ потери ногая, когда въ дождливую ночь порывистый вѣтеръ начнетъ бушевать по степи. Загоняетъ табуны лошадей въ пески, болота и даже въ море, отъ холода гибнутъ бараны и овцы. Зимы еще ужаснѣе. Страшные снѣговые бураны свирѣпствуютъ во всей силѣ; лошади и скотъ мерзнутъ, овцы гибнутъ сотнями. Къ зимѣ караногайцы забираются съ кибитками въ укромныя мѣстечки. Утлыя жилища не удерживаютъ тепла, и ногаи жмутся къ ничтожному огоньку изъ кизека, разложенному внутри кибитки. Настаетъ для нихъ то время, про которое казаки мѣтко соста-

вили поговорку: «У ногая въ кибиткѣ спереди Петровка, сзади зимовка».

Только весна даетъ нѣкоторый отдыхъ бѣднымъ кочевникамъ. Степь покрывается тощей, низкорослой съ сухими стеблями травой. Но вмѣстѣ съ весной появляются желтая лихорадка и масса простудныхъ болѣзней.

Тяжелое впечатлѣніе отъ однообразной картины караногайской степи смягчается, когда бросишь взглядъ на какую нибудь долину, залегающую между холмами зыбучихъ песковъ. Эти долины въ маѣ и іюнѣ пестрѣютъ красивымъ ковромъ различныхъ цвѣтовъ; повсюду раздается неумолкаемое пѣніе птицъ, неугомонное стрекотаніе кузнечиковъ. Но растительность въ долинахъ не отличается разнообразіемъ; встрѣчается нѣсколько видовъ семействъ лютиковыхъ, крестоцвѣтныхъ, мотыльковыхъ, зонтичныхъ, мальвовыхъ и нѣк. другихъ. Характеръ мѣстности придаетъ Malva rotundifolia, разбросанная большими зарослями, отъ 2 до 2½ аршинъ вышины. Болѣе богата растительность въ глубокихъ долинахъ защищенныхъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца высокими холмами песку. Пахучая гвоздика, клеверъ разныхъ сортовъ и шалфей ярко выдѣляются на общемъ фонѣ зелени. Кое-гдѣ въ степи разбросаны небольшія группы красы черноморскихъ степей—ковыля. Изъ древесныхъ растеній кое-гдѣ встрѣчается осокоръ (бѣлый), по-ногайски *акъ—терекъ*, т. е. бѣлое дерево. Караногайцы пользуются имъ для топлива. Встрѣчается, только въ видѣ кустарника, ива, гребенчукъ и густыми непролазными чащами караганникъ*). Изрѣдка попадаются въ глубокихъ оврагахъ дикія яблони, груши, терновникъ, вѣроятно, какъ остатки лѣсной растительности.

Фауна степи еще менѣе разнообразна. Лисицы, зайцы, землеройки—вотъ и всѣ неприхотливые обитатели ея. Изъ кизлярскихъ камышевыхъ болотъ иногда заходятъ кабаны, а ближе къ группамъ лѣса подадаются волки. Болѣе разнообразны и богаты виды птицъ: дрофы, стрепета, куропатки, фазаны, довольно рѣдко перепела, журавли, цапли, утки разныхъ породъ, пѣвчія птицы, степные орлы, совы, ястреба, копчики, ласточки и пр. Въ степныхъ озерахъ много черепахъ. Озерная черепаха небольшая—вершка 4—5 въ длину и вершка 3 въ ширину; иногда онѣ

*) Караганникъ—низкій приземистый кустарникъ, съ острыми шипами и мелкими листьями.

устраиваютъ экскурсіи и свободно переправляются черезъ большіе буруны песковъ. Очень много змѣй, хотя породы ихъ не разнообразны. Въ жаркій день змѣи выползаютъ изъ песчаныхъ норъ и группами лѣниво лежатъ на солнечномъ припекѣ. Змѣи караногайскихъ степей спокойны и случаевъ укушенія почти не бываетъ. На пескахъ встрѣчаются ящерицы, тарантулы и фаланги. На окраинахъ степи, ближе къ кизлярскимъ болотамъ, много комаровъ, мелкихъ мошекъ и безчисленные миріады кузнечиковъ Кузнечики наполняютъ воздухъ неумолкаемымъ стрекотаньемъ и по временамъ кажется, что вся степь разговариваетъ.

II.

Краткая исторія караногайцевъ.

Предыдущая глава была посвящена общей характеристикѣ караногайской степи, описанію ея флоры и фауны. Въ нижеслѣдующей мы познакомимъ читателя съ краткой исторіей караногайцевъ и съ ихъ преданіемъ, въ которомъ отразилось въ общихъ чертахъ историческое прошлое этого племени.

Могучія орды народовъ востока, совершивъ свое историческое назначеніе разбились на мелкія народности, раздробились и почти окончательно затерялись, какъ волны безпредѣльнаго моря послѣ шумнаго, бурнаго волненія. Одною изъ такихъ народностей являются караногайцы, часть ногайскаго народа, отрасли грозной когда-то Золотой орды

По историческимъ указаніямъ, съ именемъ «ногай», «ногайцы» мы встрѣчаемся въ первый разъ въ тотъ періодъ увяданія Золотой орды, когда политически она начала слабѣть и дѣлиться на мелкія части, когда слава первыхъ великановъ безпредѣльныхъ азіатскихъ степей—Батыя и Тохтамыша стала меркнуть и ослабляться безпрерывными ссорами и интригами ничтожныхъ наслѣдниковъ грозныхъ предводителей азіатскихъ народовъ. Въ XIII столѣтіи одинъ изъ хановъ Золотой орды—Ногай отдѣлился и образовалъ особую Синюю орду, которая потомъ и получила общее названіе ногаевъ или ногайцевъ. Долгое время Синяя орда свободно кочевала по волжскимъ степямъ, заходя и въ глубь Азіи, вторгаясь и въ предѣлы Россіи и Кавказа, и только лишь въ 1552 году завязываются болѣе опредѣленныя сношенія между русскимъ правительствомъ и ногаями. Недовольные астра-

ханскимъ ханомъ Ячмурзеемъ, ногайцы снаряжаютъ посольство въ Москву къ царю Ивану Васильевичу, прося у него защиты отъ властолюбивыхъ стремленій хана Царь согласился на ихъ просьбу и послалъ свои войска въ Астрахань Русскіе взяли Астрахань и освободили отъ власти хана ногайцевъ. Вскорѣ. не сдерживаемые никакой внѣшней силой, ногайцы раздѣлились на три большія части: Большой Ногай, Малый Ногай и Джетысанъ (или 70-ти-тысячный) Съ теченіемъ времени эти три основныя орды разбились еще мельче: отъ Большого Ногая отдѣлилось нѣсколько сотъ кибитокъ и ушло за Яикъ къ р. Эмбѣ Кочуя около рѣки Эмбы,они утратили первое названіе и получили новое, джембойлуковъ (по Эмбѣ). Малый Ногай остался попрежнему на Волгѣ и свободно кочевалъ на волжскихъ степяхъ.

Въ 1630 году калмыцкій ханъ Хорлюкъ принялъ джембойлуковъ подъ свое покровительство и привелъ ихъ опять къ Волгѣ. Дѣти Хорлюка покорили ногаевъ, кочевавшихъ около Волги, и объединили, такимъ образомъ, джембойлуковъ и малыхъ ногаевъ.

Въ 1670 году, во время бунта Стеньки Разина и предъ взятіемъ имъ Астрахани, Ямгурчей, мурза Малаго Ногая, взялъ астраханскихъ юртовыхъ татаръ и ушелъ съ ними къ Тереку. Черезъ 2 года Аюка-ханъ калмыцкій собралъ все свое войско и, побѣдивъ Большой Ногай и Джетысанъ, привелъ ихъ опять къ Волгѣ, а Малый Ногай принудилъ давать опредѣленную дань. Позднѣе, въ 1696 году, Большой Ногай, предводительствуемый главными мурзами Джакшатъ-Мурзой и Агашъ-Мурзой, ушелъ отъ Волги за Кубань, захвативъ съ собой джетысанъ и джембойлуковъ. Здѣсь они вскорѣ подпали подъ власть крымскихъ хановъ. Но скитанія ихъ этимъ не оканчиваются: калмыцкій ханъ Чаюрдтанъ чрезъ нѣкоторое время снова привелъ джетысанъ и джембойлуковъ къ Волгѣ.

Дробясь все болѣе и болѣе, ногайцы подпадали подъ власть то крымскихъ, то калмыцкихъ хановъ и постоянно кочевали, то приближаясь къ Волгѣ. то удаляясь отъ нея къ Кубани и Тереку. Впослѣдствіи, когда калмыки потеряли всякое политическое значеніе, ногайцы еще болѣе разбились и во время окончательнаго покоренія русскими Кавказа, они представляли рядъ раздробленныхъ семей, совершенно безсильныхъ и политически ничтожныхъ. Когда Крымское ханство пало и владѣнія его на Кавказѣ подчинились Россіи, ногайцы кочевавшіе къ сѣверу отъ

Кубани, были переселены частью въ восточную половину Предкавказья, частью въ Мелитопольскій уѣздъ. Мѣра эта вызывалась необходимостью удалить кочевниковъ отъ вліянія турокъ, пользовавшихся всѣми случаями для возбужденія противъ русскихъ населенія Кавказа. Во время передвиженія, часть ногайцевъ успѣла бѣжать за Кубань къ враждебнымъ намъ горцамъ. На оставленныхъ кочевниками земляхъ были водворены черноморскіе казаки

Въ 1736 году, во время русско-турецкой войны, Малый Ногай былъ принятъ подъ покровительство русской власти и переведенъ кочевать между Терекомъ и Кумой. Въ 1790—1800 годахъ къ кизлярскимъ ногаямъ были приписаны часть джетышкульскихъ ногаевъ поколѣнія Кипчака, джетысаны и джмбойлуки. Часть послѣднихъ была присоединена къ туземцамъ, кочующимъ по р. Калау-су и отчасти по Кумѣ. Именнымъ указомъ въ 1799 году повелѣно было отвести всѣмъ ногайцамъ земли подъ кочевье около Каспійскаго моря. Часть ногайцевъ осталась во владѣніи шамхала Тарковскаго, гдѣ и теперь они кочуютъ; до 1863 года они находились подъ властью аксайскихъ и андерійскихъ владѣльцевъ.

Въ настоящее же время ногайцы, считавшіе во время могущества Золотой орды подвластными себѣ всѣ горскія племена, составляютъ мирное поселеніе между Кумой и Терекомъ. Они распадаются на восемь семей: калаусо-джембойлуковскихъ, калаусо-саблинскихъ, бештау-кумскихъ, эдиссанскихъ, ачикулакскихъ, джетышкульскихъ или эдишкульскихъ, эдиссано-джембойлуковскихъ, закубанскихъ и караногайцевъ. Изъ нихъ караногайцы, эдишкульцы и эдиссаны носятъ общее названіе *кизлярскихъ ногаевъ*. По всѣмъ вѣроятіямъ, кизлярскіе ногаи есть поколѣніе Кипчака, части Большого и Малаго Ногая.

Населеніе кизлярскихъ ногаевъ въ 1735 году состояло въ 420 котлахъ или казанахъ, раздѣленныхъ на 13 ауловъ. Каждый казанъ имѣлъ до 10 человѣкъ семейства и представлялъ податную единицу. Собственныхъ мурзъ они не имѣли, а управлялись черезъ опредѣленныхъ къ нимъ россійскихъ приставовъ. Каждый аулъ имѣлъ своего старшину, выбираемаго ежегодно. Для вѣрности ногайцевъ содержалось въ Кизлярѣ 15 аманатовъ или заложниковъ *), которымъ содержаніе доставлялось

*) Заложниками были дѣти богатыхъ караногайцевъ.

изъ домовъ. За пользованіе землей и охраненіе правительствомъ отъ набѣговъ кочующихъ племенъ караногайцы несли извѣстныя повинности, которыя состояли въ томъ, что они, съ основанія Кизляра и раньше во время войны, доставляли подводы для провіанта а также несли и другія обязанности по нарядамъ. Для этого караногайцы были раздѣлены на тягла, казаны; каждый казанъ былъ обязанъ нести извѣстную опредѣленную повинность. Когда прекратилась война, караногайцы были освобождены отъ натуральной повинности. Въ настоящее время караногайцы платятъ денежный сборъ по количеству скота (40 к. съ головы крупнаго и 16 к. съ головы мелкаго скота). Изъ этого сбора образуется такъ называемый караногайскій капиталъ, который идетъ на издержки по управленію караногайцами, содержаніе почты и проч

Сами караногайцы объясняютъ свое прозвище такъ: *караногай* значитъ *черный ногай*, т. е. непривилегированный ногай. У нихъ никогда не было привилегированныхъ сословій. Всѣ они были со дня своей самостоятельности равны и лишь средства да личныя достоинства возвышали нѣкоторыхъ изъ общей среды ихъ. Свое настоящее географическое положеніе они относятъ къ позднѣйшимъ временамъ Старики говорятъ, что ихъ предки пришли съ горъ и поселились на Терекѣ, а потомъ уже русскіе оттѣснили ихъ къ Каспійскому морю Вотъ разсказъ одного старика о древней ихъ территоріи, а также и о причинахъ переселенія на Терекъ.

Въ далекую пору, когда о русскихъ еще не было слышно, караногайцы жили тамъ, гдѣ теперь Карабулакская станица. Мирно пасли здѣсь они свои стада и жили, никого не трогая. Спокойная жизнь долго была удѣломъ добродушнаго народа, пока не появилось около него враждебное племя (вѣроятно, чеченцы). Это небольшое племя только и жило набѣгами да грабежами. Никакой осѣдлости, никакого имущества оно не имѣло. Долгое время терпѣлъ ханъ Карабулакъ ихъ продѣлки, долго выносили мирные ногаи своихъ злыхъ сосѣдей, которые съ теченіемъ времени стали еще смѣлѣй и все что ни попадалось воровали и убивали. Ханъ Карабулакъ, посовѣтовавшись со стариками, рѣшилъ прогнать безпокойное племя. Дѣйствительно, все оно было захвачено въ плѣнъ. Ханъ задумалъ всѣхъ перебить, но жена его упросила мужа, чтобы онъ посадилъ плѣнныхъ на корабли и

отправилъ далеко за море, взявъ съ нихъ слово никогда въ эти мѣста не заглядывать Ханъ согласился на просьбу жены и отправилъ безпокойное племя на корабляхъ (?). Но недолго наслаждались покоемъ караногайцы: спустя нѣсколько лѣтъ появилось еще болѣе многочисленное и злое племя. Пришлое племя не только уводило лошадей, скотъ похищало домашнія принадлежности, но воровало женщинъ. Не вынесли бѣдные караногайцы новаго горя, оставили прежнія кочевья и осѣли на правой сторонѣ Терека, а часть перешла на лѣвую, около Кизляра и Червленной.

На лѣвомъ берегу ногайцамъ пришлось столкнуться съ калмыками, издревле кочевавшими въ кизлярскихъ степяхъ. Перебравшаяся часть скоро попала въ зависимое положеніе отъ калмыцкихъ хановъ. Караногайцы должны были доставлять имъ масло, яйца, баранину, дичь, коня, который понравится калмыцкому хану. Особенно много вреда сдѣлалъ, по преданіямъ, Аюка-ханъ. Назойливыя требованія калмыцкихъ хановъ возбудили общее недовольство и караногайцы подъ предводительствомъ Тоганъ-мурзы («Громкій голосъ»), сына Сіунча (Сіунчъ-ханъ, по его имени названа рѣка Сунжа), отбросили калмыковъ далеко на востокъ До прихода русскихъ караногайцы занимали повсюду лѣвый берегъ Терека и постоянно кочевали съ своими стадами. Когда русская власть окончательно утвердилась на Кавказѣ, они были оттѣснены далѣе къ сѣверу и впослѣдствіи отдались подъ власть царю Петру*).

Этимъ и оканчивается преданіе караногайцевъ. Дѣйствительно, названіе урочищъ, масса могилъ съ татарскими памятниками, повсюду разбросанныхъ на земляхъ казачьяго войска по лѣвому берегу Терека,—прямые свидѣтели былой распространенности поселеній караногайцевъ. Про нѣкоторыя урочища и теперь среди караногайцевъ ходятъ разсказы легендарнаго характера

*) Противорѣчія въ легендѣ съ историческими свѣдѣніями. Караногайцы, по историческимъ указаніямъ, были поселены на лѣвой сторонѣ Терека русскимъ правительствомъ.

III.

Отношенія караногайцевъ къ окружающимъ народностямъ.—Общественное устройство.—Антропологическія свѣдѣнія.

Мирные и лѣнивые караногайцы относятся вообще равнодушно къ окружающимъ народностямъ, хотя и невсегда доброжелательно. Калмыки, сѣверные сосѣди караногайцевъ, не пользуются ихъ расположеніемъ. «О, это яманъ народъ: кровь пьетъ, падаль кушаетъ» *). Ни одинъ ногай не женится на калмычкѣ. Казаковъ караногайцы тоже не очень уважаютъ. «Тамъ всякаго тукума (рода, племени) народъ», говорятъ они, но все таки побаиваются ихъ; казаки, особенно въ былое время, широко пользовались трусливымъ характеромъ ногайца Къ русскому начальству и суду караногайпы относятся съ предубѣжденіемъ

Чеченцы въ настоящее время только случайно появляются въ средѣ караногайцевъ; но былыя враждебныя отношенія еще остались въ ихъ памяти. «Чечень—воръ, злой человѣкъ», раздраженно говорятъ они Равными себѣ караногайцы признаютъ эдиссанъ, эдишкульцевъ и затеречныхъ ногаевъ и всегда завязываютъ съ ними пріятельскія отношенія

На земляхъ Терскаго казачьяго войска разбросаны хутора «тавричанъ» (жителей Таврической губерніи, занимающихся въ обширныхъ размѣрахъ овцеводствомъ Въ отношеніяхъ къ нимъ караногаецъ всегда ставитъ себя въ зависимое положеніе.

Въ религіозномъ отношеніи караногайцы вполнѣ индифферентны. Кромѣ личнаго характера, причиной индифферентизма ногайцевъ служитъ ихъ крайнее невѣжество въ религіи вообще.

Несмотря на бѣдность обстановки и почти постоянное подневольное состояніе. караногайцы гордятся своими общественными порядками. «У насъ всякъ, кто можетъ», говорятъ они, «становится богатымъ и уважаемымъ». Нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ пользуются у нихъ муллы, за ихъ знанія и умѣніе читать Коранъ, но они не составляютъ привилегированнаго сословія, котораго вообще у караногайцевъ нѣтъ. Нерѣдко бываетъ, что и совсѣмъ бѣдный ногай пользуется большимъ вліяніемъ и почетомъ, исключительно лишь за свой умъ и опытность

*) Калмыки до сихъ поръ не убиваютъ животныхъ, а вырѣзываютъ у нихъ сердце и пьютъ кровь.

Живутъ караногайцы отдѣльными небольшими аулами, разбросанными другъ отъ друга верстъ на 5—6. Мѣстоположеніе этихъ ауловъ не постоянно, такъ какъ караногайцы раза 2, а иногда и болѣе въ мѣсяцъ перекочевываютъ. Кочевки -- необходимое условіе ихъ жизни. Скотоводство —одна изъ причинъ, заставляющая ихъ искать другого мѣста. Гигіеническія условія также требуютъ перемѣны. Караногайцы живутъ крайне нечистоплотно; мелкій скотъ на ночь загоняютъ въ загородки около кибитки; здѣсь-же хозяйка выливаетъ помои, моетъ бѣлье и т. п. Все это до такой степени заражаетъ воздухъ, что еще издали чувствуется присутствіе ногайскаго аула.

Численность караногайцевъ не велика; по оффиціальнымъ исчисленіямъ, къ 1-му января 1892 года ихъ насчитывалось около 29 тысячъ. Но въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, больше, 30—40 тысячъ. Въ послѣднее время, какъ мнѣ не разъ замѣчали караногайцы, численность ихъ значительно убываетъ. Какъ на одну изъ причинъ этого, они указываютъ на измѣнившіяся климатическія условія (съ приходомъ русскихъ, по ихъ словамъ, стало холоднѣе).

Простота и нетребовательность въ жизни караногайцевъ поразительны; зимой и лѣтомъ жилище у нихъ одно и то же— дырявая войлочная кибитка. Домашнее хозяйство чрезвычайно невелико. Весь домашній скарбъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подушекъ, 2—3 войлока, сундукъ, котелъ для варки чая, треножникъ, 2—3 кадки, гдѣ хранится «пишлякъ» (ногайскій сыръ)— и только. У нѣкоторыхъ, болѣе зажиточныхъ, появляются въ послѣднее время кровати, столы, самовары и т. п. Большею частью эти предметы культурной жизни ногаецъ имѣетъ не для себя, а для пріѣзжихъ гостей—русскихъ. Самъ же онъ съ большимъ удовольствіемъ растянется на войлокѣ или коврѣ, разостланномъ на землѣ.

Караногайцы дѣлятся на *кубы* (роды). Кубовъ четыре: Кипчаковъ-кубъ, Миновъ-кубъ Наймановъ-кубъ и Теркъ-кубъ. Во главѣ каждаго куба стоитъ старшина, избираемый на три года членами куба. Совмѣстно всѣми кубами выбирается голова, также на три года.

Въ былое время голова караногайцевъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и почетомъ Но съ учрежденіемъ приставствъ, а потомъ и участковыхъ начальниковъ, которымъ они были подчи-

неиы, головы почти утратили свое значеніе и въ настоящее время у нихъ осталось только почетное званіе. Кромѣ того, обществомъ избираются судьи, содержится писарь въ Терекли-Мектебѣ *) и школа, открытая лѣтъ 8 тому назадъ.

Кубы дѣлятся на *аулы* (семейства). Члены одного и того же аула не могутъ вступать въ бракъ Аулы носятъ названіе своихъ родоначальниковъ или основателей. Эти «аулы» (семейства) не слѣдуетъ смѣшивать съ аулами-поселеніями, которые могутъ заключать въ себѣ не только нѣсколько членовъ разныхъ ауловъ-семействъ, но и членовъ разныхъ кубовъ. Однако несмотря на такое внѣшнее смѣшеніе, караногайцы хорошо знаютъ, кто какого аула, какого куба. Число ногайскихъ ауловъ-семействъ въ настоящее время не увеличивается, между тѣмъ какъ аулы-поселенія образуются почти съ каждой новой перекочевкой караногайцевъ.

У караногайцевъ фамилій нѣтъ, хотя русская власть старается установить нѣкоторый порядокъ въ этомъ отношеніи. Караногайцы называютъ другъ друга по имени, а фамилію производятъ отъ имени отца. Это обстоятельство весьма серьезно мѣшаетъ установить точно принадлежность ногайца къ роду; такъ внукъ уже не сохраняетъ фамиліи дѣда, а является съ новой фамиліей. Но ногайцы привыкли считаться съ этимъ неудобствомъ и очень легко по памяти возстанавливаютъ принадлежность даннаго лица къ тому или другому роду.

Несмотря на постоянныя столкновенія съ различными народностями Кавказа ногайцы по внѣшности (за исключеніемъ нѣкоторыхъ семействъ, какъ напр. затеречныхъ) почти не измѣнились и до сихъ поръ ими не утрачены основныя черты типа монгольской расы. Какъ по типу, такъ и по своему образу жизни ближе къ предкамъ монголо-татарамъ стоятъ кочующіе караногайцы. Отъ своихъ соплеменниковъ—эдиссанскихъ, эдишкульскихъ, затеречныхъ и друг. ногайцевъ—караногаецъ отличается меньшимъ ростомъ, почти полнымъ отсутствіемъ таліи и сравнительно чаще встрѣчающимся кругловатымъ оваломъ лица. Ближе къ караногайцамъ по внѣшности стоятъ карачаевцы. Цвѣтъ лица караногайца желтовато-мѣдный, кожа на лицѣ, отъ смѣси жира

*) Центръ управленія кочующими караногайцами—мѣстечко Терекли-Мектебъ. Здѣсь живутъ начальникъ участка, главный священникъ караногайцевъ и нѣсколько осѣдлыхъ караногайскихъ семействъ.

и грязи, блеститъ и лоснится. На лицѣ растительность очень скудная: нѣсколько волосъ въ бородѣ да немного болѣе въ усахъ. Усы всегда подстрижены (по завѣщанію Магомета).

Караногайцы довольно лѣнивы; нѣкоторые изъ нихъ физической работой почти не занимаются. Праздность и бездѣятельность—ихъ обычное препровожденіе времени. Особой ловкости они не проявляютъ даже на лошади, хотя съ самыхъ малыхъ лѣтъ привыкаютъ къ ней и безъ сѣдла могутъ скакать на далекія разстоянія.

По внѣшности караногайцы производили бы нѣсколько лучшее впечатлѣніе, если бы не грязный, неопредѣленно распущенный характеръ ихъ костюма. Все у нихъ широко, свободно и безобразно. Та-же распущенность отражается и на всей его фигурѣ. Кажется, что и руки и ноги у него не свои, всѣ члены работаютъ вяло. За то кораногайцы обладаютъ чрезвычайно острымъ зрѣніемъ; издали замѣтивъ чуть мелькающую точку, они безошибочно опредѣляютъ предметъ. Они прекрасные слѣдопыты.

Наиболѣе любимые караногайцами цвѣта —красный, желтый, бѣлый и синій. Вся одежда и внутреннее убранство кибитки представляютъ яркое сочетаніе этихъ цвѣтовъ, особенно первыхъ трехъ

Музыки и пѣнія у караногайцевъ почти нѣтъ; два-три монотонныхъ мотива, нѣсколько пѣсенъ (отрывковъ изъ поэмъ) историческаго характера, да простые музыкальные инструменты: трехструнная балалайка (*хомузъ*) съ удлиненной нижней частью и пастушескій рожокъ (*біюзъ*)—вотъ и всѣ данныя музыкальнаго развитія. Хоровое пѣніе также не развито; если и поетъ ногай, то большею частью одинъ. Ѣдетъ онъ по однообразной степи, скучно станетъ, или на память что придетъ,—и затянетъ безхитростную пѣсню. Зачастую пѣвецъ самъ-же композиторъ и импровизаторъ. Мысль пѣсни обыкновенно несложная; большею частью ногай воспѣваетъ свой нетребовательный идеалъ жизни, свою поѣздку, новую покупку и т. п. Вотъ, напр., одна изъ любимыхъ обыденныхъ пѣсенъ караногайцевъ: «Хорошо имѣть плодородную жену и верблюда. Хорошо, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, положить свое добро на верблюда; жена поведетъ верблюда, а сыновья пойдутъ спереди, сзади съ боковъ» Или: «Ѣду я домой изъ города, купилъ я то-то» и въ этомъ родѣ безъ конца. Но есть между ними старики, пѣвцы историческихъ

пѣсенъ, ногайскіе трубадуры. У нихъ музыкальное чувство болѣе развито. Содержаніе пѣсенъ относится обыкновенно къ эпохѣ процвѣтанія Золотой орды; особенно они богаты эпизодами изъ періода царствованія извѣстнаго въ исторіи хана Тохтамыша, а также изъ временъ Мамая Самая форма, блестящая великолѣпными поэтическими оборотами, заимствована и принесена татарами изъ далекой родины—Азіи. Но современные караногайцы почти забыли свое золотое прошлое, а молодежь и вовсе имъ не интересуется Мотивъ историческихъ пѣсенъ протяжный, причемъ первая часть поется громче, вторая тише, третья еше тише и т. д.

Иногда пѣсни поются такъ: пѣвецъ быстро произноситъ речитативомъ первыя слова, кончаетъ строфу на-распѣвъ и затѣмъ неожиданно издаетъ тонкой фистулой протяжный окликъ, похожій на какой то призывной сигналъ. Подхваченный хоромъ, послѣдній слогъ, переливаясь въ звуки и-и-а-у, напоминаетъ завываніе степного вѣтра. Въ этихъ звукахъ слышатся былая сила и дикій произволъ, которымъ уже не воскреснуть болѣе въ жизни.

Прозвищъ у караногайцевъ довольно много. Наиболѣе характерныя: курносый—*манка*. кривой—*сокоръ*, косолапый—*коекъкозъ* Уродства встрѣчаются очень рѣдко и большею частью бываютъ слѣдствіемъ естественныхъ причинъ. Условія жизни заставляютъ урода повозможности приспособляться къ ея требованіямъ. Такъ, мнѣ удалосъ видѣть одного ногайца, у котораго отъ рожденія все, за исключеніемъ лица, было страшно изуродовано: и ноги, и руки, и все туловище развиты неправильно, но онъ очень ловко взбирался на лошадь и сидѣлъ на ней крѣпко, не хуже другого здороваго.

Общая манера говора медленная, съ паузами и короткими восклицаніями. Въ голосѣ слышны преимущественно контральтовыя ноты. Характеръ бесѣды мирный, спокойный; ни рѣзкаго движенія, ни непріятнаго жеста вы не увидите. Собесѣдники большею частью сидятъ потупившись, кажется, будто собрались какіе то мудрецы и говорятъ однѣ истины. Долго, долго сидитъ ногай на корточкахъ, затѣмъ перемѣнитъ положеніе, приляжетъ на бокъ и, покуривая, по временамъ изрекаетъ отрывки мыслей. Старики обыкновенно въ промежуткахъ рѣчи вставляютъ слова какой нибудь молитвы Молодежь говоритъ быстрѣе и односложнѣе. Тонъ рѣчи веселый, пересыпанный шутками и остротами, форма выраженій отрывистая.

Походка у караногайца неувѣренно медленная. Онъ какъ бы боится ступить на землю. Стоя старики слегка опираются на палку, а молодые переминаются съ ноги на ногу.

Караногайскія женщины имѣютъ тѣ-же характерныя черты монгольской расы, какъ и ихъ лѣнивая мужская половина. Ни красотой, ни изяществомъ, ни стройностью онѣ не могутъ похвалиться Вѣчно грязная, плохо одѣтая, иногда чуть не голая, караног.йка постоянно занята грязной тяжелой работой, за которою ей некогда заботиться о женской привлекательности. Дѣвушки, скорѣе дѣвочки (13—14 лѣтъ онѣ выходятъ замужъ) встрѣчаются иногда красивыя, но если вы всмотритесь повнимательнѣе въ лицо, то увидите знакомыя черты или русскаго, или чеченскаго типа; очевидно, это потомки плѣнницъ былого времени. Въ 35 - 40 лѣтъ женщины поражаютъ своимъ безобразіемъ: сухія, костлявыя, съ милліонами морщинъ на лицѣ, съ прядью неряшливо содержимыхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ грязнаго головного платка, съ обострившимися чертами лица, онѣ производятъ отталкивающее впечатлѣніе.

Караногайка постоянно въ движеніи. Едва только она выйдетъ замужъ, какъ вся тяжесть домашнихъ работъ взваливается на ея плечи, и она съ замѣчательной энергіей выноситъ тяжелую долю вѣчной труженицы. Постоянный трудъ, сознаніе своей важности въ жизни мужа вызвали у караногайскихъ женщинъ увѣренность въ себѣ; это сознаніе отразилось на ея походкѣ, на говорѣ, на всѣхъ движеніяхъ; она ходитъ и говоритъ твердо, увѣренно, смѣло. Когда она наединѣ, вы не замѣтите у нея обычной лѣни и апатіи; но стоитъ появиться мужчинѣ, тотчасъ же движенія ея становятся апатичными, голосъ неувѣреннымъ. Однако встрѣчаются бойкія женщины, которыя и въ присутствіи мужчинъ держатъ себя вполнѣ свободно.

Дѣвушки вообще мало говорятъ даже въ присутствіи своихъ подругъ и женщинъ. Скромность считается лучшимъ качествомъ дѣвушки, и онѣ стараются поддержать свою репутацію.

IV.

Жилища, домашняя утварь и одежда.

Неблагопріятныя условія кочевой жизни, служатъ причиной полной неопредѣленности въ характерѣ расположенія жи-

лищъ караногайщевъ. Они селятся и большими и малыми аулами; иной разъ встрѣчается и одинокая кибитка—все достояніе бѣдняка караногайца Въ былое время, когда еще были крѣпки традиціи родового быта, караногайцы селились большими аулами; аулъ состоялъ изъ членовъ, принадлежащихъ къ одному роду, и носилъ общее названіе родоначальника.

Родовой союзъ имѣлъ огромное значеніе въ былой жизни кочевника Постоянныя столкновенія, тревоги, нападенія непріятеля заставляли его искать защиты и помощи у рода; религіозный культъ домашняго очага также имѣлъ свою священную власть. Въ настоящее время внѣшнія условія жизни измѣнились и родовая форма постепенно уступаетъ мѣсто индувидуалистическому строю. Каждый ногай хочетъ быть хозяиномъ; если есть средства, онъ разводитъ косякъ лошадей, стадо овецъ и старается жить отдѣльно отъ своихъ родственниковъ. Богачи всегда живутъ отдѣльно; около нихъ обыкновенно группируются кибитки бѣдныхъ, постороннихъ или родственниковъ. служащихъ по найму.

Селятся караногайцы около колодцевъ, издавна выкопанныхъ и служившихъ уже не одному поколѣнію Такіе колодцы разсѣяны по всей степи и караногайцы періодически переходятъ отъ одного къ другому. Кочевки начинаются съ весны и продолжаются до поздней осени, причемъ караногайцы то соединяются по нѣскольку кибитокъ вмѣстѣ, то дробятся на двѣ, три и болѣе. Количество кибитокъ, группирующихся вмѣстѣ, находится въ зависимости отъ удобствъ для выпаса скота, присутствія воды, близости станицъ и т. п.

Въ началѣ осени караногайцы собираются въ большіе аулы и занимаютъ или русла высохшихъ рѣкъ, или глубокія долины въ пескахъ для защиты отъ стужи и холодныхъ сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Общинные аулы составляютъ отъ 15-ти до 50-ти и болѣе безпорядочно разбросанныхъ калмыцкихъ кибитокъ, тѣснящихся у какого нибудь грязнаго колодца. Около каждой кибитки маленькіе плетневые загоны для мелкаго скота. Кое-гдѣ между кибитками ютится утовъ—маленькая кибитка для прислуги или женъ.

Жилища караногайцевъ дѣлятся на два типа. Наиболѣе распространенными являются калмыцкая кибитка—*терме* и маленькая неразбирающаяся кибитка, древнее жилище ногайцевъ—*утовъюй*. Гораздо рѣже встрѣчаются саманныя сакли, которыя въ

большинствѣ случаевъ служатъ помѣщеніемъ для мечетей. Русскія постройки, находящіяся въ центрѣ управленія, м. Терекли, для мѣстной администраціи, сельскаго правленія и школы, появились по инпціативѣ русскаго правительства. Въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ есть саманныя сакли, караногайцы большую часть года проводятъ все-таки въ кибиткахъ, стоящихъ здѣсь-же около каждой сакли.

По внѣшнему виду кибитка похожа на широкій русскій стогъ сѣна. Она имѣетъ двѣ основныя части: цилиндрическій остовъ и покатую тростяную крышу; то и другое покрывается войлоками. Устанавливаютъ кибитку такъ: раньше всего кладутъ на выбранное мѣсто куполъ—*шагаракъ*, имѣющій въ діаметрѣ аршина полтора; принимая его за центръ, устанавливаютъ вокругъ него шесть раздвижныхъ косяковъ *теримъ*, состоящихъ изъ тонкихъ орѣховыхъ прутьевъ, связанныхъ деревянными шалнирами въ видѣ рамки русской бороны, такъ что рамка эта можетъ сдвигаться и раздвигаться. Затѣмъ «теримы» раздвигаютъ такъ, чтобы высота ихъ была аршина $2^1/_4$—$2^1/_2$, и связываютъ волосяной веревкой Два крайнихъ «терима» прикрѣпляются къ двери, которая состоитъ изъ двухъ половинъ, $1^1/_2$ ар. длины и $^1/_2$ ар. ширины каждая. Обѣ половинки двери вращаются на шалнирахъ и украшены дощечками съ яркими звѣздообразными рисунками. Порогъ обыкновенно очень высокъ

Образовавшійся такимъ образомъ цилиндръ скрѣпляется широкой волосяной лентой, которая идетъ отъ одной стороны двери, охватываетъ верхъ цилиндра и закрѣпляется у другой стороны двери. Потомъ втыкаютъ пять или шесть тростей въ «шагаракъ», приподнимаютъ его и въ промежутки между тростями вставляютъ «теримы», накидывая привязанныя къ нижнимъ концамъ тростей петли изъ тонкихъ волосяныхъ веревочекъ на концы рѣшетки «теримовъ», такъ что между ними и «шагаракомъ» образуется пустое пространство, заполняемое затѣмъ 54-мя изогнутыми тростями, образующими вмѣстѣ съ «шагаракомъ» крышу кибитки. Получается жилище, про которое можно сказать: дыръ много, а вылѣзти негдѣ, за исключеніемъ двери. Остовъ кибитки покрывается войлоками, въ крышѣ оставляется отверстіе для выхода дыма.

Утовъ строится нѣсколько иначе. Онъ представляетъ отрѣзокъ цилиндра съ крышей шаровой поверхности. Остовъ его со-

стоитъ изъ переплетенныхъ широкихъ пластинокъ, съ круглымъ небольшимъ отверстіемъ вверху и боковымъ для двери; въ общемъ утовъ достигаетъ сажени въ діаметрѣ и столько-же въ вышину. Бокъ и верхъ, за исключеніемъ двери и небольшого отверстія вверху, покрываются войлокомъ, который наглухо прибивается гвоздями. Утовъ очень легокъ и упругъ; его свободно можно перекатывать по землѣ, не разбирая по частямъ. Въ настоящее время утовъ мало распространенъ и большею частью встрѣчается у небогатыхъ караногайцевъ съ большими семействами. Обыкновенно молодую чету родители отдѣляютъ въ утовъ, такъ какъ дать новую кибитку дорого. Спустя нѣкоторое время, когда у молодыхъ появятся дѣти, они стараются завести себѣ калмыцкую кибитку.

Внутреннее убранство кибитки въ общихъ чертахъ таково: прямо противъ входа у стѣны положено 2—3 войлока, покрытыхъ ковромъ. Это мѣсто рѣдко кѣмъ изъ хозяевъ бываетъ занято; оно предназначено, какъ почетный уголъ въ русской избѣ, для гостей. У стѣны, на особой сучковатой вѣшалкѣ, виситъ кое-какая одежда, принадлежности сбруи и пр. Направо отъ двери тамъ и сямъ разбросана, какъ говорятъ караногайцы «хурдамурда», т. е. различныя хозяйственныя принадлежности: котелъ, сито, мѣшокъ съ мукой, кадка для сбиванія масла, кадка съ «пишлякомъ» (ногайскій сыръ); здѣсь-же валяется и треножникъ, на который становится котелъ для приготовленія калмыцкаго чая. По стѣнамъ у богатыхъ развѣшаны ковры. Окрашиваютъ кибитку внутри красной краской, рѣзьба встрѣчается только на дверяхъ.

Для отопленія главнымъ образомъ употребляется кизекъ. Недостатокъ топлива заставляетъ караногайца дорожить кизекомъ, и караногайскія женщины съ большимъ терпѣніемъ собираютъ это дорогое для нихъ сокровище.

Самая существенная часть кибитки—очагъ. У очага сгруппировано все; около него проходитъ вся жизнь караногайца. Здѣсь онъ родится и умираетъ; очагъ свидѣтель и горя и радостей его. Магометанская религія ослабила древній языческій культъ огня и очагъ утратилъ *) духовное значеніе, но и въ настоящее вре-

*) Въ одномъ вѣрованіи у ногайцевъ еще сохранился остатокъ древняго культа огня въ связи съ культомъ предковъ. Въ одинъ изъ

мя въ обыденной жизни очагъ составляетъ центръ, къ которому оптяготѣетъ вся несложная жизнь кочевника. Очагъ не имѣетъ опредѣленнаго устройства: на землѣ посреди кибитки накладываютъ дровишекъ, кизеку, ставятъ треножникъ, а на него навѣшиваютъ котелъ, въ которомъ кипятятъ калмыцкій чай Огонь поддерживаютъ женщины; караногаецъ ни за что не повернется, чтобы подбросить дровъ или кизеку въ очагъ.

Домашней посуды у караногайцевъ немного: котелъ, въ которомъ варятъ чай, деревянныя ложки и такія-же тарелки—вотъ и вся посуда въ обыденной жизни кочевниковъ. Они ѣдятъ изъ общаго блюда руками (по завѣщанію Магомета). Изъ домашнихъ орудій можно отмѣтить топоръ и лопату.

Оружіе, даже такое распространенное на Кавказѣ, какъ кинжалъ и пистолетъ, мнѣ приходилось встрѣчать сравнительно рѣдко Единственное оружіе для обороны (караногайцы никогда не нападаютъ) это быстрая лошадь, плетка да *укюкъ*—шестъ съ петлей на концѣ Сами караногайцы орудій не дѣлаютъ и все, что необходимо имъ въ домашней жизни, они покупаютъ. Металлургія имъ совершенно неизвѣстна и даже разсказовъ мнѣ не удавалось слышать.

Довольно высокая температура большей части года и постоянство климата степи пріучили караногайца не заботиться много объ одеждѣ. При взглядѣ на него кажется, что на немъ все надѣто только на минуту: мимоходомъ наброшенъ бешметъ, наскоро надвинута шапка, обуты первые попавшіеся сапоги. Лѣнь, безпечность и свобода тѣла слишкомъ дороги душѣ караногайца; онъ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы подтянуть или поправить свой костюмъ, который болтается на немъ при каждомъ движеніи.

Мужской костюмъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

Ситцевая рубашка—*койлекъ*, по покрою похожа на русскую, съ прямымъ воротомъ и довольно широкими рукавами

Штаны также изъ ситца, широкіе, цилиндрической формы.

праздниковъ вся семья караногайца отъ мала до велика должна мирно вкушать пищу у *очага* и *поминать* умершихъ родственниковъ. Въ этотъ день, по ихъ вѣрованію, души умершихъ освобождаются изъ тьмы и приходятъ къ кибиткамъ живыхъ родственниковъ; видя живую бесѣду и поминаніе у очага, души радуются и, наоборотъ, горюютъ и плачутъ, если родственники ссорятся и не собираются вмѣстѣ у очага.

Бешметъ—копія казацкаго бешмета. Ногайцы носятъ его поверхъ рубашки и почти всегда нараспашку

Халатъ—*чепкенъ*, по покрою слегка похожъ на черкеску, только съ болѣе широкими рукавами, не застегивается, безъ газырей.

Богатые носятъ бурки, иногда украшенныя серебрянымъ и золотымъ позументомъ.

Сапоги (*этыкъ*) козловые, съ вычурной вышивкой на узкихъ голенищахъ, къ нимъ-же галоши (*такишъ*).

Чулки (лѣтомъ ходятъ на босу ногу) валеные, собственнаго издѣлія, весьма грубые какъ по формѣ, такъ и по качеству матеріала.

На головѣ носятъ шапки изъ бараньей шкуры и маленькія татарскія скуфейки (*ятахъ*).

Вотъ и весь несложный гардеробъ караногайца. Какъ богатый, такъ и бѣдный имѣютъ всѣ эти одежды. У богатыхъ только матеріалъ получше и подороже. Въ послѣднее время, какъ необходимая принадлежность костюма богатаго караногайца, появились часы съ длинной серебряной цѣпочкой, которую счастливый обладатель непремѣнно старается выставить на-показъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вытаскиваетъ часы, забавляясь, какъ дитя, замысловатой игрушкой. Любовь и уваженіе къ блеску характерная черта караногайца; чѣмъ больше видитъ онъ на какомъ нибудь чиновникѣ или казакѣ блестящихъ нашивокъ, тѣмъ болѣе питаетъ уваженія къ нему.

Одежда караногайской женщины носитъ тотъ-же характеръ общей распущенности, какъ и костюмъ ногайца; отличается только болѣе яркимъ сочетаніемъ любимыхъ цвѣтовъ востока: краснаго, желтаго, бѣлаго и голубого.

Ногайки не мастерицы наряжаться и нисколько не прогрессируютъ въ этомъ отношеніи; онѣ истыя хранительницы завѣтовъ старины. Лѣтомъ большую часть дня замужняя ногайка ходитъ въ длинной рубашкѣ, штанахъ и шапкѣ съ длиннымъ бѣлымъ платкомъ на головѣ; молодыя женщины и дѣвушки всегда одѣты во всѣ свои одежды; обычай не допускаетъ, чтобы дѣвушка или молодая женщина ходили въ одной рубашкѣ.

Женскую одежду составляютъ:

Длинная рубаха просторнаго покроя съ широкими рукавами, большей частью красная, обыкновенно изъ кумача.

Штаны изъ ситца восточнаго покроя, т. е. широкіе и повыше ступни стягивающіеся шнуркомъ

Кафтанъ, довольно длинный, со сборками, слегка похожій на мужскую черкеску.

Беркъ—шапка передняя часть съ мѣховой опушкой (куница).

Сверхъ шапки замужнія женщины носятъ *тастаръ*—длинный бѣлый платокъ, завязывающійся у затылка Онъ настолько длиненъ, что у многихъ женщинъ волочится по землѣ, какъ шлейфъ По разсказамъ, «тастаръ»—остатокъ восточнаго покрывала; въ давнюю пору женщина закутывалась въ него совсѣмъ и вполнѣ закрывала лицо. Нравы измѣнились, суровая строгость востока смягчилась; вмѣсто покрывала появился «тастаръ», который, конечно, современемъ перейдетъ въ обыкновенный платокъ. Дѣвушки «тастара» не носятъ и покрываютъ голову ярко-краснымъ платкомъ. Какъ только дѣвушка выйдетъ замужъ, тотчасъ-же надѣваетъ «беркъ» и «тастаръ». Красивый «беркъ»—идеалъ кокетливой караногайки.

Козловыя башмаки съ закрученными вверхъ носками

Въ ушахъ огромныя серьги, а замужняя и даже только засватанная носитъ кольцо, вдѣтое въ одну изъ ноздрей На пальцахъ кольца и перстни плохой работы, большею частью мѣдныя. На шеѣ караногайки иногда носятъ ожерелье изъ серебряныхъ русскихъ и турецкихъ монетъ, или-же изъ стеклянныхъ бусъ.

До 10—лѣтняго возраста караногаецъ ходитъ почти голый; дѣвушка-же начинаетъ одѣваться лѣтъ съ 6—7. Ранній выходъ замужъ побуждаетъ дѣвушку наряжаться съ юныхъ лѣтъ; къ 11—12 годамъ она считается уже невѣстой, въ 13—14 выходитъ замужъ

Праздники мало отражаются на костюмѣ ногайцевъ. Мужчины почти всегда носятъ одну и ту-же одежду и праздничный нарядъ отличается только тѣмъ, что на ногахъ появляются сапоги. Въ обыденной жизни караногай сапогъ не носитъ, а щеголяетъ въ поршняхъ

Умершихъ караногайцы, по магометанскому обычаю, не одѣваютъ; обыкновенно мулла съ прислугой омываютъ тѣло умершаго завертываютъ въ бѣлый коленкоръ—саванъ, а потомъ широкими лентами обвиваютъ кругомъ нѣсколько разъ и завязываютъ; когда-же умершаго положатъ въ могилу, ленту развязыва-

ютъ, «чтобы при будущемъ воскресеніи умершему легче было выйти изъ своей могилы.»

Въ послѣднее время у караногайцевъ наблюдается наклонность къ европейскимъ костюмамъ. Живущіе вблизи городовъ или станицъ мало по-малу начинаютъ одѣваться по-евр пейски, хотя со стороны представителей древнихъ обычаевъ, стариковъ и старухъ, встрѣчается большое препятствіе въ быстромъ ростѣ культуры въ этомъ отношеніи.

V.

Пища и питье.

Общая бѣдность и кочевая жизнь пріучили караногайца довольствоваться малымъ въ своей пищѣ Ногай счастливъ, если онъ пьетъ калмыцкій чай разъ 5 – 6 въ день, если есть у него чурекъ (хбѣбная лепешка) къ чаю да кусокъ сыру своего приготовленія. За чаемъ ногай забываетъ и свое горе и свою бѣдную, убогую жизнь. Приготовленіе чая - обязанность женщинъ, но богатые держатъ для этого отдѣльную прислугу. Приготовляется чай довольно грязно Ногайка беретъ большой котелъ, покрывшійся отъ времени жирнымъ сѣроватымъ слоемъ грязи, слегка сполоснетъ его, не вытирая, наливаетъ водой и ставитъ на огонь. Когда вода начинаетъ закипать въ котелъ всыпается кирпичный чай, слегка измельченный, и черезъ нѣкоторое время прибавляется немного масла и молока. Чтобы частицы масла и молока лучше смѣшались съ водой, чай «перебиваютъ»: зачерпнувъ ложкой изъ котла, его снова выливаютъ обратно. Когда чай достаточно остынетъ, хозяйка разливаетъ его въ особые ковши (*аякъ*) всѣмъ поровну и нарѣзываетъ мелкими ломтями чурекъ и сыръ.

Чурекъ готовится иногда одновременно съ чаемъ. Хозяйка беретъ муку (пшеничную или кукурузную), подливаетъ немного воды и, круто замѣсивъ, катаетъ довольно толстыя лепешки, кладетъ ихъ по одной на сковороду и, закрывши другой сковородой, ставитъ въ огонь, разгребая для этого кучу нагорѣвшаго пепла и накладывая сверху горящихъ углей или тлѣющаго кизеку. Черезъ полчаса чурекъ готовъ

Ногайскій сыръ не вкусенъ и только нетребовательный кочевникъ считаетъ его однимъ изъ лучшихъ кушаній. Приготов-

леніе сыра также очень просто. Для этого свернувшееся*) молоко безъ сливокъ кладутъ въ сильно просоленую сыворотку и помѣщаютъ на нѣсколько дней подъ прессъ. Чрезъ недѣлю сыръ готовъ. Свѣжій сыръ сладковатаго вкуса, а хорошо просоленый и выдержанный напоминаетъ низкіе сорта швейцарскаго Нѣкоторые караногайцы занимаются скупкой этого сыра и съ большой выгодой продаютъ его въ Кизлярѣ.

Чай, чурекъ и сыръ—обыденная пища караногайца. Но въ большіе праздники, или по случаю пріѣзда важнаго гостя, ногай разнообразитъ свой скудный столъ мясомъ: варится баранина, жарится шашлыкъ, приготовляется «шорба», кумысъ, арака—спиртный напитокъ изъ молока Любимое кушанье составляетъ *бишбармакъ*, въ приготовленіи котораго караногаецъ достигаетъ верха своей гастрономической изобрѣтательности: варится баранина, рѣжется на тонкія ломти, прибавляется вареный рисъ и довольно много масла; вся эта смѣсь тщательно перемѣшивается

Когда нѣтъ времени, или гость не особенно почтный, то обыкновенно подаютъ просто вареную баранину. Старшему подается голова, печенка и курдюкъ; отвѣдавъ каждой изъ этихъ частей понемногу, старшій даетъ ихъ слѣдующему и т д. Для запиванія мяса приносятъ въ чашкахъ *шорбу*—отваръ баранины Иногда приготовляется горячій *буламыкъ*—заваренная болтушка изъ пшеничной муки съ кусочкомъ сыра. Не менѣе почетное кушанье—лошадиное мясо, особенно мясо жеребенка. Богатый ногай считаетъ своимъ долгомъ, если гость почетный, зарѣзать для него лучшаго жеребенка Изъ мяса жеребенка приготовляются тѣ-же кушанья. Коровъ и телятъ рѣжутъ только въ большіе праздники. Ногайцы не брезгуютъ и больными животными: заболѣетъ теленокъ, лошадь—ногай прирѣжетъ и устроитъ настоящее пиршество. Растительная пища, за исключеніемъ хлѣба и проса, встрѣчается только у нѣкоторыхъ караногайцевъ, живущихъ осѣдло (въ мѣстности Терекли-Мектебъ). Они занимаются земледѣліемъ, сѣютъ арбузы, огурцы, рѣдьку и проч.

За столомъ караногайцами соблюдается нѣкоторый порядокъ: сначала обыкновенно ѣдятъ мужчины постарше, потомъ моло-

*) Чтобы молоко скорѣе свернулось, въ него кладется часть желудка какого нибудь животнаго.

дежь; остатки передаютъ женщинамъ, и тѣ уже дѣлятся съ дѣтьми. Когда гостей нѣтъ, то старшія женщины, мать и старшая жена, ѣдятъ вмѣстѣ съ мужчинами. Опредѣленныхъ часовъ для пріема пищи у ногайца нѣтъ. Только въ часы «намаза» (молитвы) ногай не можетъ ѣсть; въ остальное же время готовъ ѣсть и просиживать надъ чаемъ цѣлые дни.

Всю пищу ногайцы ѣдятъ безъ помощи вилокъ, ложекъ и проч., считая подобныя приспособленія грѣхомъ. Старики разсказываютъ, что раньше, до Магомета, ногайцы имѣли и ложки и ножи, но Магометъ почему то запретилъ. Однако въ послѣднее время вліяніе русской культуры начинаетъ проявляться и въ этомъ отношеніи; у богатыхъ караногайцевъ можно встрѣтить и ложки, и вилки, и даже тарелки.

Караногайцы держатъ понемногу куръ, индѣекъ, но сами рѣдко употребляютъ ихъ въ пищу. Большею частью домашняя птица идетъ для продажи. Хищныхъ птицъ и звѣрей они считаютъ нечистыми и никогда не употребляютъ въ пищу. Къ числу нечистыхъ животныхъ относится и любимая русскимъ народомъ свинья. Прежде нашъ народъ ѣлъ свиней», говорятъ караногайцы, «но пророкъ запретилъ; съ тѣхъ поръ ни одинъ правовѣрный не коснется мяса свиньи, боясь прогнѣвить пророка». Есть у караногайцевъ и два разсказа, которыми мотивируется запрещеніе ѣсть свиное мясо.

Однажды Магометъ возвращался съ пріятельской бесѣды навеселѣ. До дома далеко, голова шумитъ, онъ и прилегъ отдохнуть на кучу навоза. Глубокій сонъ смежилъ усталые глаза пророка. Но сонъ былъ не простой. Во снѣ душа Магомета вознеслась на небо и воспринимала святыя откровенія Аллаха о томъ, чему и какъ учить народъ. Въ самый высшій моментъ созерцанія Аллаха грубый толчекъ заставляетъ Магомета проснуться. Разсерженный и недовольный видитъ онъ, что его толкаетъ свинья. И проклялъ тогда Магометъ свинью за то, что она нарушила его богооткровенные сны, назвалъ ее нечистой и не велѣлъ до конца вѣка ѣсть свиное мясо. «Въ ней чертъ былъ», —пояснилъ разсказчикъ, «а потому Магометъ и назвалъ ее нечистой и не велѣлъ употряблять въ пищу».

Другой разсказъ такого содержанія:

Въ дремучемъ лѣсу спасался истинный исповѣдникъ правой вѣры. День и ночь молился онъ Аллаху, и душа его начала

возвышаться до созерцанія Творца вселенной. Но покой его смущенъ былъ темной силой. Однажды, поздно вечеромъ, пріѣзжаетъ къ нему всадникъ и, не произнося обычнаго привѣтствія, требуетъ пищи. Испуганный отшельникъ поспѣшилъ, насколько могъ, исполнить желаніе гостя. Гость, не сотворивъ молитвы, быстро съѣлъ предложенную пищу и, не поблагодаривъ ни Бога, ни хозяина и не помолившись, улегся спать. Бѣдный отшельникъ былъ пораженъ; онъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ посланъ ему искусителемъ, и просилъ у Бога силъ выдержать испытаніе. На утро путникъ, также не помолившись Богу, попросилъ ѣсть и, не поблагодаривъ, уѣхалъ. «Осквернилъ мѣсто, на которомъ спалъ», подумалъ отшельникъ. «Вѣдь ни одного раза не помолился. Должно быть, невѣрующій язычникъ». Старецъ собралъ землю съ того мѣста, на которомъ спалъ странный путникъ, и рѣшилъ разбросать ее. Но куда? Въ воду—вода будетъ осквернена и правовѣрные осквернятся; на пашню—также нехорошо. И рѣшилъ зайти съ землею въ самую глушь лѣса и тамъ разбросать. Долго пробирался старецъ въ чащу; наконецъ зашелъ достаточно далеко и началъ разбрасывать. Но только онъ кончилъ разбрасывать, какъ услышалъ хрюканье и увидалъ, что съ того мѣста, куда онъ разбросалъ оскверненную землю, поднялось стадо свиней. «Вотъ бѣда», подумалъ старецъ, «пропали свиньи: ѣсть ихъ теперь нельзя, такъ какъ онѣ осквернены». Съ тѣхъ поръ и перестали правовѣрные ѣсть свиней. «Одну то сторону можно ѣсть», добавилъ разсказчикъ.—«Когда старецъ разбрасывалъ оскверненную землю, свиньи лежали на одномъ боку. Но вся бѣда въ томъ, что неизвѣстно—на какомъ».

Изъ напитковъ наиболѣе распространенъ *аръянъ*—довольно крѣпкій кисловатаго вкуса напитокъ, приготовляемый изъ остатковъ молока, послѣ снятія сливокъ и приготовленія масла. У кого много лошадей—пьютъ кумысъ.

Караногайцы—большіе любители спиртныхъ напитковъ, особенно русской водки. Въ послѣднее время многіе изъ нихъ приходятъ на заработки въ Кизляръ и часто весь свой небольшой запасъ денегъ (караногайцамъ очень дешево платятъ за работу) пропиваютъ въ кабакѣ и прогуливаютъ съ женщинами, а домой въ аулы являются съ пустыми карманами да съ болѣзнями. Ногай, побывавшій нѣсколько разъ въ городахъ на заработ-

кахъ, часто теряетъ почти всѣ свои патріархальныя качества и становится развратникомъ и пьяницей.

Водку Магометъ не запрещалъ пить, хотя менѣе опьяняющее виноградное вино не позволилъ. По разсказамъ ногайцевъ, водка — вымыселъ дьявола. У одного бѣднаго человѣка чертъ стащилъ послѣднюю краюху хлѣба и пришелъ наниматься къ нему въ рабочіе. «Да у меня хлѣба нѣтъ, кормить тебя нечѣмъ», отвѣчаетъ хозяинъ. «А ты займи у сосѣдей. Я тебѣ обѣщаю, что у насъ будетъ хорошій урожай, и тогда ты втрое отдашь». Повѣрилъ хозяинъ, досталъ въ домъ хлѣба и началъ съ чертомъ работать вмѣстѣ. Дѣйствительно, урожай выдался на славу. «Знаешь что», говоритъ чертъ, «хлѣба у насъ много, продавать его невыгодно, построимъ-ка лучше заводъ и будемъ гнать водку». Хозяинъ согласился. Настроили заводовъ и стали дѣлать водку. «Вотъ оно откуда, зелье проклятое, чертова кровь», прибавилъ старикъ караногаецъ *). Однако, хотя водка и «чертова кровь», но караногаецъ съ величайшимъ удовольствіемъ пьетъ ее, сколько можно.

Нѣкоторые предпріимчивые торговцы пользуются широко этой страстью ногайца и устраиваютъ подвижные кабачки. Купитъ себѣ ведро водки и разъѣзжаетъ по ауламъ. Ногайцы все отдадутъ, лишь бы получить стаканъ — другой «араки». Денегъ у нихъ нѣтъ — идетъ сыръ, масло, и продавецъ «араки» бываетъ въ огромномъ барышѣ. За кусокъ сыру, который онъ продастъ въ городѣ копѣекъ за 15 20, онъ даетъ ногайцу стаканъ водки копѣекъ за 5. Женщины, особенно пожилыя, тоже не прочь выпить втихомолку отъ мужа и продать для этого кусокъ — другой сыру. Выпивая водку, ногай произноситъ: «Сенемъ сауломъ» (за твое здоровье).

Чихирь (виноградное вино) ногайцы не пьютъ**). „Прежде вино пили", разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ, „но наши дѣды не умѣли себя держать, Магометъ и не позволилъ. Дѣло было такъ. Собрались наши дѣды повеселиться. Вина — сколько угодно, закусокъ — цѣлыя кучи. Пьютъ, ѣдятъ, рѣчи мирныя говорятъ. Проходитъ мимо пирующихъ великій пророкъ, увидѣлъ веселую,

*) Разсказъ, вѣроятно, заимствованъ; онъ напоминаетъ «Перваго Винокура» Л. Толстого.

**) Впрочемъ, въ послѣднее время ногайцы, особенно молодежь, начинаютъ измѣнять этому обычаю.

тихую бесѣду, порадовался за правовѣрныхъ и благословилъ вино. Прошло нѣсколько часовъ, опять вздумалъ Магометъ полюбоваться довольными веселыми людьми. Приходитъ—и что-же? Видитъ, что одни дерутся, другіе ругаются, третьи валяются въ неприличномъ видѣ Ужаснулся Магометъ и сказалъ: «Всякій пьющій вино будетъ отрѣшенъ отъ правой вѣры и достоинъ презрѣнія». Съ тѣхъ поръ не пили вина и народъ крѣпкій былъ, а теперь молодежь не исполняетъ правилъ вѣры, а потому и пропадаетъ".

Караногайцы—страстные курильщики; если есть средства, то они покупаютъ довольно дорогіе сорта табаку и цѣлый день готовы пить чай и потягивать изъ своихъ трубокъ. Старики и понюхать не прочь.

Въ теченіе года караногайцы нѣсколько разъ постятся. Во время лѣтняго поста обыкновенно пища не принимается въ продолженіе цѣлаго дня, но только лишь наступитъ ночь, караногай съ избыткомъ вознаграждаетъ себя за дневное лишеніе пищи. Постъ продолжается 30 дней и оканчивается праздникомъ Ораза-Байрамъ, или, по-народному, просто Байрамъ. Котлы кипятъ въ этотъ день у богатаго и бѣднаго. Повсюду слышенъ радостный шумъ, пѣніе, музыка. Всѣ одѣты по праздничному. И наѣдаются въ этотъ день караногайцы надолго. Только и радостей у кочевника, хотя раза 2 въ году наѣсться до сыта. Цѣлый же годъ чай, чурекъ и сыръ—единственная пища бѣдняка караногайца.

VI.

Промыслы и торговля.

Основное занятіе караногайцевъ—скотоводство. Кочевой образъ жизни и громадныя пространства свободной отъ культуры степи способствовали успѣшному развитію этой отрасли хозяйства. Однако въ послѣднее время скотоводство начинаетъ падать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ климатъ степи, какъ говорятъ мѣстные жители, рѣзко измѣнился и сталъ значительно суровѣе Зима 1892—93 года окончательно подорвала благосостояніе многихъ караногайцевъ; лошади отъ холода и недостатка въ травѣ (лежалъ слишкомъ толстый слой снѣга) гибли сотнями, а овецъ осталось $^1/_3$—$^1/_4$ часть.

Степное скотоводство не требуетъ особыхъ усилій и труда. Съ цѣлымъ табуномъ лошадей, стадомъ коровъ ходятъ 2—3 человѣка. Остальные мужчины буквально ничѣмъ не заняты и отъ скуки переѣзжаютъ отъ одного аула къ другому, сообщая другъ другу новости—*хабаръ* (караногайцы—большіе сплетники). Почти каждый караногай имѣетъ корову. Молоко, сыръ и масло—главные предметы ихъ пищи, и караногайцы дорожатъ хорошей коровой. Кромѣ того, у каждаго хозяина средняго достатка найдется десятокъ-другой овецъ, 1—2 лошади, 2—3 козла и 2—3 собаки. Безъ собаки ни одна кибитка не обходится. Уходъ за скотомъ имѣетъ вполнѣ примитивный характеръ. Скотъ самъ приходитъ въ извѣстное время къ кибиткамъ; мужчины наливаютъ имъ воду изъ степныхъ колодцевъ, а караногайки доятъ коровъ и вновь угоняютъ ихъ въ степь. Уходъ за лошадьми и овцами нѣсколько тщательнѣе; тѣ и другія находятся подъ постояннымъ присмотромъ пастуховъ. Верблюды, которыхъ богатые ногайцы держатъ въ большомъ количествѣ, не требуютъ почти никакого ухода; пастухи ихъ тѣмъ только и заняты, что время отъ времени повѣряютъ общее число ихъ.

Среди караногайцевъ много хорошихъ знатоковъ болѣзней скота; часто встрѣчаются спеціалисты—коновалы, которые существуютъ исключительно заработкомъ отъ лѣченія животныхъ какъ въ своей, такъ и въ сосѣдней казачьей средѣ.

Нѣкоторые караногайцы начали обрабатывать землю, сѣютъ преимущественно чалтыкъ. Способы обработки и орудія они заимствованы у казаковъ. Однако особеннаго развитія земледѣльческаго хозяйства ожидать нельзя Земля у нихъ большею частью солончаковая, по всей степи на огромное пространство нѣтъ ни одной рѣки, искуственное орошеніе невозможно или же обошлось бы слишкомъ дорого и никакая культура не возвратила бы огромныхъ издержекъ по ирригаціи.

Промыслами караногайцы почти не занимаются. Ремесла находятся въ зачаточномъ состояніи; они дѣлаютъ деревянную посуду, кровати примитивнаго устройства и арбы Часть караногайцевъ спеціально занимается приготовленіемъ кибитокъ; они не кочуютъ, но живутъ все-таки въ кибиткахъ. Нѣкоторые занимаются въ видѣ отхожаго промысла рыболовствомъ Рыбу они не готовятъ въ прокъ, а сбываютъ уловъ или въ городѣ, или скупщикамъ Кое-кто работаетъ хомуты, сѣдла, уздечки. Иногда

среди нихъ попадается типъ мелкаго прасола. Торговля исключительно мѣновая, такъ какъ денегъ у караногайцевъ почти никогда не бываетъ

Многіе караногайцы уходятъ весной и лѣтомъ въ Кизляръ и ближайшія станицы на уборку виноградныхъ садовъ или хлѣба. «Топтать хлѣбъ—ихъ спеціальность. Для этого употребляется *балба*, довольно длинная доска, утыканная съ одной стороны кусками битаго чугуна, камня и проч. Привязавъ эту доску къ лошади, ногай ѣздитъ по разостланному на току хлѣбу и, такимъ образомъ, обмолачиваетъ зерна. Работаютъ изъ части и усердный ногай съ своею лошадью легко можетъ обезпечить себя хлѣбомъ на цѣлую зиму Запасшись хлѣбомъ, ногай складываетъ руки и въ продолженіе цѣлой зимы буквально палецъ о палецъ не ударитъ. Наиболѣе предпріимчивые извозничаютъ но хотя это дѣло даетъ хорошій заработокъ, ногай, вслѣдствіе своей лѣни и безпечности, мало занимается имъ.

Въ свободное время, котораго такъ много у караногайцевъ, молодежь занимается травлей лисицъ и зайцевъ борзыми собаками. Но вообще охота не служитъ промысломъ; это скорѣе джигитовка молодежи. Въ старину, какъ разсказываютъ, процвѣтала соколиная охота, о которой встрѣчаются упоминанія и въ ногайскихъ поэмахъ.

Караногайскія женщины валяютъ войлокъ, ткутъ ковры и грубыя сукна, но этотъ промыселъ развитъ чрезвычайно слабо и не удовлетворяетъ даже собственныхъ потребностей.

Въ степи, въ мѣстѣ кочевокъ караногайцевъ, ярмарокъ не бываетъ. Всѣ предметы жизненнаго обихода караногай закупаетъ на ярмаркѣ въ Кизлярѣ, Грозномъ и др. ближайшихъ мѣстахъ. На каждую ярмарку собираются почти всѣ кочевники; это своего рода праздникъ, въ которомъ не участвуетъ только больной или подневольный, не имѣющій возможности свободно распоряжаться своимъ временемъ, да женщины Караногайцы пригоняютъ на ярмарки для продажи лошадей, рогатый скотъ, овецъ и проч.; здѣсь-же они покупаютъ все для нихъ необходимое: дверь къ кибиткѣ, сундуки, котлы, кирпичный чай, соль, ситецъ и пр. Въ рѣдкихъ случаяхъ ногай ѣдетъ на ярмарку съ женой; обыкновенно самъ ѣдетъ верхомъ, а она плетется пѣшкомъ и лишь изрѣдка въ арбѣ.

Счетъ денегъ, а также мѣры длины, емкости и вѣса кара-

ногайцами заимствованы у русскихъ; лишь самыя названія мѣръ ногайскія (или татарскія), а чаще исковерканныя русскія. Пятакъ по караногайски *шей* (шауръ), 6 коп.—*алты*, 50 коп.—*ярымъ-монетъ*, 1 руб.—*монетъ*, верста—*чакрымъ*, сажень—*кулачъ*, ¼ аршина—*черекъ*. пудъ—*утъ*, фунтъ—*гуренке*, золотникъ—*мисхалъ* и т. п. Впрочемъ, караногайцы употребляютъ точныя мѣры только въ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими, въ городахъ и станицахъ; между собою-же они обыкновенно ограничиваются глазомѣромъ.

Мѣры времени караногайцы также заимствовали у русскихъ, только названія, конечно, свои. Тѣ-же названія можно встрѣтить и у другихъ татаръ, говорящихъ испорченнымъ тюркскимъ нарѣчіемъ, какимъ говорятъ караногайцы: годъ *илъ*, мѣсацъ—*ай*, недѣля—*има*, часъ—*сагатъ*. Часы встрѣчаются рѣдко, время опредѣляютъ по солнцу. День раздѣляется на части, по числу каноническихъ часовъ молитвы—*намаза*. Эра лѣтоисчисленія магометанская; но крайнее невѣжество и индефферентизмъ въ религіозномъ отношеніи ведутъ къ тому, что большинство караногайцевъ гораздо ближе знакомы съ европейскимъ чѣмъ съ мусульманскимъ календаремъ. Въ домашнемъ обиходѣ караногайцы считаютъ по пальцамъ.

Они недурно соображаютъ и простыя вычисленія имъ легко даются.

VII.

Семейные нравы и обычаи.

Несмотря на то, что все хозяйство у караногайцевъ лежитъ на рукахъ женщины, караногайка почти не признается за человѣка. Ея права ограничены насколько возможно, а обязанностей огромное количество. И въ пѣсняхъ, и въ поговоркахъ женщина рисуется въ приниженномъ, забитомъ видѣ. «Съ женой совѣтуйся, а поступай напротивъ», говоритъ ногай и никакіе доводы не убѣдятъ его, что женщина такой-же человѣкъ, какъ и мужчина. Жены своей ногай не любитъ и смотритъ на женщиму только какъ на постоянную работницу и какъ на предметъ удовлетворенія своихъ физіологическихъ потребностей. Любовь, какъ взаимное чувство, караногайцамъ почти незнакома. Искони браки заключались не по свободному влеченію жениха и невѣсты, а по

приказанію родителей. (Нерѣдко браки заключаются родителями, когда дѣтямъ 3—4 года). Въ былое время, по свидѣтельству старожиловъ, женихъ не видалъ своей невѣсты не только до свадьбы, но и послѣ свадьбы годъ, два, а иногда и болѣе—до рожденія ребенка..

Всѣ эти обстоятельства были причиной того, что женщина почти не пользуется уваженіемъ со стороны мужчинъ. Дѣти уважаютъ ее, пока малы. Взрослый сынъ, если нѣть отца, распоряжается имуществомъ, какъ хозяинъ, и съ матерью только совѣтуется. Всякій мужчина въ домѣ ногайца считаетъ себя выше женщины и всегда понукаетъ ею. Мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, что за столъ женщина никогда не садится вмѣстѣ съ мужчиной; бываетъ, что мужъ, обгладавъ кость, швыряетъ ее чуть не въ лицо своей жены. Во всѣхъ работахъ она только и должна надѣяться на свои силы Какова бы не была тяжесть работы, она не имѣетъ права позвать мужа на помощь, онъ-же всегда въ правѣ свалить даже свое дѣло на плечи женщины. Отыскивать дрова, готовить кизекъ, шить одежду, варить пищу - все это лежитъ на ея обязанности; работы по хозяйству, уходъ за скотомъ—тоже ея дѣло; всюду должна она успѣть да еще и быть готовой къ пріему гостя. Масса работъ быстро ослабляетъ женщину, и года черезъ 3—4 послѣ замужества она становится старухой. Но ногай, особенно богатый, не унываетъ; онъ беретъ себѣ новую жену. Только бѣдность караногайца заставляетъ его ограничиваться одной двумя женами.

Въ былое время, какъ говорятъ старики, продажа женщинъ и дѣвушекъ была обычнымъ явленіемъ; обладавшій средствами могъ всегда купить себѣ красавицу—жену. Теперь взглядъ совершенно измѣняется и калымъ въ настоящее время—не плата, а тѣмъ болѣе не цѣна женщины Противъ послѣдняго говоритъ его опредѣленная величина. Калымъ—вознагражденіе со стороны жениха за тѣ издержки, которыя приходятся на долю отца невѣсты при выдачѣ ея замужъ. По обыкновенію, отецъ ея долженъ дать всю одежду, которая требуется для женщины.

Раньше практиковался обычай воровства женщинъ. Молодой ногай, выбравъ заранѣе себѣ невѣсту, подговаривалъ пріятелей и ночью нападалъ на кибитку, гдѣ помѣщалась дѣвушка (у ногайцевъ, особенно у богатыхъ, дѣвушки имѣютъ отдѣльную кибитку), схватывалъ намѣченную жертву и увозилъ ее, только не

къ себѣ, а въ чужую кибитку и тамъ проводилъ съ нею первую ночь. Послѣ «первой ночи» дѣвушка считалась женой увезшаго ее парня и обычай не допускалъ обратнаго возвращенія На слѣдующій день родственники жениха приглашали родственниковъ невѣсты и уговаривали ихъ покончить дѣло миромъ. Родные дѣвушки обыкновенно сначала не соглашались, но потомъ, конечно, уступали. Послѣ уговора относительно калыма, начиналась «гульба», какъ и въ обыкновенной свадьбѣ При воровствѣ женщинъ, однако, молодежь не рисковала похищать засватанныхъ дѣвушекъ, остерегаясь со стороны оскорбленнаго жениха какой-либо мести.

Браки обыкновенно заключаются такъ. Пріятели караногайцы задумываютъ закрѣпить свои хорошія отношенія. «У тебя дочь, у меня сынъ», говоритъ одинъ другому «Я хочу посватать твою дочь за моего сына. Я пришлю сватовъ и вы уговоритесь о калымѣ*)».

Въ назначенный день ближайшіе родственники жениха отправляются къ отцу дѣвочки. Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенія излюбленнымъ калмыцкимъ чаемъ съ чуреками, начинаются мирные переговоры относительно размѣровъ калыма. Высчитывается подробно число мелкаго и крупнаго скота и лошадей въ прибавленіе къ опредѣленной обычаемъ суммѣ 105 р. деньгами **). Переговоры тянутся долго. Наконецъ, условленъ день привоза части калыма, и сваты, въ послѣдній разъ поговоривъ кое-о-чемъ, уѣзжаютъ. Этотъ пріѣздъ сватовъ караногайцы называютъ: *кудаларъ—гельды* (сваты пріѣхали). Привозъ калыма иногда раздѣляется на двѣ части: привозъ денегъ и пригонъ скота. Во время привоза 1-й части молодежь гуляетъ, джигитуетъ, борется, а невѣста, если она уже взрослая, окруженная сверстницами и молодыми замужними женщинами, плачетъ съ тоскливыми причитаніями. И это не пустая формальность; все время, пока она дѣвушка, она свободна и почти не участвуетъ въ домашнихъ работахъ, а замужемъ сразу цѣлая масса хозяй-

*) Этотъ предварительный «сговоръ» напоминаетъ русскій «пропой» дѣвушки.

**) При выдачѣ замужъ вдовы, по обычаю, родственники получаютъ 52½ р.; въ третій разъ—3-ю часть и т. д. Для уплаты калыма бѣдняки дѣлаютъ сборъ по своимъ родственникамъ. Каждый считаетъ своимъ долгомъ помочь желающему жениться.

ственныхъ работъ и нуждъ сваливается на нее; свѣтлый праздникъ юности смѣняется продолжительной темной ночью подневольной жены-рабыни; при всемъ томъ будущій ея повелитель часто и неизвѣстенъ ей. Подруги стараются развлечь ее пѣснями. Наконецъ, пригоняютъ скотъ. Невѣста еще больше заливается горючими слезами. По уплатѣ калыма, начинается обрядъ вѣнчанія Мулла читаетъ соотвѣтствующія молитвы, при чемъ сами молодые не присутствуютъ. Вмѣсто нихъ—уполномоченные, обыкновенно отецъ и мать невѣсты и кто нибудь изъ родственниковъ жениха Мулла спрашиваетъ родителей, въ присутствіи постороннихъ лицъ, желаетъ-ли ихъ дочь выйти замужъ за такого-то. Они отвѣчаютъ—да. У родителей-же жениха мулла спрашиваетъ раньше, когда угоняютъ послѣдній скотъ для уплаты калыма (также въ присутствіи постороннихъ лицъ—родственниковъ невѣсты). Затѣмъ читаются молитвы, и обрядъ законченъ. Послѣ этого женихъ имѣетъ право посѣщать свою жену.

По обычаю, женихъ долженъ самъ отыскивать свою будущую жену въ средѣ дѣвушекъ. Послѣ вѣнчанія онъ инкогнито пріѣзжаетъ ночью въ аулъ, входитъ въ помѣщеніе, гдѣ спятъ дѣвушки, и долженъ ударить плетью по той, которая назначена ему въ жены. За ошибку платитъ штрафъ въ пользу дѣвушекъ. Сваха, *енгей*, постоянно сопровождающая дѣвушку, помогаетъ жениху, конечно, за извѣстный подарокъ, найти невѣсту. Женихъ ударяетъ плетью по дѣвушкѣ, та встаетъ*). Женихъ схватываетъ ее за руку, и они вмѣстѣ идутъ въ отдѣльный утовъ, гдѣ и проводятъ первую ночь. Обычай требуетъ, чтобы молодой подарилъ своей женѣ *акъ-монетъ*—бѣлую монету.

Въ другихъ аулахъ обычай отыскиванія невѣсты совершается нѣсколько иначе. Женихъ, также ночью, пріѣзжаетъ и отыскиваетъ свою невѣсту не въ кибиткѣ, а между дѣвушками, которыя неподалеку отъ кибитокъ гуляютъ и поютъ пѣсни. Отыскавъ невѣсту, женихъ отправляется съ нею въ утовъ. Тамъ-же все время присутствуетъ и «енгей». Случается, особенно когда новобрачная слишкомъ молода, что «енгей» занимаетъ ея мѣсто... Конечно это держится въ строгой тайнѣ.

Свадебныя празднества продолжаются различно,—это въ

*) Въ былое время, какъ разсказываютъ, дѣвушка обыкновенно пускалась бѣжать, а женихъ долженъ былъ ее догнать.

полной зависимости отъ средствъ родителей. Чѣмъ богаче родня невѣсты и жениха, тѣмъ свадьба тянется продолжительнѣе. У богатаго издержки доходятъ до 400—500 р., а съ калымомъ и до 3-хъ тысячъ. Обычай требуетъ, чтобы родня невѣсты непремѣнно одаривала родню жениха, и богатые строго придерживаются этого обычая. Родня невѣсты даритъ: отцу жениха шубу изъ черныхъ курпеевъ (мелкихъ), халатъ, шапку астраханскую, поясъ широкій и бѣлый широкій платокъ; матери жениха—кафтанъ, канаусовую рубашку, кольца на руки, шапку изъ лисицы и серебряныя серьги; старшей снохѣ—колечко, старшему брату—кафтанъ и шапку, другу жениха—кафтанъ, племяннику - кафтанъ, женѣ брата—чулки и носки, остальнымъ участникамъ въ свадьбѣ — одному платокъ, другому кусокъ ситцу, третьему поясъ и т. д. Родня невѣсты ничего не получаетъ. Только женщины, привезшія молодую въ аулъ жениха, получаютъ въ подарокъ по шелковой рубашкѣ и матеріи на штаны.

Во время свадьбы главную роль играютъ братья жениха и невѣсты на мужской половинѣ, а на женской—старшая родственница. Родители молодыхъ занимаютъ положеніе наиболѣе почетныхъ гостей. Особое предпочтеніе дается отцу жениха. Ему первому невѣста и сваха кланяются, онъ первый заговариваетъ съ молодою. Во время всего пиршества мужчины и женщины проводятъ время въ отдѣльныхъ кибиткахъ. Пиршествомъ распоряжаются братья жениха или невѣсты, смотря по тому, въ чьемъ аулѣ совершается свадьба.

Ногайцы суевѣрны и успѣшному ходу свадьбы можетъ помѣшать всякій пустякъ. Такъ, напр., если дорогу свадебнаго поѣзда перебѣжитъ заяцъ, поѣздъ непремѣнно возвращается домой; если-же на дорогѣ встрѣтится мулла, то это принесетъ счастье молодой, и поѣздъ весело движется впередъ. Ногай вѣритъ, что колдуны могутъ испортить молодыхъ, и для огражденія отъ ихъ чаръ всякую свадьбу сопровождаетъ мулла и молитвами своими оберегаетъ молодыхъ отъ вліянія темной силы.

Молодая долго еще стѣсняется родителей жениха. «Недѣли 2 или 3 привыкаетъ молодая къ порядку», говорятъ ногайцы, и только послѣ нѣкотораго испытанія мать жениха начинаетъ съ нею заговаривать. Но молодая долго не въ правѣ вступать въ разговоръ; по обычаю, она должна только ограничиваться отвѣтомъ на вопросъ. До рожденія перваго ребенка прежде

она ходила подъ покрываломъ и только мужъ да близкіе родственники могли видѣть ея лицо; но теперь уже караногайка не закрываетъ лица, однако все же старается больше быть у себя въ утовѣ и не показываться ни роднымъ, ни постороннимъ

Когда наступаетъ вромя родовъ, молодая прощается съ родственниками и проситъ не винить и не осуждать ее, если она позволила сказать что нибудь имъ непріятное, причемъ родителямъ она должна показать знаки полнаго уваженія и преклоненія. Такъ, напр., она собираетъ грязь съ ногъ и колѣнъ ихъ, разбавляетъ водой и пьетъ. Роды происходятъ обыкновенно въ той-же кибиткѣ, гдѣ молодая жила съ мужемъ. Изъ мужчинъ при родахъ никто не присутствуетъ, а мужъ старается въ этотъ день уѣхать куда нибудь подальше.

Въ прежнее время караногайцы вѣрили, что при рожденіи ребенка появляется шайтанъ и старается войти въ новорожденнаго. Только шумъ могъ помѣшать шайтану исполнить его намѣреніе; поэтому, когда рождался ребенокъ, родственники и друзья отца становились у входа въ кибитку и производили ужасный шумъ, ударяя молотками въ пустые котлы. Въ настоящее время этотъ обычай выходитъ изъ употребленія. По вѣрованію караногайцевъ, новорожденный держитъ въ рукахъ свое счастье и появляется на свѣтъ веселый и довольный. Ангелъ, который присутствуетъ при рожденіи, беретъ изъ рукъ ребенка счастье и далеко бросаетъ его. Ребенокъ плачетъ. «Вотъ поэтому-то», говорятъ караногайцы, «счастье свое человѣкъ находитъ далеко отъ того мѣста, гдѣ родился».

Караногайцы съ большимъ интересомъ ожидаютъ появленія ребенка, стараясь заранѣе узнать, будетъ ли то мальчикъ или дѣвочка. Для этого существуютъ даже примѣты: если лицо у беременной женщины веселое, свѣтлое, хорошее, родится мальчикъ; если же беременная женщина слишкомъ худа, лицо невеселое, родится дѣвочка. У кибитки матери обыкновенно стоятъ любопытные; какъ только окажется, что родился мальчикъ, они взапуски спѣшатъ съ этой новостью къ отцу. Первый сообщившій радостную вѣсть получаетъ подарокъ—рубашку. Всѣ женщины присутствовавшіе при рожденіи мальчика, также получаютъ подарки: матеріи на рубашку, штаны и пр. Богатые по этому случаю устраиваютъ роскошное пиршество.

При нареченіи новорожденнаго не соблюдается никакихъ осо-

быхъ обрядовъ. Имя бываетъ или случайное, или дается въ память предковъ, популярныхъ святыхъ, народныхъ героевъ и пр. Если кто нибудь войдетъ при рожденіи ребенка въ кибитку и скажетъ что-либо: часть фразы, названіе предмета, явленія,—первыя слова становятся именемъ ребенка Правомъ «дать имя» пользуется бабка. По ея желанію и дается то или другое имя; только имени отца она не можетъ дать сыну. Женщина не имѣетъ права назвать мужчину по имени а если бы сынъ носилъ имя отца, то мать, обращаясь къ ребенку, должна была бы поневолѣ употреблять имя мужа.

До извѣстнаго возраста (лѣтъ 7—9) дѣвочки и мальчики растутъ вмѣстѣ. Годамъ къ 10 дѣвочки отдѣляются. Богатые родители даютъ имъ особую кибитку—утовъ, бѣдные же отдѣляютъ имъ часть общей кибитки при помощи занавѣсокъ. Здѣсь проходитъ жизнь дѣвушки до замужества

Особыхъ дѣтскихъ игръ у караногайцевъ нѣтъ. Обыкновенныя дѣткія забавы—борьба, бѣганье взапуски Дѣвочки уже лѣтъ съ 6—7 держатъ себя вполнѣ скромно; лѣтъ 12—13 онѣ уже выходятъ замужъ. Въ прежнее время молодежь почти не знала другъ друга; обычай строго слѣдилъ, чтобы дѣвушки не сходились съ парнями. Но теперь отношенія молодежи стали нѣсколько свободнѣе Въ хорошія лѣтнія ночи дѣвушки и парни удаляются отъ ауловъ («чтобы старики не видали») на зеленые луга и здѣсь играютъ, шалятъ, бѣгаютъ. Порой пріѣзжаетъ сюда и женихъ какой нибудь засватанной дѣвушки съ товарищами и веселыя игры длятся за полночь. Но такія гулянья устраиваются рѣдко и всегда вдали отъ ауловъ.

По старинному обычаю, вдова живетъ въ домѣ родителей или родственниковъ своего мужа и очень часто фактически становится женой брата умершаго. Калымъ платится сообща, особенно у бѣдныхъ, а потому вдова считается принадлежащею всему роду. Дѣти, рожденныя вдовой отъ брата ея покойнаго мужа, считаются принадлежащими къ роду мужа Впрочемъ, въ настоящее время вообще замѣтно распаденіе родового начала, и вдова, если на ней не женится братъ мужа, уходитъ въ свою семью и можетъ снова выйти замужъ.

Взаимныя отношенія членовъ семьи не только не согрѣты теплотою родственныхъ чувствъ, но даже не отличаются простою ласковостью. Какъ родители къ дѣтямъ, такъ и, наоборотъ, дѣти

къ родителямъ относятся съ полнымъ равнодушіемъ и откровенною грубостью. Отецъ имѣетъ неогроничениую власть надъ дѣтьми, можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и широко пользуется своимъ привомъ; только жизнь дѣтей не принадлежитъ ему. Лишь между матерью и дочерьми отношенія нѣсколько мягче и теплѣе. Было время, когда, по разсказамъ караногайцевъ, престарѣлыхъ родителей сыновья вывозили въ глубь степи, подальше отъ кочевья, и оставляли ихъ тамъ умирать голодною смертью.

Родительское благословеніе караногайцы чтутъ свято и очень боятся родительскаго проклятія. Благословляя сына (обыкновенно это дѣлается въ день обрѣзанія, отъ 2 до 8 лѣтъ послѣ рожденія), отецъ даритъ ему лошадь Чѣмъ отецъ состоятельнѣе, тѣмъ цѣннѣе его подарокъ.

Родня у караногайцевъ считается далеко Обычай не позволяетъ жениться на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ одному и тому-же тукуму (роду). Въ бракъ вступаютъ только отдѣльныя родовыя группы. Въ отношеніи взаимной помощи родственниковъ, напр., при уплатѣ калыма, въ несчастіи какого-либо члена рода, родство считается до 7 колѣна. Всѣ родственники должны помогать въ несчастіи.

Караногайцы часто посѣщаютъ другъ друга Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посѣщеніе родныхъ и близкихъ считается обязательнымъ, какъ наприм., свадьба, похороны, рожденіе ребенка мужского пола, тяжкая болѣзнь, смерть.

VIII.

Нравственныя понятія, вѣрованія и суевѣрія.

По характеру караногайцы общительны и легко вступаютъ въ пріятельскія отношенія.

Гостепріимство—основная черта ихъ кочевого быта. Путешествуя по степи на далекія разстоянія, караногаецъ никогда не беретъ съ собой запаса пищи; онъ вполнѣ увѣренъ, что въ каждой кибиткѣ ему дадутъ и чаю, и чурека, а иной разъ и барана зарѣжутъ. Хозяинъ отводитъ гостю лучшій уголъ въ кибиткѣ для отдохновенія, отдаетъ ему единственную свою подушку. По обычаю, первое мѣсто въ кибиткѣ отдается самому почетному гостю; если гостей нѣсколько, то они разсаживаются по состо-

янію, извѣстности, или лѣтамъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, гость можетъ присѣсть по-азіатски на корточки, но для того чтобы снять туфли и поджать подъ себя ноги, надо пользоваться особымъ уваженіемъ хозяина. Если хозяинъ желаетъ оказать особое вниманіе гостю моложе его лѣтами, онъ при встрѣчѣ подаетъ ему руку; гость долженъ ее пожать двумя руками. Только почетнымъ и уважаемымъ лицамъ караногайцы поджимаютъ руку двумя своими руками. Рукопожатіе караногайцевъ очень характерно; лѣнивая натура ихъ сказывается и здѣсь: подавая руку, они не сжимаютъ руки привѣтствуемаго, а лишь слегка прикасаются къ ней.

Караногайцы очень наблюдательны. Особенно у нихъ развита зрительная память. Въ степи цѣлые милліоны всякихъ бугровъ и бугорковъ, очень похожихъ другъ на друга; однако ногай знаетъ ихъ почти всѣ и хорошо помнитъ ихъ мелчайшіе признаки. Стоитъ ему только разъ проѣхать по какой-либо мѣстности, и фотографія ея со всѣми подробностями ярко запечатлѣется въ его умѣ. Но вниманіе и память у караногайца развиты главнымъ образомъ относительно предметовъ окружающей природы; наоборотъ, предметы отвлеченнаго характера его почти не интересуютъ. Въ своей духовной жизни караногаецъ болѣе художникъ, чѣмъ мыслитель; всѣ разсказы носятъ по преимуществу описательный характеръ Воображеніе ихъ довольно живое, встрѣчаются отличные разсказчики, свидѣтельствующіе о способности караногайцевъ къ творчеству и умственной дѣятельности.

Спокойная жизнь и здоровые нервы обусловливаютъ чрезвычайно слабое развитіе болѣзненной фантазіи. Караногайцы мало видятъ сновъ, въ особенности «вѣщихъ». Большею частью, судя по разсказамъ, содержаніе сновъ касается обыданной жизни; просыпаясь, ногай обыкновенно видитъ себя въ той-же обстановкѣ, какъ и во снѣ. Однако бываютъ случаи выдающихся сновъ, содержаніе которыхъ старики объясняютъ тѣмъ, что душа въ это время отдѣляется отъ тѣла и путешествуетъ по разнымъ невѣдомымъ мірамъ.

Съ животными караногайцы обращаются довольно жестоко, однако мягче другихъ кочевниковъ. Они съ ужасомъ разсказываютъ о своихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдяхъ—калмыкахъ, которые пьютъ горячую кровь еще умершаго животнаго. «Въ старинные годы», разсказываютъ они, «люди совѣмъ

не ѣли мяса, а питались травой вмѣстѣ съ животными. Человѣкъ былъ и въ то время хитрѣе и умнѣе животныхъ и прогонялъ ихъ съ хорошихъ пастбищныхъ мѣстъ. Животныя пожаловались Богу. «Такая-же тварь Твоя, какъ и мы, не даетъ намъ свободы», говорили они Богу. «Устрой такъ, чтобы трава только намъ принадлежала». Богъ внялъ просьбамъ Своего творенія и говоритъ животнымъ: «Хорошо, Я устрою такъ; но согласитесь-ли вы, чтобы человѣкъ роботалъ на васъ, а часть изъ васъ употреблялъ въ пищу»? Потолковали, подумали между собой животныя и рѣшили согласиться. Только просили Бога, чтобы Онъ не допускалъ человѣка мучить ихъ. Богъ такъ и повелѣлъ человѣку».

Чувство чести у караногайцевъ не особенно развито. Только по отношенію къ гостепріимству они довольно щепетильны и презираютъ тѣхъ, кто не соблюдаетъ этого патріархальнаго обычая; упрекъ въ негостепріимствѣ— одно изъ тяжкихъ оскорбленій для караногайца. Также щепетильно относятся они и къ памяти объ умершихъ родственникахъ Къ чести женщины они чрезвычайно строги; обманутый мужъ обольстителю непремѣнно постарается отомстить, а жену прогонитъ.

Самый распространенный порокъ—воровство и отчасти пьянство. Ловко своровать—это своего рода доблесть, и караногай ни за что не упуститъ случая стащить какую нибудь мелочь, иногда ему совершенно ни къ чему непригодную.

Караногайцы исповѣдуютъ магометанскую религію сунитскаго толка, но религіозныхъ людей среди нихъ нѣтъ Все отношеніе ихъ къ религіознымъ обязанностямъ заключается въ формальномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, значенія которыхъ не понимаютъ даже выдающіеся изъ общей среды люди

Опредѣленнаго представленія о жизни, смерти и загробномъ существованіи у караногайцевъ нѣтъ; всѣ ихъ понятія въ этой сферѣ представляютъ какую-то туманную смѣсь образовъ и мыслей, изъ которой трудно выдѣлить что-либо болѣе или менѣе опредѣленное. Нѣкоторое представленіе о смерти даетъ слѣдующій разсказъ

Моисей просилъ Бога сказать, что такое смерть. Богъ сказалъ ему: «Иди ко могилѣ и позови: Идрисъ, Идрисъ! Онъ тебѣ разскажетъ». Моисей такъ и сдѣлалъ. Идрисъ вышелъ изъ могилы и на вопросъ Моисея, что такое смерть?—разсказалъ слѣдующее: «Я заболѣлъ тѣломъ, потомъ и голова начала болѣть.

Въ одно время, когда я былъ уже очень слабъ, вижу, входитъ синій человѣкъ весь въ черномъ. То былъ ангелъ смерти. Онъ всунулъ руку мнѣ въ горло и вытащилъ что-то. Потомъ я услышалъ плачъ увидѣлъ свое тѣло и догадался, что умеръ. Тѣло мое похоронили и я былъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ могилѣ, а теперь нахожусь въ темнотѣ, гдѣ меня всего жгутъ».

Опредѣленнаго представленія о душѣ у караногайцевъ также нѣтъ; но они вѣрятъ въ безсмертіе ея. По ихъ представленію, при жизни человѣка душа обитаетъ въ сердцѣ его, а послѣ смерти постояннаго помѣщенія не имѣетъ. Души умершихъ подвижниковъ, всю свою жизнь посвятившихъ дѣламъ благочестія, уже теперь испытываютъ нѣкоторое наслажденіе онѣ находятся въ полутьмѣ и имъ прислуживаетъ ангелъ. Души грѣшниковъ и теперь уже страдаютъ. Всѣ души умершихъ постоянно молятъ Бога о скорѣйшей кончинѣ міра и объ окончательномъ опредѣленіи ихъ участи. Душа человѣка никакихъ нуждъ, кромѣ духовныхъ, не имѣетъ. Во время постовъ, когда живущіе поминаютъ умершихъ, души умершихъ также освобождаются отъ темноты, приходятъ къ кибиткамъ своихъ родныхъ и слушаютъ, что они говорятъ.

Умершихъ караногайцы хоронятъ обыкновенно въ день смерти. Едва только громкій плачъ женщины возвѣститъ о покойникѣ, каждый домохозяинъ старается какъ можно скорѣе привязать свою кошку Караногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло покойника, то онъ будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Трупъ омываютъ (омовеніе совершаетъ мулла съ учениками), заворачиваютъ въ бѣлый саванъ, кладутъ въ арбу и везутъ на кладбище, которое устраивается непремѣнно на возвышенностяхъ, такъ какъ, по вѣрованію караногайцевъ, путь въ рай съ возвышенности гораздо ближе. Трупъ сопровождаютъ мулла и родственники покойника, мужчины верхомъ, а женщины пѣшкомъ; при этомъ женщины громко оплакиваютъ покойника. На кладбищѣ плачъ прекращается; участвующіе въ печальной процессіи только про-себя вспоминаютъ похвальныя качества умершаго. Мулла читаетъ молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и помѣщаютъ въ небольшое боковое углубленіе, въ сидячемъ положеніи, лицомъ къ востоку, съ пригнутыми къ лицу колѣнями.

По окончаніи похоронъ, возвращаются въ кибитку умершаго и женщины вновь начинаютъ плакать. Этотъ плачъ продолжает-

ся съ полчаса. Караногайцы вѣрятъ, что за это время душа умершаго успѣетъ достигнуть мѣста своего назначенія. Во время плача женщинъ мужчины основательно закусываютъ. Этими поминками заканчиваются похоронные обряды

По истеченіи шести недѣль со дня смерти, устраиваются снова поминки. Мулла читаетъ молитвы, женщины всплакнутъ раза два, хотя уже не съ той энергіей какъ раньше, и начинается угощеніе собравшихся. Мелкіе вещи, принадлежавшія покойному, раздаются нищимъ. Съ этого дня вдова свободна и можетъ снова выйти замужъ.

Надъ могилой умершаго родственники ставятъ памятники. Богатые ставятъ каменныя плиты, обдѣланныя въ видѣ туловища человѣка съ головой, но безъ рукъ. На лицевой сторонѣ вверху высѣкаются изреченія изъ Корана, ниже имя умершаго и годъ смерти На старинныхъ кладбищахъ попадаются памятники, на которыхъ изображены шашки, ружья, пистолеты, кувшины, пара или двѣ галошъ, сапоги и пр. Эти изображенія наводятъ на мысль, что въ далекое прошлое время предметы домашняго обихода клались вмѣстѣ съ умершими въ могилу. Если умершій при жизни ходилъ въ Мекку, то надъ его могилой стовятъ памятникъ съ изображеніемъ чалмы Надъ могилами женщинъ также ставятъ памятники; они обыкновенно дѣлаются безъ головки, но съ верхней овальной частью.

Памятники дѣлаются большею частью изъ известковаго камня, а несостоятельные ставятъ простой деревянный заостренный сверху колъ, иногда же и старые котлы. Богатые огораживаютъ могилы своихъ родственниковъ высокими заборами съ дверями, разукрашенными звѣздообразными рисунками. Надъ могилой убитаго ногай ставитъ высокіе шесты съ бѣлыми флагами; караногайцы вѣрятъ, что душа такого человѣка поступаетъ прямо въ рай По обычаю, тѣло его не обмываютъ, а окровавленнаго обертываютъ въ саванъ и зарываютъ въ могилу.

Къ самоубійству караногайцы относятся съ ужасомъ. «Только подъ вліяніемъ темной силы человѣкъ рѣшается покончить съ собой». — говорятъ они.

Караногайцы довольно суевѣрны. Они вѣрятъ въ дурныя и хорошія примѣты, изъ которыхъ общей извѣстностью пользуются слѣдующія: перебѣжавшій дорогу заяцъ предвѣщаетъ несчастіе, а всякій другой звѣрь или змѣя, наоборотъ, счастіе; если лошадь,

на которой собираются ѣхать, зѣваетъ, будетъ удача въ предпріятіи, если же ржетъ,—неудача; вой собаки предвѣщаетъ заразительную болѣзнь, а несвоевременное пѣніе пѣтуха—какое либо другое несчастье, котораго, однако, легко избѣжать, зарѣзавъ пѣтуха; если въ день свадьбы бываетъ пасмурная погода, это предвѣщаетъ несчастіе новобрачнымъ, а ясная и тихая—миръ и тишину и т. д.

По народному вѣрованію, каждаго человѣка сопровождаютъ добрые и злые невидимые духи. Первые оберегаютъ человѣка отъ грѣха, вторые же, наоборотъ, всѣми силами стараются вовлечь его въ согрѣшеніе. Злые духи портятъ человѣка, но порча отъ глаза гораздо хуже порчи отъ злого духа. Для защиты отъ всякихъ дѣйствій и вліянія шайтана караногайцы носятъ иногда амулеты съ изреченіями изъ Корана.

Они вѣрятъ въ огромнаго водяного змѣя, который такъ великъ, что если выпрямится, то голова достанетъ до неба. Поднимаясь, онъ страшно шумитъ и трещитъ, а при паденіи разсыпаетъ на далекое пространство искры. Рождается этотъ змѣй отъ лани и живетъ въ рѣкѣ или въ морѣ до тѣхъ поръ, пока лань не родитъ другое такое-же чудовище, что случается обыкновенно одинъ разъ черезъ сто лѣтъ. Если кто либо осмѣлится близко подойти къ жилищу змѣя, того онъ хватаетъ и уноситъ съ собой въ пучину.

До настоящаго времени у караногайцевъ сохранились слѣды языческаго олицетворенія явленій природы и временъ года, однако въ этой сферѣ у нихъ, повидимому, никогда не было стройной системы. Въ настоящее время слѣдовъ поклоненія явленіямъ природы, какъ божествамъ, уже никакихъ не осталось.

Г. Малявкинъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ» въ періодъ 1869—1892 г.г.

Задавшись цѣлью дать своимъ читателямъ систематическій указатель всѣхъ главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ неоффиціальной части «Терскихъ Вѣдомостей», редакція «Терскаго Сборника» должна была, къ сожалѣнію, отказаться отъ этой мысли. Въ архивѣ редакціи газеты сохранились подлинные номера не за всѣ годы изданія; вмѣсто нихъ оказались томики въ 16-ю долю листа, въ которыхъ были собраны отдѣльные оттиски неоффиціальной части «Терскихъ Вѣдомостей», однако, безъ указанія, соотвѣтствующихъ номеровъ газеты. а за 1871 и 1872 г.г. вовсе не сохранилось ни томиковъ, ни отдѣльныхъ номеровъ. Поэтому всякую мысль о систематическомъ *указателѣ* волей-неволей необходимо было оставить и пришлось ограничиться простымъ *спискомъ*, съ обозначеніемъ лишь года изданія газеты и размѣровъ статьи, но и этотъ списокъ не включаетъ работъ, напечатанныхъ въ 1871 и 1872 г.г. Статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

I. Исторія и археологія.	Годъ изданія „Терскихъ Вѣдомостей".	Размѣры статей по числу стран. in 16⁰.
Освобожденіе крестьянъ въ туземномъ населеніи Терской области	1869	31
Краткія историческія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ.	1869	13
Казачество въ историческомъ отношеніи .	1877	—
Шалопутство въ Кавказской епархіи . . .	1877	13
Кабардинскія древности и преданія . . .	1881	5
Народныя преданія на р. Сунжѣ. . .	1881	6
Къ исторіи старообрядчества въ Терскомъ казачьемъ войскѣ	1882	10
О происхожденіи осетинъ	1886	20
Вторженіе Шамиля въ Кабарду въ апрѣлѣ 1846 г.	1886	26
Археологическая экскурсія въ Чечню и Осетію .	1886	15

Бывшія военныя поселенія на военно-грузинской дорогѣ	1887	52
Изъ воспоминаній о пребываніи на Кавказѣ Императора Николая I въ 1837 г.	1888	9
Нѣсколько словъ о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ и отношеніи ихъ къ другимъ сословіямъ	1889	—
Чеченцы въ роли археологовъ	1890	73
Замѣтки о древнихъ могильникахъ Ичкеріи и найденныхъ въ нихъ предметахъ . .	1890	57
Изъ исторіи возникновенія Кизляра . .	1891	6
Христіанство въ Осетіи	1891	100
Нѣкоторыя свѣдѣнія о Кабардѣ и объ освобожденіи зависимыхъ сословій	1892	13
Двадцатипятилѣтіе освобожденія зависимыхъ сословій на Кавказѣ	1892	13
Судьба религіозно-политическихъ ученій въ Чечнѣ.	1893	12

2. Географія и этнографія.

Характеръ адигскихъ пѣсенъ	1869	—
Изъ Ауха.	1869	17
Этнографическій очеркъ ингушевскаго народа съ приложеніемъ его сказокъ и преданій . .	1873	—
Изъ суевѣрій осетинъ	1873	5
Нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи осетинъ — христіанъ	1873	5
Суевѣрія осетинъ	1874	6
Суевѣрія и предразсудки осетинъ . . .	1877	14
Нѣсколько дней на Кумыкской плоскости .	1878	8
О гребенскихъ казачкахъ	1878	6
Казачьи свадьбы	1879	6
О калымѣ.	1879	8
Нѣсколько словъ объ осетинахъ	1879	6
Физическое воспитаніе осетинскихъ дѣтей . .	1879	8
Сказаніе о появленіи медоносныхъ пчелъ въ Дигоріи.	1880	4
Чеченскія сказки и легенды	1880	41
Легенда о св. Георгіѣ	1880	4
Чеченскія легенды	1881	13
Очеркъ Чечни и чеченскаго народа . . .	1881	41

Чеченскія селенія	1881	20
Городъ Кизляръ и его прелести	1881	7
Очерки изъ жизни станицы	1882	22
Изъ быта жителей ст. Заканъ-Юртовской	1882	25
Семейные казачьи нравы на р. Сунжѣ	1883	7
Селеніе Алагиръ.	1883	13
Природа и люди въ Кизлярскомъ округѣ	1883	--
О семейныхъ раздѣлахъ въ семейномъ быту.	1883	7
Отъ Казбека до Эльбруса	1884	138
Очерки станичнаго суда	1884	18
Станица Зольская	1884	10
Ногайцы	1884	14
Свадебные обычаи въ ст. Наурской	1884	34
Гребенцы	1885	40
Прибрежье Каспійскаго моря	1887	76
Калымъ у осетинъ	1887	10
Нѣсколько словъ о горскихъ евреяхъ	1887	7
Первоначальная культура Чечни.	1887	7
Кумыки и ногайцы	1888	4
Нѣсколько словъ о чеченцахъ	1888	12
Селеніе Ольгинское	1889	10
Молоканство въ Владикавказѣ	1889	8
Жертвоприношенія дзуару въ сел. Батако-Юртъ	1889	7
Въ горахъ Дигоріи	1890	13
Изъ осетинскаго народнаго эпоса	1890	17
Этюды объ ингушахъ.	1890	38
Замѣтка объ осетинской жизни	1890	4
По Урухскому ущелью	1891	24
Казачьи вѣрованія и суевѣрія	1891	16
Изъ жизни ст. Мекенской и Умаханъ-Юртовской	1791	27
Изъ чеченскаго эпоса	1891	8
Изъ жизни осетинъ	1892	7
Караногайцы	1892	42
Годовые праздники осетинъ	1892	25
Торжество суевѣрій. По поводу холеры 1892 г въ Терской области	1892	8
Антропологическій очеркъ Терскихъ казаковъ	1892	17
Поѣздка на ватаги (Каспійскаго моря).	1892	76
Казачьи повѣрья о вихрѣ	1892	40

Въ Осетіи.	1892	40
Восхожденіе на вершину г. Халацы	1892	21

3. Народное образованіе и педагогика.

Одна изъ насущныхъ нуждъ нашихъ	1869	8
Нѣсколько словъ о школахъ Терскаго казачьяго войска	1869	44
О важной ошибкѣ въ нашемъ нынѣшнемъ способѣ воспитанія дѣтей	1869	16
Практика въ дѣлѣ образованія	1869	12
Нѣсколько словъ о назрановской горской школѣ	1870	5
Попытка введенія кабардинской письменности	1870	19
Свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ Терской области	1870	6
Нѣсколько словъ о значеніи учительскихъ съѣздовъ и инструкція руководителямъ педагогическихъ курсовъ, состоящихъ въ Владикавказѣ для станичныхъ учителей Терской области.	1873	12
Обзоръ станичныхъ общественныхъ училищъ Георгіевскаго и Грозненскаго округовъ Терскаго казачьяго войска	1873	29
Владикавказъ, 15 сентября 1874 г. По дѣлу народнаго образованія	1874	4
Программа по предметамъ курса начальной народной школы съ тремя отдѣленіями.	1874	11
О современномъ состояніи станичныхъ училищъ Пятигорскаго, Владикавказскаго и Грозненскаго округовъ	1875	10
Современное состояніе школъ въ г Пятигорскѣ	1875	10
Начальное обученіе въ грозненской горской школѣ.	1875	27
Сельско-хозяйственныя школы на Кавказѣ	1875	14
Станичная школа въ Терской области	1875	17
Станичная школа	1877	7
Женскія школы въ станицахъ	1878	6
По вопросу объ учрежденіи земледѣльческой школы въ Кубанской области	1878	20
О Лорисъ-Меликовскомъ ремесленномъ училищѣ	1879	10
Нѣсколько словъ объ образованіи	1879	5

4. Статистика, народное хозяйство и промышленность.

О введеніи въ нашемъ краѣ селитрянаго производства	1870	6
Снабженіе водою селенія Хасавъ-Юртъ . .	1870	12
Промышленность Владикавказа . . .	1870	19
Описаніе, храненіе и пользованіе казачьими и войсковыми лѣсами Терской области .	1873	15
Ссудо-сберегательныя товарищества Владикавказа	1874	15
Причины и значеніе лѣсной реформы въ Терской области	1874	21
Краткія свѣдѣнія о лѣсахъ Терской области и лѣсной реформѣ	1874	8
О владикавказскомъ водопроводѣ . . .	1874	11
Общественные банки въ Терской области въ 1873 году	1874	14
Замѣтка о фабрично-заводской промышленности въ Терской области	1875	19
По поводу обезпеченія Кизляра и его окрестностей отъ затопленія	1875	7
Объ укрѣпленіи летучихъ песковъ въ затеречной сторонѣ	1875	11
Статистика и народное хозяйство	1876	15
Состояніе частнаго хозяйства и промышленности въ Терскомъ казачьемъ населеніи .	1877	28
Состояніе частнаго хозяйства въ Терскомъ казачьемъ войскѣ . . . . , . .	1878	13
Объ ирригаціи Терской области . . .	1879	8
Наши городскіе банки . . .	1879	18
Земельное хозяйство въ ст. Наурской . .	1887	13
Хлѣбная производительность Терской области	1881	4
Кустарные промыслы на Сѣверномъ Кавказѣ .	1882	41
Лѣсное хозяйство въ окрестностяхъ г. Грознаго .	1884	6
Экономическое положеніе г. Грознаго . .	1884	10
Ссудо-сберегательное товарищество въ ст. Слѣпцовской	1884	—
Составленіе посемейныхъ списковъ въ Чечнѣ .	1886	7
О взаимномъ страхованіи	1889	13
Грозненскіе нефтяные промыслы . . .	1889	16
Нефтяныя богатства Терской области . . .	1890	15
Серебро-свинцовыя богатства Терской области .	1890	11

5. Сельское хозяйство.

А. Полеводство и луговодство.

Объ успѣхахъ земледѣлія въ Терской области	1892	4
По поводу сельскохозяйственнаго общества въ Терской области . . .	1892	15
Къ вопросу о борьбѣ съ засухой .	1892	10
Общіе вопросы сельскаго хозяйства въ степной полосѣ Терской области въ связи съ предупрежденіемъ неурожаевъ	1892	10
О хозяйствѣ на песчаныхъ почвахъ . .	1892	13
Саранча и аппаратъ Фостикова	1892	6

Б. Садоводство, виноградарство и винодѣліе.

Лѣченіе виноградной болѣзни	1870	26
Болѣзни винограда	1876	6
О винодѣліи	1878	61
О садоводствѣ въ Владикавказѣ . .	1878	6
Нѣсколько словъ о нашемъ садоводствѣ . .	1879	10
Что дѣлать съ нашими виноградниками? . .	1884	10
Замѣтка къ исторіи винодѣлія и виноградарства въ Кизлярѣ	1885	38
Фруктовое садоводство въ окрестностяхъ Владикавказа	1886	5
Болѣзнь грушевыхъ деревьевъ въ Терской области	1887	16
Истребленіе филоксеры	1888	12
О болѣзни виноградныхъ лозъ по Тереку . .	1888	4
Три новыхъ лѣкарства отъ виноградной болѣзни «мильдью»	1888	4
Нѣсколько словъ о болѣзни «мильдью» въ Кахетіи и о ея лѣченіи въ садахъ удѣльнаго вѣдомства	1889	8
Вредныя насѣкомыя и болѣзни виноградниковъ въ Терской области	1889	7
Нѣсколько словъ объ условіяхъ сбыта продуктовъ виноградарства въ Терской области .	1889	8
Мѣры къ улучшенію винодѣлія въ низовыхъ станицахъ Кизлярскаго отдѣла . .	1890	6
Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности партіи по улучшенію винодѣлія въ Терской области въ 1890 году	1891	—
О садоводствѣ въ Терской области . . .	1892	36

6. Медицина и народное здравіе.

Къ вопросу о врачебной этикѣ	1891	8
Холера, ея распознаваніе и предупрежденіе . .	1892	8
Нѣсколько словъ о новѣйшей бактеріологіи вообще и въ частности о холерныхъ коммабациллахъ	1882	16
Къ лѣченію холеры	1892	5
Наставленія о мѣрахъ личнаго предохраненія отъ холеры . . : . . .	1892	14
Предохранительная прививка азіатской холеры .	1892	4
Къ вопросу о врачебной помощи въ станицахъ .	1892	7
Научно-практическія замѣтки о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ и способахъ ея распознаванія	1892	99
Михайловскія минеральныя воды . . .	1892	19

ВЪ ПРОДАЖѢ ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ТЕРСКАГО ОБЛАСТНОГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА:

	Цѣна.	
Сборникъ свѣдѣній о Терской области, изд. 1878 г. . . .	2 р.	
Терскій Сборникъ, вып. 1, 1891 г.	1 р.	
Терскій Сборникъ, вып. 2, 1892 г.	1 р.	
Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области:		
т. I-й, вып. 1-й. Сунженскій отдѣлъ	1 р.	
» вып. 2-й. Кизлярскій отдѣлъ	—	60 к.
» вып. 3-й. Пятигорскій отдѣлъ	—	90 к.
т. II-й, вып. 4-й. Владикавказскій округъ	1 р.	20 к.
» вып. 5-й. Нальчикскій округъ	—	80 к.
» вып. 6-й. Хасавъ-Юртовскій округъ . . .	—	65 к.
» вып. 7-й. Грозненскій округъ	1 р.	35 к.
Планъ г. Владикавказа, изд. 1892 г.	—	45 к.

Выписывающіе изъ канцеляріи статистическаго комитета безъ наложенія платежа за пересылку не платятъ.